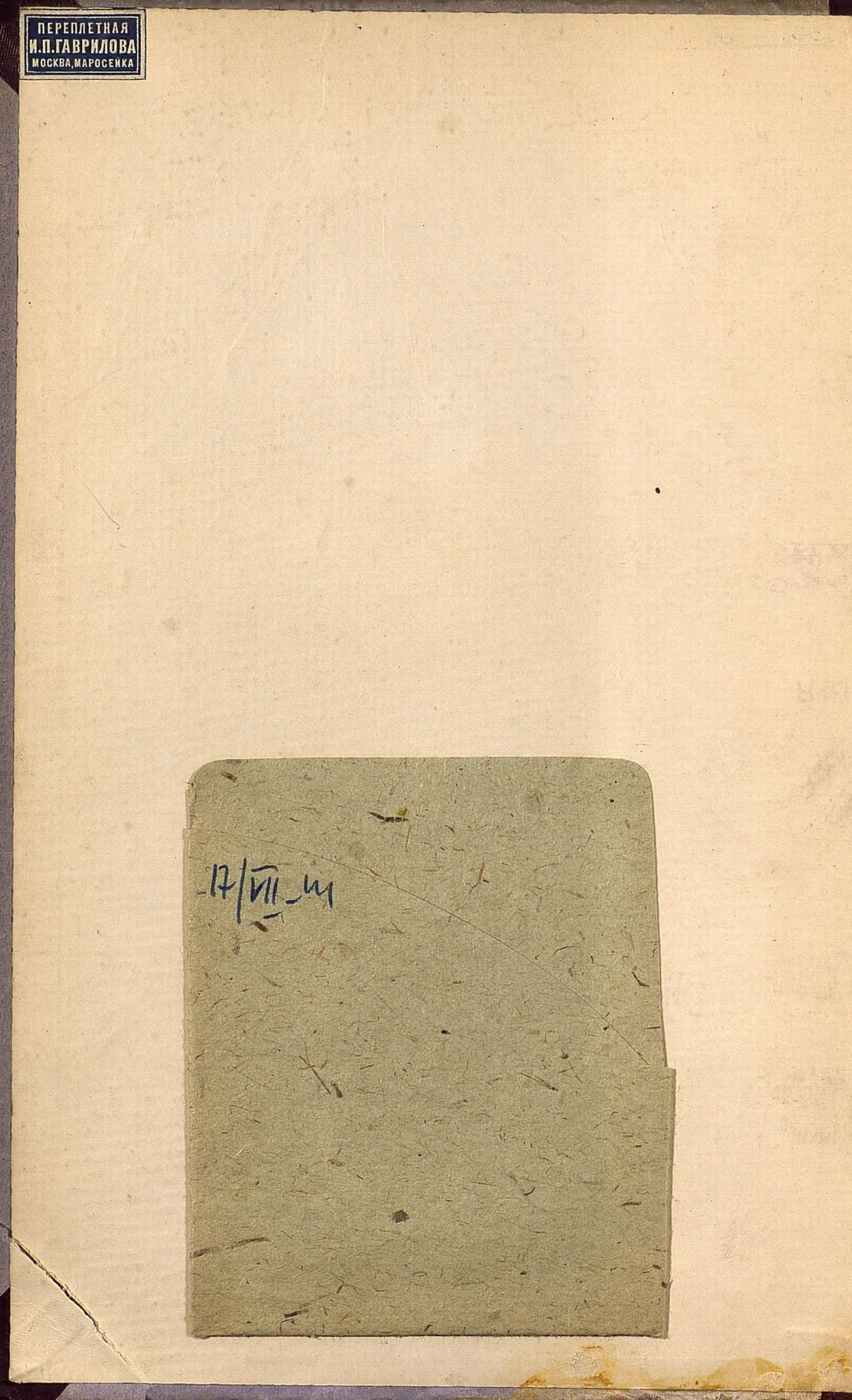
ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ ПСКОВА

А. НИКИТСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
И.П.ГАВРИЛОВА
МОСКВА, МАРОСЕЙКА
17/VII-41

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ ПСКОВА

А. НИКИТСКАГО.

«....nonum prematur in annum».
Hor. ad P., 388.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія К. Замысловскаго, Большая Мѣщанская, д. № 33.
1873.

Печатано на ссуду изъ капитала, пожертвованнаго А. Н. Стобеусомъ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая вниманію публики опытъ по внутренней исторіи одной изъ древнерусскихъ земель,[1]) считаемъ необходимымъ заранѣе устранить тѣ несправедливыя ожиданія, которыя легко могутъ быть возбуждены въ читателяхъ даннымъ нашему труду заглавіемъ. Никто, конечно, не станетъ требовать, чтобы предлагаемый опытъ исчерпывалъ все содержаніе, какое связывается въ нашихъ понятіяхъ съ именемъ Господина Пскова: подобная задача была бы естественна только развѣ для полной исторіи внутренней жизни Пскова, но для очерка отнюдь не составляетъ рѣшительной необходимости. Но еще менѣе можно ожидать отъ нашего очерка простаго поверхностнаго обозрѣнія предмета во всѣхъ его сторонахъ и проявленіяхъ: историческій очеркъ отличается отъ полной исторіи совсѣмъ не тѣмъ, что, при представленіи извѣстнаго отрывка исторической жизни, ставитъ своею непремѣнною задачею бѣглое обозрѣніе всѣхъ замѣчаемыхъ на пути явленій, не удостоивая ни одного изъ нихъ сколько нибудь о стоятельнаго изслѣдованія. Напротивъ, льготы, допускаемыя историческимъ очеркомъ, заключаются не болѣе ни менѣе, какъ въ ограниченіи изложенія тѣми только элементами, которые служили не простою обстановкой, но основаніемъ историческаго развитія, ко-

---

[1]) Отдѣльными статьями трудъ этотъ былъ уже вполнѣ напечатанъ частію (введеніе, заключающее взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси) въ Вѣстникѣ Европы за 1870 г., частію же (весь корпусъ сочиненія) въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1871, 1872 и 1873 года; въ настоящее же время издается въ надлежащей послѣдовательности и притомъ съ нѣкоторыми дополненіями и видоизмѣненіями, касающимися, впрочемъ, не главной мысли сочиненія, а только второстепенныхъ частностей.

торые на самомъ дѣлѣ жили и дѣйствовали, испытывали вліяніе предыдущихъ и въ свою очередь оказывали его на послѣдующія событія; а при такомъ характерѣ, очеркъ естественно никакъ не можетъ устранять и самыхъ обстоятельныхъ подробностей, если только послѣднія по существу дѣла рѣшительно необходимы. Такимъ образомъ, при составленіи очерка все дѣло сводится на опредѣленіе тѣхъ элементовъ, которые служили въ извѣстной землѣ основаніемъ для историческаго движенія; но при этомъ ни какъ не слѣдуетъ опускать изъ виду, что это опредѣленіе отнюдь не можетъ быть абстрактнымъ: нельзя заранѣе сказать, какія стороны жизни займутъ это выдающееся мѣсто, а нужно ожидать, какой отвѣтъ на это дастъ основательное ознакомленіе съ предметомъ, ибо отвѣтъ въ каждомъ частномъ случаѣ можетъ быть совершенно различный. Для непредубѣжденнаго наблюдателя было-бы совершенно излишне доказывать, что въ исторіи внутренней жизни Пскова это выдающееся положеніе занимаютъ съ одной стороны общественное устройство Пскова, а съ другой — церковный бытъ послѣдняго. Понятно поэтому, что и нашъ очеркъ внутренней исторіи Пскова будетъ вращаться по преимуществу около этихъ двухъ главныхъ элементовъ, касаясь остальныхъ лишь на столько, на сколько они приходили съ первыми въ столкновеніе, но не отводя имъ нимало въ сочиненіи особеннаго мѣста. Такимъ образомъ въ нашемъ трудѣ останутся въ сторонѣ всѣ подробности соціальнаго быта Пскова, вся область частнаго права, которыхъ совершенно естественно требовать отъ полной исторіи внутренней жизни Пскова, но нельзя ставить непремѣнной задачей для очерка. Даже тѣ стороны соціальной жизни Пскова, которыя, подобно торговлѣ, не оставались безъ значительнаго вліянія на ходъ Псковской исторіи вообще, также будутъ пройдены нами молчаніемъ, но только на совершенно иныхъ основаніяхъ. Свѣдѣнія наши о внутреннемъ строѣ Псковской торговли вообще крайне скудны, а потому сколько нибудь основательное знакомство съ нею можетъ быть дано не иначе, какъ совокупно съ Новгородской, а слѣдовательно, не въ Псковской, а въ Новгородской исторіи. Конечно, мы нимало не

отказываемся отъ надежды занести въ ближайшемъ будущемъ на страницы нашего труда и эти оставленныя нами въ сторонѣ вѣтви Псковской жизни и такимъ образомъ дать полную исторію Господина Пскова, его учрежденій и нравовъ, какой справедливо можетъ желать каждый любитель древности. Но въ настоящую минуту затрудненія, еще не совсѣмъ устраненныя съ пути ко всестороннему изложенію исторіи Пскова, побуждаютъ насъ ограничиться однимъ представленіемъ главныхъ основаній исторіи послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ставятъ намъ въ непремѣнную обязанность возможно обстоятельное изслѣдованіе этихъ основныхъ сторонъ Псковской жизни. Не знаемъ, на сколько удалось исполнить намъ выпавшую на нашу долю обязанность; однако все же можемъ сознаться, что въ теченіе всего изложенія мы по мѣрѣ силъ всегда старались удовлетворять главнымъ требованіямъ исторической критики, принимая съ одной стороны фактъ за безусловную точку отправленія всякаго историческаго изслѣдованія, съ другой же ища конечной цѣли изслѣдованія не въ одной только правильной постановкѣ фактовъ, но равнымъ образомъ и въ объясненіи фактическихъ данныхъ теоріей.

А. Никитскій.

С.-Петербургъ, 5 апрѣля 1873 г.

[illegible]

А. [illegible]

С.-Петербургъ, [illegible]

СОДЕРЖАНІЕ.

Замѣченныя опечатки.

стр.		Напечатано:	Должно читать:
6	снизу	domos suos	domos suas
8	»	plusquam guingentae	plus quam quingentae
16	»	deutschen	des deutschen
39	»	apportunam	opportunam
234	сверху	получать	получить
240	»	княженія	княженіе
»	»	князью	князю
247	»	Вишгородъ	Вышгородъ
248	снизу	изданіе	изданіе свода
252	»	исключательно	исключительно
254	»	пассивмую	пассивную
256	»	держате	держати
260	»	по свой	по своей
262	»	высказалъ	выказалъ
265	сверху	отклекали	отвлекали
268	»	неважныхъ	не неважныхъ
»	»	съ самихъ	съ самимъ
272	снизу	ае свою	на свою
»	»	отправляяся	оправляяся
279	сверху	отчинною	отчиною
283	снизу	не былъ,	не былъ
293	»	потребовалъ	потребовать
302	сверху	рѣзными	рѣзаными
303	снизу	ператасовкой	перетасовкой

ВВЕДЕНІЕ.

Давно уже стала извѣстна, а въ послѣднее время и значительно распространилась въ общемъ сознаніи истина, гласящая, что сумма событій опредѣляется суммою знаній. И дѣйствительно, съ одной стороны въ области знанія всѣ дѣятельности человѣческаго духа: искусство, нравственность, религія, опредѣляютъ свои границы, съ другой же, знаніе подчиняетъ этимъ дѣятельностямъ дѣйствительную жизнь. Но, хотя эта истина сама по себѣ и не возбуждаетъ большихъ сомнѣній, такъ что, въ виду тѣхъ общихъ соображеній, какія имѣются въ наукѣ по этому предмету, было-бы совершенно излишне подвергать ее новому разсмотрѣнію [1]), тѣмъ не менѣе примѣненіе этой истины къ исторической наукѣ, показаніе тѣхъ путей, которые связывали знаніе съ дѣйствительнымъ теченіемъ исторической жизни въ каждый значительный періодъ ея развитія, почти что не начиналось; особенно сильный недостатокъ ощущается въ вопросѣ объ отношеніи знанія или міросозерцанія къ строю народной жизни. Для нашей спеціальной цѣли будетъ совершенно достаточно, если мы постараемся восполнить этотъ недостатокъ по одному частному вопросу, постараемся показать связь, существовавшую между знаніемъ или міросозерцаніемъ и ходомъ событій или народнымъ бытомъ въ древнѣйшій періодъ цивилизаціи человѣчества.

Во взглядѣ на окружающій міръ, историческіе народы въ

---

[1]) J. S. Mill, System der Logik, Braunschweig 1863, II, 558—564; H. Lotze, Mikrokosmus, III, 186; ср. Buckle, History of Civilization in England, London 1858, I, 153—200.

древнѣйшій періодъ своего развитія находились на той-же самой ступени, на которой до сихъ поръ остаются народы неисторическіе, чуждые культурѣ, и на которой дѣти будутъ оставаться, вѣроятно, всегда. Этотъ взглядъ на окружающее, это первоначальное міросозерцаніе въ наукѣ удачнѣе всего характеризуется названіемъ *миѳическаго*. Сущность этого міросозерцанія можно выразить тѣмъ, что, при взглядѣ на окружающій міръ, оно стремилось не къ познанію безусловнаго факта, не природы вещей, независимой отъ душевной жизни, не причинной связи между явленіями: для подобной умственной дѣятельности у первоначальнаго человѣка совсѣмъ не было никакихъ средствъ, такъ какъ логическія понятія, необходимыя для этого, еще не успѣли развиться. Древнѣйшему періоду народной жизни были совершенно чужды понятія объ элементахъ, силахъ, процессахъ: первоначальный человѣкъ не возвышался еще до признанія въ окружающихъ его явленіяхъ, въ водѣ, огнѣ, воздухѣ, самостоятельныхъ стихій; и, хотя онъ уже и умѣлъ воспламенять огонь, тѣмъ не менѣе горѣніе, какъ самостоятельный процессъ, было для него совершенно непонятно; онъ еще ни какъ не могъ постичь, куда дѣвалось дерево, куда исчезало пламя. Потому, зная непосредственно одно лишь собственное живое существо со свойственными послѣднему побужденіями и дѣйствіями, первоначальный человѣкъ естественно всѣ представленія свои о совершавшихся вокругъ явленіяхъ составлялъ единственно по аналогіи съ своей собственной природой, по сходству съ тѣмъ, что происходило въ немъ самомъ и въ окружавшей его ближайшей сферѣ, и потому всюду видѣлъ существа, внутренно сходныя съ человѣкомъ и дѣйствующія по его примѣру, внѣшне же, по виду, подобныя людямъ или животнымъ, или же человѣческимъ орудіямъ.

Подъ вліяніемъ этой естественной склонности человѣческой души ставить задачей своего знанія обрѣтеніе жизни, подобной своей, даже въ образованіяхъ и событіяхъ природы, предметы послѣдней получаютъ одушевленный видъ, являются дѣйствующими и чувствующими: облака въ грозѣ пробиваются другъ чрезъ друга, борются на верху на жизнь и на смерть; луна восходитъ по за-

катѣ солнца и страстно смотритъ во слѣдъ удаляющагося свѣтила. Но оживленіе явленій природы составляетъ только первую ступень въ развитіи миѳологическаго міросозерцанія; въ дальнѣйшемъ умственномъ движеніи, представляющемъ вторую ступень въ жизни миѳа и называющемся миѳической апперцепціею, предметы природы получаютъ уже опредѣленный образъ: солнце становится мужчиной, луна (Селена)—дѣвушкой, утренняя заря превращается въ розовую дѣву. Наконецъ, на третьей ступени развитія отдѣльные миѳы опредѣляются, мотивируются, изъ нихъ создаются поэтическія цѣлыя, подобно тому, какъ въ душѣ поэта изъ отдѣльныхъ фактовъ возникаютъ органическія картины; эта третья ступень можетъ быть названа поэтическимъ дополненіемъ. Миѳологическій процессъ однако не ограничивается одною только областью внѣшней природы, но распространяется и на внутреннюю жизнь человѣка, его духовные интересы; тѣмъ не менѣе въ этой области дѣятельность его проявляется гораздо слабѣе. Здѣсь первую ступень, соотвѣтствующую оживленію природы, представляетъ такъ называемое гипостазированіе, олицетвореніе идеи, т. е. обращеніе какой-либо мысли въ одушевленное существо: такъ у Римлянъ понятіе доблести, чести (Virtus, Honos и т. п.) являются одушевленными, живыми понятіями; такъ на Руси Обида представляется дѣвою, плещущей своими лебедиными крыльями и купающеюся въ синемъ морѣ. Другія же ступени въ развитіи историческихъ миѳовъ носятъ тотъ же характеръ, что и въ области миѳовъ естественныхъ [1]).

Миѳологическое міросозерцаніе оказывало, особенно тою стороной своей, которая относится къ внутренней жизни человѣка, не малое вліяніе на характеръ и устройство народной жизни. Оно представляло удобную почву, на которой легко могли возникать и развиваться юридическія фикціи. Во всякомъ развивающемся обществѣ соціальныя потребности всегда нѣсколько опережаютъ движеніе законодательства: какъ бы послѣднее ни стремилось при-

[1]) Lazarus und Steinthal, Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, III, 266—299; Steinthal, Mythos und Religion, въ Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, V Serie, Heft 97, S. 7—19.

близиться къ первымъ, между ними всегда остается пропасть, имѣющая постоянную тенденцію къ возростанію, сообразно съ теченіемъ жизни. Развитіе общества, очевидно, много зависитъ отъ быстроты, съ которою пропасть эта закрывается, съ которою законодательство приводится въ равновѣсіе съ соціальнымъ положеніемъ. Между средствами для этой цѣли немаловажную роль играютъ юридическія фикціи; съ помощію ихъ господствующія въ народѣ представленія (законъ) приводятся на согласіе съ развивающимся состояніемъ общества (фактомъ) и устраняются съ пути къ цивилизаціи многія существенныя затрудненія. Въ римскомъ законодательствѣ фикція носитъ суде ный характеръ и обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго, т. е. показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ; такъ напримѣръ, истецъ утверждалъ, что онъ принадлежитъ къ числу римскихъ гражданъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ не что иное, какъ иноземецъ: при помощи этой фикціи истцу оказываемъ былъ судъ, ибо, какъ иноземецъ, онъ не пользовался у римлянъ, равно какъ и его имущество, никакими правами относительно гражданъ. Съ такимъ же судебнымъ характеромъ фикція является и въ англійскомъ законодательствѣ; сюда нужно отнести ложное показаніе истца, что онъ состоитъ королевскимъ должникомъ, которому отвѣтчикъ, вслѣдствіе своей неисправности, препятствуетъ-де заплатить королевскій долгъ; а также и показаніе отвѣтчика, что, вслѣдствіе вымышленнаго обвиненія въ какомъ-либо преступленіи (actio ex delicto), онъ находится въ заключеніи при судѣ королевской скамьи, кинсбенча. При посредствѣ этихъ фикцій дѣло прямо поступало въ королевскій судъ, въ первомъ случаѣ — въ Exchequer, во второмъ же — въ кинсбенчъ, и заинтерованнымъ сторонамъ представлялась такимъ образомъ возможность обойти всѣ инстанціи и прямо искать суда въ той палатѣ, къ которой бы имъ во всякомъ случаѣ пришлось обратиться въ концѣ концовъ. Къ числу фикцій можно отнести также римскіе responsa prudentium, равно какъ и англійское казуистическое законодательство [1]).

---

[1]) Maine, Ancient Law, London 1866, 21—43; Mommsen, Römische Ges-

Но юридическая фикція никогда не могла получить такого широкаго развитія, никогда не оказывала такого благодѣтельнаго вліянія на распространеніе цивилизаціи, какъ въ періодъ юности человѣчества. Легко представить себѣ ея значеніе въ этотъ періодъ, если только вспомнить, что первоначальному о ществу было чуждо всякое представленіе о какой-либо иной связи между людьми, кромѣ родственной; что древнѣйшей цивилизаціи была совершенно непонятна мысль о возможности имѣть общія дѣла единственно на основаніи простого мѣстнаго сожительства, мысль, такъ легко доступная для человѣка новѣйшаго времени. Короче, безъ помощи фикцій, для древняго общества не представлялось никакого другого исхода, кромѣ распаденія на абсолютно противоположныя группы поработителей и порабощенныхъ. По этому-то и юридическая фикція имѣетъ въ этотъ періодъ особенный отпечатокъ. Между тѣмъ какъ въ приведенныхъ примѣрахъ изъ римскаго и англійскаго законодательствъ фикція обнимаетъ только незначительные отрывки жизни; въ то время въ древнѣйшій періодъ она распространялась на всю жизнь и сообщала послѣдней совершенно новое основаніе. Такою всеобщею фикціею въ древнѣйшій періодъ было распространеніе узъ родства на лицъ, не принадлежавшихъ къ семьѣ, принятіе ихъ въ число членовъ послѣдней. При помощи фикціи родства, рядомъ съ естественной семьей возникали въ жизни новыя единицы, гораздо обширнѣйшія, но тѣмъ не менѣе не перестававшія считать себя семьями, не перестававшія производить себя отъ одного и того же вымышленнаго родоначальника, патріарха. И подобно тому какъ, по замѣчанію Эльфинстона, родоначальниковъ, отъ которыхъ считали себя происшедшими цѣлыя афганскія племена и въ особенности ихъ ханы, нельзя считать за дѣйствительныя лица [1]); такъ точно и на Руси нужно признать вымышленными родоначальниками Кія, Щека и Хорива, Радима и Вятко и, вѣроятно, множество другихъ, имена которыхъ до

---

chichte, 1868, I, 157—158; Rüttimann, Englischer Civilprozess, Leipzig 1851, 51—53.

[1]) Elphinstone, Account of the kingdom of Caubul, London, 1842, I, 210—214.

насъ не дошли [1]). Но эти вымыслы были не праздными или корыстными выдумками какого-либо класса людей, а напротивъ явленіями, естественно возникающими изъ самаго характера древней жизни. Въ вымышленныхъ родоначальникахъ миѳически олицетворялась идея новой общественной единицы, на нихъ основывалось новое общежитіе, фиктивная семья. Фиктивная же семья есть ни что иное, какъ родъ, а юридическій строй жизни, соотвѣтствующій миѳологіи въ міросозерцаніи, возникающій при господствѣ и падающій съ паденіемъ послѣдней, можетъ быть охарактеризованъ названіемъ *патріархальнаго или родового быта.*

Нѣтъ надобности утверждать, что родъ рѣшительно всегда имѣлъ одно только фиктивное значеніе; напротивъ, весьма возможно, что временами онъ могъ быть и явленіемъ естественнымъ. Но, еслибы существованіе рода, какъ учрежденія кровнаго, и было несомнѣннымъ; тѣмъ не менѣе рѣдкость, съ какою этотъ признакъ проявляется въ дѣйствительной исторіи, положительно свидѣтельствуетъ объ его второстепенномъ значеніи въ строѣ рода. Ибо сравнительная исторія, блестящую будущность которой можно смѣло предсказывать, не будучи пророкомъ, показываетъ, что въ предѣлахъ индо-европейской отрасли народовъ, родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ кромѣ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, и постороннихъ членовъ; что даже тѣ примѣры, которыми обыкновенно доказывается существованіе естественнаго рода, какъ напр. кельтійскій кланъ или кланъ горной Шотландіи, въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ оказываются несовсѣмъ чуждыми посторонней примѣси, которая характеризуетъ другія подобныя явленія [2]). Такъ индійскіе общественные союзы основываются не на одной только одинаковости происхожденія, но и на допущеніи въ свою среду людей, совершенно постороннихъ [3]). Относительно гре-

[1]) Dlugossii, Hist. Pol., ed. 1711, Lib. I, 48: «Erant apud illos tres viri eodem patre et utero geniti Kig, Sczyg, Korew et quarta soror; liberi tam ingenio quam virtutibus praestantes, ut qui facile, Principatum in gente consecuti, caeteros redegerunt in suas ditiones, a quibus caeterae nationes secundum tribus et domos suos derivatae sunt».

[2]) Maine, Ancient Law, 129.

[3]) Elphinstone's History of India, II, 71—72.

ческихъ родовъ уже Аристотель и Дикеархъ отрицали существованіе строгой родственной связи: новѣйшіе историки Греціи также не задумываются считать греческіе роды отчасти искуственными [1]). Въ римской жизни какъ семья постоянно наполнялась посторонними лицами (adoptio), такъ точно и другія высшія единицы [2]). Въ древней Германіи второй, фиктивный элементъ рода характеризовался названіями: sui, vicini или gegyldan [3]). Однако русская наука какъ бы не замѣчала этихъ аналогій и, имѣя постоянно въ виду мысль объ одномъ только естественномъ родѣ, никакъ не могла выпутаться изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя ей приходилось впадать при объясненіи дѣйствительныхъ фактовъ. Какъ бы разнообразны ни были мнѣнія, которыя возникали въ средѣ науки относительно древнѣйшаго быта на Руси, какъ бы значительно ни удалялись они одно отъ другаго, къ какимъ бы страннымъ слѣдствіямъ не приводили эти мнѣнія: для всѣхъ партій представленіе о родѣ, какъ естественномъ, кровномъ явленіи, было несомнѣннымъ; всѣ партіи сходились въ томъ, что подъ семьей нужно разумѣть отца семьи съ его нисходящими, тогда какъ подъ родомъ — и боковыхъ родственниковъ съ ихъ нисходящими, и такимъ образомъ второстепенный, случайный признакъ возводили на степень характеристическаго, существеннаго. А между тѣмъ исторія славянъ представляетъ такія несомнѣнныя доказательства существованія фиктивныхъ семей еще въ XV столѣтіи, какія въ соотвѣтственной ясности и полнотѣ врядъ-ли найдутся въ исторіи другихъ европейскихъ народовъ. Полицкій статутъ, состоявшійся въ 1400 году въ Далматской общинѣ Полицѣ, въ своихъ постановленіяхъ касательно устройства Полицкой верви наглядно раскрываетъ предъ нами какъ характеръ, такъ и всѣ элементы фиктивной семьи у славянъ. Полицкая вервь представляетъ по статуту, относящему ее къ исконнымъ учрежденіямъ, явные слѣды своего чисто родоваго происхожденія, такъ какъ члены верви называются прямо братьями; отсюда понятно, что у

---

[1]) Grote, History of Greece, II, 265—266.

[2]) Maine, Ancient Law, 130.

[3]) H. v. Sybel, Entstehung des deutschen Königthums, 1844, 23—32.

другихъ славянъ (сербовъ) слово връвникъ получило значеніе родственника [1]) Но этотъ родовой союзъ имѣлъ не естественное, кровное значеніе, а фиктивное; братство основывалось на фикціи, такъ какъ между братьями различались братья ближніе или присные, дальніе или не премприсные и вервные, въ составъ братства слѣдовательно входили не только семья и дальніе родственники, но и братья вервные или сосѣди (сусиди) [2]). Точно также и въ древней Руси родовой союзъ, о которомъ неоднократно свидѣтельствуютъ первыя страницы лѣтописи, имѣлъ не кровное, а фиктивное значеніе: въ этомъ всего лучше убѣждаетъ насъ существованіе вымышленныхъ родоначальниковъ, подобныхъ Кію, Радиму и Вятку, отъ которыхъ вели свое происхожденіе древнерусскіе роды и племена [3]).

Но сказать что родъ былъ явленіемъ фиктивнымъ, значитъ сдѣлать только половину дѣла. Ибо въ родовомъ бытѣ не только всѣ отношенія регулируются родовымъ началомъ, но послѣднее, если выражаться строго, даже совсѣмъ исключаетъ начало территоріальное, мѣстное и сообщаетъ ему второстепенное значеніе: въ то время всѣ общественныя дѣла опредѣляются не принадлежностью членовъ общества къ извѣстной мѣстности, къ извѣстному округу, а единственно принадлежностью къ извѣстному роду. Второстепенное значеніе территоріальнаго или мѣстнаго принципа осо-

---

[1]) Миллеръ, Оп. Истор. Обзор. Рус. Слов., Спб. 1866, стр. 131—137.

[2]) Леонтовичъ, въ Ж. М. Н. Пр. за апр. 1867, стр. 6—9. Къ сожалѣнію, ссылаясь на эту статью, мы принуждены сознаться, что выводы, дѣлаемые въ ней авторомъ, совершенно не соотвѣтствуютъ фактамъ и что она вообще страдаетъ отсутствіемъ строгаго развитія понятій. Идея семейной общины которой ищетъ г. Леонтовичъ въ Полицкой верви, довольно распространенное, конечно, въ настоящее время понятіе; но ближайшее знакомство съ послѣднимъ показываетъ, что семейная община есть или не что иное, какъ родъ, или же относится къ разряду немыслимыхъ понятій. Acta Sanctorum, m. Iulii tom. I, Ebbo 51; ibid. 52: «Statimque omnis familia ejus (Domozlai въ Щетинѣ) cum gaudio novae regenerationis lavacro perfusa est,; scilicet animae plusquam guingentae. Sed et propinqui ejus et amici cum domesticis suis, exemplo ejus provocati, fidem receperunt».

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., 20, 862 г: «Они же рѣша: была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокось, и изгибоша, а мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ Козаромъ». Ипат. сп.: «а мы сѣдимъ роды ихъ и платимы дань Козаромъ».

бенно ярко высказывается съ одной стороны въ преобладаніи патронимическихъ именъ, какъ напр. Кривичи, Дреговичи, Вятичи, Радимичи, Увѣтичи, Хвалимичи, въ названіяхъ племенъ и поселеній и въ отсутствіи именъ топическихъ, мѣстныхъ; съ другой же — въ кочеваніи населенія, положившемъ основаніе тому явленію среднихъ вѣковъ, которое извѣстно каждому подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Въ этотъ періодъ цивилизаціи отдѣльные народцы, хотя и знаютъ уже мѣсто жительства и родину, но не прикованы къ ней и легко оставляютъ ее, особенно при скоромъ истощеніи воздѣлываемыхъ полей, что обусловливалось низкимъ состояніемъ земледѣлія. Смотря по требованію общественнаго интереса или же по внутреннему побужденію отдѣльныхъ лицъ, цѣлые народцы или ихъ части приходили въ движеніе, отличающееся отъ позднѣйшаго, извѣстнаго на Руси броженія тѣмъ, что совершалось не столько отдѣльными лицами, сколько цѣлыми массами, племенами и родами [1]). Кочеваніемъ населенія объясняется странное на первый взглядъ появленіе однихъ и тѣхъ же племенныхъ именъ въ разныхъ краяхъ славянской земли; такъ имя Дулебовъ (Dudlebi) встрѣчается на Руси, въ Богеміи и Хорутаніи; имя Хорватовъ — на Вислѣ, на чешской Эльбѣ, на штирской Мурѣ, на верхней Савѣ; имя Славянъ — около Ильменя, при Ѳессалоникѣ и въ Крайнѣ; Полянъ — на Днѣпрѣ и на Вислѣ [2]) Но при каждой остановкѣ и продолжительномъ занятіи извѣстной мѣстности родовые союзы разселялись первоначально сообразно съ ихъ естественною связью, т. е. нѣкоторыми цѣлыми; по крайней мѣрѣ на это намекаетъ первоначальное названіе родоваго мѣстожительства *весью* (перв. vaikas, др. — инд. vêças, греч. oikos, лат. vicus, гот. veihs) или домомъ, ибо родъ былъ не что иное, какъ расширенная семья, а потому естественно, что и жилище рода слыло домомъ, ближайшая характеристика котораго однако должна быть отложена по-

[1]) Proc., de B. G., III, 14. П. С. Р. Л., I, 4: «Идущю же ему опять, приде къ Дунаев и, въизлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущіи; еще и до нынѣ наричютъ Дунайци городище Кіевецъ».

[2]) Jirecek, das Recht in Böhmen und Mähren, 1866, I, 13.

куда до будущаго времени [1]). Первоначальный характеръ родовыхъ мѣстожительствъ объясняетъ намъ, какимъ образомъ слово весь перешло въ позднѣйшій періодъ въ наименованіе деревни или селенія вообще; однако не слѣдуетъ опускать изъ виду, что въ развитіи родоваго сожительства замѣчаются и неблагопріятныя для подобнаго перехода явленія. Родовые союзы не всегда слѣдовали первоначальному типу поселеній: въ позднѣйшее время рядомъ съ родовыми поселеніями, носившими форму деревень, является одинаково и разсѣянное жительство членовъ родовыхъ союзовъ по отдѣльнымъ дворамъ, какъ это особенно замѣчается въ Германіи. Да и у Славянъ, по свидѣтельству источниковъ, поселенія находились на значительномъ разстояніи одно отъ другаго; однако крайне трудно сказать, какъ слѣдуетъ понимать эту разсѣянность жилищъ: занимала-ли каждая отдѣльная семья особенное мѣсто, или же отдаленность мѣстопребыванія распространялась на цѣлые роды, какъ это мы видимъ въ древнѣйшей Руси, гдѣ поселенія являются братствами, связанными и родственно и пространственно и въ этой формѣ образуютъ полную противоположность съ позднѣйшимъ типомъ русскихъ селеній, характеризовавшимся крайнею обособленностью жилищъ [2]).

Замѣчанія, высказанныя выше о характерѣ фиктивной семьи или рода, даютъ право сдѣлать нѣкоторыя общія соображенія о томъ новомъ основаніи, которое вводилось въ жизнь фикціею родства. Намъ уже извѣстно, что родъ образуется не чрезъ умноженіе числа людей, не чрезъ естественное размноженіе семьи, пріобрѣтающей все новыхъ и новыхъ членовъ и расширяющей затѣмъ, сообразно съ новыми потребностями, свой бытъ; напротивъ, родъ создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннія лица. Цѣль подобной фикціи заключается не въ томъ, чтобы новому обществу дать благозвучное имя, торжественное богослуженіе и неопредѣленное чувство общности; а въ томъ, чтобы съ помощію ея получить руководную

---

[1]) Schleicher, Compendium der vergleichenden Grammatik, 1866, s. 292.

[2]) П. С. Р. Л., I, 4: «Поляномъ же живущемъ особѣ... и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ».

нить для организаціи всѣхъ новыхъ общественныхъ отношеній. Иначе: если въ родѣ вся жизненная дѣятельность и облекается въ формы семьи, тѣмъ не менѣе такое общество столь же трудно счесть за естественный продуктъ, въ противоположности съ юридической или политической общиной, какъ трудно видѣть естественное явленіе въ мѣстной общинѣ. Семья превращается въ родъ единственно лишь тѣмъ, что она уже перестаетъ довольствоваться физическими и нравственными отношеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ сознаніе о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому получаемая чрезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, родъ, есть не что иное, какъ государство; новое начало, сообщаемое жизни фикціею родства, есть начало государственное: при разсмотрѣніи родоваго быта историкъ присутствуетъ при зарожденіи государства. Родовое или патріархальное государство такимъ образомъ основывается не на территоріальномъ или мѣстномъ принципѣ, а на кровномъ, причемъ территоріальный занимаетъ только второстепенное мѣсто; съ другой же стороны придаетъ кровному принципу не столько дѣйствительное, сколько фиктивное, миѳическое значеніе. Если второй признакъ устраняетъ всякое смѣшеніе естественнаго, кровнаго рода съ родовымъ государствомъ и полагаетъ между ними рѣзкую границу; то первый дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе фиктивной семьи съ позднѣйшею общиной, представленія о которой въ русской наукѣ отличаются еще меньшею опредѣленностью, чѣмъ представленіе о родѣ. Если подъ общиной разумѣть только, какъ оно на самомъ дѣлѣ и слѣдуетъ, второстепенный политическій организмъ, то въ этомъ смыслѣ и роды, когда надъ ними есть высшая политическая единица, могутъ быть названы общинами. Но когда общинный бытъ противополагается родовому, тогда подъ общиной разумѣется нѣчто совершенно иное, чѣмъ второстепенный политическій организмъ: община тогда предполагается мѣстною. Въ этомъ случаѣ родъ составляетъ полную противоположность общинѣ и смѣшать ихъ нѣтъ никакой возможности, ибо родовое начало совсѣмъ исключаетъ начало мѣстное.

Основаніе роду, какъ уже раньше замѣчено, полагается сознаніемъ о юридическомъ или политическомъ принципѣ и сообщеніемъ этому принципу объективнаго значенія, т. е. замѣною правилъ родственной любви политическими учрежденіями. Разница между родовымъ государствомъ и государствомъ высшей формаціи въ отношеніи учрежденій заключается въ томъ, что въ первомъ политическое стремленіе, политическое зерно, не выражается въ особенныхъ органахъ, а во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми семьею. Понятно поэтому, что общественная жизнь въ родѣ выражалась главнымъ образомъ въ общемъ родовомъ совладѣніи, въ общей круговой порукѣ и въ веденіи дѣлъ съ помощію родоначальника.

Подобно тому, какъ домъ окружаетъ усадьба, такъ точно и къ родовому дому или веси прилегалъ округъ, составлявшій родовую поземельную собственность и называвшійся дѣдиною, отчиною и bastina (отъ дѣдъ, отъ, батя — синонимы родоначальника). Отдѣльной же, частной поземельной собственности первоначально не существовало; частная собственность, какъ показываетъ историческое развитіе этого понятія, распространялась только на движимые предметы. Ибо подобно тому, какъ въ Римѣ понятіе объ отдѣльной собственности получило свое начало отъ скота и рабовъ (pecunia, familia pecuniaque), такъ точно и въ средніе вѣка частная собственность обнимала первоначально только движимые предметы (имѣнье — отъ имати, брать, а брать можно только движимыя вещи), преимущественно скотъ. Слово „скотъ“ — фриз. sket, повидимому стар.-верхне-нѣм. scaz, гот. scatts (nummus, pecunia), въ сущности же: скотъ [1]) — обозначало въ древней Руси одинаково, какъ имущество, собственность — оттого слово скотница употреблялось въ смыслѣ кладовой, такъ точно и деньги, подобно тому, какъ въ Германіи съ подобнымъ же значеніемъ встрѣчается слово Vieh, у англичанъ fee. Но, хотя понятіе о частной собственности и получило свое начало отъ скота, тѣмъ не менѣе изъ этого факта не слѣдуетъ заключать объ от-

---

[1]) J. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, Göttingen. 1828, p. 565.

сутствіи земледѣлія или о преобладаніи скотоводства: онъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что поземельная собственность находилась въ общемъ владѣніи. Въ пользованіи же родовою поземельною собственностью замѣчаются, смотря по характеру народовъ, значительныя различія, которыя могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ формамъ. Сообразно съ первой, земля обработывается цѣлымъ родомъ съобща, а затѣмъ уже полученный продуктъ дѣлится между принадлежащими къ роду членами, домами: такой способъ пользованія землей господствовалъ у Римлянъ [1]). Сообразно со второй формою, земля, занимаемая цѣлымъ родомъ, при воздѣлываніи распредѣляется между отдѣльными членами рода, изъ которыхъ каждый и пользуется получаемымъ съ своего участка продуктомъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такого способа пользованія землей обыкновенно бываетъ періодическій передѣлъ участковъ. Примѣръ второй формы родового совладѣнія представляетъ древняя Германія, гдѣ, даже и въ позднѣйшее время, въ XV столѣтіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ нынѣшнемъ Ганноверѣ и Ольденбургѣ, передѣлъ участковъ былъ явленіемъ обыкновеннымъ не только въ одномъ селеніи, но даже происходила мѣна между самыми марками, гдѣ сосѣдніе крестьяне мѣнялись не только участками, но и самыми жилищами [2]). Да и по настоящее время тотъ же порядокъ продолжаетъ существовать у афгановъ въ Кабулѣ въ весьма сходной формѣ, гдѣ также цѣлые роды чередуются въ занимаемыхъ ими участкахъ [3]). Слѣдованіе той или другой главной формѣ пользованія общею землею не остается безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе понятія поземельной собственности: во второмъ случаѣ отдѣльное, частное хозяйство получаетъ начало, какъ показываетъ примѣръ Германіи, отъ раздробленія участковъ, которые съ теченіемъ времени, чрезъ нѣсколько ступеней, переходятъ въ отдѣльную собственность; тогда какъ въ первомъ случаѣ собственность съ самаго начала является замкнутою [4]).

---

[1]) Mommsen, Römische Geschichte I, 187—188.
[2]) H. v. Sybel, Kleine hist. Schriften, 1863, I, 35.
[3]) Elphinstone, Account of Kingdom of Caubul, II, 14—17.
[4]) Dahlmann, Geschichte von Dännemark, 1840, I, 133.

Къ сожалѣнію, скудость собственно русскихъ источниковъ не допускаетъ дальнѣйшаго разъясненія мысли объ общемъ родовомъ владѣніи въ древней Руси; если и извѣстно, что владѣніе было общее, по родамъ [1]), за то трудно сказать что-либо положительное на счетъ того, какую форму имѣло родовое совладѣніе, дѣлилась ли земля на отдѣльные участки или же обработывалась сообща и затѣмъ уже полученный продуктъ распредѣлялся между всѣми домовладыками. За первое предположеніе говоритъ господствующая до настоящаго времени на Руси общинная система пользованія землею, представляющая разительное сходство съ описаніемъ Германіи у Тацита, но замѣчаемая только въ новѣйшемъ періодѣ русской исторіи и выросшая, по всему вѣроятію, подъ вліяніемъ фискальныхъ соображеній правительства; за второе же мнѣніе, заслуживающее полнаго предпочтенія, — аналогія Славянской жизни. Дѣйствительно, не только въ древнѣйшее время славяне сообща обработывали свои земли и сообща пользовались ихъ продуктами [2]), но даже и по настоящее время бытъ Славянъ, населяющихъ Австрію и Турцію, представляетъ ясные примѣры какъ общаго пользованія сельскими продуктами, такъ даже и совмѣстнаго жительства въ одномъ домѣ [3]).

Общему родовому владѣнію поземельной собственностью противорѣчитъ повидимому тотъ же самый памятникъ, изъ котораго обыкновенно извлекаются доказательства въ пользу этого мнѣнія. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ К. Аксаковъ. Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что споръ о землѣ и способѣ владѣнія ею происходитъ не между членами родоваго союза, но между двумя братьями Кленовичами, Хрудошемъ и Стяглавомъ, Аксаковъ утверждалъ, что въ пѣснѣ о судѣ Любуши нѣтъ и помину о родовомъ совладѣніи, что дѣло идетъ просто объ отцовской дѣдинѣ и притомъ въ предѣлахъ простой естественной семьи. Да и самый предметъ спора состоялъ не столько въ противоположеніи

[1]) П. С. Р. Л., I, 4: «Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими... владѣюще кождо родомъ своимъ».

[2]) Краледвор. рук.: «Дѣти всѣ тоу сбожіем в едно владоу».

[3]) I. v. Csaplovics, Slavonien und Croatien, Pesth 1819, I, 103—108; ср. Maine, Ancient Law, 269.

общаго совладѣнія съ отдѣльной поземельной собственностью, сколько въ противоположеніи Германской формы наслѣдованія земель, майората, формѣ Славянской, выражавшейся въ общемъ пользованіи или же въ раздѣлѣ поземельнаго наслѣдства поровну [1]). Эти соображенія дѣйствительно представляютъ опасный подводный камень для того мнѣнія о значеніи родоваго союза, которое господствуетъ въ русской наукѣ и въ пользу рода готово отрицать существованіе самой естественной семьи. Но для рода, какъ нѣкотораго политическаго цѣлаго, замѣчанія Аксакова не имѣютъ никакого существеннаго значенія. Какъ могли родовые союзы исключать естественную семью, когда они сами были созданы по образцу послѣдней, когда они безъ семьи не могутъ быть и мыслимы? Точно также родовой бытъ нимало не исключаетъ и существованія отдѣльной поземельной собственности, такъ какъ родовое совладѣніе было не обсолютнымъ, а факультативнымъ: отдѣльныя семьи, какъ это видно изъ примѣра Кленовичей, могли имѣть отдѣльную собственность и даже могли передавать её по наслѣдству; вся разница заключается въ томъ, что въ каждый данный моментъ могло быть возстановлено въ полной силѣ общее пользованіе землей, какъ объ этомъ ясно говорится въ заключеніи пѣсни о судѣ Любуши. — Раздѣленіе родовой собственности по отдѣльнымъ семьямъ составляетъ далѣе явленіе позднѣйшаго періода родоваго сожительства, представляется переходной ступенью къ новой формѣ общежитія, такъ какъ семейные участки, при появленіи идеи частной собственности, легко превращаются въ отдѣльную поземельную собственность.

Съ общимъ владѣніемъ поземельною собственностью тѣсно связано другое явленіе, очень ярко характеризующее родовой бытъ и сообщавшее его учрежденіямъ прочное единство: мы разумѣемъ круговую поруку. Такъ какъ землею владѣли союзы, роды, а не отдѣльныя лица, то естественно, что только одни союзы могли и должны были принять на себя отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ, ибо только у однихъ союзовъ

---

[1]) Сочиненія Аксакова, I, 85—87.

было въ обладаніи землей достаточное ручательство за исполненіе возложенной на нихъ отвѣтственности. Порука, которою обязывались родовые союзы, характеризуется слѣдующими чертами, которыхъ никакъ не слѣдуетъ опускать изъ виду, для того, чтобы не смѣшать родовой поруки съ позднѣйшею. Какъ и вообще родовыя учрежденія, союзная порука обнимала только членовъ, принадлежавшихъ къ роду, то-есть, основывалась на кровномъ, дѣйствительномъ или фиктивномъ союзѣ; позднѣйшая же круговая порука исходила изъ территоріальнаго или мѣстнаго начала, которое отличается легко отъ родового тѣмъ, что въ основаніи поруки полагаетъ принадлежность лица не къ извѣстному роду, а къ извѣстной мѣстности; которое принимаетъ за исходный пунктъ существованіе въ извѣстной мѣстности слѣдовъ преступленія и солидарность обитателей этой мѣстности въ отвѣтственности за преступленіе, слѣдовъ котораго они не могутъ отклонить отъ себя, то-есть, своего округа. Съ другой стороны, родовая порука отличается еще и тѣмъ характеромъ, что обязанность, налагаемая ею, состоитъ не столько въ представленіи преступника на судъ, сколько въ отвѣтственности за самое преступленіе, въ несеніи цѣлымъ союзомъ наказанія на ряду съ преступникомъ или даже вмѣсто него [1]). Понимаемая въ этомъ смыслѣ порука предполагаетъ если не отрицаніе, то по крайней мѣрѣ ограниченіе частнаго права кровной мести; при существованіи поруки кровная месть уже не можетъ быть развиваема во всемъ ея объемѣ, а должна ограничиться нѣкоторыми опредѣленными рамками. Дѣйствительно, на Руси въ историческое время число местниковъ является весьма ограниченнымъ; за убійство какого-либо лица могли мстить только отецъ, братъ, сынъ и племянникъ [2]). Но ограниченіе заключается здѣсь не въ томъ, что кромѣ поименованныхъ лицъ убійцѣ не могли мстить никакіе другіе родственники, напротивъ родственные местники, какъ показываетъ умолчаніе правды

[1]) H. v. Sybel, Entstehung deutschen Königthums, S. 32—33, 39—40.

[2]) Рус. Пр. (по Акад. сп.), 1: «Оубиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, либо сестрину сынови (братню сынови); аще ли не будетъ кто его мьстя, то 40 гривенъ за голову»...

Ярослава о правѣ мести дяди за племянника, обозначены тамъ только примѣрно; а въ томъ, что изъ числа лицъ, имѣвшихъ право на месть, исключались остальные члены общественныхъ союзовъ, братья верные или сосѣди. Только при этомъ послѣднемъ предположенiи является возможнымъ случай, что убитый оставался безъ всякихъ местниковъ за себя и что обязанность мести долженъ былъ брать на себя князь; при существованiи же мести, какъ права, свойственнаго цѣлымъ общественнымъ союзамъ, такой случай былъ-бы совершенно невозможенъ. Нѣтъ никакой надобности думать, что подобное ограниченiе явилось только съ Ярославомъ, оно существовало несомнѣнно гораздо раньше, такъ какъ еще Владимiръ взималъ виры, предполагающiя ограниченiе права мести, по устроенiю отню и дѣдню, то есть, по исконному обычаю [1]) — Наконецъ, ограниченiе права мести носило въ древней Руси еще и другой характеръ: хотя месть по закону Ярослава и считалась дозволенною, тѣмъ не менѣе законъ предоставлялъ ad libitum местника мстить убiйцѣ или же требовать законнаго вознагражденiя или головничества. Со временъ Изяслава послѣднiй случай становится только исключительнымъ.

Круговая порука, замѣчаемая на Руси въ историческое время и распространявшаяся не только на убiйство, но и на нѣкоторыя другiя, второстепенныя преступленiя, какъ напр. кражу [2]) соединяетъ въ себѣ отличительныя черты обоихъ перiодовъ развитiя, какъ принадлежность къ извѣстной мѣстности, такъ и солидарность въ отвѣтственности за самое преступленiе, и такимъ образомъ является совершенно естественнымъ дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитiи родовой поруки. Хотя съ одной стороны она и основывается на территорiальномъ принципѣ, на существованiе слѣдовъ преступленiя въ извѣстной мѣстности, верви; за то съ другой члены верви не ограничиваютъ своей дѣятельности одной выдачей преступника, но отвѣчаютъ и за самое преступленiе. Только со времени Ярослава замѣчается стремленiе къ стѣсненiю поруки за

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 54, 997.

[2]) Рус. Пр. по Тр. сп., 63: «Аже будетъ росѣчена земля iли знамение, имъ же ловлено, или сѣть: то по верви искати татя, ли платити продажю»

самое преступленіе, къ снятію съ верви всякой отвѣтственности тогда, когда преступникъ былъ на лицо, къ ограниченію законныхъ штрафовъ только тѣми случаями, когда вервь не хотѣла или не могла исполнить возложенной на нее обязанности, не представляла на судъ человѣка, совершившаго преступленіе. Но и это ограниченіе распространялось только на „разбой въ обиду“ или преднамѣренное убійство [1]), которое впослѣдствіи стало называться разбоемъ безъ всякой свады и подвергало виновнаго потоку и разграбленію; но оно ни мало не устраняло солидарной отвѣтственности членовъ верви за самое преступленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее совершалось „въ свадѣ или въ пиру явлено“, хотя, нужно также сознаться, и не ставило имъ ее въ непремѣнную обязанность. Отвѣтственность за самое преступленіе получала чрезъ это добровольный характеръ: смотря по желанію, члены верви могли обязать себя порукой даже и тогда, когда преступникъ былъ на лицо, могли принять на себя всѣ слѣдствія преступленія, по крайней мѣрѣ in subsidium преступника, за то нерадѣніе, которое они выказали въ наблюденіи за поведеніемъ своего сочлена [2]).

Уже одно простое существованіе поруки, отвѣчающей за самое преступленіе, можетъ быть удовлетворительно объяснено единственно предположеніемъ, что въ жизни раньше господствовала сильная родовая связь, предпочитавшая скорѣе принять на

[1]) Рус. Пр. по Акад. сп., ст. 18: «Аще убіютъ огнищанина въ обиду, то платити зань 80 гривенъ убійцѣ, а людемъ не надобѣ». Выраженіе: «а людемъ не надобѣ» показываетъ, что прежде и при обнаруженіи виновнаго въ преступленіи отвѣчалъ предъ княземъ не самъ преступникъ, а люди или цѣлая вервь.

[2]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), 4: «которая ли вервь начнеть платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатить ту виру, занеже безъ головника имъ платити; будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываеть, того же дѣля имъ помогати головнику либо си дикую вѣру; но сплати імъ вообчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити исъ дружины свою часть; но оже будеть оубилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинынѣ, іже ся прикладывають вирою». Тамъ-же, 5: «Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платять; но выдадять и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и на разграбление». Тамъ же, 6: «Аже кто не вложиться въ дикую вѣру, тому людье не помогають, но самъ платить».

себя слѣдствія преступленія, чѣмъ подвергать своего сочлена всѣмъ шансамъ кровной мести, владычествовавшей въ то время; что позднѣйшая мѣстная порука есть только видоизмѣненіе родовой, видоизмѣненіе, вызванное къ жизни измѣненіемъ въ характерѣ общества. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что русская жизнь не совсѣмъ лишена и прямыхъ слѣдовъ, указывающихъ на родовую поруку, на обязанность рода отвѣчать за преступленія своихъ сочленовъ, равно какъ и на право получать вознагражденіе въ такомъ случаѣ, когда страдательнымъ лицомъ являлся кто-либо изъ его среды. Сюда относится напр. обязанность родственниковъ выкупа́ть дѣвушку, которая, живучи у отца и матери, приносила дитя и, въ качествѣ церковной подсудимой, была отводима въ церковый домъ [1]); равно какъ и права рода получать вознагражденіе изъ контрибуціи за своихъ членовъ, убитыхъ на войнѣ [2]). Обязанность родственниковъ помогать преступнику видна также и изъ свидѣтельства, которое несостоятельный должникъ давалъ въ Византіи подъ присягой въ томъ, что ему не отъ кого ждать помощи при уплатѣ наложенной судебной пени [3]). Аналогія Славянской жизни показываетъ, что кругъ родственной защиты не ограничивался тѣсными предѣлами семьи, а распространялся на цѣлый родъ вообще, т. е. на родовой союзъ [4]).

Характеръ первоначальной общественной цивилизаціи, раскрывающійся въ несуществованіи въ то время трудно-примиримыхъ частныхъ интересовъ, въ простотѣ и незначительности большей части дѣлъ, наконецъ въ ограниченности размѣра политическихъ организацій (родовыхъ союзовъ), не только не требовалъ

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р., I, прим. 108: «аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудеть, обличивъ ю поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупить».

[2]) П. С. Р. Л., I, 30, 971: «И въдаша ему (Греки Святославу) дань, имашеть же и за убьеныя, глаголя: «яко родъ его возметь».

[3]) П. С. Р. Л., I, 14, 912: «Аще ли ударить мечемъ или бьеть кацѣмъ любо съсудомъ, за то удареніе или убьеніе да вдасть литръ 4 сребра по закону рускому; аще ли будеть неимовитъ тако створивый, да вдасть елико можеть и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходять, а опрочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа оттолѣ не взыскаема о семъ».

[4]) Зигель, Законникъ Стефана Душана, прил. стр. 34, ст. 51.

созданія особенныхъ общественныхъ органовъ, обыкновенно вызываемыхъ развѣтвленностью интересовъ, а напротивъ позволялъ ограничиться одними только средствами, представляемыми семьею. Поэтому, сообразно съ характеромъ первоначальной культуры, единственнымъ общественнымъ органомъ въ родовомъ союзѣ, какъ и въ дѣйствительной семьѣ, былъ родоначальникъ, извѣстный у славянъ подъ многоразличными именами дѣда, ота, отца, отчика, бати, старѣйшины, владыки, воеводы, князя, леха, кмета и т. д. [1]). Большая часть этихъ именъ, очевидно, заимствована отъ естественныхъ, семейныхъ отношеній; да и тѣ изъ нихъ, которыя на первый взглядъ, какъ-бы отдаляются отъ этого источника, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются вышедшими изъ того же самаго круга понятій. Такъ напр. названіе князь, древ.-верх.-нѣм. chuninc, древ.-ф. kuning, анг.-сак. cyning, древ.-сѣв. konûngr, kôngr, происходитъ вмѣстѣ съ kuni, родъ, отъ корня kan, первон. gan — рождать [2]). Однако, хотя власть родоначальника и создана по образцу власти семейной, тѣмъ не менѣе ея никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣдней. Въ семьѣ вся власть исходитъ отъ отца семейства и не нуждается въ признаніи со стороны подчиненныхъ: отецъ, пріобрѣтающій себѣ все новыхъ и новыхъ потомковъ, естественно получаетъ надъ ними власть, какъ творецъ надъ своими произведеніями. Иное дѣло въ родовомъ союзѣ. Тамъ вся власть исходитъ изъ рода, опирается въ своемъ происхожденіи на нѣмомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ, короче, основывается на выборѣ. Патріархальный характеръ родоначальнической власти сказывается въ той обширной комбинаціи, соединеніи званій, какую представляла особа родоначальника. Такъ какъ въ первоначальный періодъ развитія человѣчества различіе между частнымъ правомъ и правомъ общественнымъ, такъ-сказать, только чувствовалось смутно, систематически же проводимо быть не могло; то вслѣдствіе этого обстоя-

---

[1]) Jirecek, das Recht in Böhmen und Mähren, I, 28—32.

[2]) Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, 230; Bopp, Glossarium Comparativum linguae Sanscritae; Schleicher, Compendium der vergleichenden Grammatik, 334.

тельства въ обязанность родоначальника входили такія занятія, которыя вполнѣ принадлежали къ сферѣ частной жизни и были бы приличны для одного развѣ дѣйствительнаго отца семейства, напр. заботы по женитьбѣ и выдачѣ замужъ членовъ рода [1]). Такъ какъ, далѣе, первоначальная культура не достигла еще до абстрактнаго различія между личнымъ и вещественнымъ правами, и постоянно смѣшивала вещи съ лицами; то родоначальникъ соединялъ въ своей особѣ разныя виды общественной дѣятельности, не только судъ, но и управленіе: онъ былъ жрецомъ, судьей и воеводой, представителемъ рода какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ и предъ богами. Такое соединеніе разнообразныхъ властей въ одномъ и томъ же лицѣ однако никакъ не слѣдуетъ предполагать абсолютно неразрѣшимымъ при господствѣ родовыхъ понятій; напротивъ, легко могло статься, что нѣкоторыя отрасли власти родоначальника, напр. жреческое и судейское званіе, съ теченіемъ времени и отпадали и переходили въ другія, совершенно независимыя руки. Однако это отдѣленіе, случавшееся не столько въ простомъ родовомъ союзѣ, гдѣ значеніе семейнаго образца было сильнѣе, сколько въ высшихъ родовыхъ единицахъ, отличается характеромъ временности, преходящности. Если родоначальникъ въ частности и не носилъ званій жреческаго или судейскаго, тѣмъ не менѣе эти званія составляли принадлежность понятія о родоначальникѣ вообще и съ теченіемъ времени снова легко могли соединиться въ одномъ лицѣ и возстановить такимъ образомъ прежнюю комбинацію властей. Если выражаться юридическимъ языкомъ, комбинація разныхъ званій въ одной особѣ въ періодъ родоваго быта была не абсолютною, а только факультативною.

Въ первобытное время, когда религія не имѣла еще опредѣленнаго, замкнутаго содержанія, когда существенное религіозное

[1]) Казвини у Шармуа, 345: «Et lorsque cet enfant a atteint l'âge de puberté, le souverain le marie si c'est un garçon et reçoit du père de ce jeune homme la dot (convenue), qu'il remet à celui de la future; car la dot chez eux se paie d'avance... Le mariage se fait au gré du roi et non à leur choix... le souverain se charge de fournir à toutes leurs dépenses, et c'est sur lui que pésent celles de noces. Il est comme un tendre père pour ses sujets».

представленіе заключалось въ смутномъ чаяніи, что человѣческая судьба не совершенно случайна, не было никакихъ побудительныхъ причинъ къ образованію замкнутаго жреческаго сословія, даже къ созданію храмовъ въ честь боговъ. Родоначальникъ былъ естественнымъ представителемъ подвѣдомственнаго ему рода предъ богами, приносилъ послѣднимъ жертвы, почему и можетъ быть по справедливости названъ жрецомъ (жрѣти — приносить жертвы), совершалъ молитвословія и, въ качествѣ жреца, могъ, сообразно съ тогдашними представленіями, снискать какъ благорасположеніе боговъ относительно рода, такъ и навлечь ихъ гнѣвъ на родичей [1]). Жреческій характеръ родоначальника можетъ служить объяснительной причиной разныхъ явленій позднѣйшаго времени, которыя бы безъ того остались совершенно непонятными. Такъ какъ родоначальникъ былъ жрецомъ, то естественно, что нѣкоторыя изъ названій родоначальника, именно: владыка и князь, перешли впослѣдствіи, въ христіанское время, на лицъ духовнаго званія: владыка, какъ всѣмъ извѣстно, есть титулъ священнослужителей, а князь (knez, xiadz) обозначаетъ у Чеховъ и Поляковъ священника, тогда какъ для обозначенія собственно князя тамъ употребляется видоизмѣненная хорма knize и ksiaze. Съ другой стороны, представительствомъ родоначальника предъ богами, результатомъ котораго могли быть гнѣвъ или милость послѣднихъ относительно рода, можетъ быть объяснена та отвѣтственность, которую въ послѣдующее время возлагалъ народъ на своихъ князей и владыкъ (епископовъ) за тѣ естественныя бѣдствія, которымъ ему случалось подвергаться: князья и владыки были обвиняемы временами въ томъ, что-де за нихъ обрушились на народъ моръ или продолжительная оттепель и потому были подвергаемы изгнанію и лишенію сана [2]). Однако, съ теченіемъ времени,

---

[1]) Краледв. рук.: «Kamo otcik dáváse krme bohom, kamo k nim hlàsat chodieváse». П. С. Р. Л., 35, 983: «и рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицю, на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ».

[2]) П. С. Р. Л. III, 43, 1238: «того дѣля стоить тепло дълго, выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ давъ мьзду князю и аки злодѣя пьхающе за воротъ выгнаша». Тамъ же IV, 198, 1407: «А тогда бяше моръ во Псковѣ великъ, и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Алек-

сообразно съ развитіемъ антропоморфизма, незамѣтно являлось въ жизни и раздѣленіе званій: на ряду съ княжескимъ возникало и самостоятельное жреческое; но къ этому вопросу мы будемъ еще имѣть случай возвратиться впослѣдствіи, при разсмотрѣніи высшихъ родовыхъ организацій.

Въ миѳологическій періодъ человѣческой жизни право тѣсно связывалось съ религіей и законы стояли подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ. Съ одной стороны необузданность личности, составляющая характеристическую черту разсматриваемаго періода, неблагопріятствовала самостоятельному существованію законовъ: неограниченная личность того времени скорѣе всего могла подчиниться законамъ въ томъ случаѣ, когда послѣдніе являлись исходящими не изъ человѣческихъ рукъ, а изъ высшей, божественной власти. Съ другой же стороны, и способность тогдашняго общества къ познанію объективной истины отличалась такою недостаточностью, такою ограниченностью, что естественно должна была требовать какого-либо суррогата на свое мѣсто: сознаніе этого—то безсилія и заставляло часто народъ отказываться отъ своей роли при опредѣленіи истины въ пользу высшихъ, божественныхъ силъ. Оба эти обстоятельства: необузданность личности и ограниченность познанія истины, и вызвали къ жизни ордаліи, божьи суды, получившіе въ древности весьма значительное развитіе и отлившіеся въ три главныя формы: поединка (поля), суда огнемъ и суда водой. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда народъ оставлялъ за собой право суда, связь права съ религіей естественно передавала въ руки лица, носившаго жреческое званіе, т.-е. родоначальника, и значеніе судьи; поэтому-то жрецы, если въ жизни по какимъ-либо обстоятельствамъ возникало раздѣленіе родовой власти на самостоятельныя званія князя и жреца—а это временами случалось, особенно въ высшихъ родовыхъ единицахъ— и при измѣнившемся положеніи дѣлъ сохраняли судейское значеніе и участвовали на ряду съ княземъ въ судѣ народнаго со-

---

сандровичю: тебе ради моръ сей у насъ и выѣха князь Данило изо Пскова». Ср. J. Grimm, Rechtsalterthümer, 1828, S. 231.

бранія[1]). Подобно жреческому и судебное званіе родоначальника не было абсолютно связано съ особой послѣдняго. Примѣръ Чехіи, гдѣ въ патріархальное время за судомъ обращались къ тѣмъ лицамъ, которыя въ родовыхъ союзахъ и племенахъ отличались своею жизнью и средствами [2]), показываетъ, что этотъ косвенный выборъ могъ пасть и не на родоначальника, а на какое-либо иное лицо и такимъ образомъ вызвать къ жизни особенное званіе судьи.

Въ древнѣйшее, патріархальное время, народъ и войско были явленіями почти тождественными: тогда выраженіями „войско“, „полкъ“ (ahd. folh, ags. folc, altn. fôlk, lat. vulgus [3]) обозначали просто народъ, тогда какъ впослѣдствіи оба реченія перешли на военный классъ людей. Поэтому организація народа была вмѣстѣ и военною организаціею. Народъ въ его мирромъ устройствѣ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и войскомъ, которое шло отражать нападеніе непріятеля или вносило войну въ предѣлы послѣдняго. Военная служба не была преимуществомъ однихъ или тягостью другихъ, а напротивъ, обязанностью для всѣхъ: тогда не могло быть поземельныхъ условій для поступленія въ ряды воиновъ, такъ какъ не было прочной осѣдлости и такъ какъ владѣніе было общимъ. Всѣ годные къ оружію члены родовъ были естественно обязаны, въ случаѣ надобности, выходить на войну; поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что войско, во всей его совокупности, было въ тоже самое время и народнымъ собраніемъ, вѣчемъ. Представители племенъ и родовъ были и естественными предводителями на войнѣ; поэтому и названіе воевода, первоначально обозначавшее родоначальника, впослѣдствіи получило преимущественное значеніе полководца; поэтому и въ позднѣйшее время жители отдѣльныхъ округовъ выходили на войну

[1]) Helm., Chron Slav., lib. I. cap. 63: «illic (въ Староградской рощѣ)... populus terrae cum flamine et regulo convenire solebant propter judicia».

[2]) Scriptores rerum Bohemicarum, I, Cosmae Pragensis chronicon, Pragae, 1783, 9: «Quicunque in sua tribu vel generatione persona moribus potior et opibus honoratior habebatur, ad illum confluebant et de dubiis causis ac sibi illatis injuriis salva libertate disputabant».

[3]) J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, 2 Auflage, S. 229.

подъ начальствомъ своихъ старостъ, которые, сообразно со своимъ начальственнымъ положенiемъ, получали и большее, сравнительно съ простыми ратниками, вознагражденiе [1]).

Съ сосредоточенiемъ такихъ разнообразныхъ званiй въ особѣ одного родоначальника возникаетъ серьезная опасность превращенiя отеческой власти перваго въ деспотическую, такъ какъ родовая власть лишена того основанiя, на которомъ зиждется дѣйствительная отеческая власть, лишена того чувства любви, которое связываетъ отца съ его семьей. Отсутствiе этого чувства дѣлаетъ возможнымъ проявленiе со стороны родоначальника самыхъ рѣшительныхъ несправедливостей; поэтому давнишнимъ предметомъ русской науки былъ до сихъ поръ еще нерѣшенный вопросъ о томъ, какимъ характеромъ отличалась родовая власть, была ли она деспотическою, или нѣтъ? Форма происхожденiя патрiархальной власти уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что явленiе, свойственное по природѣ одной, семейной области, отнюдь не распространялось на другую область, родовую. Родъ былъ не простою, расширенною семьею, а политическимъ союзомъ; родовая власть не возникала естественно, а основывалась на выборѣ: поэтому, если власть отца семейства является по своей сущности неограниченною, то власть родоначальника наоборотъ доступна для всякаго ограниченiя и ни при какихъ обстоятельствахъ, пока родовой принципъ остается въ силѣ, эта характерическая черта родовой власти не уступаетъ своего мѣста деспотизму. Дальнѣйшее изложенiе покажетъ намъ въ своемъ мѣстѣ, что, хотя власть родоначальника и была обширною, тѣмъ не менѣе истинный центръ тяжести власти находился не въ рукахъ родоначальника, а въ рукахъ родовыхъ союзовъ. Если родоначальникъ и былъ жрецомъ, тѣмъ не менѣе между Славянами, какъ и въ Германiи, никогда не водворялась теократiя; родоначальникъ былъ воеводою; но всѣмъ извѣстно, какою слабою властью пользовался и въ позднѣйшее время на Руси воевода относительно своихъ под-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, I, 1016: «и нача (Ярославъ) вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся».

чиненныхъ; родоначальникъ, наконецъ, былъ судьею, но на судѣ ему принадлежало только руководство, рѣшительная же власть всегда оставалась за союзами.

Представленное выше обозрѣніе родовыхъ учрежденій даетъ намъ возможность возвратиться къ начатой нами выше общей характеристикѣ рода и дополнить ее нѣкоторыми дальнѣйшими соображеніями. Родъ, какъ сказано выше, былъ не что иное, какъ государство; но для яснаго пониманія этого государства никакъ не нужно опускать изъ виду различія между сущностью и формой государства, различія, невниманіе къ которому всегда сопряжено съ весьма значительными заблужденіями. По формѣ родовое государство было монархическимъ, такъ какъ вся власть сосредоточивалась въ особѣ одного родоначальника: послѣдній былъ какъ жрецомъ, такъ судьей и воеводой. По сущности же родовое государство было демократическимъ, такъ какъ центръ тяжести власти составлялъ принадлежность родовыхъ союзовъ. Такое положеніе дѣлъ вообще свойственно первоначальному періоду исторіи человѣчества: демократическіе союзы не составляютъ продукта, выработаннаго жизнью одного какого-либо народа, они встрѣчаются какъ у Славянъ, такъ и у Германцевъ, Римлянъ и Грековъ, такъ что смѣло могутъ быть сочтены за явленіе, свойственное даже первоначальной индо-германской жизни. Государственный характеръ рода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причиной того особеннаго положенія личности, которое свойственно одной только патріархальной жизни. Предъ лицемъ родового союза личность не имѣла въ то время почти никакого значенія: имущественное положеніе ея показываетъ въ особенности ясно, что она была связана по рукамъ и ногамъ своими отношеніями къ союзу. Конечно, состояніе личности и въ родѣ было далеко отъ рабства, при которомъ лицо разсматривается, какъ вещь; тѣмъ не менѣе оно было далеко и отъ того самоопредѣленія, которымъ характеризуется позднѣйшая жизнь. Однако этого положенія личности въ предѣлахъ родового союза никакъ не слѣдуетъ ставить на одну доску съ положеніемъ ея внѣ послѣдняго. Отдѣльные роды были ничѣмъ инымъ, какъ самостоятельными государствами, только

государствами столь значительной величины, что, сравнительно съ племенемъ, народомъ, являлись какъ бы отдѣльными личностями, индивидуумами. Такимъ образомъ, за незначительными предѣлами рода и личность, вмѣстѣ съ послѣднимъ, получала неограниченный просторъ, могла предаваться необузданному произволу. Необузданность личности въ періодъ патріархальной жизни выражалась нагляднѣе всего въ обычаѣ кровной мести, которую личность развивала внѣ предѣловъ рода: въ средѣ же послѣдняго для мести, очевидно, совсѣмъ не могло быть мѣста. Поэтому, историческое развитіе личности не слѣдуетъ представлять въ томъ видѣ, что во время родового быта личность совершенно стушевывается и поглощается родомъ, а затѣмъ, по паденіи родового начала, выступаетъ на сцену тѣмъ съ большею необузданностію. Напротивъ, необузданный произволъ личности составляетъ уже отличительную черту родоваго строя, черту, получающую только по характеру времени особенный отпечатокъ.

Если въ русской наукѣ всѣ партіи, какъ бы различно онѣ не относились къ вопросу о господствѣ родового быта въ древней Руси, сходились въ положеніи, что родъ былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ; то еще болѣе всѣ стороны убѣждены были въ томъ, что родовой бытъ и исчерпывается устройствомъ естественнаго рода, что дальше за родомъ не было никакихъ политическихъ учрежденій; а если и были, то происхожденіемъ своимъ обязывались необходимости, какъ думали одни, или же учрежденія отличались совершенно инымъ, общиннымъ, а не родовымъ характеромъ, какъ думали другіе. Въ дѣйствительности же за родомъ патріархальныя учрежденія чуть-чуть ли не начинались. Явленіе круговой поруки очень убѣдительно показываетъ, что родовой бытъ не ограничивался однимъ только устройствомъ простого рода, но что за предѣлами послѣдняго создавалъ новыя, гораздо обширнѣйшія единицы общежитія. Дѣйствительно, если только родъ ручался въ отвѣтственности за преступленія своихъ сочленовъ, то необходимо предположить, что была какая-либо высшая общественная единица, которая налагала на отдѣльные роды обязанность подобной поруки: ибо въ про-

тивномъ случаѣ, кто бы могъ ручаться, что справедливыя требованія обиженнаго будутъ удовлетворены и что снова не явится потребность въ кровной мести? Точку опоры новое общежитіе находило въ *городѣ*.

Патріархальная цивилизація была вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизаціею до-городскою: она совсѣмъ не имѣла понятія о городѣ, не только въ томъ видѣ, въ какомъ городъ представляется нашимъ глазамъ; но даже не знала города, какъ мѣста общаго, совокупнаго сожительства многихъ людей, какъ это замѣчается въ періодъ непосредственно слѣдовавшій за родовымъ бытомъ. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Въ патріархальное время каждый родъ составлялъ особенное цѣлое и жилъ на особенномъ мѣстѣ; слѣд. въ принципѣ жизни не было побудительныхъ причинъ къ соединенію людей въ такія значительныя группы, какія представляются городами. Однако, небезопасность жизни, проистекавшая изъ сильнаго разъединенія и необузданнаго произвола личности, побуждала родовые союзы къ совокупному созданію такихъ мѣстоприбѣжищъ, которыя-бы своими удобствами превосходили естественныя мѣста защиты, доставляемыя окрестною природой, именно лѣса, воды и горы. Такія мѣстоприбѣжища, сооруженіе которыхъ было однимъ изъ первыхъ проявленій возникавшей между отдѣльными родами связи [1]), состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ огороженномъ стѣнами пустомъ пространствѣ, и назывались *городами*. Въ эти-то огороженныя мѣста и укрывались, въ случаѣ нападенія какого-либо врага, соединенные въ одно цѣлое роды вмѣстѣ со своимъ имуществомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ скота. Такой характеръ первоначальнаго города доказывается какъ значеніемъ слова „городъ", такъ и нѣкоторыми чертами его дѣйствительнаго устройства. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту: городъ, городить, огорода, подобно тому, какъ arx одного корня съ ar-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 4: «Бяша 3 братья.... и сотвориша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ». Тамъ же, V, 83: «Словѣни же пришедше съ Дуная сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша Новъгородъ».

cere, Burg съ bergen, или же на возвышенность мѣста, на которомъ городъ естественно воздвигался, какъ укрѣпленіе: akra, capitolium, вышгородъ [1]). Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго тѣмъ, что въ немъ не было жилого населенія, что города были обыкновенно незначительнаго размѣра, достаточнаго только для того, чтобы дать возможность укрыться соединеннымъ вмѣстѣ родамъ. Если же съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему кремль (кремъ, кромъ, городъ кромный), который можетъ быть принятъ за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Такимъ образомъ, древнѣйшія мѣста убѣжища не были городами въ собственномъ смыслѣ, а только основаніями для будущихъ городовъ, образовавшихся впослѣдствіи чрезъ присоединеніе зданій къ городскимъ стѣнамъ и въ свою очередь защищавшихся новыми стѣнами, *острогомъ* (стерегу, подобно тому какъ urbs родств. съ curvus, orbis — кругъ, ограда [2]). Въ новѣйшее время остатки такихъ пустыхъ городовъ, называющихся у Славянъ *городищами* (городище значитъ мѣсто бывшаго города), превратились въ совершенныя загадки. И подобно тому, какъ запустѣлыя городскія стѣны мѣстности Эквикуловъ въ Италіи возбуждали удивленіе въ римскихъ и новѣйшихъ археологахъ и заставляли первыхъ помѣщать тамъ своихъ аборигеновъ, а вторыхъ — своихъ Пелазговъ [3]); такъ точно и у Славянъ городища вызвали вниманіе со стороны археологовъ, которые, какъ напр. Ходаковскій, считали себя вправѣ видѣть въ нихъ не что иное, какъ языческія святилища. Но, хотя древнѣйшіе города и были обыкновенно мѣстомъ сооруженія жертвенниковъ и храмовъ, и поэтому тамъ легко могутъ быть находимы жертвенные остатки, тѣмъ не менѣе первоначальное значеніе ихъ было оборонительное,

---

[1]) G. Curtius, Griechische Etymologie, I, 103, 267.
[2]) G. Curtius, Griech. Etym., I, 66.
[3]) Mommsen, Römische Geschichte, I, 38.

а незначительная величина ихъ указываетъ не на святилища, а только на то, что въ нихъ не было жилья.

Возможность образованія изъ отдѣльныхъ родовъ новаго, обширнѣйшаго общежитія, опиравшагося на городъ, доставляла та же самая фикція, на которой основывался и простой родовой союзъ. Во время миѳическаго періода фикція родства распространялась не только на членовъ каждаго рода, но и на цѣлыя племена, которыя считали себя, подобно Радимичамъ и Вятичамъ, происшедшими отъ какого-либо общаго родоначальника [1]); даже самые родоначальники отдѣльныхъ союзовъ, какъ напр. Кій, Щекъ и Хоривъ, Радимъ и Вятко были проводимы въ родственную связь и объявляемы братьями [2]), подобно тому, какъ въ Кабулѣ малики ближайше связанныхъ афганскихъ улусовъ смотрѣли на своихъ родоначальниковъ, какъ на братьевъ и сыновей героя, отъ котораго племя и въ особенности его ханъ считали себя происшедшими [3]). Такимъ образомъ, родовой бытъ основывался собственно на двойной фикціи или лучше на фикціи двойного родства: во-первыхъ, членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, а затѣмъ уже представителей родовъ, родоначальниковъ. На основаніи перваго родства созидался собственно простой родъ; на основаніи второго — высшія родовыя единицы. Можно даже составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ путемъ и въ какой формѣ созидались новыя патріархальныя цѣлыя. Между ближайше обитавшими родами выдвигался одинъ какой-либо членъ (родовой союзъ) и фактически пріобрѣталъ власть, но фактически пріобрѣтенною властью пользовался не иначе, какъ въ формахъ старѣйшинства, въ ряду дру-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 5: «Радимичи бо и Вятичи отъ ляховъ. Бяста бо 2 брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедъши сѣдоста, Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи».

[2]) П. С. Р. Л., 1, 4: «Быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ (тамъ же, V, 84: «и живяше Кій на горѣ, гдѣ есть нынѣ увозъ Боричевъ и бѣ съ родомъ своимъ»), а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ...»

[3]) Elphinstone, Account of the Kingdom of Caubul, 1, 210—214.

гихъ родовъ онъ возводился на степень старѣйшаго, а чрезъ это самое и родоначальникъ его естественно становился на мѣсто родоначальника цѣлаго племени или князя [1]). Такимъ образомъ, во время родоваго быта старшинствомъ считались не только въ предѣлахъ рода, но и родовые союзы между собою, и эти родовые счеты, въ приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ формы, сохранились до позднѣйшаго времени въ пригородномъ началѣ, въ порядкѣ старшинства городовъ, изъ которыхъ одни считались старѣйшими, другіе же молодшими или пригородами. Порядокъ старшинства между родами и городами составляетъ поэтому не противорѣчіе основному принципу патріархальной теоріи, какъ думалъ г. Кавелинъ [2]), а напротивъ совершенно законное слѣдствіе, дальнѣйшее примѣненіе его къ тогдашней жизни. Мысль о такихъ счетахъ старшинствомъ нисколько не страдаетъ отъ отсутствія въ ней юридической мѣрки, опредѣлявшей старшинство: старшинство не было простымъ юридическимъ титуломъ, на который опирались лица или роды, старавшіеся захватить власть въ свои руки; напротивъ, оно было нормой, по которой устроивались общественныя отношенія, когда власть уже фактически была пріобрѣтена. Въ періодъ развитія человѣчества, когда такъ мало было основныхъ зиждительныхъ элементовъ, мысль о старшинствѣ служила единственной путеводной нитью при организаціи общественныхъ отношеній.

Хотя возвышеніе какого-либо родоваго союза на степень старѣйшаго, сообразно съ чѣмъ и родоначальникъ его получалъ от-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 4: «но се Кій княжаше въ родѣ своемъ».... Тамъ же, I., 5: «И по сихъ братьи (Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ»... Сопоставленіе этихъ двухъ извѣстій показываетъ, что, благодаря построенію города Кіева, Кій умѣлъ доставить своему роду первенство въ цѣломъ племени и такимъ образомъ изъ простаго родоначальника сдѣлался княземъ надъ всѣми Полянами. Ср. Масуди у Шармуа, 312: «ils (les Slaves) se partagent en diverses races, dont une entre autres les dominait toutes dans les temps primordiaux, et dont le roi se nommait Mâdjik (по друг. сп. Machal, Mahak). C'est à cette race nommée Wélinâna qu'obéissaient anciennement toutes les races Slaves, parce que c'était à elle qu'appartenait l'autorité souveraine, et que tous leurs rois lui étaient soumis».

[2]) Сочиненія Кавелина, II, 463—467.

носительно другихъ родовъ соотвѣтственную власть, т.-е., дѣлался княземъ, старѣйшиною цѣлаго племени, первоначально и связывалось съ подчиненіемъ остальныхъ родовъ, которое ничѣмъ не отличалось отъ полной зависимости; тѣмъ не менѣе такое положеніе дѣлъ, по характеру времени, долго продолжаться не могло. Съ теченіемъ времени, при ближайшемъ столкновеніи интересовъ, и подчиненные получили вліяніе на дѣла новаго союза, получали право, наравнѣ со старѣйшими, участвовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ избраніи общаго родоначальника, князя, хотя за старѣйшимъ родомъ все-таки оставалось то преимущество, что князь избирался только изъ среды этого союза. Княжескую власть въ высшей родовой единицѣ нужно поэтому представлять съ одной стороны наслѣдственною, такъ какъ право быть избираемымъ ограничивалось предѣлами одного только рода; съ другой же выборною, такъ какъ въ самомъ родѣ князь обыкновенно избирался, при чемъ въ случаѣ надобности могли принять участіе и члены всѣхъ остальныхъ родовъ. Такое высшее патріархальное общежитіе, полученное посредствомъ расширенія фикціи родства, называлось на Руси *княженьемъ*. Патріархальными княженьями была покрыта вся Русь: княженья встрѣчаются у Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Новгородцевъ, Полочанъ [1]). Преданіе даже сохранило намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ князей, какъ напр. имя Мала, князя Древлянскаго, жившаго и дѣйствовавшаго уже въ историческое время.

Между тѣмъ какъ въ однихъ типахъ государственной жизни, напр. въ государствѣ, основанномъ на военномъ владычествѣ, внутренняя сила государства возрастаетъ пропорціонально расширенію его границъ; въ то время въ родовомъ устройствѣ замѣчается совершенно противоположное явленіе: внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, со-

[1]) П. С. Р. Л., I, 5: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Тамъ же, V, 83: «Словѣни же.... сдѣлаша градъ и наркоша Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла». Соф. Акад. (изд. 1795 г.), 2: «и посадиша въ немъ старѣйшину Гостомысла, князя отъ роду своего Новгородца».

образно съ расширеніемъ господства родового принципа по болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего первоначальнаго источника, семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы. Чувство родства, уваженіе къ власти родоначальника могутъ сохранить полное значеніе только въ незначительныхъ размѣрахъ рода; но, если только фикція родства расширяется, если создается новая, обширнѣйшая политическая единица, то тотчасъ же является потребность въ религіозномъ или политическомъ суррогатѣ, который однако больше извращаетъ первоначальный бытъ, чѣмъ сообщаетъ ему новую силу. Поэтому, между тѣмъ какъ въ простомъ родѣ члены связываются между собою подчиненіемъ власти родоначальника, общею поземельною собственностью, обязанностью круговой поруки: въ то время въ высшей родовой единицѣ, княженьи, общественная связь распространяется только на подчиненіе нѣкоторымъ общимъ учрежденіямъ, къ числу которыхъ относятся народное собраніе, вѣче, совѣтъ старѣйшинъ и княжеская власть; послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается не всегда, временами дѣло обходилось и безъ личной власти.

Характеръ патріархальной власти не перемѣнился существенно и въ княженьи. Княжеская власть не сдѣлалась царскимъ достоинствомъ, одареннымъ правами, искони ему принадлежащими; напротивъ, и здѣсь, какъ и въ простомъ родѣ, она оставалась республиканскою должностью, магистратурой, основанною, какъ выше замѣчено, съ одной стороны на наслѣдственности, съ другой же на выборѣ. Эти двѣ черты, повидимому столь противоположныя одна другой, легко соединялись вмѣстѣ при господствѣ родового быта, который не зналъ личности, а только союзы, а потому и власть предоставлялъ наслѣдственно цѣлымъ союзамъ: въ предѣлахъ же послѣднихъ поэтому власть легко могла быть и избирательною. Князь, какъ и простой родоначальникъ, соединялъ въ своей особѣ какъ жреческое, такъ и судейское и воеводское званіе; только это соединеніе разнообразныхъ властей не отличалось такою прочностью, какую представляетъ простой родъ. Выше уже

было замѣчено, что съ развитіемъ антропоморфизма явилась возможность образованія особеннаго жреческаго сословія. Чѣмъ больше боги усвоивали себѣ человѣческій образъ, тѣмъ опредѣленнѣе съ одной стороны возвышались надъ простыми смертными и требовали торжественнѣйшаго богослуженія; съ другой же тѣмъ больше приближались, вслѣдствіе своей человѣчности, къ послѣднимъ и отмѣчали достойнѣйшихъ къ сношенію съ ними. Въ такихъ обстоятельствахъ родоначальникъ, князь, легко могъ пренебречь въ пользу высшей власти заботами о мірскихъ дѣлахъ, которыя значенія его не усиливали, святости же его дѣлали значительный ущербъ. Этимъ путемъ легко происходило распаденіе званій и рядомъ съ княземъ-родоначальникомъ являлся самостоятельный жрецъ; однако никакъ не слѣдуетъ думать, чтобы противоположное явленіе, т. е., новое соединеніе того и другого званія въ одномъ родоначальникѣ и здѣсь было невозможно.

У Славянъ замѣчаются разныя формы отношеній между княжескимъ и жреческимъ званіемъ. Въ Чехіи князь, какъ и родоначальникъ, соединялъ въ одномъ лицѣ всѣ званія, служилъ представителемъ племени предъ богами и при переселеніяхъ переносилъ племенныхъ пенатовъ (дѣдки) [1]); въ Вагріи на ряду съ княжескимъ встрѣчается самостоятельное жреческое званіе и жрецъ является вмѣстѣ съ княземъ въ народномъ собраніи въ качествѣ судьи [2]). На островѣ Рюгенѣ жреческая власть, существовавшая также отдѣльно, пользовалась даже большимъ значеніемъ, чѣмъ княжеская, которая отошла на второй планъ [3]); но присвоеніе жрецами большей власти сравнительно съ княжескою не превращало еще, вопреки мнѣнію Гильфердинга [4]), Ранскаго княженья въ теократію, точно также какъ и у Бургундовъ синистъ,

---

[1]) Jirecek, Das Recht in Böhmen und Mähren, I, 65.

[2]) Helm., Chron. Slav., Lib. I, cap. 83.

[3]) Helm, Chron. Slav., Lib. II, cap. 12: «Rex apud illos modicae aestimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirit et eventus sortium eplorat. Ille ad nutum sortium et porro rex et populus ad illius nutum pendent». Ibid., I, 36: «Major flaminis quam regis veneratio apud istos est; qua sors ostenderit, exercitum ducunt».

[4]) Гильфердингъ, Исторія Балтійскихъ Славянъ, Москва, 1855, стр. 263 и слѣд.

верховный жрецъ, превосходившій преимуществами князя, не представлялъ еще собою теократической власти [1]). Необходимое условіе теократіи заключается въ обособленномъ положеніи жречества, въ подчиненіи авторитету послѣдняго не только князя, но и всего народа. Но ни того, ни другого про Славянъ сказать нельзя, такъ какъ, съ одной стороны, жреческое званіе составляло у нихъ принадлежность каждаго родоначальника, съ другой же, верховный жрецъ на Рюгенѣ былъ не столько неограниченнымъ исполнителемъ воли боговъ, сколько руководителемъ народнаго собранія, которое постановляло рѣшенія и приводило ихъ въ исполненіе. Съ точки зрѣнія Гильфердинга пришлось бы, пожалуй, счесть и господство владыкъ (митрополитовъ) въ Черногоріи за чистую теократію: въ сущности же это господство владыкъ есть не болѣе и не менѣе, какъ любопытный примѣръ патріархальнаго соединенія властей въ одномъ лицѣ въ христіанское время; ибо владыки въ Черногоріи являются какъ митрополитами, такъ судьями и воеводами. На Руси же отсутствіе всякихъ намековъ на существованіе жреческаго сословія и даже храмовъ въ честь боговъ [2]), равно какъ и слабое развитіе антропоморофизма, обнаруживающагося только въ позднѣйшее время, заставляютъ предполагать, что въ особѣ князя соединялись различныя званія, какъ княжеское, такъ и жреческое, подобно тому какъ тоже самое явленіе имѣло мѣсто и относительно Чехіи. Древнерусская исторія представляетъ даже несомнѣнныя фактическія указанія на приношеніе князьями жертвъ своимъ богамъ [3]), да и самая религіозная ревность Владиміра Святаго, которую онъ обнаруживалъ въ размѣщеніи по Кіеву разныхъ идоловъ и въ приношеніи имъ жертвъ или потребъ, объясняется гораздо лучше

---

[1]) H. v. Sybel, Entstehung des deutshen Königthums, S. 80.

[2]) Въ пользу мнѣнія, признающаго существованіе храмовъ въ языческой Руси, могутъ быть приведены собственно только нѣкоторые факты изъ иноземныхъ источниковъ, по тому самому мало достовѣрные; см. Срезневскаго, Святилища и обряды у языческихъ Славянъ, стр. 42.

[3]) П. С. Р. Л., 51, 988: «и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людье»...

жреческимъ характеромъ древнихъ князей, чѣмъ однимъ простымъ язычествомъ Владиміра [1]). Особенно, если имѣть въ виду Скандинавскіе источники, показывающіе, что подъ приношеніемъ жертвъ Владиміромъ не слѣдуетъ разумѣть простаго участія его, какъ князя, въ общественномъ богослуженіи, а напротивъ дѣйствительное отправленіе имъ жреческихъ обязанностей: такъ сага объ Олавѣ Тригвесонѣ сообщаетъ, что Олавъ ѣздилъ всегда къ капищу съ конунгомъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, пока Владиміръ приносилъ богамъ жертвы [2]).

Подобно жреческому, въ князѣ сосредоточивались и другія званія, военное и судейское, какъ это ясно видно изъ словъ Козьмы Пражскаго; „te ducem, te judicem... te solum nobis in dominum eligimus“; но недостатокъ свидѣтельствъ препятствуетъ сказать положительно, были ли у Славянъ случаи существованія самостоятельнаго судейскаго званія. Для опредѣленія отношеній княжескаго суда къ народу въ первоначальное время необходимо вспомнить о ходѣ развитія судебной власти князя въ историческій періодъ. Въ историческое время судъ вполнѣ сосредоточивался въ рукахъ князя, который взималъ исключительно на себя всѣ судебные штрафы, виры и продажи, и каралъ преступниковъ, выдаваемыхъ въ этихъ видахъ князю „на потокъ и на разграбленіе“, то есть, на заключеніе, ссылку, и конфискацію имущества [3]). Однако въ тѣхъ краяхъ древней Руси, гдѣ подобно Великому Новгороду и Пскову, власть народа съ теченіемъ времени вновь получила большое значеніе, тамъ замѣчается нѣкоторое

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 34, 980; 35, 983: «Иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги, и вся землю ихъ. И иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людми своими.

[2]) Рус. Ист. Сбор. IV, 44—46: «jafnam fór hann med konungi til hofs, en aldri gekk hann inn, stód hann uti hja hofs durum, mep an konungr fornfaerdi godonum».

[3]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), 30: «Аще будеть коневый тать — выдати князю на потокъ». Тамъ же, 79: «Аже зажгуть гумно, то на потокъ на грабежь домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ procѣ князю поточити і»... П. С. Р Л., I, 131, 1129: «поточи Мстиславъ князи Полотьскыѣ Царюгороду, съ женами и съ дѣтьми».

стремленіе если не къ ограниченію судебныхъ правъ князя, то по крайней мѣрѣ къ усвоенію и самому народу нѣкотораго участія въ судебной дѣятельности. Участіе это выражалось двоякимъ образомъ: съ одной стороны народъ во всей его совокупности предъявлялъ свои права на кару преступниковъ, на взятіе ихъ помимо князя, на потокъ и на разграбленіе, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ; съ другой же и обыкновенную судебную дѣятельность не оставлялъ исключительно въ рукахъ одного князя, а дѣлилъ ее между княземъ и посадникомъ, какъ представителемъ власти самого народа. Оба эти обстоятельства показываютъ, что въ первоначальный періодъ, представляющій не что иное, какъ полное владычество народа, совсѣмъ не могло быть рѣчи объ исключительномъ отправленіи судебной дѣятельности одною княжеской властью. Позднѣйшая исторія не оставляетъ насъ безъ нѣкоторыхъ намековъ и на счетъ самой формы, въ какой въ родовой періодъ отправлялась судебная дѣятельность. Вспомнимъ, что въ Псковскомъ устройствѣ князю, равно какъ и посаднику, запрещалось судить не вѣчѣ [1]): этотъ законъ, дерогаторный характеръ котораго несомнѣненъ, показываетъ, что было время, когда князь судилъ на вѣчѣ, то есть, когда судъ производился княземъ не иначе, какъ совмѣстно съ самимъ народомъ. А на такомъ судѣ на долю князя естественно могло приходиться одно только простое руководство при опредѣленіи приговора.

Расширеніе родовой власти на болѣе обширную территорію, или образованіе новаго цѣлаго посредствомъ соединенія нѣсколькихъ родовъ, не могло совершиться безъ соотвѣтственнаго ослабленія самой власти, безъ привлеченія къ участію въ ней самихъ подчиненныхъ. На этомъ-то привлеченіи къ власти и основывалась возможность подчиненія представителю цѣлаго племени, князю, простыхъ родоначальниковъ, которые въ предѣлахъ родовыхъ союзовъ пользовались полною самостоятельностью. Ибо въ совѣтѣ, который являлся на ряду съ княземъ во всѣхъ важнѣйшихъ пра-

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г. 1: «А князь п посадникъ на вѣчп суду не судить; судити имъ у князя на сѣнехъ, взираа въ правду, по крестному цѣлованью». Ср. Helm., Chron. Slav. I. cap. 83.

вительственныхъ дѣйствіяхъ, родоначальники находили полное вознагражденіе за свое подчиненіе княжеской власти. Уже одно названіе членовъ родового совѣта старѣйшинами указываетъ отчасти на происхожденіе сената; еще болѣе убѣждаетъ въ томъ же самый характеръ старѣйшинъ. Старѣйшинами были лучшіе люди, которые держали землю или управляли ею, т. е., имѣли въ ней власть; а власть по характеру того времени могла принадлежать въ землѣ, кромѣ князя, только родоначальникамъ [1]). Родовой сенатъ основывался такимъ образомъ не на предположеніяхъ вещественнаго или личнаго права, не на величинѣ землевладѣнія или знатности происхожденія, а на общественномъ положеніи старѣйшинъ, которое они уже раньше занимали въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ. Въ этомъ отношеніи родовой совѣтъ составляетъ противоположность съ княжескимъ совѣтомъ временъ Рюрикова дома, когда общественное положеніе не могло служить необходимымъ условіемъ для поступленія въ совѣтъ [2]), и полную аналогію съ Новгородскимъ сенатомъ, въ которомъ поступленіе въ число членовъ обусловливалось или занятіемъ какой-либо изъ главнѣйшихъ общественныхъ должностей, или же предварительнымъ отправленіемъ курульскихъ должностей посадника и тысяцкаго, дававшихъ право, по миновавіи срока службы, на мѣсто въ сенатѣ [3]). Разница между родовымъ и Новгородскимъ сенатомъ заключается развѣ въ томъ, что въ родовомъ совѣтѣ сенатскія права были принадлежностью не столько самой корпораціи, сколько

---

[1]) П. . Р. Л., I, 25, 946: «и побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати é; яко взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изъима»... Тамъ же, I, 24, 945: «Се слышавше Деревляне, избраша лучшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску землю»... Ebbo, 94: «princeps ergo... primusque Wiricus nobilissimus eorum... hanc pro omnibus dedit rationem: Ego Pater honorande, cum primatibus, hunc locum regentibus... pari voco in hoc convenimus, ut sacrilegos istos sacerdotes... a finibus nostris eliminemus».

[2]) П. С. Р. Л., I, 54, 996: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ». Тамъ же, I, 46, 987: «и созва князь боляры своя и старца. Рече Володимеръ: «се придоша посланіи наши мужи, да услышимъ отъ нихъ бывшее». и рече: скажите предъ дружиною».

[3]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., октябрь, мои «Очерки изъ жизни Великаго Новгорода».

отдѣльныхъ членовъ ея, родоначальниковъ; между тѣмъ какъ Новгородскій сенатъ имѣлъ права самъ-по-себѣ, какъ учрежденіе.

Пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ, относящихся до древне-русскаго совѣта, особенно до значенія и дѣятельности послѣдняго, до нѣкоторой степени можетъ быть восполненъ исторіею Славянъ. Сенатъ игралъ у Славянъ двоякую роль: онъ былъ или высшимъ правительственнымъ органомъ, дальше котораго не было никакой нераздѣльной (личной) власти; это замѣчается въ тѣхъ союзахъ родовъ, которые еще не усвоили себѣ княжеской власти и къ которымъ преимущественно нужно относить свидѣтельства памятниковъ, утверждающія, что Славяне не терпятъ единаго главы [1]); или же сенатъ былъ совѣтомъ при князѣ. Въ послѣдней формѣ сенатъ не получалъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ такой опредѣленности, такого значенія, какъ у Поморянъ; поэтому обстоятельное знакомство съ нимъ будетъ отнюдь не лишнимъ. Въ Щетинѣ, главномъ городѣ Поморянъ, существовали четыре особенныя зданія, называвшіяся кутинами (continae), куда въ опредѣленные дни, по приглашенію князя, собирались старѣйшины [2]). Въ позднѣйшее время (въ XII столѣтіи) члены совѣта, собиравшагося въ кутинахъ, характеризовались названіями nobiles, primates, primores, principes, majores, majores natu, seniores plebis, князья, бароны, а также capitanei и praefecti [3]). Послѣднія названія, barones, capitanei и praefecti относятся очевидно, только къ XII-му столѣтію и о предшествующемъ времени никаго понятія дать не могутъ. За то другія имена, особенно majores, majores natu, seniores plebis, князья, ясно показываютъ, что это былъ

[1]) Thietm., Chron., Lib. VI, cap. 18.

[2]) Acta Sanctorum, m. Julii, tom. I. Sefr., 105: «Erant autem in civitate Stetinensi continae quatuor»... Ibid., 106: «Nam sive potare, sive feria sua tractare vellent, in easdem aedes certis diebus veniebant et horis».

[3]) Ebbo 93: «indicitur generale colloquium... Statuta ergo die antistes montem Trigelai in media civitate, ubi aedes erat ducis, ascendit, magnamque domum huic colloquio apportunam, intravit: assunt principes cum sacerdotibus natuque majoribus». Ibid., 37: «His auditis sacerdotes et seniores plebis multam inter se conquisitionem habentes ajebant»... Ibid., 74: «Statimque in Pentecoste generale Principum terrae suae colloquium in eodem loco indixit (dux Pomeraniae), ubi convenientibus Timinensis aliarumque urbium primoribus, sapienter hos ad suscipiendum Christianae fidei jugum hortabatur».

не простой титулъ, выражавшій неопредѣленный авторитетъ; что лица, носившія ихъ, были, если не дѣйствительными родоначальниками, что весьма возможно, то во всякомъ случаѣ преемниками значенія первоначальныхъ представителей родовъ, какъ они характеризованы нами выше: представителей родовъ, выбранныхъ послѣдними, подобно чешскимъ владыкамъ. Совѣтъ старѣйшинъ находился въ связи, съ одной стороны съ княземъ, съ другой же съ народнымъ собраніемъ. Въ первомъ отношеніи нужно замѣтить, что князь, стоявшій на челѣ Поморянъ, самъ по себѣ не имѣлъ власти вершить дѣла, а долженъ былъ, когда вопросъ шелъ о благѣ народа, положеніи государства и цѣлости отечества, обращаться съ предложеніями къ старѣйшинамъ, которые, разобравъ предварительно дѣло въ самомъ совѣтѣ, давали положительный или отрицательный отвѣтъ [1]. Такимъ образомъ власть князя встрѣчала чувствительное ограниченіе со стороны совѣта; но въ этомъ нельзя видѣть, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые, особеннаго несчастія, свойственнаго только Поморянамъ; напротивъ, ограниченіе княжескаго значенія совѣтомъ выказываетъ только слабость власти, свойственную вообще патріахальному періоду исторіи человѣчества.

Если власть князя связывалась необходимымъ содѣйствіемъ совѣта родоначальниковъ, то она еще болѣе, равно какъ и самый сенатъ, ограничивались народнымъ собраніемъ, вѣчемъ: и это совершенно естественно, такъ какъ родовая власть не была властью семейною, получила начало не отъ расширенія семьи, естественно подчиняющейся авторитету главы семейства, а отъ родовыхъ союзовъ, основывалась на договорѣ, на избраніи родоначальника членами союзовъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать свидѣтельства иностранцевъ, утверждающихъ, что Славяне жили въ демо-

---

[1]) Sefr., 61: «At illi, salutatis majoribus ex nomine Ducum, ab eis missum nunciant Episcopum»... Ibid., 63: «verum ubi eam sententiam tam bonam tamque salubrem diligenti retractatione probaverant; primo quidem apud se in conclavi, deinde vero cum legatis et Paulitio, ad plenum vigorem laxiori consilio firmaverunt, cum eisdem ad populum egressi; qui sicut ad festum confluxerat»...

кратіи [1]). Народное собраніе патріархальнаго періода можетъ быть названо *первобытнымъ собраніемъ* (Urversammlung), вѣчемъ, такъ какъ оно основывалось не на представительствѣ какихъ-либо политическихъ союзовъ, а на непосредственномъ, личномъ участіи всѣхъ членовъ патріархальнаго княженья. Такое собраніе совершенно соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ древнѣйшей цивилизаціи. Такъ какъ родовые союзы, княженья, всѣ были большею частію незначительнаго размѣра, то понятно, что посѣщеніе вѣча было доступно для всего населенія въ княженьи; что въ извѣстные дни, у Вагровъ, напр., въ понедѣльникъ, жители селъ и деревень, входившихъ въ составъ союза, могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ свои торговыя дѣла, принять участіе въ народномъ собраніи, если оно было, а затѣмъ къ вечеру разойтись спокойно по своимъ мѣстожительствамъ [2]). Но съ расширеніемъ предѣловъ государства и съ появленіемъ трудно-примиримыхъ интересовъ, первобытное собраніе теряетъ смыслъ и превращается, какъ показываютъ примѣры Рима и Великаго Новгорода, въ господство главнаго города, если на черни послѣдняго. Мѣсто народнаго собранія, совпадавшее обыкновенно съ торгомъ, имѣло посрединѣ деревянный помостъ, иногда распадавшійся на отдѣльныя пирамиды, или трибуну, со ступеней которой говорили къ народу правительственныя лица: такія трибуны, естественно требуемыя собраніемъ, происходящимъ подъ открытымъ небомъ, встрѣчаются какъ у Поморянъ, такъ и въ позднѣйшее время на Руси, напр. во Псковѣ, гдѣ трибуна называлась *степенью* [3]).

---

[1]) Procop., de B. Goth., III, 14.

[2]) Sefr., 63: «qui (populus) sicut ad festum confluxerat, contra morem indispersus, Dei nutu in loco manebat, nec in rus discesserat... omnis illa multitudo populi, auditis primatum verbis, in eumdem sese consensum inclinaverunt.

[3]) Sefr., 160: «Erant ibi (въ Щетинѣ) gradus lignei, de quibus praecones et magistratus ad populum concionari solebant». Ebbo, 90: «Erant autem illic pyramides magnae et in altum more paganico muratae... Coadunato itaque populo, pius praedicator, super unam cum sociis suis ascendens pyramidem... coepit errantibus viam veritatis aperire». П. С. Р. Л., IV, 222, 1462, вар: «а иныя люди (съ) степени на вѣчи спихнули... его (князя Владиміра)».

Пренія, возникшія въ русской наукѣ относительно характера древнѣйшаго быта Славянъ, распространялись не на одни только принципы, но повторялись на каждомъ частномъ вопросѣ, между прочимъ и на вопросѣ о народномъ собраніи. Одни, какъ напр. г. Соловьевъ, въ народномъ собраніи видѣли не что иное, какъ сходку старѣйшинъ, родоначальниковъ, собственно же народное участіе въ вѣчѣ ограничивали пассивною ролью „принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ". Другіе же, какъ напр. К. Аксаковъ, старались низвести самыхъ старѣйшинъ, владыкъ, до уровня простыхъ отцовъ семей, чтобы только имѣть возможность счесть народное собраніе за непосредственную сходку, вѣче, противорѣчащее якобы основнымъ началамъ родового быта. Для патріархальной теоріи эти пренія не имѣютъ особеннаго интереса, такъ какъ и то и другое явленіе нисколько не противорѣчитъ патріархальному принципу, требующему, чтобы на вѣчѣ являлись одни только члены родовыхъ союзовъ. Положительная исторія показываетъ, что, хотя на вѣчѣ обыкновенно и участвовали всѣ члены родовыхъ союзовъ, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ расширенія предѣловъ княженья, посѣщеніе народнаго собранія естественно должно было ограничиться одними родоначальниками. Такъ, между тѣмъ какъ на Руси и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ земляхъ вѣче было сходкою всего народа [1]); въ то время въ Чехіи народное собраніе составлялось изъ однихъ только родоначальниковъ, служившихъ представителями какъ цѣлыхъ племенъ (леховъ), такъ и отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ (владыкъ) [2]); но вмѣстѣ съ измѣненіемъ снема естественно измѣнялось и значеніе совѣта, который въ Чехіи изъ рукъ простыхъ родоначальниковъ перешелъ въ руки кметовъ. Характеръ Чешскаго снема показываетъ, что первобытное собраніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и судебнымъ собраніемъ, или, если выражаться языкомъ Гримма, на-

---

Тамъ же, IV, 285, 1510: «да отговоривъ (Третьякъ Долматовъ во Псковѣ) то, да сѣлъ на степени». Тамъ же, IV, 258, 1478.

[1]) П. С. Р. Л., I, 54—55, 997: «Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и впраша: что ради вѣче было? («створиша вѣче людье» И. Х).

[2]) Краледвор. рук.: «Kda sie sniechu lesi i vladyky
V Vysegrade»....

родное собраніе было большимъ судомъ, судъ же малымъ вѣчемъ. Судебная сторона вѣча всего лучше поясняетъ отношенія между главными элементами общественной жизни, княземъ и народомъ. Какъ показываетъ примѣръ Чехіи, князь въ судебномъ собраніи являлся руководителемъ засѣданія, предлагалъ вопросы на обсужденіе и указывалъ на способы, которыми первые могли быть рѣшены. Рѣшеніе установлялось самимъ народнымъ собраніемъ, которому, какъ уже замѣчено выше, принадлежалъ и авторитетъ суда [1]). Отношенія же между вѣчемъ и совѣтомъ старѣйшинъ состояли въ томъ, что совѣтъ образовалъ при князѣ, какъ показываетъ исторія Поморянъ, совѣщательное собраніе, на которомъ предварительно разсматривались дѣла, переходившія затѣмъ на утвержденіе народнаго собранія, гдѣ совѣтъ игралъ также не маловажную роль. Но, подобно тому, какъ совѣтъ не всегда прибѣгалъ за содѣйствіемъ къ народному собранію, точно также и вѣче нерѣдко дѣлало свои постановленія и приводило ихъ въ исполненіе совершенно независимо отъ совѣта старѣйшинъ. Въ этомъ отношеніи характеръ Поморской жизни тѣсно граничитъ съ Новгородской, гдѣ также каждая толпа, случайно попавшая на Ярославовъ дворъ, тотчасъ же принимала на себя роль самодержавнаго вѣча; однако въ Великомъ Новгородѣ постановленіе вѣча только тогда получало полную юридическую силу, только тогда Новгородъ принималъ на себя отвѣтственность за рѣшенія, принятыя вѣчемъ, когда онъ далъ на эти рѣшенія свое *новгородское слово,* т.-е. когда рѣшенія состоялись при участіи Новгородскаго совѣта и съ благословенія Новгородскаго владыки, благословенія, служившаго торжественнымъ выраженіемъ Новгородскаго слова [2]).

Такимъ образомъ и вторая патріархальная единица, княженье,

---

[1]) Краледвор. рук.: «Klaniechu sie lesi i vladyky,
I pociechu ticho govoriti,
Govoriti ticho mezu sobu»...

[2]) Лус.-Ливон. акты, 61. 1331: «Wat dorichteghes volkes van ruscen heuet ghelopen sunder der Nogarder wort uppe der duschen hof, dat scolen de duschen nicht mer dencken». П. С. Р. Л., III, 229, 1366: «ѣздиша изъ Новгорода люди молодые на Волгу безъ Новгородскаго слова».

отличается тѣми же чертами, какъ и простая первоначальная ячейка, т.-е. родовой союзъ. И здѣсь форма государства была монархическою, власть сосредоточивалась въ рукахъ князя, сущность же тѣмъ не менѣе оставалась демократическою, такъ какъ народное собраніе являлось источникомъ всякой власти. Разница возникала развѣ только въ томъ случаѣ, когда образовавшіеся изъ отдѣльныхъ родовъ союзы не подчинялись личному повелителю, т.-е., или еще не успѣли усвоить себѣ княжеской власти, или же утратили ее вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ; когда, слѣдовательно, власть распредѣлилась между народнымъ собраніемъ и совѣтомъ, составленнымъ изъ старѣйшинъ, когда цѣлое представляло не столько государство, сколько союзъ государствъ. Въ этомъ случаѣ, встрѣчаемомъ въ исторіи Лютичей, сущность государства оставалась прежнею, демократическою, форма же измѣнялась въ аристократическую, такъ какъ на челѣ правленія становился совѣтъ старѣйшинъ, а совѣтъ вообще есть принадлежность аристократіи. Однако всѣ эти разнообразные зачатки государственной жизни, какъ монархическій, такъ и демократическій, не могли создать въ княженьи ни прочнаго внутренняго порядка, ни сильнаго внѣшняго единства. И не мудрено. Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженья, были ни въ чѣмъ инымъ, какъ государствами въ незначительномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженья. Дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда роду приходилось взойти въ составъ новаго цѣлаго, за нимъ все еще оставалась обширная, совершенно независимая сфера дѣйствія, въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ: такимъ образомъ, родъ представлялъ въ подобномъ случаѣ какъ бы государство въ государствѣ. Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, вполнѣ самостоятельные круги дѣйствія, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ родового быта: между тѣмъ, какъ въ современной намъ жизни, напр. въ Англійскомъ самоуправленіи, сфера общины строго опредѣляется и внутри ея предѣловъ подчиняется общимъ законамъ; въ то время въ

родовомъ строѣ союзы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ отношеній къ высшей единицѣ, тѣхъ именно, которыя касались не одного рода, а цѣлаго союза родовъ, во всемъ остальномъ были предоставлены вполнѣ самимъ себѣ. Отсюда-то возникали тѣ противогосударственныя стремленія, которыя заставляли родъ искать самостоятельности не въ активной свободѣ, не въ принятіи ревностнаго участія въ общественной дѣятельности, а въ пассивной, въ возможно большемъ отстраненіи отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ; отсюда-то вытекала вражда родовъ между собою, которая замѣчается при началѣ русской исторіи [1]). Еще менѣе возможно было сильное внѣшнее единство. За предѣлами двухъ незначительныхъ патріархальныхъ союзовъ, на Руси не существовало дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и крѣпкихъ, политическихъ организацій, даже не существовало простой связи между княженьями, если только исключить нѣкоторыя случайныя явленія и ихъ необходимыя слѣдствія, какъ напр. подчиненіе сѣверной Руси Варягамъ, а южной—Хозарамъ. За княженьями замѣчается одна только національная связь, основывавшаяся на общности языка, нравовъ и религіи.

На основаніи свѣдѣній, разсѣянно сообщенныхъ въ предшествующемъ изложеніи, можно составить себѣ окончательное представленіе о патріархальномъ бытѣ. Если съ одной стороны родовой бытъ представляетъ ту отличительную особенность, что при господствѣ его всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи, при чемъ все равно, будутъ ли состоять эти порядки въ простыхъ родовыхъ союзахъ, или же въ патріархальныхъ княженьяхъ; если, поэтому, при такомъ бытѣ понятія частнаго права и права общественнаго, понятія семьи и государства, строго не различаются, а постоянно смѣшиваются одно съ другимъ; если, съ другой, размѣръ родовыхъ учрежденій является, несмотря на то, все же значительнымъ; то, въ виду такой противоположности, совершенно естественно возникаетъ такой вопросъ о значеніи пат-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 8, 862: «Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.

ріархальныхъ организацій: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ, или же составляютъ принадлежность доисторическаго періода цивилизаціи человѣчества? Нельзя не сознаться, что существованіе нѣкоторыхъ политическихъ понятій при такомъ бытѣ неоспоримо. Если уже въ основаніи власти родоначальника и частнаго права на пользованіе или обладаніе поземельною собственностью лежитъ понятіе о высшей власти, служившей этимъ явленіемъ не только простымъ дополненіемъ, а дѣйствительнымъ, необходимымъ предположеніемъ [1]); то еще менѣе можно отрицать присутствіе той же высшей власти въ явленіяхъ общественнаго мира, изгойства (изверженія изъ среды общества), круговой поруки или замѣны кровной мести въ извѣстныхъ случаяхъ денежными пенями, вирами: всѣ эти явленія положительно переходятъ предѣлы простой семейной и общинной жизни и ясно свидѣтельствуютъ о государственности родовыхъ учрежденій. Общественная жизнь представляется не простымъ механическимъ сцѣпленіемъ индивидуумовъ или союзовъ; вездѣ присуще сознаніе объ органическомъ единствѣ, о подчиненіи личности обществу, объ общественномъ распредѣленіи и исполненіи общественныхъ дѣлъ. Только это органическое единство понималось не столько умственно, не столько въ опредѣленныхъ юридическихъ понятіяхъ, сколько миѳически и поэтически, въ образѣ, представляемомъ семейною жизнью. Поэтому совершенно естественно, что при такомъ бытѣ тѣ стороны государственной жизни, которыя не совпадаютъ съ представленіями о семьѣ, совсѣмъ не получаютъ надлежащаго развитія. Такъ, религія, самостоятельное существованіе которой столь же важно для нея самой, какъ и для государства, постоянно смѣшивается въ патріархальной цивилизаціи съ политикой, законъ съ религіознымъ правиломъ, родоначальникъ и князь являются вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами. Значеніе этого смѣшенія религіи съ политикой будетъ понятно, если только вспомнить, что народы, не

---

[1]) Краледвор. рук: «I umre-li glava celiedina,
Deti vsie tu zbozem v jedno vladu,
Vladyku si z roda vyberuce,
Ky pl'znie dlie v sniemy slavny chodi,
Chodi s kmietmi, s lechy, vladykami».

успѣвшіе перешагнуть чрезъ эту ступень развитія, свойственную всѣмъ отраслямъ человѣчества, обыкновенно перестаютъ развиваться совсѣмъ: такова судьба Индіи. Такою же неясностью и спутанностью отличаются и отношенія личности къ государству. Нельзя сказать, чтобы общество не имѣло власти надъ отдѣльною личностью; напротивъ, личность какъ-бы исчезаетъ, стушевывается предъ родомъ, такъ что государство знаетъ одни только родовые союзы, а не отдѣльныя лица: но самые союзы, обладавшіе въ своей средѣ полнѣйшей автономіей и составлявшіе поэтому какъ бы государство въ государствѣ, были столь незначительнаго размѣра, что представляются какъ-бы отдѣльными личностями, не связанными никакими узами, а потому совершенно произвольными.

Такимъ образомъ смѣшеніе понятій семьи и государства достаточно опредѣляютъ рангъ патріархальныхъ организацій и ихъ значеніе въ древней жизни. Еще болѣе затрудненій возникаетъ отъ этого смѣшенія понятій относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи. Если и нельзя сказать, что народъ не могъ сбросить съ себя родовыя формы и собственными средствами создать иное, высшее общежитіе: примѣръ противнаго замѣчается на Скандинавіи; тѣмъ не менѣе родовой бытъ, взятый въ его истинномъ характерѣ, не представлялъ, какъ политическая форма, зародышей къ дальнѣйшему развитію политической мысли. Развивающіяся потребности общества требовали расширенія государственныхъ предѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованія сильной центральной власти: соединеніе же этихъ двухъ явленій при господствѣ родового быта было совершенно немыслимо, ибо въ этотъ періодъ исторіи расширеніе въ размѣрѣ государства сопровождалось пропорціональнымъ ослабленіемъ центральной власти. Тяжесть вопроса о причинахъ, вызвавшихъ паденіе родового быта, русская наука не рѣдко пыталась обойти тѣмъ соображеніемъ, что въ родовомъ строѣ лежатъ естественные зародыши распаденія, состоящіе въ дробленіи родовъ на вѣтви и въ отдаленіи этихъ вѣтвей другъ отъ друга [1]. При этомъ, однако, упускается изъ виду

[1]) Сочиненія Кавелина, I, 323—324; II, 36.

то обстоятельство, что простое существованіе разрушительныхъ элементовъ нисколько не ручается за прогрессъ въ обществѣ, за переходъ его въ иную форму общежитія: напротивъ, оно свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что общество еще долго проживетъ въ старомъ строѣ: если отъ родовъ и отдѣляются особенныя вѣтви, то врядъ ли прямо можно утверждать, что эти отдѣлившіяся вѣтви съ теченіемъ времени сами не станутъ новыми родами, и на практикѣ онѣ всегда дѣйствительно становятся таковыми. Короче: каждая форма жизни падаетъ не вслѣдствіе какихъ-либо отрицательныхъ элементовъ, а напротивъ, подъ вліяніемъ зиждительныхъ; смѣняется только высшею и уступаетъ послѣдней мѣсто только вслѣдствіе ея превосходства, превосходства идеи новой жизни. Поэтому распаденіе родового быта должно обусловливаться какою-либо высшей идеею, совершаться при помощи какихъ-либо новыхъ механическихъ средствъ.

Опредѣленію идеи, сообщившей поступательный ходъ русской жизни, равно какъ и средствъ, которыми осуществлялась эта идея въ жизни, особенное вниманіе посвятилъ г. Чичеринъ. Принимая родъ за явленіе кровное, г. Чичеринъ естественно долженъ былъ думать, что патріархальная жизнь вообще разрѣшается или высшею государственною жизнью, или же свободною человѣческою личностью; что на Руси родовой бытъ распался подъ вліяніемъ идеи свободной личности и что механическимъ средствомъ для этого послужила дружина первыхъ князей Рюрикова дома, основывавшаяся на свободномъ договорѣ дружинниковъ [1]). Хотя мнѣніе г. Чичерина, равно какъ и вся его теорія, и не лишено своей широты, тѣмъ не менѣе справедливо только при предположеніи кровнаго рода, при отсутствіи въ послѣднемъ государственныхъ элементовъ, при полномъ поглощеніи имъ личности. Такое предположеніе однако несправедливо. Родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, а фиктивнымъ, государствомъ; дальнѣйшія потребности общества состояли въ созданіи усиленной монархической власти; поэтому очевидно, что дружина и на Руси не могла имѣть на

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, 1857, I, 240—241: Чичеринъ, Опыты по Исторіи Русскаго Права, 1858, 61—62.

распаденіе родовыхъ началъ въ этомъ отношеніи никакого опредѣлительнаго вліянія, также какъ она не имѣла его и въ Германіи. Ибо дружина собственно чужда всякой политической мысли и представляетъ явленіе частнаго права, почему и не можетъ служить орудіемъ къ усиленію монархической власти. Дружина принимаетъ обыкновенно тѣ политическія формы, среди которыхъ она живетъ и дѣйствуетъ: такъ, при господствѣ родового быта, она является съ патріархальнымъ отпечаткомъ. Въ самомъ дѣлѣ, связь предводителя съ членами дружины, выражавшаяся во взаимной вѣрности, совершенно соотвѣтствуетъ отношеніямъ родичей къ родоначальнику; въ жизни германской дружины, комитата, встрѣчаются даже примѣры кровной мести, которою дружинники обязывались какъ за себя, такъ и за своихъ родственниковъ [1]). Если въ политическомъ смыслѣ дружина не можетъ объяснить происхожденія новой государственности на Западѣ, то еще меньшее значеніе присуще ея простому договорному характеру. Съ точки зрѣнія патріархальной теоріи, договорный характеръ дружины не составляетъ существенной противоположности родовымъ учрежденіямъ, такъ какъ и послѣднія основывались также на договорѣ: разница заключается только въ томъ, что въ дружинѣ договоръ составлялъ явленіе частнаго права, въ родовомъ союзѣ же — общественнаго (contrat social); въ дружинѣ былъ явленіемъ произвольнымъ и имѣвшимъ опредѣленную цѣль, въ родѣ же — необходимымъ и объемлющимъ всю жизнь.

Г. Чичеринъ указываетъ на возможность и другого выхода изъ родового быта, однако и здѣсь при проведеніи своей мысли впадаетъ въ нѣкоторую неестественность. Исходя изъ того положенія, что патріархальная община можетъ существовать только при постоянномъ пребываніи членовъ на своихъ мѣстахъ, при неподвижности созданныхъ вѣками отношеній, онъ естественно находитъ, что на Руси родовой бытъ долженъ былъ исчезнуть самъ собою, безъ всякаго посредства дружины, отъ безпрерывнаго кочеванія и обновленія народонаселенія, кочеванія, принимаемаго

---

[1]) H. v. Sybel, Entstehung des deutschen Königthums, 1844 150—151.

имъ, на основаніи позднѣйшихъ явленій, за фактъ въ древне-русской жизни[1]). Въ этой аргументаціи солнце какъ будто хочетъ взойти съ запада, историческій путь начаться съ конца, съ осѣдлости населенія, тогда какъ историческое развитіе обыкновенно и не несправедливо представляется въ формѣ перехода отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Ибо въ принципѣ патріархальной жизни дѣйствительно лежало полнѣйшее броженіе, такъ какъ ни способъ обработки земли, ни отсутствіе въ строѣ жизни территоріальнаго или мѣстнаго начала не вызывали въ народонаселеніи осѣдлости. Поэтому, какъ, уже раньше замѣчено, патріархальный бытъ и могъ послужить основаніемъ для такого явленія, каково великое переселеніе народовъ. Только кочеваніе въ этотъ періодъ совершалось не столько отдѣльными лицами, какъ это мы замѣчаемъ въ позднѣйшее время, сколько, сообразно съ характеромъ жизни, полной тревогъ, цѣлыми родами и племенами. Такимъ образомъ, не кочеваніе разрушило господство родового быта, а напротивъ, явленіе совершенно противоположное, именно усиленіе осѣдлости въ народонаселеніи, вмѣстѣ съ которою являются въ жизни понятія частной поземельной собственности, мѣстной общины и вообще новый порядокъ вещей. Но если распаденіе родового быта и связывалось съ осѣдлостью народонаселенія, тѣмъ не менѣе это замѣчаніе не освобождаетъ насъ отъ опредѣленія тѣхъ механическихъ средствъ, съ помощью которыхъ совершился переходъ къ мѣстной общинѣ. Ясно, что на усиленіе осѣдлости не могли имѣть опредѣлительнаго вліянія ни дружина, которая сама только впослѣдствіи дѣлается осѣдлою, ни интенсивность въ обработкѣ земли, такъ какъ самое существованіе подобной интенсивности весьма сомнительно въ тотъ періодъ. Однако можно ограничиться пока этими отрицательными результатами, такъ какъ разъясненіе элемента, сообщившаго дальнѣйшее движеніе русской жизни, должно составить, вслѣдствіе крайней неразработанности предмета, не часть въ другомъ разсужденіи, а совершенно самостоятельное изслѣдованіе.

---

[1]) Чичеринъ, Опыты, 24—26.

Въ заключеніе нашей характеристики родового быта, считаемъ не лишнимъ оріентировать ее въ кругѣ существующихъ въ русской наукѣ представленій о томъ же самомъ періодѣ цивилизаціи русскаго народа. Эти представленія распадаются, главнымъ образомъ, на два направленія, двѣ школы: объективную и субъективную. Первая изъ нихъ, главою которой является г. Соловьевъ и которая нашла продолжателя въ г. Чичеринѣ, утверждаетъ, что въ древнѣйшее время на Руси господствовалъ естественный, кровный родъ, подобный тому, какой представляется намъ князьями Рюрикова дома, и въ этомъ утвержденіи доходитъ до парадоксальнаго положенія, отрицающаго въ древней Руси даже простое существованіе естественной семьи: семьи патріархальная жизнь не знаетъ, а знаетъ только родъ [1]). Несмотря на неоспоримыя заслуги этой школы: трезвость ея относительно взгляда на жизнь, стремленіе понять преемство историческихъ явленій и широту историческихъ воззрѣній, нельзя не сознаться однако, что она не осталась свободною отъ нѣкоторыхъ коренныхъ недостатковъ. Стремясь отыскать послѣдовательность въ развитіи историческихъ явленій, объективная школа, признаніемъ естественнаго или кровнаго рода за древнѣйшую форму общества, невольно низвела русскую жизнь въ ея зачаткахъ на степень доисторической или варварской жизни: русскій человѣкъ древнѣйшаго времени представляется этой школѣ даже не афганомъ, даже не монголомъ, а развѣ какимъ-либо пешерегомъ. Поэтому субъективная школа, обязанная своимъ началомъ критическому уму К. Аксакова и имѣющая въ настоящее время талантливаго, хотя, въ смыслѣ школы, и непослѣдовательнаго представителя въ г. Костомаровѣ, на котораго поэтому и не могутъ быть строго распространяемы особенности субъективной школы, ударилась въ противоположную сторону и отрицанію всякой собственно общественной (не кровной) связи въ свою очередь противоставила подобное же рѣшительное отрицаніе связи родовой: рода древне русская жизнь не знала, ибо родомъ въ древности называлось не что иное, какъ семья. И хотя, во-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, 1859, I, 48—51.

преки этому утвержденію, самого существованія семьи у всѣхъ древнерусскихъ племенъ, за исключеніемъ Полякъ, субъективная школа тоже страннымъ образомъ не признала; тѣмъ не менѣе въ ея дальнѣйшей теоріи семьи, слагаясь въ высшія единицы, образуютъ общины, которыя отъ обыкновеннаго государства отличаются существенно тѣмъ, что представляютъ собою воплощеніе внутренней правды: демократическая община — вотъ характеристическій типъ древнерусскаго общественнаго строя [1]). Если оставить въ сторонѣ склонность субъективной школы историческія идеи смѣшивать повсюду съ субъективными, послѣдняя имѣетъ еще и тотъ коренной недостатокъ, совершенно противоположный недостатку школы объективной, что въ исторіи преслѣдуетъ въ сущности одно постоянство въ случайныхъ, повидимому, явленіяхъ, тѣ черты народной жизни, которыя всегда бываютъ присущими народу; послѣдовательность же, преемство, прогрессъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ общества считаетъ дѣломъ маловажнымъ: оттого отличительныя черты разныхъ періодовъ развитія русскаго народа въ этой школѣ являются совершенно блѣдными. Это непониманіе послѣдовательности въ движеніи исторической жизни не могло остаться безнаказаннымъ для субъективной школы: непониманіе привело послѣднюю, въ концѣ концовъ, къ полному отрицанію дальнѣйшихъ ступеней въ развитіи русскаго народа. Противоположныя утвержденія, въ которыя характеристично впали обѣ стороны, и объективная и субъективная, стремилась примирить и сгладить смѣшанная теорія гг. Кавелина и Тюрина. Къ сожалѣнію, избранный для этого путь привелъ не къ желанному примиренію и соглашенію, а только къ соединенію заблужденій первыхъ двухъ школъ въ третьей: ибо смѣшанная теорія, воспользовавшись совершенно внѣшнимъ средствомъ, рядомъ съ естественнымъ, кровнымъ родомъ, признаннымъ ею за низшую единицу общежитія, поставила, какъ высшее цѣлое, чисто политическую общину [2]). Но противорѣчія примиряются и побѣждаются не сопоставленіемъ ихъ

---

[1]) Сочиненія Аксакова, I, 59—124, особ. 98.

[2]) Сочиненія Кавелина, I, 324—327; Тюринъ, Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Спб. 1850, стр. 8, 59—65.

рядомъ или другъ надъ другомъ, а отысканіемъ новаго начала, способнаго все примирить, все сгладить. Такимъ всепримиряющимъ началомъ, способнымъ очистить патріархальную теорію отъ ея внутреннихъ противорѣчій и сдѣлать неоспоримымъ господство ея и въ древней Руси, представляется намъ мысль о фиктивномъ или политическомъ родѣ, мысль, говорящая, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же община была не-чисто политическою, т.-е. мѣстною, а родовою. Въ разницѣ между политическимъ и кровнымъ, естественнымъ родомъ и вытекающими отсюда слѣдствіями и заключается отличіе нашего мнѣнія отъ представленій объективной школы.

I.

ОБЛАСТНОЙ БЫТЪ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Діалектика Гегеля, разсматриваемая какъ научный методъ, не удовлетворяетъ двумъ условіямъ. Вопервыхъ, остается бездоказанною всеобщая примѣнимость ея, такъ какъ нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что абсолютное въ своемъ развитіи всегда неуклонно будетъ слѣдовать діалектическому методу и нигдѣ не отступитъ отъ него, подчиняясь вліянію частныхъ обстоятельствъ. Вовторыхъ, не больше правъ на доказанность имѣетъ и трехпріемный маршъ діалектики: ни изъ чего не видно, чтобы каждое понятіе, при потерѣ господства надъ дѣйствительностью, уступало мѣсто другому, логически противоположному. Но діалектику можно еще разсматривать не какъ научный методъ, а какъ задачу, какъ цѣль, къ которой должно стремиться изслѣдованіе дѣйствительной жизни, какъ нѣкоторый распорядокъ понятій, отысканный какимъ бы то ни было путемъ, но выражающій сущность и значеніе замѣчаемыхъ въ жизни явленій; но въ такомъ случаѣ необходимо признать, что діалектика не параллельна съ дѣйствительностью, и что явленіе, занимающее въ дѣйствительной жизни первое мѣсто, въ діалектикѣ легко можетъ оказаться на послѣднемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть законнѣе такого діалектическаго ряда: абстрактная красота художественная красота и живая красота или геній; тѣмъ не менѣе, если бы эту тріаду считать за дѣйствительный фактъ, то пришлось бы утверждать, что художественное произведеніе предшествуетъ генію: очевидная невозможность. Еще яснѣе несоотвѣт-

ствіе діалектики съ дѣйствительною жизнью оказывается въ исторіи. По діалектикѣ инструментальная музыка занимаетъ первое мѣсто въ ряду, заключающемъ въ себѣ далѣе вокальную и драматическую музыку; но вопреки всѣмъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ діалектикой, въ исторіи она является отнюдь не на первомъ мѣстѣ: инструментальная музыка есть принадлежность новѣйшаго времени, въ древности же она почти совсѣмъ не цѣнилась.

Такимъ образомъ, изъ сущности діалектики, разсматриваемой въ ея единственно состоятельной формѣ, въ формѣ задачи, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы такой діалектическій рядъ, какой встрѣчается у самого Гегеля, а именно: семья, гражданское общество и государство, выражалъ дѣйствительный историческій фактъ, представлялъ тотъ самый порядокъ, въ которомъ указанныя явленія дѣйствительно смѣняли другъ друга въ теченіе исторической жизни, чтобы за семьей, какъ первоначальною формой общежитія, слѣдовали сначала общество, и только потомъ уже и государство. Діалектическій рядъ Гегеля представляетъ не сжатое выраженіе сущности историческаго развитія, а только оцѣнку значенія разныхъ формъ общественной жизни, семьи, общества и государства, для выраженія идеи общежитія; да и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ еще нуждается въ нѣкоторыхъ частныхъ ограниченіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ преувеличеніемъ общаго значенія діалектической тріады, отождествляющимъ діалектическое развитіе понятій съ дѣйствительнымъ развитіемъ или ходомъ исторической жизни, въ теоріи Гегеля идетъ параллельно преувеличеніе частнаго значенія отдѣльныхъ ступеней тріады, представляющихъ различныя формы общежитія, какъ напримѣръ гражданскаго общества. Въ понятіяхъ самаго Гегеля послѣднее обнимаетъ не только то, что мы разумѣемъ теперь подъ именемъ общества, но и нѣкоторыя другія явленія, вполнѣ справедливо относимыя юридическою наукой настоящаго времени къ совершенно иной области, какъ напримѣръ, полицію и судъ. Это двойное преувеличеніе вселяетъ справедливое недовѣріе къ попыткамъ послѣдователей ученія Гегеля примѣнить діалектическій методъ

къ изслѣдованію исторіи, найдти въ послѣдней a posteriori подтвержденіе догадки, высказанной Гегелемъ a priori, и такимъ образомъ, возвести діалектическую тріаду на степень историческаго закона, управлявшаго развитіемъ европейскаго общества. Въ формѣ историческаго закона діалектическая тріада гласитъ, что за первоначальною формой общежитія, представляемою семьей и ея естественнымъ расширеніемъ или родовымъ союзомъ, слѣдовало гражданское общество, въ которомъ всѣ общественныя отношенія опредѣлялись нормами одного частнаго права, пока наконецъ, на смѣну гражданскаго общества не явилось государство, исходившее въ организаціи общественной жизни уже не изъ частнаго, а общественнаго или государственнаго права.

Не смотря на замѣчательное остроуміе, съ которымъ совершена была г. Чичеринымъ попытка примѣненія діалектики къ исторіи, взаимное несоотвѣтствіе этихъ двухъ областей не могло не сказаться уже на самыхъ первыхъ порахъ. По діалектикѣ, первоначальная форма общежитія, или родовой бытъ, непремѣнно долженъ быть естественнымъ или кровнымъ союзомъ; исторія же показываетъ, что родовой союзъ не есть простая семья, расширившаяся отъ нарожденія новыхъ членовъ, а напротивъ того, явленіе чисто государственное; что даже самое существованіе кровнаго союза, вѣроятное, можетъ-быть, относительно дикихъ народовъ, весьма сомнительно относительно народовъ историческихъ. Такое существенное различіе между діалектикой и исторіей въ первомъ шагѣ развитія естественно должно наложить свою печать и на всѣ дальнѣйшія явленія той и другой области. По діалектикѣ, естественнымъ преемникомъ родоваго союза служитъ гражданское общество, въ которомъ всѣ явленія общественной жизни основываются на частномъ правѣ; исторія же показываетъ, что самое существованіе самостоятельнаго гражданскаго общества не мыслимо, что идея о подобномъ обществѣ есть заблужденіе, возникшее изъ смѣшенія разныхъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, признаніе гражданскаго общества за самостоятельную форму общежитія необходимо предполагаетъ полную самостоятельность и частнаго права, на которомъ основывается гражданское общество. А

между тѣмъ частное право имѣетъ самостоятельное значеніе только in abstracto, въ мышленіи, когда дѣло идетъ объ отысканіи самостоятельнаго принципа, который могъ бы служить исходнымъ пунктомъ для всѣхъ проявленій права, независимо отъ всякихъ посторонних условій. Когда же частное право разсматривается in concreto, изъ области чистаго мышленія переносится въ дѣйствительную жизнь, тогда оно теряетъ свою самостоятельность и становится въ зависимость отъ общественнаго, государственнаго права: развѣ можетъ существовать гдѣ-либо на землѣ частная собственность безъ признанія и гарантіи со стороны государства? Несамостоятельность, присущая началу какого-либо явленія, отражается естественно и на самомъ явленіи: гражданское общество поэтому никакъ не можетъ быть особою исторической формой существованія какого-либо народа.

Такимъ образомъ, всякое, сколько-нибудь организованное общество необходимо предполагаетъ существованіе государства. Однако первоначальное сознаніе о государствѣ было весьма смутно и мало усвоивало себѣ сущность послѣдняго; оттого, при примѣненіи къ конкретнымъ фактамъ, оно постоянно ускользало изъ рукъ и открывало полный просторъ смѣшенію частнаго права съ общественнымъ, которое съ теченіемъ времени получало все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры, подъ вліяніемъ привилегій. Это-то смѣшеніе частнаго права съ общественнымъ, характеризующее средневѣковый періодъ развитія человѣчества, и побуждало такіе сильные таланты, какимъ является г. Чичеринъ, видѣть абсолютное господство частнаго права какъ въ древней русской исторіи вообще, такъ въ частности и въ жизни Великаго Новгорода. Великій Новгородъ, думаетъ г. Чичеринъ, называется государствомъ несправедливо; онъ былъ ни болѣе ни менѣе, какъ только великимъ вотчинникомъ, отличающимся отъ другихъ вотчинниковъ тѣмъ, что въ немъ вотчинныя права принадлежали не одному лицу, а союзу свободныхъ лицъ: ибо хотя Новгородъ, какъ городъ, и представлялъ собою общину, въ которой судъ одинаково распространялся на всѣхъ безъ изъятія, какъ на боярина, такъ на житьяго и молодшаго человѣка, не переходя въ другія руки

и сохраняя характеръ должности, тѣмъ не менѣе область Великаго Новгорода была не что иное, какъ его вотчина: тамъ судъ отдавался въ кормленіе, на откупъ, въ наслѣдственное владѣніе; нѣкоторыя области даже откупались отъ княжескаго суда [1]). Не смотря на свою полную достовѣрность, приводимые здѣсь факты въ двухъ отношеніяхъ недостаточны для доказательства выводимаго изъ нихъ слѣдствія, будто бы Новгородская земля носила простой вотчинный характеръ. Вопервыхъ, хотя Новгородцы дѣйствительно распоряжались въ области правомъ суда точно такъ же, какъ они распоряжались тамъ землями, водами и лѣсами, тѣмъ не менѣе это явленіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что къ правительственной дѣятельности, суду, они прилагали нормы частнаго права, а отнюдь не о томъ, чтобы судъ былъ ихъ вотчиннымъ, а не государственнымъ правомъ: понятіе вотчины не только не заключаетъ въ себѣ права на судъ, но даже само не мыслимо безъ государства. Вовторыхъ, можно серіозно опасаться, что дѣло здѣсь представлено не только совершенно односторонне, но даже прямо противоположно тому, чѣмъ въ дѣйствительности было Новгородское устройство. Если выражаться строго, Великій Новгородъ не просто образовалъ общину въ своихъ собственныхъ предѣлахъ и распространялъ ее на область, но даже, благодаря тѣмъ представленіямъ, которыя были унаслѣдованы имъ отъ предшествующаго періода исторіи, собственно не полагалъ никакого различія между самимъ Новгородомъ и его землей, между городомъ и государствомъ.

Подобно тому, какъ въ періодъ родоваго быта, старшинство, служа руководною нитью при опредѣленіи общественныхъ отношеній, дѣлало возможнымъ образованіе новыхъ, болѣе значительныхъ общественныхъ союзовъ изъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ и часто враждебныхъ родовъ, точно также и теперь, не смотря на появленіе въ жизни мѣстнаго начала, старшинство не потеряло еще своей силы и содѣйствовало поддержанію связи между отдѣльными, разрозненными городами. И теперь въ предѣлахъ от-

[1]) Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 10; его же, Областныя учрежденія Россіи, стр. 23.

дѣльныхъ земель общежитіе поддерживалось только благодаря идеѣ старшинства, въ силу одного признанія извѣстнаго города старѣйшимъ, ибо съ этимъ признаніемъ само собой соединялось возведеніе князя старѣйшаго города на степень князя цѣлаго племени, равно какъ и сообщеніе старѣйшему вѣчу значенія вѣча всей земли, центра всей племенной общественной жизни. Съ другой стороны, и для пригородовъ въ участіи въ вѣчевой дѣятельности старѣйшаго города представлялось вполнѣ достаточное вознагражденіе за отреченіе отъ своихъ верховныхъ правъ, пользоваться которымъ они никогда не отказывались: дѣйствительно, лишь только какія-либо выходящія изъ ряда обстоятельства, къ числу которыхъ относились главнымъ образомъ войны или столкновенія съ княземъ, соединяли въ старѣйшемъ городѣ жителей пригородовъ и областей, мы всегда замѣчаемъ участіе ихъ въ вѣчахъ старѣйшаго города, ничѣмъ не отличающееся отъ участія самихъ горожанъ: права тѣхъ и другихъ одинаково состояли въ думаньи и гаданьи на вѣчѣ. Но такъ какъ вѣче, какъ всякое непосредственное или народное собраніе, при расширеніи предѣловъ государства, теряетъ свое настоящее значеніе, становится недоступнымъ для населенія земли, то при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, пригорожане совсѣмъ не участвовали въ народномъ собраніи, и вѣче превращалось просто въ городскую сходку. Какъ бы то однако въ каждомъ частномъ случаѣ ни было, участвовали ли пригороды въ постановленіяхъ вѣча, или нѣтъ, они во всякомъ случаѣ должны были подчиняться этимъ рѣшеніямъ, коль скоро эти послѣднія были приняты вѣчемъ старѣйшаго города, и не повиновеніе было бы здѣсь равнозначительно съ нарушеніемъ политической связи. На это-то фактическое подчиненіе пригородовъ вѣчевымъ рѣшеніямъ старѣйшаго города и указываетъ лѣтопись, говоря, что на Руси вездѣ, и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Смоленскѣ, младшіе города въ своихъ дѣйствіяхъ сообразуются съ указаніями вѣча старѣйшаго; но она ни мало не отрицаетъ, чтобы противоположные случаи были рѣшительно невозможны[1]). Связь,

[1] П. С. Р. Л., I. 160, 1176: «Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что

водворявшаяся между городами, благодаря идеѣ старшинства, была слишкомъ безсильна для того, чтобы удерживать пригороды, въ случаѣ разногласія послѣднихъ съ мнѣніями старѣйшаго города, отъ исключительнаго преслѣдованія своихъ интересовъ и предохранять, безъ помощи внѣшней силы, политическое цѣлое отъ неизбѣжнаго въ такихъ обстоятельствахъ распаденія.

Кромѣ вѣча, которое могло поддерживать, очевидно, только весьма шаткую связь пригородовъ и волостей со старѣйшимъ городомъ, въ рукахъ послѣдняго находилось еще другое средство тѣснѣе соединить съ собою подчиненныя области: представляя одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ характеристическаго для древней Руси смѣшенія понятій города и государства, средство это заключалось въ распредѣленіи подвластныхъ земель, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ, по городскимъ концамъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе скудости источниковъ, здѣсь въ особенности ощутительной, трудно рѣшить, на сколько самъ Великій Новгородъ воспользовался этимъ средствомъ, и потому въ изложеніи этого вопроса невольно приходится ограничиться, вмѣсто опредѣленныхъ результатовъ, однимъ указаніемъ на тѣ данныя, которыя подаютъ поводъ думать о существованіи дѣленія по концамъ и въ самомъ Новгородѣ. Какъ извѣстно, Великій Новгородъ въ древности дѣлился на пять концовъ; уже издавна въ наукѣ существовало мнѣніе, что и вся Новгородская земля точно также была раздѣлена на соотвѣтственное число частей, которыя назывались отъ того пятинами и изъ которыхъ каждая имѣла свое средоточіе въ извѣстномъ концѣ [1]). Но это старое мнѣніе о дѣленіи Новгородской земли на пять частей, соотвѣтствовавшихъ пяти концамъ, въ позд-

---

же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороды станутъ». Въ устахъ сторонника пригородовъ, Владимірскаго лѣтописца, ссылка на положеніе остальной Руси можетъ быть понятною только какъ противоположность теченію его собственныхъ, туземныхъ дѣлъ: между тѣмъ какъ въ другихъ краяхъ Русской земли, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, пригороды подчиняются вѣчу старѣйшихъ городовъ, здѣсь, въ Восточной Руси, старѣйшему городу на оборотъ приходится покоряться волѣ пригорода. Полное разъясненіе этого явленія, совершенно согласнаго съ общимъ ходомъ борьбы Владиміра съ Ростовомъ, было бы однако здѣсь неумѣстно.

[1]) Евгеній, Разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода, стр. 16.

нѣйшее время почти совсѣмъ потеряло научное значеніе, вслѣдствіе предположительнаго отсутствія всякихъ доказательствъ въ пользу его вѣроятности. Сомнѣнія исходятъ главнымъ образомъ изъ того соображенія, что о существованіи пятинъ Новгородскіе источники молчатъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было бы смѣло надѣяться съ ихъ стороны на нѣкоторыя указанія; да и свидѣтельство Герберштейна, послужившее основаніемъ для составленія мнѣнія о раздѣленіи Новгородской земли на пятины, говоритъ, по замѣчанію Неволина, о пятинахъ, какъ о частяхъ одного Великаго Новгорода, но отнюдь не о пятинахъ, какъ частяхъ всей Новгородской земли [1]). Послѣднее, однако, совершенно не вѣрно: нѣмецкій подлинникъ сочиненія Герберштейна показываетъ ясно, что послѣдній подъ пятинами разумѣлъ не концы города, а именно части всей Новгородской земли, имѣвшія въ старѣйшемъ городѣ только соотвѣтственнаго магистрата или кончанскаго старосту [2]). Но хотя показаніе Герберштейна и не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ существованія въ Новгородской землѣ дѣленія на пять частей, соотвѣтствовавшихъ пяти городскимъ концамъ, тѣмъ не менѣе оно еще ни мало не рѣшаетъ вопроса о тождествѣ дѣленія по концамъ съ извѣстнымъ намъ позднѣйшимъ дѣленіемъ на пятины: примѣръ Пскова, гдѣ къ городскимъ концамъ приписывались не сплошныя массы территоріи, а пригороды, которые могли лежать въ различныхъ краяхъ Псковской земли, свидѣтельствуетъ ясно, что не только имена и объемъ пятинъ [3]), но даже и самый характеръ дѣленія Новгородской земли въ первоначальное время могли быть совершенно различными отъ позднѣйшаго. Въ какой бы, однако, формѣ ни существовало дѣленіе Новгородской земли по концамъ, признаніе его

---

[1]) Неволинъ, въ Зап. Рус. Геогр. Общ., VIII, 50.

[2]) Moscovia's Beschreibung, edit. 1557, L. IV: «dieweil die *Stat* in jren Freihaiten gewest ist het ain gros weit gepiet, das maist in Mittenacht, und Aufgang der Sunnen, in fünff Thail gethailt, Also das ain jeglicher Thail sein sonderliche Obrigkhait in der *Stad* gehabt hat, dabei sӯ recht und bechaid in gemain und sondern sachen genumen, von denselben Obrigkhaiten oder Magistrat, ist khain dingnus weittergangen». Ср. Rerum Mosc. Comm., ap. Starczewsky, pag. 50.

[3]) Неволинъ, въ Зап. Рус. Геогр. Общ., VIII, 51—52.

во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ болѣе понятнымъ какъ появленіе позднѣйшаго дѣленія на пятины, такъ и то значеніе, которымъ пользовались въ Новгородской жизни концы, равно какъ и самое отсутствіе въ Новгородской землѣ большихъ правительственныхъ округовъ.

Этими двумя явленіями, вѣчемъ и распредѣленіемъ земли по концамъ, собственно и исчерпывались всѣ самостоятельныя средства, которыми располагали старѣйшіе города при организаціи областнаго быта; съ помощію этихъ средствъ они, конечно, могли связать съ собою подвластныя земли, но не могли проникнуть въ мѣстную жизнь и водворить тамъ своихъ представителей — слабость, наслѣдованная отъ временъ родоваго быта, такъ какъ отличительною чертой послѣдняго была именно неспособность пріобрѣсти вліяніе на мѣстную жизнь родовыхъ союзовъ. Только чрезъ органы княжеской власти, старѣйшимъ городамъ удавалось хотя нѣсколько устранить этотъ недостатокъ и расширить сферу правительственной дѣятельности на самую область, между прочимъ, и на отправленіе суда въ послѣдней. Судъ въ Великомъ Новгородѣ составлялъ необходимую принадлежность княжескаго званія; и хотя въ послѣдствіи рядомъ съ княземъ на судѣ стали присутствовать и представители вѣча, тѣмъ не менѣе судъ продолжалъ образовывать отдѣльное цѣлое и не сливался съ вѣчемъ, какъ было въ періодъ родоваго быта. Княжескому суду въ Новгородѣ въ равной мѣрѣ подлежали какъ жители старѣйшаго города, такъ и населеніе его области, какъ бояре, житьи и молодшіе люди, такъ и селяне [1]). Въ послѣднемъ случаѣ, когда въ процессѣ были замѣшаны областныя лица, со стороны суда были посылаемы къ нимъ особыя приглашенія или *позвы*, которые и передавались на мѣстѣ людьми, состоявшими въ вѣдѣніи суда и носившими въ древности многоразличныя названія: съ княжеской стороны — дворянъ и шестниковъ, съ народной же — подвойскихъ, биричей, извѣтниковъ и позовниковъ; въ позднѣйшее же

---

[1]) А. А. Э., I, 62, № 87, 1470—1471: «А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина».

время всѣ разсыльные, какъ княжескіе, такъ и народные, носили въ городѣ названіе подвойскихъ, въ области же — позовниковъ; но обязанности свои они отправляли обыкновенно вдвоемъ: одинъ подвойскій былъ съ княжеской стороны, а другой съ народной, вслѣдствіе чего и судебныя пошлины дѣлились между ними пополамъ [1]). Расходы, съ которыми необходимо были сопряжены поѣздка и содержаніе позовниковъ въ продолженіи послѣдней, въ позднѣйшее время были опредѣлены Новгородскою судною грамотой, по поводу призыва свидѣтелей, въ четыре гривны на сто верстъ, а время самой поѣздки — въ двѣ недѣли въ обѣ стороны; расходы эти оплачивались обыкновенно тою изъ тяжущихся сторонъ, которая по рѣшеніи дѣла оказывалась виновною [2]).

Обособленіе княжескаго суда отъ дѣятельности вѣча еще ни мало не доставило бы старѣйшему городу вліянія на мѣстную жизнь, если бы значеніе князя ограничивалось предѣлами одного главнаго города. Князья, однако, совсѣмъ не думали считать землю изъятою изъ сферы ихъ дѣятельности и уже въ глубокой древности имѣли обыкновеніе объѣзжать подвѣдомственную себѣ территорію, подобно тому какъ это было и въ Германіи, гдѣ объѣзды совершались только однажды въ каждое княженіе, по вступленіи князя въ управленіе, какъ-бы для формальнаго принятія всей земли во владѣніе. Но на Руси, а въ частности, и въ Великомъ Новгородѣ, такіе объѣзды, называвшіеся *полюдьемъ*, совершались не только ежегодно, но даже и по два раза въ годъ; оттого различались полюдья весеннія и осеннія. Дѣятельность князя во время полюдья намъ совершенно неизвѣстна, за исключеніемъ развѣ того, что въ это время князь собиралъ съ подвѣдомственной территоріи нѣкоторые дары; но если бы

[1]) П. С. Р. Л., IV, 58—59, 1348. А. А. Э., I, 68, № 91, 1471: «А позовъ по волостемъ Ноугородскимъ позывати позовникомъ великихъ князей да Новгородскимъ; а въ городѣ позывати князей великихъ подвоиской, а Ноугородской подвоиской».

[2]) А. А. Э., I, 70, № 92, 1471: «А кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ шестнику на сто верстъ по старинѣ; а подвойскимъ и Софьяномъ, и биричемъ, и извѣтникомъ на сто верстъ 4 гривны». Тамъ же, I, 70, 1471: «а закладъ дать виноватому истцю на сто верстъ шестнику».

полюдье состояло не въ чемъ иномъ, какъ въ простомъ сборѣ даровъ, то очевидно, что оно не могло бы имѣть для насъ особенно важнаго значенія [1]). Есть, однако, основаніе предполагать, что съ полюдьемъ связывалась и нѣкоторая правительственная дѣятельность, что князь во время объѣзда подавалъ жителямъ судъ и управу на мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ послѣдствіи, съ расширеніемъ круга своей дѣятельности, князь принужденъ былъ отказаться отъ объѣздовъ подчиненной территоріи лично, сохранивъ, однако, за собою право на дары съ волостей, то полюдье отнюдь не изчезло, а только измѣнило свою форму, превратилось въ княжескій *проѣзжій* судъ: подобнаго превращенія не могло бы случиться, если бы оба явленія не были сродны одно другому. Проѣзжій судъ состоялъ въ томъ, что въ извѣстное время года, обыкновенно лѣтомъ съ Петрова дни, князь отправлялъ отъ себя во всѣ края подвѣдомственной ему территоріи людей, которые въ качествѣ судей разбирали судебныя дѣла на мѣстѣ и сбирали связанныя съ тѣмъ пошлины [2]). Подобно дарамъ, собираемымъ во время полюдья, и пошлины съ проѣзжаго суда формируются съ теченіемъ времени въ опредѣленные ежегодные взносы, которыми были обязаны всѣ края Новгородской земли въ пользу князя. Отъ позднѣйшаго времени до насъ дошли и нѣкоторыя указанія на размѣръ, въ которомъ производились эти взносы разными Новгородскими пригородами: городъ Руса платила князю за проѣзжій судъ ежегодно 40 рублей, Водская земля — 30, Ладога — 15, Ижера — 2, а Лопари всего одинъ рубль [3]).

---

[1]) Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, 1828, S. 237—238. Срезневскій, Грамота Юрьеву монастырю 1130 года: «а язъ далъ роукою своеію и осеньнее полюдие даровьное полътретія десяте гривьнъ святомоуже Георгиеви». П. С. Р. Л., I, 172, 1190; VII, 60, 1154; Д. къ А. И., I, 6, № 9, 1150.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, № 15: «А за Волокъ ѣздити судьи, какъ пошло, по Новгородской пошлинѣ». Тамъ же, I, №№ 10—11, 1307—1308: «А въ Вългдѣ ти тиуна не держати; а судиямъ твоимъ ездити по волости, куда пошло, лѣто съ Петрова дни, по пошлинѣ».

[3]) А. А. Э., I, 63, № 87, 1470—1471: «А въ Русѣ ти имати за проѣзжей судъ, черезъ (то есть, каждый) годъ, сорокъ рублевъ... а въ Водцкой землѣ имати за проѣзжей судъ, черезъ годъ, тридцять рублевъ... и по инымъ волостемъ по Новгородцкимъ имати тобѣ пошлины по старинѣ»...

Въ послѣдующее время, по мѣрѣ смѣшенія частнаго права съ общественнымъ, проѣзжій судъ не только подвергся значительнымъ ограниченіямъ, но даже временами былъ вовсе устраняемъ. Въ первомъ отношеніи нужно замѣтить, что не все областное населеніе одинаково подлежало проѣзжему суду: зависимыя лица, половники, холопы и рабыни, могли быть судимы въ области только въ присутствіи ихъ господаря или землевладѣльца; если же послѣдняго не оказывалось въ наличности, то разборъ дѣла подлежалъ княжескому суду, происходившему въ самомъ Новгородѣ [1]). Еще важнѣе былъ второй случай. Преобладаніе фискальной точки зрѣнія надъ юридическою, господствовавшее въ древне-русскомъ судѣ и заставлявшее видѣть въ послѣднемъ не что иное, какъ только выгодную статью княжескихъ доходовъ, побуждало Новгородцевъ, для предупрежденія злоупотребленій со стороны князя при сборѣ пошлины, ограничивать самое пространство княжескаго суда. Поэтому уже съ давнихъ поръ у Великаго Новгорода происходили несогласія съ своими князьями, особенно по поводу права послѣднихъ на судъ во всей Новгородской области: временами Новгородцы даже обнаруживали стремленія къ рѣшительному устраненію княжескаго суда изъ области, къ лишенію князей всякаго права посылать туда своихъ судей [2]). Противоположныя стремленія заинтересованныхъ сторонъ примирялись обыкновенно тѣмъ, что князья, за извѣстное вознагражденіе, передавали право суда въ нѣкоторыхъ областяхъ въ руки самихъ Новгородцевъ. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для замѣны княжескихъ судей своими собственными, Новгородцы растрачивали на вѣтеръ всѣ выгоды своего положенія: въ представленіяхъ ихъ о власти господствовало точно такое же смѣшеніе понятій, какъ и у князей; они также смотрѣли на правительственную дѣятельность, какъ на общественныя угодья, земли, воды и лѣса, и раздавали въ част-

[1]) С. Г. Г. и Д., I, № 10, 1307: «А холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ господаря, судити князю въ Новѣгородѣ, тако пошло; и купцины въ силу не судити въ волостн».

[2]) П. С. Р. Л., III, 44, 1228: «А къ князю послаша къ Ярославу на томъ: поѣди къ намъ, забожницье отложи, судье по волости не слати».

ныя руки одинаково какъ угодья, такъ и судъ. Благодаря смѣшенію частнаго права съ общественнымъ, въ судѣ областей, подчиненныхъ Великому Новгороду, получила особенно сильное развитіе система откупа, съ помощью которой княжескій судъ былъ передаваемъ въ частныя руки со всѣми связанными съ нимъ правами. Откупъ суда былъ правильно организованъ, происходилъ въ самомъ Новгородѣ, на Городищѣ, въ опредѣленное время, въ присутствіи князя или его намѣстника и посадника; условія откупа вносились въ особенную грамоту, которая и выдавалась лицамъ, откупавшимъ въ извѣстномъ краѣ княжескій судъ, въ засвидѣтельствованіе ихъ правъ на послѣдній [1]). Судъ отдавался на откупъ то отдѣльнымъ лицамъ, то цѣлымъ союзамъ или областямъ, какъ это, напримѣръ, было съ Бѣжичанами и Обонѣжанами, откупившими судъ у князя Димитрія и Новгородцевъ на три года [2]).

Ограничительныя стремленія Новгородцевъ распространялись не только на судебную сторону княжеской дѣятельности, но еще болѣе на чисто-финансовыя права ихъ, на сборъ тѣхъ даровъ съ волостей, которые остались за княземъ отъ полюдья. Между Новгородскими областями, подлежавшими сбору даровъ въ пользу князя, выдающееся мѣсто занимала Двинская земля или Заволочье, какъ по ея значительности, такъ и потому, что господство самихъ Новгородцевъ въ этомъ краю первоначально было чисто внѣшнимъ, ограничивалось однимъ полученіемъ оттуда богатой дани, часть которой, естественно, уже съ раннихъ поръ была опредѣлена на содержаніе Новгородскаго князя [3]). Одна-

---

[1]) А. А. Э., I, 18—19, № 27, 1434 г.: «Списокъ съ грамоты съ откупные съ Обонежскіе, а сама грамота у Семена у Борисовича. У великого князя намѣстника... се купи Якимъ Гурѣевъ и Матѳей Петровъ Обонискый судъ князя великого... а судъ имъ судити и пошлины имати имъ по старинѣ и вѣрное имъ имати... А купилъ тогды, коли былъ князь велики Василей Васильевичъ въ Великомъ Новѣгородѣ, ино опослѣ того, съ того лѣта, съ того Петрова дни»...

[2]) С. Г. Г. и Д., I, № 1: «А судъ, княже, отдалъ Димитрій съ Новогородцы Бѣжичаномъ и Обонижаномъ на три лѣта, судье не слати».

[3]) П. С. Р. Л., I, 132, 1133 г.: «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смолньска даръ».

ко, сосѣдство этой области съ великокняжескими владѣніями и возникавшія отсюда опасенія эксплуатаціи ея со стороны князя побуждали Новгородцевъ недовѣрчиво смотрѣть на прямыя сношенія князя со своими пограничными землями и стремиться къ установленію разныхъ преградъ, которыя могли бы устранить возможность обремененія областнаго населенія произвольными поборами. Такъ хотя первоначально сборъ княжеской дани въ этихъ краяхъ и производился княжескими людьми, тѣмъ не менѣе со стороны Новгородцевъ были опредѣлены какъ количество людей, которое князь могъ посылать за данью, такъ и характеръ пути, котораго должны были держаться княжескіе слуги. Княжескій повѣренный долженъ былъ ѣхать на Двину, вопервыхъ, не болѣе какъ только въ двухъ насадахъ или лодкахъ; во вторыхъ онъ долженъ былъ совершать свой путь въ обѣ стороны не иначе, какъ чрезъ самый Новгородъ: князь не имѣлъ никакого права сноситься съ Двиной и Бѣжицами прямо изъ своихъ собственныхъ владѣній [1]). Въ позднѣйшее время, однако Новгородцы перестали довольствоваться уже и этими ограниченіями и нашли необходимымъ вмѣнить князю въ обязанность собирать опредѣленные ему доходы не иначе, какъ чрезъ ихъ же братью Новгородцевъ,—явленіе, отчасти сходное съ обязанностью князя управлять Новгородскими волостями только при посредствѣ самихъ же Новгородцевъ. Но и здѣсь Великій Новгородъ не умѣлъ освободиться отъ смѣшенія нормъ частнаго права съ общественнымъ: вмѣсто собственныхъ сборщиковъ, онъ сталъ отдавать княжескіе доходы, подобно суду, на откупъ [2]). Откупъ княжескихъ доходовъ происходилъ также на Городищѣ, въ тотъ же срокъ, то есть, послѣ Петрова дня, какъ и дача суда на откупъ; но представителемъ князя являлся здѣсь уже не намѣстникъ, а только — по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, — дворецкій [3]).

[1]) С. Г. Г. и Д., I, № 6: «А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву насаду по пошлинѣ, а опять ѣхати туды же на Новъгородъ; а съ Низу ти не слати, такоже и въ Бѣжицѣ».

[2]) С. Г. Г. и Д., I, № 10: «А за Волокъ ти, княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань свою Новгородцю». Тамъ же, I, № 9 (2).

[3]) А. А. Э., I, 62, № 87, 1470—1471 гг.: «А дворецкому твоему пошлины продавати съ посадникомъ Новгородцкимъ по старинѣ, съ Петрова дни».

Въ организаціи княжеской власти была еще одна сторона, которая представляла возможность проникнуть въ мѣстное управленіе волостей и земель, подчиненныхъ Новгороду, и которою Новгородцы дѣйствительно воспользовались для приведенія первыхъ въ большую отъ себя зависимость. Слабость родоваго устройства, какъ показано выше, заключалась въ томъ, что государство не имѣло своихъ собственныхъ органовъ въ родовыхъ союзахъ, входившихъ въ его составъ, такъ какъ каждый изъ нихъ образовалъ почти независимое цѣлое, управлявшееся въ своей средѣ при помощи выборнаго родоначальника. Однако, съ утвержденіемъ въ древней Руси княжеской власти, это положеніе подверглось существенной перемѣнѣ: уже на первыхъ порахъ князья стали посылать въ подчиненныя имъ мѣстности своихъ посадниковъ, служившихъ представителями княжеской власти. Такой порядокъ управленія держался въ Великомъ Новгородѣ не только въ то время, когда княжеская власть сохраняла свое первоначальное значеніе, но и тогда, когда княжеское званіе сдѣлалось выборнымъ; и тогда Новгородцы продолжали посылать посадниковъ въ подвластныя себѣ земли, но только старались замѣнить княжескихъ мужей своею братьею согражданами: подобныя стремленія обнаруживаются при первыхъ же столкновеніяхъ съ княжескою властью [1]). Но такъ какъ и князья не могли, не теряя окончательно своего значенія, отказаться отъ всякаго вліянія на назначеніе мѣстныхъ правителей, то съ теченіемъ времени и въ управленіи Новгородскими волостями водворяется такой же точно порядокъ, какой замѣченъ раньше въ устройствѣ Новгородскаго суда: князь сохранялъ за собою старое право назначать и смѣнять областныхъ правителей, но могъ это дѣлать не иначе, какъ съ согласія Новгородскаго посадника, какъ представителя господина Великаго Новгорода; да сверхъ того, онъ обязанъ былъ теперь раздавать Новгородскія волости уже не членамъ своей дружины, а самимъ же Новгородцамъ или кому по-

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 6, 1132: «И выгониша князя Всеволода изъ города; и пакы съдумавъше, въспятиша и, Устьяхъ, а Мирославу даша посадьницяти въ Пльсковѣ, а Рагуилови въ городѣ» (вар.: въ Ладогѣ).

слѣдніе укажутъ [1]). Однако, это правило, котораго князь долженъ былъ держаться въ управленіи Новгородскими областями, допускало въ его пользу нѣкоторыя исключенія, возникшія, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ географическаго положенія извѣстныхъ мѣстностей [2]).

Непреодѣленность границъ, характеризующая древнѣйшее время русской исторіи, естественно дѣлала порубежныя земли, какъ показываютъ неоднократные споры Новгорода съ великими князьями изъ за княжчинъ, источникомъ постоянныхъ затрудненій между сосѣдями; устранить эти затрудненія Новгородцы могли только раздѣленіемъ владѣльческихъ правъ на спорныя земли между обѣими заинтересованными сторонами. Благодаря этому обстоятельству, на окраинахъ Новгородской земли явились области, которыя хотя и составляли полную принадлежность Великаго Новгорода, тѣмъ не менѣе въ управленіи своемъ были организованы совершенно по образцу смѣстнаго суда, обыкновенно свидѣтельствующаго о существованіи двухъ противоположныхъ притязаній. На юго-востокѣ Новгородской земли такимъ характеромъ отличались Торжокъ и Волокъ Ламскій, которые, переходя по своему положенію за естественную границу Новгородскихъ владѣній, образуемую волокомъ или водораздѣльною линіей между Ильменемъ и Волгой, служили постоянною приманкой для великихъ князей восточной Руси. Не мудрено поэтому, что Новгородцы дѣлились своими владѣльческими правами на эти мѣстности съ сосѣдними князьями, держали тамъ своихъ посадниковъ на одной части, а управленіе другою предоставляли своему князю. Но такъ какъ вслѣдствіе подобнаго дѣленія выходило, что части однихъ и тѣхъ же Новгородскихъ владѣній могли быть управляемы по

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, № 1 и др.: «А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамотъ ти даяти». Тамъ же, I, №№ 2, 3 и др.: «А что волости Новогородскихъ, тѣхъ волостей тебѣ не держати, княже своими мужи, держати мужи Новгородскими, и даръ тебѣ имати отъ тѣхъ волостей». Ср. П. С. Р. Л., VI, 214, 1478.

[2]) С. Г. Т. и Д., I, 11, № 8, 1305: «Или пакъ не вынесутъ тобѣ княженія великого изъ Орды, поити твоимъ намѣстникомъ изъ Новагорода проць, и изъ Новгородьскыхъ пригородовъ»...

совершенно различнымъ обычаямъ: однѣ — по Новгородскимъ, другія же по обычаямъ восточной Руси, то дѣленіе сохранялось въ силѣ только въ тѣхъ отрасляхъ, которыя не представляли указанныхъ затрудненій, какъ напримѣръ, въ сборѣ даровъ съ областей: здѣсь для Великаго Новгорода достаточно было опредѣлить одинъ размѣръ, въ которомъ князь могъ требовать дани съ подчиненной области. Въ другихъ же отрасляхъ управленія, какъ напримѣръ, въ судѣ, дѣленіе теряло свою силу, посадникъ и княжескій тіунъ дѣйствовали сообща, и при томъ имъ вмѣнено было въ обязанность руководствоваться при судѣ Новгородскими обычаями, взимать установленныя Новгородомъ судебныя пошлины, виры и полевое, и затѣмъ уже дѣлиться полученными доходами пополамъ [1]). Подобнымъ же характеромъ отличалась и юго-западная окраина Новгородской земли, Великія Луки и Ржева, съ тѣмъ только различіемъ, что тамъ роль великаго князя восточной Руси игралъ великій князь Литовскій, и отношенія представляли еще больше сложности. Подобно Торжку и Волоку, въ Великихъ Лукахъ судили вмѣстѣ Литовскій и Новгородскій тіуны, а въ Ржевской области, подъ вліяніемъ смѣшенія частнаго права съ общественнымъ, отношенія перепутывались до того, что почти каждый клочекъ земли представлялъ свое особенное управленіе, въ которомъ элементы правительственной власти распредѣлялись самыми разнобразными способами между великокняжескими намѣстниками, Великимъ Новгородомъ и частными собственниками послѣдняго, владыкою и боярами [2]).

Областные правители, какъ княжескіе люди, такъ и замѣнившіе ихъ въ послѣдствіи Новгородскіе посадники, представляли въ области

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, № 1: «А что ти, княже, пошло на Торжку и на Волоцѣ тіунъ свой держати на своей части, и Новгородъ на своей части». А. А. Э., I, 63, № 87, 1470—1471: «А что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ тивунъ свои держать на своей части, а Новугороду на своей чясти посадника держати». Тамъ же, 1, 64; «А тіуну твоему въ Торжку судити съ Новогородскимъ посадникомъ, также и на Волоцѣ, по Новогородской пошлинѣ, Новогородскимъ судомъ, и виры и полевое по Новогородскому суду».

[2]) А. З. Р., I, 53, около 1440: «А на Лукахъ вашъ тивунъ, и нашъ тивунъ; судъ имъ на полъ. А Торопецкому тивуну по Новгородскимъ волостемъ не судити, по Ржовскому». Тамъ же, I, 91, № 71, 1479.

не столько мѣстные интересы, сколько общіе, Новгородскіе; мѣстные же, какъ показываетъ дача княжескаго суда въ областяхъ на откупъ, вообще имѣли въ глазахъ Новгородцевъ только второстепенное, посредственное значеніе. Поэтому въ званіи пригородскаго посадника, который, подобно Новгородскому, соединялъ въ своей особѣ всѣ отрасли управленія, а потому былъ обыкновенно окруженъ значительною свитой различныхъ слугъ, на первый планъ выступали такія стороны, которыя клонились къ удовлетворенію общихъ нуждъ Великаго Новгорода. Посадникъ былъ прежде всего пригородскимъ воеводой и даже временами носилъ названіе *воеводы* просто, но въ дѣйствительности не всегда начальствовалъ надъ пригородскимъ войскомъ, такъ какъ эта обязанность связывалась съ званіемъ посадника не безусловно и легко могла быть возложена на особеннаго воеводу, назначеннаго изъ главнаго города [1]). Въ качествѣ воеводы, посадникъ руководилъ защитой пригорода въ случаѣ внезапныхъ вторженій непріятеля, принималъ участіе въ оборонѣ самого Великаго Новгорода или его земли сообща съ Новгородцами или же отдѣльно, въ своемъ округѣ, наконецъ предпринималъ, по распоряженію главнаго города, самостоятельные походы на непріятельскую землю [2]). На обязанности посадниковъ лежалъ далѣе сборъ тѣхъ доходовъ, которые слѣдовали съ подвѣдомственной имъ мѣстности въ пользу правительствующаго города; при помощи своихъ приказниковъ и пошлинниковъ они должны были зорко слѣдить не только за исправнымъ внесеніемъ всей массы разнообразныхъ пошлинъ, которыя шли въ казну съ разныхъ промысловъ, въ особенности съ торговли: подзорнаго подоральнаго, описчаго, побережнаго и т. д. [3]), но да-

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 25, 1200: «Иде Нѣздила Пьхциниць на Лукы воеводою». А. А. Э., I, 80, № 104, 1477: «Ино не взяти съ той лодьи и съ тѣхъ возовъ, ни посадникомъ нашимъ Двинскимъ, ни воеводамъ, ни ихъ пошлиникомъ, никоторыхъ пошлинъ»...

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 13, 1164; 39, 1224; VI, 193, 1471. Тамъ же, Ш, 104, 1411: «Ходиша изъ Заволочья воиною на Мурманы, Новгородскымъ повелѣніемъ, а воевода Яковъ Стефановичь посадникъ Двиньскій».

[3]) А. А. Э., I, 32, № 42, 1448—1454: «Ино Двинскимъ посадникомъ Колмогорскимъ или Вологоцкимъ посадникомъ, и ихъ приказникомъ и пошлин-

же, кажется, и за самимъ взносомъ обыкновенной дани, хотя въ чрезвычайныхъ случаяхъ для сбора ея и были присылаемы изъ Новгорода особенные даньщики [1]). Собственно же мѣстная дѣятельность, состоявшая въ судѣ, возлагалась на посадника, какъ одно изъ лучшихъ средствъ обезпечить за нимъ опредѣленные доходы, такъ какъ производство суда связывалось въ древности съ извѣстными пошлинами въ пользу судьи. Но очевидно, что посадникамъ трудно было соединить судебную дѣятельность съ другими своими обязанностями, особенно со званіемъ воеводы, и что поэтому имъ необходимо было имѣть постоянныхъ помощниковъ въ *намѣстникахъ*, которые бы завѣдывали судомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда посадникъ не могъ руководить имъ самъ лично: намѣстники въ этой роли соотвѣтствуютъ судьямъ, которые въ самомъ Новгородѣ замѣняли князя съ посадникомъ. Въ качествѣ судьи, посадникъ имѣлъ въ подвластномъ ему пригородѣ свой судебный трибуналъ, въ засѣданіяхъ котораго принимали участіе, кажется, и представители мѣстныхъ интересовъ, сотскіе и старосты, а также располагалъ и необходимыхъ для суда количествомъ низшихъ служителей, назначавшихся изъ собственной дружины посадника и называвшихся, какъ и въ самомъ Новгородѣ, дворянами, биричами и т. д [2]).

Въ пригородахъ, находившихся по близости границъ и потому подверженныхъ постояннымъ непріятельскимъ нашествіямъ, управленіе посадниковъ оказывалось однако недостаточнымъ. На случай вторженія непріятеля, посадникъ не имѣлъ при себѣ никакихъ наличныхъ военныхъ средствъ, а долженъ былъ ожи-

---

никомъ всѣмъ, съ тѣхъ людей Сергѣева монастыря и съ возовъ не имати гостиного ничего же, никоторыхъ пошлинъ».

[1]) Др. Росс. Вивл., 2-е изд., XVIII, 3: «И для тѣхъ сборовъ (даней и оброковъ) и росправъ Новгородскіе ихъ тысящниковы и посадниковы бояре были присланы и жили въ Ухтостровской и въ Матигорской и въ иныхъ волостяхъ намѣстниками».

[2]) Срезневскій, въ Зап. Им. А. Н., IX, кн. II, № 6, стр. 79—80; XIV—XV вѣка: «Отъ посадника Василья Юрьевич. отъ пос. Оврама Стапанович отъ Васильева намѣстника Мины Ондрѣевич. отъ сочьского Ива. се позва Левонтии Зачепинъ Савка и всѣхъ княжоостровьчовъ на судъ. дворяниномъ Матуто. и Мартынкомъ»....

дать, пока соберется рать въ подвѣдомственной ему области, или прійдетъ помощь изъ Новгорода; но то и другое, очевидно, требовало времени, а между тѣмъ ждать было некогда. Для устраненія этого недостатка Великій Новгородъ старался помѣщать въ пограничные пригороды князей, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи значительныя дружины, которыя въ древности представляли единственныя постоянныя военныя силы, а потому могли служить удобнымъ средствомъ защиты на время, пока пригородъ или самъ Великій Новгородъ успѣетъ собраться съ силами, тѣмъ болѣе, что пригородскіе князья, будучи нерѣдко приняты изъ рукъ сосѣднихъ владѣльцевъ, уже тѣмъ самымъ какъ бы ручались за сохраненіе мира со стороны послѣднихъ. Недостатка же въ подобныхъ *кондотьери*, или предводителямъ вооруженныхъ дружинъ, не было, такъ какъ неудачи на родинѣ побуждали многихъ князей, особенно младшихъ, искать пріюта, службы и счастія на чужбинѣ. Назначеніе подобныхъ князей въ пригороды ни мало не устраняло власти пригородскихъ посадниковъ: послѣдніе встрѣчаются въ пригородахъ и на ряду съ князьями; посадники были тамъ, съ одной стороны, постоянными представителями власти старѣйшаго города, тогда какъ князья — явленіемъ болѣе или менѣе временнымъ; съ другой же — въ первыхъ сосредоточивались всѣ отрасли правительственной дѣятельности, тогда какъ князья имѣли спеціальное назначеніе. Отправляя князей на свои пригороды, Новгородцы снимали съ нихъ присягу въ томъ, что они станутъ на животъ и на смерть защищать Новгородскія владѣнія и служить „оплечьемъ“ Великому Новгороду [1]), а въ вознагражденіе за службы предоставляли князьямъ и ихъ дружинѣ право на „хлѣбъ“ съ подвластной мѣстности, вслѣдствіе чего и отношеніе ихъ къ послѣдней называлось *хлѣ-*

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 24, 1198: «Преставистася у Ярослава сына 2: Изяславъ бяше посаженъ на Лукахъ княжити и отъ Литвы оплечье Новугороду». Тамъ же, IV, 107, 1404: «И цѣлова крестъ къ Новугороду и въ животъ и въ смерть: которыи поидутъ иноплеменници на Новгородъ ратью, боронитися отъ нихъ князю Юрью (въ пригородахъ) съ Новгородци съ единого».

бокормленіемъ или *кормленіемъ* просто [1]). Хлѣбъ взимался князьями двумя путями, прямо или косвенно. Въ первомъ случаѣ область, отданная въ кормленіе, должна была доставлять для князя или свиты опредѣленное количество естественныхъ произведеній, хлѣба, натурой или въ деньгахъ, „серебромъ;“ а такъ какъ размѣръ назначенныхъ въ пользу князя припасовъ опредѣлялся коробьями, особенною хлѣбною мѣрой, то и самый поборъ княжескій носилъ названіе *коробейщины* [2]). Во второмъ случаѣ, князю предоставлялось въ пригородахъ право суда, который, будучи связанъ съ опредѣленными судебными пошлинами, служилъ въ древности однимъ изъ лучшихъ способовъ къ обезпеченію содержанія князя и его дружины. Бывали также, вѣроятно, случаи, когда тотъ и другой способы соединялись вмѣстѣ [3]).

Въ обоихъ случаяхъ размѣръ корма былъ пропорціоналенъ количеству волостей, предоставленныхъ князю въ кормленіе, а это послѣднее въ свою очередь опредѣлялось важностью призываемаго князя, многочисленностью его родственниковъ и дружины. Незначительнымъ князьямъ было отводимо въ кормленіе одинъ или два-три пригорода [4]); временами случалось даже, что они совсѣмъ не получали пригородовъ, а должны были довольствоваться хлѣбомъ съ однихъ только волостей, — явленіе, оправдывающееся какъ свойствомъ самаго кормленія, такъ и отсутствіемъ въ Новгородской землѣ тѣсной связи пригородовъ съ волостями [5]). Болѣе важные князья не только получали въ кормленіе больше пригородовъ, но даже, какъ это, напримѣръ, было въ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 114, 1412: «И Лугвень рече: дръжали мя есте у себя хлѣбокормленіемъ». . Тамъ же, IV, 90, 1383.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 123, 1446.

[3]) П. С. Р. Л., III, 109, 1419: «Пріиде въ Новъгородъ, съ Москвы, князь Костянтинъ Дмитреевичь .. и подаваша ему пригороды, которыи были за Лугвеніемъ, и боръ всеи волости Новгородцкои, коробейщину». Тамъ же, III, 138, 1419. Зап. Рус. Геогр. Общ., VIII, прил. 1, стр. 11: «А хлѣба положено по спомъ (въ пользу великаго князя) 18½ коробьи ржи, 37 коробей овса, 9 коробей ячмени»...

[4]) П. С. Р. Л., II, 88, 1161; IV, 15, 1177; 16, 1181; III, 24, 1198.

[5]) П. С. Р. Л., IV, 123, 1446: «Пріѣха въ Новгородъ съ Москвы князь Юрьи Лугвеневичь, и Новгородцы даша ему кормленіе, по волости хлѣбъ, а пригородовъ не даша».

1419 году съ Константиномъ Дмитріевичемъ, пользовались кормомъ со всей Новгородской области или коробейщиной. Въ самомъ значительномъ размѣрѣ кормлеміе было предоставлено Юрію Святославичу Смоленскому: ему было дано не два или три пригорода, а цѣлыхъ 13, слѣдовательно, чуть-ли не всѣ Новгородскіе пригороды. И не мудрено: Юрій былъ великимъ княземъ, происходилъ изъ любимаго Новгородцами Смоленскаго дома, послѣ потери Смоленска явился въ Новгородъ не одинъ, а въ сопровожденіи сына, князя Вяземскаго и его брата [1]). Съ другой стороны, затруднительныя обстоятельства, въ которыя нерѣдко попадался великій Новгородъ, побуждали Новгородцевъ не только увеличивать область кормленія, но и дѣлать кормленіе наслѣдственнымъ, совершенно согласно съ нормами частнаго права: такъ, когда нареченный владыка Новгородскій Василій и его свита были въ 1331 году захвачены Гедиминомъ на пути въ Литвѣ и для своего освобожденія надавали большихъ обѣщаній, то Новгородцамъ въ 1333 году пришлось сдержать эти обѣщанія и предоставить сыну Гедимина Новгородскіе пригороды въ отчину и дѣдину, то есть, въ наслѣдственное владѣніе [2]). Естественно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда кормленщикъ получалъ не одинъ, а нѣсколько пригородовъ, то онъ не могъ завѣдывать всѣми пригородами самъ лично, а долженъ былъ оставлять въ нихъ намѣстниками своихъ родственниковъ и слугъ, и такимъ образомъ, получалъ право, котораго не имѣлъ даже Новгородскій князь, обязанный держать Новгородскія волости не иначе, какъ при посредствѣ самихъ Новгородцевъ [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 107, 1404: «Князь великый Смоленьскій Юрьи Святославичъ... пріѣха въ Великій Новгородъ съ сыномъ.... и съ княземъ Вяземьскимъ и съ братомъ его.... Новгородцы его пріяша въ честь и даша ему 13 городовъ»...

[2]) П. С. Р. Л., IV, 52, 1331: «Поѣха Василей чернець ставитися къ митрополиту въ Волынскую землю...: и князь Гедиминъ изнима ихъ на миру, и въ таковой тяготѣ и слово правое дали, сыну его Нариманту пригороды Новгородцкіи: Ладогу, Орѣховый, Корѣльскій, Корѣльскую землю и половину Копорьи, въ отчину и дѣдину и его дѣтемъ». Тамъ же, III, 77, 1333.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 113, 1412: «И Лугвень съѣха въ Литву и намѣстникъ сведе съ пригородовъ Новгородцкыхъ».

Не только въ назначенiи, но и въ увольненiи пригородскихъ правителей, какъ посадниковъ, такъ и князей-кормленщиковъ, Великiй Новгородъ старался обезопасить себя отъ произвола своего князя: послѣднiй не только обязанъ былъ раздавать волости сообща съ посадникомъ, но и отнимать ихъ не иначе, какъ по винѣ, вслѣдствiе проступка со стороны должностнаго лица. Но всѣ эти предосторожности, благопрiятныя для самихъ Новгородцевъ, мало гарантировали интересы жителей области, отдаваемой въ кормленiе, мало защищали послѣднихъ отъ произвола и насилiй, къ которымъ кормленiе по своей натурѣ подавало неоднократные поводы. И дѣйствительно, случаи насилiй со стороны кормленщиковъ были нерѣдки, кормленiе временами дорого обходилось Великому Новгороду. Главная цѣль помѣщенiя кормленщиковъ въ Новгородскiе пригороды заключалась въ оборонѣ отъ внѣшнихъ враговъ какъ вообще Новгородскихъ владѣнiй, такъ въ особенности области, данной въ кормленiе; но вопреки своему назначенiю кормленщики сидѣли на кормленiи, ѣли хлѣбъ, пока тянулось мирное время, а когда наступала рать и приходилось платить за кормленiе службой, тогда они спѣшили оставить свой постъ, да сверхъ того, при отъѣздѣ грабили данныя имъ волости или сосѣднiе края, лежавшiе на ихъ возвратномъ пути. Да и въ мирное время кормленщики мало пеклись объ интересахъ ввѣренной имъ мѣстности и ея населенiя: Борисъ Константиновичъ въ началѣ XIV столѣтiя такъ усердно кормился въ Новгородской волости Корѣлѣ, что принудилъ населенiе этой области передаться Нѣмцамъ [1]). Въ случаѣ подобныхъ насилiй, пригорожане должны были ѣхать въ Новгородъ съ жалобою къ князю или самому вѣчу и смѣло могли считать себя счастливыми,

---

[1]) С. Г. Г и Д., I, № 11, 1307—1308: «Князь великый Андрѣй и вьсь Новгородъ дали Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ и онъ едъ хлѣбъ; а како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ повьргя.... прiѣхавъ въ село, Новгородьскую волость пусту положилъ, братiю нашю испродалъ.... А Бориса Костянтиновица кърмилъ Новгородъ Корѣлою, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцѣ загонилъ; надъ тимь рубежъ учинилъ на Новѣгородѣ, чего не пошло про рубежь, господине».

если имъ удавалось скоро избавиться отъ своихъ притѣснителей. Дѣло не на шутку было не легкое: въ случаѣ тяжбы съ пригородами кормленщикъ легко могъ подкупить не только Новгородскаго князя, но и самое вѣче или часть послѣдняго, и такимъ образомъ сдѣлать успѣхъ тяжбы весьма сомнительнымъ для пригорожанъ. Такъ благодаря посулу въ пользу Славянскаго конца, Патрикій Наримантовичъ, на котораго подали въ 1384 году вѣчу жалобу пригороды Орѣховъ и Корѣльскій, отведенные ему въ кормленіе, не только не былъ совсѣмъ удаленъ изъ Новгородской земли, но даже едва-едва, послѣ долгой междоусобной брани, переведенъ изъ прежнихъ пригородовъ въ другіе, Русу и Ладогу [1]).

Такимъ образомъ, при помощи орудій княжескаго управленія, Великому Новгороду удалось хотя нѣсколько организовать свой областной бытъ, проникнуть въ мѣстное управленіе и этимъ путемъ сплотить тѣснѣе въ одно цѣлое подчиненныя себѣ владѣнія. Но эти то самыя пріобрѣтенія, сдѣланныя старѣйшимъ городомъ въ областномъ управленіи, въ соединеніи съ связанными съ ними злоупотребленіями, въ глазахъ пригородовъ, привыкшихъ распоряжаться своею судьбою по собственному усмотрѣнію, являлись особеннымъ бременемъ, которое послѣдніе переносили обыкновенно съ трудомъ. Кромѣ дани, которая естественно служила однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, неудовольствія также немало поддерживались правомъ призывать жителей области на судъ въ Новгородъ, равно какъ и правомъ назначать въ пригороды посадниковъ и кормленщиковъ. Понятно, что право судебныхъ позвовъ было въ древности крайне непопулярнымъ, и что сами Новгородцы добивались у Москвы льготы отъ него даже въ то время, когда приходилось отказаться отъ всѣхъ своихъ старыхъ вольностей: судебные позвы связывались съ платою прогоновъ позовникамъ, сообразно числу верстъ, съ тратою времени и средствъ въ случаѣ поѣздки въ Новгородъ, наконецъ съ неопредѣленностью самаго суда, производившагося въ отдаленномъ краю и чуждымъ лицомъ, тогда какъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 93, 1384; ср. Ник. Лѣтоп., IV, 144.

идеаломъ старой жизни было возможное сосредоточеніе всякой власти въ своихъ городскихъ стѣнахъ, на своихъ собственныхъ глазахъ и въ рукахъ соотчичей. Но еще менѣе, чѣмъ судебные позвы, могли возбуждать къ себѣ сочувствіе въ мѣстныхъ жителяхъ областные Новгородскіе правители, особенно кормленщики, такъ какъ кормленіе уже по своему характеру всегда могло вести къ важнымъ злоупотребленіямъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, во всѣхъ краяхъ Новгородской земли—и на сѣверо-востокѣ, и на юго-востокѣ, и на юго-западѣ и на западѣ, постоянно тлилась искра неудовольствія на Новгородское владычество, готовая ежечасно вспыхнуть яркимъ пламенемъ. Но такъ какъ въ большей части случаевъ неудовольствіе это въ самихъ пригородахъ не вызывало опредѣленныхъ стремленій къ улучшенію своего положенія, то дѣло обыкновенно ограничивалось простыми попытками свергнуть власть Великагo Новгорода и задаться за какого либо сосѣдняго владѣльца, попытками, кончавшимися всегда неудачно, а потому дорого обходившимися мѣстнымъ жителямъ. Такъ, когда населеніе Великихъ Лукъ и Ржевы, находившееся, какъ показано выше, въ тѣсной связи съ князьями Литовскими и дѣйствовавшее, вѣроятно, не безъ вліянія послѣднихъ, отказалось платить дань Великому Новгороду, то Новгородцы, не долго думая, немедленно отправили туда воеводъ съ войскомъ, которые, раздѣлившись на три колонны, начали казнить бунтовщиковъ, то есть, предавать опустошенію возставшія волости и жечь всѣ тамошнія селенія по самую Псковскую границу [1]).

Болѣе обширные размѣры возстаніе принимало на Двинѣ, но и тамъ не мѣняло своего существеннаго характера. Заволочье или Двинская земля, гранича на западъ огромнымъ волокомъ, отдѣ-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 210, 1436: «Новгородцы ходиша на Великіе Луки ратью и повоеваша; тогда же и Ржеву воеваша, своихъ даньщиковъ, а они не почаша дани давати Новгородцемъ». Тамъ же, III, 111, 1435: «Ѣздиша воеводы Новогородскіа... и Новогородцевъ много, а съ Рушаны... и Порховичи, и идоша трема путьми, и казниша Ржевичь и села вся пожгоша по Ръжевѣ по Плесковьскый рубежъ, и на Бардовѣ»...

ляющимъ воды Балтійскаго моря отъ водъ Сѣвернаго, представляло не что иное, какъ бассейнъ Сѣверной Двины и сосѣднихъ съ нею рѣкъ, и находилось въ древнѣйшее время относительно Великаго Новгорода въ совершенно внѣшней связи, заключавшейся въ одной только дачѣ дани послѣднему. Но подобно Югрѣ, Двиняне и эту зависимость переносили съ трудомъ, неохотно платили требуемую дань, нерѣдко избивали не только даньщиковъ, отправляемыхъ на Двину и въ Югру, но даже князей, появлявшихся туда изъ Новгорода, и ежечастно были готовы измѣнить Новгородцамъ и передаться въ руки сосѣднихъ князей восточной Руси [1]). Послѣдніе, въ лицѣ Суздальскихъ князей, смотрѣли съ постоянною завистью на богатую Новгородскую колонію и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы переманить ее на свою сторону, или по крайней мѣрѣ, захватить въ свои руки доходы, собранные тамъ Новгородцами. Стоило только Новгородцамъ немного оплошать, послать даньщиковъ на Двину въ небольшомъ числѣ, какъ Суздальскіе князья, провѣдавъ о томъ, уже спѣшили воспользоваться ошибкою и немедненно посылали свое войско, съ цѣлію перенять собранную Новгородцами добычу [2]). Да и въ ссорахъ своихъ съ Великимъ Новгородомъ, Суздальскіе князья, зная нерасположеніе Двинянъ къ Новгородскому владычеству, разсчитывали на нихъ, какъ на вѣрныхъ союзниковъ: уже Андрей Боголюбскій въ 1169 году успѣлъ побудить Двинскую землю совершенно отказаться отъ дачи дани Великому Новгороду и перейдти на его сторону. Оттого управленіе Двиною носили въ то время военный характеръ: для поддержанія своихъ верховныхъ правъ, Новгородцамъ нерѣдко было необходимо посылать въ Двинскую землю вооруженные отряды, человѣкъ по сту отъ конца, для того чтобъ они могли вынудить дань силою, да и защищать

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 3, 1079: «Убиша за Волокомъ князя Глѣба». Тамъ же, Ш, 19, 1187: «избьени быша Печерьскѣи даньникы и Югърьскіи въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ; и паде головъ о стѣ къметьства». Тамъ же, IV, 17, 1187.

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 11, 1150: «Идоша даньници Новгородьстіи въ малѣ. и учювъ Гюрги, оже въ малѣ шли, и посла князя Берладьского съ вои и бившеся».

ее въ случаѣ надобности отъ всякихъ непредвидѣнныхъ нападеній [1]). Однако, въ теченіе XIII и XIV столѣтій, Новгородцамъ удалось наконецъ и здѣсь, въ Двинской землѣ, внѣшнюю связь замѣнить введеніемъ нѣкоторой опредѣленной организаціи, и такимъ образомъ, утвердить тамъ свое непрочное владычество.

Хотя область Сѣверной Двины и была извѣстна у Новгородцевъ подъ однимъ общимъ именемъ Заволочья или Двинской свободы, тѣмъ не менѣе была скорѣе географическимъ, чѣмъ административнымъ цѣлымъ [2]). Въ отношеніи администраціи Двинская земля распадалась на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая управлялась особо и между которыми нужно различать земли: собственно Заволочскую, Двинскую, Печерскую, Вологодскую, и вѣроятно, еще нѣкоторыя другія; оттого въ этомъ обширномъ краѣ не замѣчается ни одного пригорода, который пользовался бы, подобно Пскову, выдающимся значеніемъ [3]). Представителями власти во всѣхъ этихъ земляхъ, какъ и вообще въ пригородахъ, были обыкновенно Новгородскіе посадники, и только въ послѣдніе года самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода появляется на Двинѣ князь, обязанный оберегать отъ непріятелей весь Двинской край [4]). Въ собственно Двинской землѣ было два посадника, которые въ главномъ селеніи области, Холмогорахъ, имѣли свой судебный трибуналъ: одинъ изъ посадниковъ естественно могъ замѣнять тысяцкаго, сана котораго въ Новгородскихъ пригоро-

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 9, 1169: «Двиняне не хотяху дани давати Новугороду, но вдашася князю Андрѣю Суздальскому; Новгородци же послаша на Двину даньника Даньслава Лазутинича, а съ нимъ изъ конца по 100 мужь». Ср. Ник. Лѣт., II, 209, 1171.

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 98, 1397: «ко всей Двиньской свободѣ». Тамъ же, Ш, 104, 1411.

[3]) П. С. Р. Л., VI, 14, 1471: «Снявся съ Заволоцкою землею, да и съ Двиньскою землею, и съ Корѣльскою землею»... Тамъ же, IV, 128, 1471: «и съ Заволочаны и съ Печеряны.... а Двиняне не тягнуша по князи по Васильи Васильевичи»...

[4]) А. А. Э., I, № 2, 1328—1340. Тамъ же, I, 32, № 42, 1448—1454: «ино Двинскимъ посадникомъ Колмогорскимъ или Вологоцкимъ посадникомъ».:. П. С. Р. Л., Ш, 101, 1401: «а Андреа Ивановича, и посадниковъ Двиньскыхъ, Есипа Филиповича и Наума Ивановича изымаша... и отняша у нихъ *бояръ Новогородскыхъ*, Андрея, Есипа и Наума»... Ср. тамъ же, Ш, 104, 1411; 109, 1420.

дахъ нигдѣ не встрѣчается. Мѣстные интересы на судѣ представлялъ сотскій, который былъ всего одинъ на всю Двинскую землю, а въ финансовыхъ, тягловыхъ дѣлахъ—старосты [1]). Старостъ встрѣчаемъ на Двинѣ у купцовъ, составлявшихъ тамъ нѣкоторымъ образомъ особенную купеческую корпорацію, затѣмъ въ отдѣльныхъ городкахъ и погостахъ, на которые дѣлилась Двинская земля; въ этомъ смыслѣ они соотвѣтствовали Псковскимъ пригородскимъ и сельскимъ старостамъ. Главное значеніе старостъ и на Двинѣ оставалось финансовымъ, вслѣдствіе чего и для Двинской земли имѣло силу выраженіе привилегій: "и къ старостѣ не тянути" [2]). Какъ-бы въ отпоръ этому усиленію Новгородскаго вліянія на мѣстное управленіе Двинской земли, въ послѣдней, съ конца XIV столѣтія, снова обнаруживаются попытки къ сверженію власти Великаго Новгорода, тѣмъ болѣе, что волненія въ самомъ старѣйшемъ городѣ постоянно отдѣляли на Двину массу недовольныхъ, которые могли служить готовыми коноводами для возстаній. Однако, и коноводы Двинянъ столь же мало отличались опредѣленными стремленіями, какъ и населеніе Великихъ Лукъ: все стараніе ихъ клонилось къ тому только, чтобы одно владычество замѣнить другимъ, Новгородское — Московскимъ, въ надеждѣ, что подобный переходъ поможетъ имъ захватить въ свои руки владѣнія, принадлежавшія дотолѣ Новгородскимъ боярамъ [3]). Оттого эти возстанія предпринимались не иначе, какъ по предварительному возбужденію со стороны Московскихъ князей или ихъ противниковъ по великокняжескому престолу, и даже въ случаѣ удачи, не могли вести ни къ какимъ существеннымъ измѣненіямъ въ управленіи Двинскою землей [4]).

---

[1]) Зап. Имп. Ак. Н., IX, II, № 6, стр. 79—80 XIV—XV вѣка; А. А. Э., I, 8, № 13, 1398; Амвросія, И. Р. Г., III, 299—300.

[2]) Амвросія, И. Р. Г., III, 299—300; А. А. Э., I, 72, № 93, 1471; 75, № 94, 1471. Тамъ же, I, 1, № 3, 1328—1340: «не надобѣ имъ (печерскимъ сокольникамъ) никоторая дань, ни къ старостѣ имъ не тянути... ни биричь ихъ не поторгыватъ».

[3]) П. С. Р. Л., III, 99, 1398: «а Двиньскіи воеводы, Иванъ и Кононъ, съ своими другы, волости Новогородскіи и бояръ Новогородскыхъ подѣлиша себѣ на части»...

[4]) П. С. Р. Л., III, 98, 1397: «Насла князь великій Василій Дмитріевичь

Уставная грамота, данная въ 1398 году Двинянамъ Василіемъ Дмитріевичемъ, показываетъ, что Новгородское устройство сохраняло силу и подъ Московскимъ владычествомъ, а измѣненія, если и были, то столь не важныя, что нимало не оправдывали нарушенія связи съ Великимъ Новгородомъ [1]). Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, не обѣщавшихъ ни малѣйшаго успѣха, дѣло возстаній, естественно, кончалось всегда полнѣйшею неудачей, и Двиняне могли считать себя еще счастливыми, что, въ сравненіи съ судьбой Великихъ Лукъ, имъ приходилось такъ дешево платиться за свои попытки къ отпаденію отъ Великаго Новгорода. Неудачный исходъ самой значительнѣйшей попытки возстанія, предпринятой въ 1397 году, повлекъ за собой для Двинянъ то слѣдствіе, что имъ пришлось уплатить Новгородцамъ, въ вознагражденіе за свой проступокъ, двѣ тысячи рублей, да сверхъ того дать три тысячи коней Новгородскимъ ратникамъ, возстановлявшимъ власть Новгорода на Двинѣ [2]).

Хотя борьба пригородовъ противъ преобладанія старѣйшаго города не составляетъ исключительной принадлежности одной Новгородской исторіи, а напротивъ имѣла мѣсто, какъ показываетъ примѣръ Ростовской земли, и въ другихъ краяхъ древней Руси; тѣмъ не менѣе ни въ остальной Руси, ни даже въ собственно Новгородской области борьба эта не отличалась нигдѣ такою послѣдовательностью и законченностью, нигдѣ не вела поэтому къ такому своеобразному теченію исторической жизни, какъ во Псковѣ: только здѣсь можно наглядно прослѣдить всѣ ступени этой многознаменательной борьбы, вмѣстѣ съ ихъ причинами и слѣдствіями. Оттого, не только въ ряду Новгородскихъ владѣній, но даже и въ ряду древне-русскихъ земель, Псковъ представляетъ одно изъ

за Волокъ на Двину бояръ своихъ... ко всей Двиньской свободѣ, а повѣстуя имъ тако: чтобы есте задалися за князь великіи, и отъ Новагорода бы есте отнялися. И Двиняне, Иванъ Микитинъ и бояре Двинскіи, и вси Двиняне, за великіи князь задалися»... Тамъ же, IV, 209, 1435: «А князь Василей Юрьевичь поѣха изъ Новагорода съ Городища на Заволочье, и Заволочане задашася за него... а отъ Новагорода отъяшася». Ср. тамъ же, III, 111, 1434.

[1]) А. А. Э., I, 8—9, № 13, 1398.

[2]) П. С. Р. Л., III, 99, 1398.

любопытнѣйшихъ явленій, не смотря на всю незначительность его области, далеко уступавшей въ этомъ отношеніи Двинской землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Псковская область представляла не что иное, какъ небольшую пограничную полосу Новгородскихъ владѣній на крайнемъ западѣ, открытую на всемъ протяженіи запада и юга для вторженій сосѣднихъ народовъ. Такимъ образомъ, пограничное положеніе невольно налагало на Псковскую землю тяжелую задачу служить передовымъ постомъ въ борьбѣ Новгородцевъ съ своими западными сосѣдями, а выполненіе этой задачи было не мыслимо безъ сооруженія въ ея предѣлахъ твердыхъ опорныхъ пунктовъ или городовъ. Потому, уже со временъ глубокой древности въ Псковской землѣ существовалъ городъ Изборскъ, расположенный на высокой горѣ; въ историческое время онъ однако долженъ былъ уступить первенствующее мѣсто Пскову, представлявшему многія важныя преимущества въ своемъ мѣстоположеніи. Дѣйствительно, находясь въ углу, образуемомъ соединеніемъ двухъ рѣкъ, Псковы съ Великою, Псковъ, какъ нельзя лучше, удовлетворялъ не только всѣмъ условіямъ опорнаго пункта, но и пользовался большими преимуществами торговаго центра: съ одной стороны, занимаемый имъ треугольникъ легко могъ быть превращенъ въ надежную по тогдашнему времени крѣпость; съ другой же, рѣка Великая въ соединеніи съ двумя озерами приводила его въ тѣсную связь не только со всею Псковскою землей, но и съ сосѣдями, съ которыми приходилось вести торговлю. Къ тому, что Псковъ получалъ отъ природы, независимо отъ человѣческихъ усилій, присоединилось еще искусство, и Псковъ вскорѣ сдѣлался, по замѣчанію иностранцевъ, однимъ изъ весьма хорошо укрѣпленныхъ русскихъ городовъ и долго, въ теченіе исторіи, сохранялъ за собою эту репутацію, невполнѣ, быть можетъ, согласную съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла: еще Герберштейнъ говоритъ о Псковѣ, какъ о единственномъ въ Московскомъ государствѣ городѣ, имѣвшемъ каменныя стѣны [1]).

---

[1]) Script. Rer. Liv., ed. 1853, I, 654, XIII в. Lelewel, G. de Lannoy, 49 1413—1421: «Item: est Plesco moult bien fermee de murs de pierres et de

Вплоть до XIV столѣтія, Псковъ или Плесковъ, какъ онъ назывался въ древнѣйшее время, почти совсѣмъ не выходилъ изъ треугольника, образуемаго рѣками Псковой и Великой. Уголъ треугольника занималъ Псковской дѣтинецъ, заключавшій въ себѣ двѣ главныя части: *Кромъ* (кремъ, кремль; въ Новгородѣ: городъ кромный) и *Довмонтову* стѣну [1]). Кромъ, представлявшій собственно не что иное, какъ первоначальный городъ, зерно Пскова, состоялъ изъ трехъ стѣнъ, изъ которыхъ одна, идя въ направленіи отъ Псковы рѣки къ Великой, была обращена къ городу Пскову и называлась *персями* или переднею [2]), а двѣ другія, являвшіяся въ отношеніи къ персямъ *сторонними* стѣнами, тянулись по направленію берега обѣихъ рѣкъ: на мѣстѣ совпаденія послѣднихъ или стрѣлкѣ треугольника онѣ соединялись вмѣстѣ и образовали кутъ Крома, въ которомъ въ послѣдствіи была выстроена башня, извѣстная подъ именемъ Кутекромы или Кутняго (угловаго) костра [3]). Но, съ явленіемъ второй части

---

tours»... Herberstein, Rer. Mosc. Com., ed. 1556, 76: «sola autem Plescovia, in toto Mosci dominio, muro cingitur»...

¹) Г. Костомаровъ, въ Сѣв.-Рус. Народопр., II, 12, отдѣляетъ дѣтинецъ отъ Крома, ссылаясь на П. С Р. Л., IV, 276, 1503: «много пушками били (Нѣмцы) на городокъ на Кромъ, а дѣтинца Богъ ублюде и св. Троица». Вѣроятно, на основаніи того же факта отдѣляетъ дѣтинецъ отъ Крома и г. Бѣляевъ: по крайней мѣрѣ въ Разск. изъ Русск. Ист., III, 5, неприводится никакихъ доказательствъ. Но этотъ фактъ, очевидно, слѣдуетъ понимать такъ: Нѣмцы много стрѣляли по Крому, но напрасно; Богъ сохранилъ дѣтинецъ. П. С. Р. Л., IV, 186, 1336: «И погорѣ все Застѣнье, а дѣтинца Богъ ублюде». За Застѣньемъ тотчасъ слѣдовала Довмонтова стѣна и такимъ образомъ на ряду съ Кромомъ входила въ составъ дѣтинца.

²) П. С. Р. Л., V, 31, 1452: «поставлена бысть стѣна новая на Крому въ охабни и учиниша въ ней погреби отъ Псковѣ межи воротъ». Тамъ же, IV, 215, 1452: «Урядиша стѣну новую на городѣ на Крому у першей, отъ Великихъ воротъ возлѣ всхода до малыхъ воротъ; и въ той стѣнѣ урядиша 5 погребовъ». Первое извѣстіе показываетъ, что новая стѣна тянулась отъ Псковы рѣки, слѣд. по направленію къ Великой; второе-же называетъ ее если не персями, то во всякомъ случаѣ придѣлкой къ персямъ, которыя поэтому также тянулись отъ Псковы рѣки къ Великой.

³) П. С. Р. Л., IV, 222, 1462: «задѣлаша Псковичи прясло стѣны на Крому, отъ Великія рѣки, и врата на рѣку урядиша, а сторонныя стѣны въ вышину наддѣлаша подлѣ Великую рѣку отъ Кутняго костра и до Смердьихъ воротъ, какъ съ другой стороны вздѣлано преже (тамъ же, IV, 218, 1458) также въ вышину отъ Псковы рѣки». Тамъ же, IV, 195, 1400: «По-

Псковскаго дѣтинца, построенной также уже въ первоначальной періодъ и называвшейся по имени строителя Довмонтовою (Домонтовою, Домантовою), перси изъ передней стѣны сами собой превратились въ раздѣльную линію между Довмонтовой частью дѣтинца и собственно Кромомъ и сдѣлались такъ сказать простымъ діаметромъ въ кругѣ, который образовался изъ соединенія Довмонтовой стѣны съ сторонними линіями Крома и носилъ техническое для подобныхъ замкнутыхъ укрѣпленій названіе *охабня*. Собственно же назначеніе Довмонтовой стѣны, какъ дальнѣйшей пристройки къ Крому по направленію къ посаду, состояло не въ чомъ иномъ, какъ въ защитѣ спуска горы, занимаемой Кромомъ, и въ сохраненіи тѣснѣйшей связи послѣдняго съ городомъ и обѣими рѣками [1]). Заключая въ себѣ патрональную святыню Псковской земли—Троицкій соборъ, Кромъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ складочнымъ мѣстомъ какъ для общественныхъ, такъ и частныхъ имуществъ. Постоянныя нападенія, которымъ подвергался Псковъ со стороны враждебныхъ сосѣдей, естественно, заставляли Псковичей заботиться о заготовленіи средствъ на случай осады, о снабженіи Крома какъ военными, такъ и продовольственными принадлежностями; не рѣдкіе случаи голода, угнетавшаго древнюю Русь, внушали ту же предусмотрительность. Но тѣ же самыя опасенія, возбуждаемыя легкою возможностью сдѣлаться добычею внѣшнихъ враговъ, въ соединеніи со страхомъ предъ внутренними, домашними злоумышленниками, которые нерѣдко, особенно во время бѣдствій, начинали открытый грабежъ противъ состоятельныхъ людей, принуждали и частныхъ лицъ прибѣгать подъ защиту Крома и прятать тамъ свои пожитки въ особо устроенныхъ клѣтяхъ [2]). Это было тѣмъ удобнѣе, что въ позднѣйшее время покражи,

---

ставиша другій костеръ Кутекрому на стрѣлици, отъ рѣчнаго костра до персій, толще и выше».

[1]) Лѣт Рум. Муз., № 255, 1510: «И со кресты великого князя встрѣтили... священники Псковскихъ церквей въ Среднемъ городѣ, вышедши изъ Домантовы стѣны, въ торгу; и князь великой... шелъ за кресты въ Домантову стѣну да и въ Кромъ к св. Троицѣ». Ср. П. С. Р. Л., III, 103, 1406; IV, 145, 1398; 224, 1433; 265, 1481.

[2]) П. С. Р. Л., V, 24, 1422: «А во Псковѣ тогда бяше старыхъ лѣтъ

совершенныя въ Крому, какъ въ общественномъ складочномъ пунктѣ, подвергались болѣе строгому взысканію, чѣмъ воровство въ самомъ городѣ; за кражу въ Крому преступнику грозила неминуемая смертная казнь, между тѣмъ какъ это наказаніе въ простомъ воровствѣ постигало только неисправимыхъ преступниковъ: отсюда, по всей вѣроятности, и возникла басня, распространяемая иностранцами, будто бы за входъ въ Кромъ неминуемо грозила смертная казнь [1]). Патрональною святыней и клѣтями, заключавшими имущество Псковичей, и исчерпывалось все содержаніе Крома, такъ какъ собственныхъ жилищъ, или дворовъ, во все время самостоятельнаго существованія, въ Крому никогда не было. А въ Довмонтовой стѣнѣ даже и такія постройки, какъ клѣти, совсѣмъ не могли имѣть мѣста, такъ какъ эта часть дѣтинца предназначалась для вѣчевыхъ народныхъ собраній; только въ стѣнѣ, пристроенной къ персямъ, составлявшимъ пограничную черту съ Кромомъ, были сдѣланы особенные погреба, простиравшіеся въ позднѣйшее время до цифры пяти и служившіе мѣстомъ заключенія для разныхъ преступниковъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что въ 1479 году нѣмецкіе гости именно въ этихъ погребахъ были подвергнуты заключенію, вызванному подобнымъ же задержаніемъ Псковскихъ купцовъ на чужбинѣ [2]).

Хотя исторія Пскова и совершается вся какъ-бы на нашихъ глазахъ, тѣмъ не менѣе до насъ не дошло никакихъ извѣстій не только о времени первоначальной постройки Псковскаго дѣтинца, но даже и о времени перестройки изъ камня Крома или Довмонтовой стѣны; оттого нѣкоторые археологи, опираясь на извѣстіе о постройкѣ въ 1393 году во Псковѣ каменныхъ персей, гото-

---

клѣти всякого обиліа изнасыпаны на Крому». Тамъ же, IV, 270, 1496: «Загорѣлося на Крому у Кутнего костра, и клѣтей много погорѣло, и ржи много и платья...»

[1]) П. С. Г., 2-е изд. стр. 2: «А кримскому (далѣе: кромъскому) татю, и коневому, и перевѣтнику и зажигалнику, тѣмъ живота не дати». Ср Lelewel, G. de Lannoy, 49.

[2]) П. С. Р. Л., I, 215, 1452; V, 31, 1452. Тамъ же, IV, 262, 1479: «и услышавше Псковичи, что нашего гостя всадили въ погребъ, и послаша посла своего въ Юрьевъ, а Нѣмець всадили въ погребъ въ охабни».

вы относить постройку Крома изъ камня къ концу XIV столѣтія, забывая, что отъ этого предположенія выйдетъ крайняя несообразность: къ концу XIV столѣтія каменныя стѣны окружали во Псковѣ не только Средній городъ, но даже Большой, и стало быть, сравнительно беззащитнымъ (деревяннымъ) оставался одинъ дѣтинецъ, главный опорный пунктъ Пскова! Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ XIV столѣтія, а именно въ 1309 году, самый Псковской посадъ, расположенный въ треугольникѣ за стѣнами первоначальнаго укрѣпленія и образовавшій городъ Псковъ въ нашемъ смыслѣ, былъ уже окруженъ каменною стѣною [1]). Со времени постройки этой стѣны Псковской посадъ сталъ называться *Застѣньемъ*, или же, подобно Крому, просто *городомъ*, такъ что различіе между тѣмъ и другимъ усматривается только изъ самыхъ незначительныхъ оттѣнковъ рѣчи: такъ напримѣръ, выраженіе: на городѣ—значитъ въ Крому, который занималъ возвышенное мѣсто, тогда какъ слова: въ городѣ—относятся къ бывшему посаду [2]). Города въ древней Руси вообще дѣлились на большія части или кварталы, называвшіяся концами: такъ, въ Кіевѣ упоминается Копыревъ конецъ, въ Ростовѣ—Чудской, въ Смоленскѣ—Пятницкій и Клирошанскій, а въ Новгородѣ извѣстны всѣ пять концовъ. Трудно рѣшить, прилагалось ли это дѣленіе на концы уже въ первоначальный періодъ ко Пскову, по крайней мѣрѣ, трудно сказать положительно, какіе изъ шести Псковскихъ концовъ, замѣчаемыхъ въ послѣдствіи, въ XV столѣтіи, существовали уже въ древнѣйшее время; однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что часть города, соотвѣтствующая двумъ позднѣйшимъ концамъ, Боловинскому и Торговскому, уже существовала въ этотъ періодъ вполнѣ. Такое

---

[1]) П. С. Р. Л., 184, 1309: «Борисъ посадникъ съ Псковичи заложи стѣну плитяну отъ св. Петра и Павла къ Великой рѣкѣ». Свидѣтельство о постройкѣ въ 1309 году каменной стѣны для посада въ соединеніи съ безпрерывными перестройками и поправками, которымъ подвергались по лѣтописи и каменныя стѣны Псковскаго дѣтинца, наглядно показываетъ всю несостоятельность мнѣнія, которое (Пск. Губ. Вѣд., 1866, №№ 50—51) считаетъ первое извѣстіе о каменныхъ персяхъ (П. С. Р. Л., I , 194, 1393) за указаніе на первую постройку Крома изъ камня.

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 71, 1314: «а въ Пльсковѣ начали бяху грабити недобріи люди села и дворы въ городѣ, и клѣти на городѣ».

предположеніе всего лучше оправдывается какъ названіемъ Торговскаго конца, такъ и отношеніемъ его къ концу Боловинскому: Торговскій конецъ, очевидно, получилъ свое названіе отъ торга, а торгъ, какъ извѣстно, находился во Псковѣ въ той именно части города, которая послѣ 1309 года стала извѣстна подъ болѣе частнымъ именемъ Застѣнья; но, такъ какъ рядомъ съ Торговскимъ концомъ въ источникахъ является Боловинскій, то и послѣдній необходимо долженъ быть помѣщенъ не въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, а также въ Застѣньи [1]).

Значеніе Пскова, какъ передоваго бойца за Русскую землю и крайняго торговаго центра на западѣ, отражалось не только на его внѣшнемъ видѣ, но и на его внутреннемъ устройствѣ, равно какъ и на характерѣ отношеній къ Великому Новгороду. Хотя въ управленіи Псковомъ послѣдній въ первоначальное время ни мало не отступалъ отъ обыкновеннаго пригородскаго порядка, посылалъ туда для завѣдыванія дѣлами княжихъ людей или же Новгородскихъ посадниковъ, изъ которыхъ до насъ дошли имена Мирослава и Ананіи (по другимъ источникамъ: Ивана) Матѳѣевича, тѣмъ не менѣе это господство старѣйшаго города значительно смягчалось тѣмъ участіемъ въ дѣлахъ Новгородскаго вѣча, которое было открыто для каждаго пригорода, но которымъ Псковъ, благодаря своему значенію и благопріятнымъ обстоятельствамъ, пользовался въ бо́льшемъ, сравнительно съ другими пригородами, размѣрѣ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, защита своей родины отъ внѣшнихъ враговъ еще не на столько поглощала вниманіе

[1]) П. С. Р. Л., IV, 218, 1459: «Загорѣся отъ Ѳедоса отъ Гоболи отъ мясника... и милостію св. Троица переметася отъ торгу, отъ св. и всемилостивого Спаса, возлѣ Торговскій и Боловинскій конецъ, до церкви св. Георгія»... Г. Бѣляевъ, въ Разск. изъ Рус. Ист., III, 7, помѣщаетъ Торговскій конецъ, да еще не одинъ, а вмѣстѣ съ Боловинскимъ, въ Крому, забывая, что въ Крому совсѣмъ небыло жилищъ, дворовъ и, слѣдовательно, немогло быть и никакихъ концовъ.

[2]) П. С. Р. Л., III, 48, 1232: «И посла (Ярославъ) въ Пльсковъ, рече: мужа моего (Вячеслава) пустите».... Пск. Губ. Вѣд., 1866, № 50, стр. 206, изъ житія Всеволода, написаннаго Василіемъ: «Самъ же пребысть въ градѣ Псковѣ.... тогда (1192 г.) собрашася.... князь Ярославъ Владиміровичъ, и посадникъ Иванъ Матвѣевичъ, и протопопъ».... Ср. Востокова, Оп. Рук. Рум. муз., 602.

Псковичей, чтобы вызвать въ нихъ сознаніе о своей мѣстной особности отъ Великаго Новгорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преслѣдованіе однихъ только своихъ интересовъ и цѣлей; напротивъ того, въ древнѣйшее время Псковичи еще не отдѣляли себя отъ Новгородцевъ, чувствовали себя еще вполнѣ гражданами Великаго Новгорода и старались выражать свое тождество съ послѣдними, постояннымъ появленіемъ на Новгородскомъ вѣчѣ и участіемъ въ рѣшеніи вопросовъ, занимавшихъ Великій Новгородъ,—тѣмъ болѣе, что въ качествѣ гражданъ богатаго торговаго центра, Псковичи имѣли возможность посѣщать Новгородъ весьма часто и даже держали тамъ свой постоянный торговый дворъ [1]). Есть основаніе предполагать, что это участіе Псковичей въ дѣлахъ Новгородскаго вѣча не ограничивалось однимъ безмолвнымъ созерцаніемъ совершавшихся кругомъ событій; что, напротивъ того, они обнаруживали большую дѣятельность въ рѣшеніи вопросовъ дня, и даже въ соединеніи съ своими единомышленниками изъ Новгородцевъ, временами образовали особенныя партіи, преслѣдовали опредѣленныя стремленія и потому нерѣдко подвергались гоненію со стороны своихъ противниковъ [2]). Гоненіе торжествующей стороны теряло, однако, относительно Псковичей свой тяжелый характеръ, такъ какъ послѣдніе, въ случаѣ пораженія на Новгородскомъ вѣчѣ, имѣли на своей родинѣ вѣрное убѣжище не только для самихъ себя, но даже и для своихъ Новгородскихъ союзниковъ: оттого и Новгородцы бѣжали вслѣдъ за Псковичами во Псковъ, который находясь недалеко отъ Новгорода, представлялъ для первыхъ еще и ту выгоду, что въ случаѣ опасности оттуда легко можно было перебраться въ чужіе края, въ Литву или къ Нѣмцамъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства Псковъ служилъ постоянно не только сценой, на которой разыгрывались драмы, начавшіяся въ Новгородѣ между разными партіями и кончавшіяся

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 109, 1406: «Погорѣ княжъ дворъ отъ Гочкого двора до Пьсковского».

[2]) Пск. Губ. Вѣд. за 1866, № 50, стр. 206, изъ канона Всеволоду, пѣснь 5: «Пскова града и Ладожане, избранніи людіе, призвани Новгородскими мужи на изгнаніе твое, святе, совѣтъ ихъ развергоша».

нерѣдко при участіи Нѣмцевъ, но и притономъ для разнаго рода бѣглецовъ: холоповъ, спасавшихся отъ своихъ господъ, ушкуйниковъ, бѣжавшихъ отъ мести своихъ согражданъ, и опальныхъ князей, убѣгавшихъ отъ гнѣва хановъ или своихъ раздраженныхъ противниковъ.

Борьба Новгородскихъ партій, въ которой и Псковичи принимали большое участіе, вертѣлась главнымъ образомъ на доставленіи торжества тому или другому лицу изъ претендентовъ на Новгородскій княжескій столъ; потому, удаляясь послѣ пораженія на Новгородскомъ вѣчѣ во Псковъ, Псковичи, съ своими Новгородскими единомышленниками, старались привлечь туда же и поддерживаемаго ими претендента, въ надеждѣ посадить его на Новгородскій столъ въ ближайшемъ будущемъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, во Псковѣ неожиданно появлялся отдѣльный князь и успѣшно держался тамъ, не смотря на все негодованіе старѣйшаго города; но было бы однако совершенно неосновательно считать подобнаго князя за Псковскаго и искать въ этомъ фактѣ какой-либо перемѣны въ Псковскомъ устройствѣ. Подобные князья и во Псковѣ оставались не чѣмъ инымъ, какъ *претендентами* на Новгородскій столъ, призывались во Псковъ не съ тѣмъ, чтобы тамъ княжить, а чтобы перейдти при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ самый Новгородъ, держались тамъ не одними только Псковичами, но и Новгородскою партіей, и скоро оставляли Псковъ, если дѣла въ Новгородѣ долго не принимали благопріятнаго для нихъ оборота, послѣ чего первый самъ собою снова возвращался въ разрядъ простыхъ Новгородскихъ пригородовъ. Изъ Псковскихъ князей подобнымъ характеромъ отличаются, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, только два первые, Всеволодъ Мстиславичъ и его братъ Святополкъ. Всеволодъ Мстиславичъ былъ призванъ во Псковъ въ 1137—1138 году Псковичами и ихъ Новгородскими союзниками, желавшими помѣстить его въ самомъ Новгородѣ, но вскорѣ умеръ, не успѣвъ дождаться благопріятнаго для себя оборота дѣлъ въ послѣднемъ, но передавъ однако княженье въ Псковѣ и поддержку Новгородской

партіи своему брату [1]). Но и Святополку Мстиславичу приходилось долго ждать во Псковѣ Новгородскаго стола, а потому онъ не замедлилъ промѣнять въ 1140 году Новгородъ на княженье на югѣ, въ Берестьи, и только оттуда успѣлъ добиться и Новгородскаго стола [2]). Другимъ примѣромъ подобнаго князя-претендента легко могъ бы сдѣлаться Святославъ Трубчевскій, если бы только онъ рѣшился слѣдовать до конца указаніямъ своей партіи [3]). Водвореніе въ Новгородѣ Ярослава Всеволодовича принудило, какъ извѣстно, многихъ Новгородцевъ бѣжать въ Черниговъ и ожидать тамъ благопріятнаго случая къ возвращенію на родину; случай вскорѣ представился во временномъ удаленіи Ярослава на Низъ, и Новгородцы немедленно же двинулись вмѣстѣ съ Святославомъ Трубчевскимъ въ предѣлы своей родины и остановились тамъ въ селѣ Буицахъ; но, узнавъ, что городъ ни мало не думаетъ измѣнять Ярославу, заговорщики принуждены были повернуть отсюда во Псковъ, чтобы по крайней мѣрѣ выместить тамъ свою неудачу на людяхъ Новгородскаго князя, но не могли однако увлечь за собою Святослава, который, будучи разъ обманутъ, не рѣшился связывать дальнѣйшей судьбы своей

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 7, 1137: «Приде князь Мьстиславиць Всеволодъ Пльскову, хотя сѣсти опять на столѣ своемъ Новѣгородѣ, позванъ отаи Новгородьскыми и Пльсковьскыми мужи, пріятели его: поиди, княже, хотять тебе опять». Ср. П. С. Р. Л., IV, 176, 1138.

[2]) П. С. Р. Л, Ш, 8, 1137: «Преставися князь Всеволодъ Мьстиславиць Пльсковѣ и яшася Пльсковици по брата его Святопълка, и не бѣ мира съ ними, ни съ Сужьдальци, ни съ Смольняны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны».... Тамъ же, Ш, 8, 1138: «И съ Пльсковици смиришася (Новгородцы)». Тамъ же, II, 17, 1140: «Всеволодъ же, не хотя перепустити Новагорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да има Берестій, река: «Новагорода не березѣта, ать сѣдять сами о своей силѣ».... Тамъ же, II, 18, 1142: «Посла Всеволодъ Святополка въ Новъгородъ, шюрина своего, смолвяся съ Новъгородьци, которыхъ то былъ пріялъ».... Ср. тамъ же, Ш, 9, 1142.

[3]) Въ числѣ князей-претендентовъ, неправильно принимаемыхъ за самостоятельныхъ Псковскихъ князей, но только навязанныхъ Пскову Новгородскими партіями, приводятъ еще (г. Бѣляевъ, въ Разк. изъ Русск. Ист., Ш, 140) Владиміра Мстиславича Торопецкаго, фактически однако бездоказательно. Дѣйствительно, ни русскіе, ни иноземные источники (Script. Rer Liv., I, 146, 1210 г. и passim) не только ничего не говорятъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ этотъ князь явился во Псковъ, но даже и о времени, въ которое случилось это событіе.

съ судьбою Новгородскихъ авантюристовъ и предпочелъ вернуться на югъ [1]).

Хотя появленіе во Псковѣ князей-претендентовъ прямо и не обозначало еще никакой существенной перемѣны въ Псковскомъ устройствѣ, тѣмъ не менѣе косвенно оно не осталось безъ вліянія на управленіе Пскова Новгородцами. Вмѣстѣ съ посадникомъ, который до сихъ поръ одинъ представлялъ во Псковѣ власть Великаго Новгорода, послѣдній сталъ теперь назначать туда весьма часто и подручныхъ князей, присутствіе которыхъ въ другихъ пригородахъ было явленіемъ болѣе или менѣе рѣдкимъ и исключительнымъ, такъ что въ числѣ Новгородскихъ владѣній Псковъ сталъ считаться съ тѣхъ поръ не просто пригородомъ, но *стольнымъ* городомъ [2]). Сверхъ того, и географическое положеніе Пскова на рубежѣ Русской земли дѣлало необходимымъ постоянное присутствіе тамъ княжеской власти. Дѣйствительно, будучи постоянно угрожаемъ опасностью вторженія со стороны сосѣднихъ народовъ и въ то же время лишенъ всякихъ средствъ къ успѣшному отраженію подобныхъ нападеній, такъ какъ снаряженіе своей собственной рати было сопряжено съ долгими сборами, Псковъ естественно требовалъ присутствія въ своихъ стѣнахъ какой-либо постоянной военной силы, наличныхъ военныхъ средствъ, короче, княжеской дружины, такъ какъ послѣдняя по характеру времени образовала единственную постоянную военную силу. При назначеніи князей въ Псковъ, Новгородцы естественно отдавали предпочтеніе потомству Мстислава Владиміровича, особенно Смоленской отрасли его дома, такъ какъ и сами постоянно дружили съ Смоленскими князьями, да и Псковичи принимали послѣднихъ съ любовью, такъ какъ одинъ изъ Мстиславичей, Всеволодъ, вопреки своимъ первоначальнымъ планамъ, принужденъ былъ ходомъ событій остаться въ Псковѣ и даже умеръ тамъ, не дождавшись осуществленія своихъ предположеній. Въ несомнѣнности этого соображенія всего лучше убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе ряда Псковскихъ князей за первоначальный періодъ: источ-

[1]) П. С. Р. Л., III, 48, 1231, 1232.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, № 11, 1307—1308.

ники показываютъ, что до 1240 года всѣ Псковскіе князья безъ исключенія были изъ дома Мстиславова. За Всеволодомъ, первымъ княземъ Псковскимъ, слѣдовалъ братъ его Святополкъ (1138—1140 гг.), затѣмъ Борисъ Романовичъ (1178—1180 гг.), Владиміръ Мстиславичъ (1211 г.), Владиміръ Мстиславичъ во второй разъ (1213 г.); далѣе Всеволодъ Борисовичъ (1213—1214 гг.), Ярославъ Владиміровичѣ (1214 г.), Владиміръ въ третій разъ (1214—1222 гг.), и наконецъ, Юрій Мстиславичъ (1232—1240 гг.?)

Подобно всѣмъ пригородскимъ князьямъ, и Псковскій князь былъ не чѣмъ инымъ, какъ простымъ кормленщикомъ, получавшимъ съ Псковской области хлѣбъ и обязаннымъ за то защищать послѣднюю при помощи своей дружины отъ внезапныхъ непріятельскихъ нашествій. Но лучшимъ средствомъ получать хлѣбъ въ древности служилъ судъ, который поэтому составлялъ естественную принадлежность Псковскаго кормленщика: заботиться Новгородцамъ приходилось только о томъ, чтобы при сборѣ судебныхъ пошлинъ князь не выступалъ изъ опредѣленныхъ предѣловъ [1]). Поэтому весьма вѣроятно, хотя и требуетъ еще фактическихъ доказательствъ, предположеніе, что на судѣ Псковскаго князя присутствовали Псковскій посадникъ и сотскіе; посадникъ, какъ и князь, присылался во Псковъ изъ Новгорода, а сотскіе, которыхъ въ Псковѣ было нѣсколько, а не одинъ, какъ въ Заволочьѣ, представляли, сообразно съ общимъ характеромъ старостъ, выборныхъ мѣстныхъ людей: сотскіе были не что иное, какъ представители мѣстныхъ городскихъ сотенъ, а слѣдовательно, и всего мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, въ званіи сотскихъ во Псковѣ впервые правительственнымъ лицамъ, назначаемымъ изъ старѣйшаго города, противоставлялся мѣстный элементъ: князь и посадникъ

---

[1]) Срезневскій въ Сочиненіяхъ Неволина, т. VI, стр. 556: «А кто сии рядъ переступить, Якымъ ли, Тѣшята ли, тотъ дасть 100 грив. серебра. А псалъ Довмонтовъ писецъ». Печать у грамоты съ изображеніемъ лика св. Тимоѳея показываетъ, что подъ Довмонтомъ нужно разумѣть Псковскаго князя (Тамъ же, VI, 568), а объ отношеніяхъ послѣдняго за этотъ періодъ къ Великому Новгороду будетъ указано ниже, при представленіи характера власти Довмонта въ Псковѣ.

были для Псковичей людьми совершенно чужими, тогда какъ сотскіе — своею братьею - согражданами. Отсюда дѣлаются понятными, какъ вообще то высокое значеніе, которымъ пользовались сотскіе въ древнѣйшій періодъ исторіи Великаго Новгорода и Пскова, такъ въ частности и тотъ оппозиціонный характеръ, который замѣчается на Псковскихъ сотскихъ: какъ Псковичи, сотскіе естественно дѣлались коноводами мѣстныхъ жителей въ случаѣ столкновеній ихъ съ властями старѣйшаго города, особенно въ случаѣ назначенія послѣднимъ князей, неугодныхъ Пскову [1]). Такимъ образомъ, выдающееся значеніе сотскихъ за первоначальный періодъ основывалось не на томъ, что въ это время, сравнительно съ позднѣйшимъ, они имѣли какую-либо особенную сферу дѣйствія, отличную отъ городскихъ сотенъ, а на томъ, что сотскіе были единственными представителями мѣстнаго элемента, тогда какъ главнѣйшія правительственныя лица были людьми совершенно чужими. Поэтому, лишь только съ теченіемъ времени и главныя мѣстныя власти сдѣлались, подобно сотскимъ, выборными, послѣдніе тотчасъ же начали падать и отступать на задній планъ, хотя конечно, эта потеря значенія совершалась не вдругъ, а только мало по малу.

Если назначеніемъ своихъ подручныхъ князей Новгородцы и усиливали нѣсколько оборонительныя средства Пскова, за то одновременно съ этимъ, и даже въ большемъ размѣрѣ, усиливались и внѣшнія затрудненія послѣдняго: къ числу его старыхъ враговъ присоединился еще новый и притомъ самый опасный, Нѣмцы. Но вмѣсто того, чтобы принять рѣшительныя мѣры противъ этихъ затрудненій и прочно установить отношенія всей земли своей къ западнымъ сосѣдямъ, Великій Новгородъ ограничивалъ свою дѣятельность по защитѣ страны совершеніемъ отдѣльныхъ походовъ на непріятеля, опустошеніемъ сосѣднихъ земель и полученіемъ богатой дани, предполагая, что дѣла затѣмъ устроятся сами собою,

---

[1]) П. С. Р. Л., II, 120, 1177—1178: «Идущю же ему (Мстиславу) съ Чюди, и вниде во Плесковъ, и изойма сотъскѣи про Бориса, сыновця своего, зане не хотяхуть сыновца его Бориса; и тако утвердивъ съ людьми и иде оттуду Новугороду»....

что враги не посмѣютъ болѣе нападать на Псковскую область [1]). Но едва только полки Новгородскіе удалялись на родину, какъ Псковичамъ въ свою очередь приходилось дѣлаться добычею непріятеля и подвергаться неоднократнымъ вторженіямъ, которыя принимали тѣмъ болѣе грозный характеръ, что новый врагъ ихъ, Нѣмцы, не ограничивался, подобно Новгороду, однимъ сборомъ богатой добычи, а старался стать твердою ногой на самой Псковской землѣ и даже, при помощи Новгородца Твердила Иванковича, успѣлъ на время проникнуть въ самый Псковъ и посадить тамъ своихъ тіуновъ; только благодаря мужеству Александра Невскаго, Псковичамъ удалось избавиться отъ ига послѣднихъ. Такимъ образомъ, борьба съ сосѣдними народами, составлявшая одинаковую задачу какъ для Новгорода, такъ и для Пскова, сопровождалась однако для нихъ совершенно различными результатами: Новгородцы выходили изъ борьбы съ богатою добычей, которую и спѣшили подѣлить между собою и княжескою дружиной, тогда какъ Псковичамъ, забываемымъ обыкновенно при дѣлежѣ дани, приходилось только нести месть со стороны ограбленныхъ Новгородцами сосѣдей [2]). Понятно, что подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ отношенія Пскова къ Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ, что Псковичи, будучи плохо обороняемы Новгородцами, естественно должны были прійдти къ сознанію своей мѣстной особности, къ необходимости искать въ самихъ себѣ средствъ къ защитѣ, и прежде всего, устранить себя отъ всякаго участія въ дѣлахъ Новгородскаго вѣча, такъ какъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 43, 1228: «Къ Колываню есте ходивъше (тамъ же, Ш 39, 1223) серебро поимали, а сами поидосте въ Новгородъ, а правды не створисте, города не взясте, а у Кеси (тамъ же, Ш, 38, 1222) такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ (тамъ же, Ш, 32, 1212) такоже, и за то нашю братью избиша на озерѣ, а иніи поведени....»

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 32, 1214: «Иде князь Мьстиславъ съ Новгородьци на Чудь на Ереву, сквозѣ землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и осѣкы ихъ възьма; и ста съ Новгородци подъ городомъ Воробіиномъ, и Чюдь поклонишася ему, Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань, и да Новгородьцемъ двѣ чясти дани, а третью чясть дворяномъ. бяше же ту и Пльсковъскый князь Всеволодъ Борисовичь съ Пльсковици»....

посѣщеніе вѣча въ виду постоянной опасности сдѣлалось крайне затруднительнымъ [1]).

Но сознаніе мѣстной особности не могло не отозваться какъ на отношеніяхъ Пскова къ Великому Новгороду, такъ и на самомъ составѣ вліятельнаго въ Псковѣ элемента. До сихъ поръ, вслѣдствіе общности интересовъ Псковичей съ Новгородцами, въ Псковской жизни не малымъ вліяніемъ пользовались Новгородскіе изгнанники; теперь же, съ отреченіемъ Псковичей отъ участія въ дѣлахъ Новгородскаго вѣча, такое вліяніе сдѣлалось неумѣстнымъ, а по тому отселѣ самъ собой прекратился приливъ въ Псковъ Новгородскихъ изгнанниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе слишкомъ эгоистично преслѣдовали свои личныя цѣли и для осуществленія ихъ не пренебрегали даже наведеніемъ на Псковъ иноземцевъ. Приверженцы Новгородца Бориса Нѣгоцевича, изгнанные изъ Пскова по случаю примиренія послѣднихъ съ Новгородомъ, овладѣли въ 1233 году Изборскомъ, при помощи князя Ярослава Владиміровича и Нѣмцевъ [2]); а Новгородецъ Твердило Иванковичъ, явившійся, послѣ паденія своей семьи въ Новгородѣ, въ Псковъ изгнанникомъ, а можетъ быть, и Новгородскимъ пригородскимъ посадникомъ, навелъ Нѣмцевъ даже на самый Псковъ и сталъ управлять имъ отъ имени Нѣмцевъ [3]) Да и помимо ненадежности Новгородскихъ союзниковъ, мѣстные интересы уже сами по себѣ требовали собственныхъ же мѣстныхъ силъ; но между мѣстными силами уже въ предшествующій періодъ на первомъ планѣ стояли Псковскіе бояре, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ это первенствующее положеніе было ими теперь

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 43, 1228: «То же слышавъше Пльсковици, яко приведе Ярославъ пълкы, убоявшеся того, възяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то Новгородьци, а намъ не надобѣ; нъ оже поидуть на насъ, тъ вы намъ помозите».

[2]) П. С. Р. Л. Ш, 48—49, 1233: «Изгониша Изборьскъ Борисова чадь съ князьмъ Ярославомъ Володимерицемъ и съ Нѣмци».

[3]) Востоковъ, Оп. Рук. Рум. Муз., стр. 86. П. С. Р. Л., Ш, 53, 1240 «Бяху бо перевѣтъ держаче съ Нѣмци Пльсковичи, и подъвели ихъ Твердило Иванковичь съ инѣми, и самъ поча владѣти Пльсковомъ съ Нѣмци, воюя села Новгородьская, а иніи Пльсковичи вбѣжаша въ Новъгородъ, съ женами и съ дѣтьми».

утрачено. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны дружба съ Нѣмцами, въ которой можно было бы обвинить Псковскихъ бояръ, исходила главнымъ образомъ отъ Новгородскихъ изгнанниковъ, Псковичи же, если и участвовали въ ней, то въ нѣкоторой только части и притомъ на второмъ планѣ; поэтому и слѣдствія этой дружбы, гибельныя для Пскова, естественно рушились на голову Новгородскихъ авантюристовъ. Съ другой стороны, только постоянныя причины могутъ производить въ исторіи постоянныя нерасположенія, отдѣльные же промахи сами собой сглаживаются естественнымъ ходомъ исторіи, сопровождаясь дурными послѣдствіями только для отдѣльныхъ личностей. Поэтому общій подрывъ первенствующаго значенія бояръ въ Псковѣ могъ послѣдовать только тогда, когда бы измѣнились рѣшительно самыя отношенія Пскова къ Новгороду, когда бы Псковичи, забывши о своихъ первоначальныхъ стремленіяхъ, твердо рѣшились переносить терпѣливо владычество Новгородцевъ. Но ничего подобнаго не видно, Псковичи остаются вѣрными себѣ и въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи, измѣнивши только отчасти, вслѣдствіе внѣшняго давленія, форму своихъ стремленій.

Дѣйствительно, устраненіе отъ дѣятельнаго участія въ Новгородской жизни не могло не отразиться и на самомъ взглядѣ Псковичей на Новгородское владычество. До сихъ поръ за подчиненіе свое Великому Новгороду Псковичи вознаграждались только тѣмъ вліяніемъ, которое оказывали они, въ качествѣ Новгородскихъ гражданъ, на дѣла Новгородскаго вѣча; естественно, что когда возможность вліянія была устранена, тогда и самое господство Великаго Новгорода теряло въ глазахъ Псковичей значительную долю своей законности и превращалось въ простое внѣшнее иго. Особенно отяготительными были для пригорода права старѣйшаго города призывать пригорожанъ къ себѣ на судъ въ Новгородъ и посылать оттуда въ Псковъ своихъ намѣстниковъ: первое — потому, что отрывало Псковичей отъ мѣстной дѣятельности; второе же—потому, что присланные изъ Новгорода намѣстники рѣдко отвѣчали желаніямъ и нуждамъ Псковичей. Поэтому, какъ бы въ вознагражденіе за утрату своего вліянія въ

Новгородѣ, Псковичи начинаютъ теперь стремиться къ пріобрѣтенію вліянія на ходъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ и заявлять о своихъ притязаніяхъ на право участія въ избраніи собственныхъ князей; первоначально, правда, не болѣе какъ въ формѣ простой просьбы: они начинаютъ выражать предъ Новгородскимъ княземъ свое желаніе имѣть Новгородскимъ намѣстникомъ то или другое лицо изъ окружавшей его свиты [1]). Но такъ какъ, прося, они могли и не получить тѣхъ лицъ, которыхъ просили, или получить другихъ, то въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи Псковичи уже сами начинаютъ выбирать своихъ князей, не справляясь ни мало съ желаніями Великаго Новгорода; но не смотря и на этотъ несомнѣнный поворотъ въ событіяхъ, было бы весьма опасно, съ одной стороны, преувеличивать значеніе этого поворота, съ другой же—упреждать исторію и считать за выборныхъ Псковскихъ князей первыхъ попавшихся на глаза лицъ, какъ напримѣръ, Ярослава Ярославича Тверскаго, княжившаго во Псковѣ отъ 1253 по 1255 годъ, или брата его Святослава, встрѣчающагося тамъ въ 1265 году. Оба они были не болѣе ни менѣе, какъ простыми Новгородскими намѣстниками, такъ какъ первый бѣжалъ съ Низу не прямо во Псковъ, а сначала въ Новгородскій пригородъ Ладогу, гдѣ былъ принятъ съ почестью, и откуда, по всей вѣроятности, былъ переведенъ Новгородцами сначала во Псковъ, а затѣмъ уже, въ 1255 году, и въ самый Новгородъ; второй же, очевидно, служилъ простымъ намѣстникомъ брата, княжившаго тогда въ Новгородѣ [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 48, 1232: «Придоша Пльсковици, поклонишася князю: ты нашь князь; и въспросиша у Ярослава сына Өедора, и не да имъ сына, и рече: се даю вы шюринъ свой Гюргя; и ведоша и поимше Пльскову»....

[2]) П. С. Р. Л., I, 202, 1254: «Ярославъ, князь Тферьскый, сынъ великаго князя Ярослава, съ своими бояры поѣха въ Ладогу, оставя свою отчину; Ладожане почтиша и достойною честью». Тамъ же, I, 228, 1254. П. С. Р. Л., Ш, 55, 1253: «Выбѣже князь Ярославъ Ярославичь изъ Низовьскоѣ земли, и посадиша его въ Пльсковѣ». Тамъ же, Ш, 55, 1255: «Выведоша Новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ».... Въ Разк. изъ Русск. Ист., Ш, 144—145, г. Бѣляевъ говоритъ даже о заключеніи условія, якобы состоявшемся тогда между Ярославомъ и Псковичами; но очевидно, это относится, къ разряду попытокъ не только толковать источники, но даже и восполнять ихъ по мѣрѣ надобности.

Еще менѣе слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого поворота, видѣть въ немъ проявленіе особенной федераціи, якобы водворившейся съ тѣхъ поръ въ отношеніяхъ между Новгородомъ и Псковомъ, или же доказательство утвержденія во Псковѣ самобытности: съ этимъ поворотомъ ни мало не связывалось не только никакого измѣненія въ существенномъ характерѣ княжеской власти во Псковѣ, но даже—и это главное — простой перемѣны въ отношеніяхъ Псковскихъ князей къ Великому Новгороду. Псковъ по прежнему оставался Новгородскимъ пригородомъ, равно какъ и князья его продолжали носить характеръ Новгородскихъ намѣстниковъ; измѣнился только одинъ способъ назначенія этихъ намѣстниковъ: вмѣсто присылки изъ Новгорода, намѣстники стали теперь по временамъ и выборными — уступка, составлявшая какъ бы заключительный членъ въ ряду пріемовъ, которыми Великій Новгородъ старался удержать свою власть надъ пригородами. Дѣйствительно, постоянныя неудовольствія, которыя возбуждало противъ себя усиленіе Новгородскаго вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ, нерѣдко заставляли Новгородцевъ, тревожимыхъ вдобавокъ вѣчными интригами своихъ партій, не только смотрѣть сквозь пальцы на проявленіе мѣстной самостоятельности, именно на отказъ пригородовъ принимать Новгородскихъ посадниковъ, на изгнаніе присланныхъ изъ Новгорода князей и на безчестіе ихъ свиты [1]), но даже допускать и положительное вмѣшательство пригородовъ въ сферу собственныхъ распоряженій, въ самое назначеніе областныхъ правителей. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто преслѣдованія князей, самовольно избранныхъ въ пригородахъ, Новгородцы предпочитали временами признавать ихъ своими намѣстниками, чтобы только не возбуждать въ пригородѣ бунта и

[1]) П. С. Р. Л., III, 45, 1229: «Тъгда же отяша посадничьство у Иванка у Дъмитровиця.... а Иванку даша Тържькъ; иде на Тържькъ, и не пріяша его Новоторжьци, и оттуду иде къ Ярославу». Тамъ же, IV, 178, 1228: «а кои и были люди во Псковѣ Ярославли, тѣхъ Псковичи выгнаша изъ Пскова». Ник. Лѣт., II, 360, 1228: «Они же пришедше повѣдаша вся князю Ярославу Всеволодовичу. Князь же Ярославъ о семъ опечалися и рече Новогородцамъ: «что сіе есть?» Они же рѣша: «вѣси, княже, Новогородцы и Псковичи, якоже хотятъ, тако и творятъ».

нимало не рисковать цѣлостью своей территоріи, тѣмъ болѣе, что чрезъ это признаніе они сохраняли за собою право назначенія, по смерти или удаленіи выборнаго князя, вновь своихъ собственныхъ намѣстниковъ. Если не считать въ числѣ Псковскихъ князей, получившихъ признаніе со стороны Великаго Новгорода, Святополка Мстиславича, такъ какъ послѣдній, хотя дѣйствительно пользовался признаніемъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ въ виду не Псковъ, а самый Новгородъ, былъ, слѣдовательно, претендентомъ на Новгородскій столъ [1]), то въ примѣръ князей, носившихъ во Псковѣ характеръ выборныхъ Новгородскихъ намѣстниковъ, можетъ быть приведенъ Довмонтъ, княжившій во Псковѣ почти всю вторую половину XIII столѣтія. Довмонтъ былъ литовскій выходецъ, котораго Псковичи, послѣ изгнанія Новгородскаго намѣстника Святослава Ярославича, посадили на свой столъ, не спросясь у Великаго Новгорода; тѣмъ не менѣе Новгородцы не послѣдовали совѣту князя Ярослава, брата изгнаннаго Святослава, и на отрѣзъ отказались идти съ его полками, нарочно призванными съ Низу, на Псковъ для изгнанія Довмонта, слѣдовательно, предпочли признать его своимъ намѣстникомъ; тѣмъ болѣе что удачною борьбою съ сосѣдями Довмонтъ уже на первыхъ порахъ не только успѣлъ оправдать мѣткость выбора Псковичей, но и сдѣлалъ весьма желательнымъ признаніе его княземъ со стороны самого Великаго Новгорода. Да и послѣдующая жизнь Довмонта была не что иное, какъ безустанная борьба за его новое отечество, вслѣдствіе которой онъ не только запечатлѣлъ на долго въ памяти Псковичей свой идеальный образъ, но даже въ самомъ Новгородѣ оставилъ по себѣ славу неутомимаго труженика за св. Софью и св. Троицу [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 8, 1137: «Преставися князь Всеволодъ Мстиславиць Пльсковѣ, и яшася Пльсковици по брата его Святопълка, и не бѣ мира съ ними».... Тамъ же, III, 8, 1138: «И съ Пльсковици смиришася» (Новгородцы), слѣдовательно, признали Святополка Псковскимъ княземъ, такъ какъ онъ оставался тамъ еще нѣкоторое (до 1140 года) время.

[2]) П. С. Р. Л., III, 59, 1266: Приде князь Ярославъ въ Новъгородъ съ полкы Низовьскыми, хотя ити на Пльсковъ на Довмонта; Новгородци же възбраниша ему, глаголюще: оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавъшеся, тоже ѣхати въ

Оттого не только со смертью Довмонта самъ собою возстановлялся старый порядокъ въ Псковѣ, вновь вмѣсто выборныхъ князей являются намѣстники, назначенные Великимъ Новгородомъ: такими Новгородскими намѣстниками были, напримѣръ, въ періодъ времени отъ 1307—1308 по 1312 годъ, Ѳедоръ Михайловичъ и Иванъ Ѳедоровичъ [1]); но даже и при его жизни ничто не препятствовало Новгородцамъ обращаться со Псковомъ, какъ съ своею собственною волостью, и посылать туда намѣстниковъ съ своей стороны, какъ напримѣръ, князя Августа въ 1270 году: взаимныя отношенія двухъ намѣстниковъ, Довмонта и Августа, во Псковѣ неизвѣстны, но характеръ княжеской власти въ Новгородскихъ пригородахъ, представлявшей не болѣе, какъ кормленіе, дѣлалъ возможнымъ подобныя явленія [2]). Попытки сдѣлать княжеское званіе избирательнымъ сопровождались во Псковѣ подобными же попытками и относительно сана посадника, но только имѣвшими, кажется, бóльшій успѣхъ. Въ началѣ XIV столѣтія и посадники во Псковѣ дѣлаются выборными; но между тѣмъ какъ княжеское званіе, со смертью выборнаго князя, легко теряло свой выборный характеръ, посадничество сохраняло усвоенную имъ новую форму даже и при Новгородскихъ намѣстникахъ: въ примѣръ можно указать на посадника Бориса, семья котораго и въ послѣдствіи доставляла Пскову посадниковъ [3]).

Такимъ образомъ, вплоть до конца первой четверти XIV столѣтія Новгородцы умѣли сохранить за собою власть надъ Псковомъ и въ управленіи послѣднимъ мало въ чемъ отступали отъ

Пльсковъ? князь же отсла полкы назадъ». Тамъ же, Ш, 67, 1299: «Преставися Довмонъ князь Пльсковскыи, много пострадавъ за св. Софью и за св. Троицю».

[1]) С. Г. Г. и Д., I, № 11, 1307—1308; Изв. Имп. Ак. Н. X, 282.

[2]) П. С. Р. Л., III, 62, 1270: «И совкупися въ Новъгородъ вся волость Новгородьская, Пльсковичи, Ладожане, Корѣла.... и идоша въ Голино....» Тамъ же Ш, 62, 1270: «Иде князь Ярославъ въ Володимирь, и оттолѣ иде въ Орду, а въ Новѣгородѣ остави Андрея Воротиславича, а Пльсковичемъ дасть князя Айгуста».

[3]) Изв. Имп. Ак. Н. X, 282: «Доконцаны быша книги си при арх. Новгородьскомь Давидѣ, при в. князѣ Новгородьскомь Михаилѣ, а Пльскомь (Пльсковьскомь) Иванѣ Федоровици, а посадниче Борисе».

обыкновеннаго областнаго порядка, посылали туда своихъ посадниковъ и служебныхъ князей, какъ и во всѣ остальные пригороды; а если временами и случалось, что во Псковѣ появлялись князья, повидимому, независимые отъ Великаго Новгорода, то такіе князья или были не чѣмъ инымъ, какъ претендентами на Новгородскій столъ, или же тотчасъ послѣ своего избранія Псковичами получали признаніе со стороны Великаго Новгорода. Признанію выборныхъ князей Псковскихъ Новгородскими намѣстниками содѣйствовало въ особенности то обстоятельство, что первые были обыкновенно изгнанниками, порвавшими всякую связь съ родиной и потому не обязывавшими Псковичей никакою зависимостью, трудно соединимою съ ихъ подчиненіемъ Великому Новгороду. Но лишь только Псковичи, для которыхъ князья-изгнанники представляли весьма мало выгодъ, такъ какъ все значеніе ихъ, за вычетомъ личной храбрости, заключалось въ одной невсегда значительной дружинѣ, стали въ началѣ XIV столѣтія выбирать себѣ князей изъ Литвы, въ надеждѣ получить оттуда вмѣстѣ съ княземъ и военную помощь, то тотчасъ же отношенія Псковичей къ Великому Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ. Помѣщеніе на Псковскомъ столѣ князей, призванныхъ изъ Литвы, не только дѣлало невозможнымъ признаніе ихъ Новгородскими намѣстниками, но и ставило Псковичей въ нѣкоторую зависимость отъ великихъ князей литовскихъ, такъ что послѣдніе съ этихъ поръ начинаютъ уже считать Псковъ въ числѣ своихъ русскихъ владѣній [1]). Такимъ образомъ ходомъ всей своей предшествующей исторіи Псковъ, по видимому, былъ приведенъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которыми въ другихъ пригородахъ обыкновенно обнаруживались неудовольствія противъ старѣйшаго города, то есть, въ передачѣ подъ защиту какого либо сосѣдняго владѣльца; однако въ сущности появленіе во Псковѣ литовскихъ князей, изъ которыхъ первымъ былъ, ка-

---

[1]) Bunge, Urkundenbuch, II, 153, 1323; «Istae sunt terrae, cum quibus pacem inivimus (Гедиминъ съ Нѣмцами) supradictam: primo enim nostra ex darte Sustentense, Saymenten, Plescecowe, et omnes Rutheni, qui subiciuntur dominio nostro....»

жется, нѣкій Давыдко въ 1322 году [1]), имѣло смыслъ не столько подчиненія Литвѣ, сколько вызова старѣйшему брату, было равнозначительно съ провозглашеніемъ полнаго разрыва съ Великимъ Новгородомъ. Потому и Новгородцы, хорошо понимавшіе всю разницу между Довмонтомъ и Давыдкомъ, отвѣчали на принятіе Псковичами Давыдка не придуманіемъ какой либо новой сдѣлки, потерявшей теперь совершенно всякій смыслъ, а заключеніемъ дружбы съ Нѣмцами и противопоставленіемъ союзу Псковичей съ Литвою собственнаго союза съ Нѣмцами, имѣвшаго цѣлью принудить Псковъ отстать отъ Литовцевъ и воротиться снова подъ Новгородскую опеку [2]).

Въ этой борьбѣ, представляющей послѣдній актъ во взаимныхъ отношеніяхъ пригородовъ и старѣйшаго города и продолжавшейся около двадцати лѣтъ, вѣроятность успѣха первоначально была почти вся на сторонѣ Великаго Новгорода, такъ что заранѣе никакъ нельзя было предугадать ея конечнаго исхода. Хотя Псковичи во все время этой борьбы и держались твердо своего единственнаго союзника, Литвы, и потому, вскорѣ послѣ удаленія Давыдка, изъ рукъ великаго князя литовскаго приняли къ себѣ на столъ русскаго изгнанника, Александра Михайловича Тверскаго, который такимъ образомъ, въ качествѣ литовскаго намѣстника, съ великокняжескимъ титуломъ соединилъ и нѣкоторое дѣйствительное значеніе [3]), — тѣмъ не менѣе помощь, исходившая изъ Литвы, была совершенно ничтожна и ни мало не препятствовала успѣхамъ Новгородцевъ, силы которыхъ, вслѣдствіе принятія Псковичами Тверскаго князя, увеличились еще новымъ союзникомъ, великимъ княземъ Московскимъ. Въ

---

[1]) Рус. Лив. Акты, 31, до 1323: «Ceterum percepimus, quod dominus Dawid sit rex plescowie. Cum igitur vos et ipse estis amici speciales, quare scinceritatem vestram petimus studiose, ut taliter ordinare dignemini vestra gracia mediante, quod ipse sit amicus nostre civitatis».

[2]) Bunge, Urkundenbuch, II, 138—139, 1323: «Were och dat also, dat de Pleschowere van den Lettowen nicht laten ne wolden, so scholde wi den Novgarderen helpen dar to und orlogen also den Novgarderen und se mit uns up de Pleschowere, bet se den Novgarderen underdanich werden».

[3]) П. С. Р. Л., III, 75, 1331: «Зане Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили себѣ Александра князя изъ Литовскіа рукы».

соединеніи съ послѣднимъ, Новгородцы старались прежде всего выжить изъ Пскова Александра и съ этою цѣлью приняли дѣятельное участіе въ двухъ походахъ, которые были направлены противъ Тверскаго князя, и изъ которыхъ первый удачно окончился вытѣсненіемъ послѣдняго въ Литву, а другой, затѣянный по случаю вторичнаго появленія Александра во Псковѣ, не смотря на приготовленія, не состоялся, да въ сущности былъ и совершенно безполезенъ, такъ какъ Тверской князь вскорѣ самъ оставилъ Псковъ добровольно [1]). Въ то же самое время, при посредствѣ Нѣмцевъ, Новгородцы такъ стѣснили Псковичей, что послѣдніе, не находя въ Литвѣ никакой поддержки, уже отчаялись въ осуществленіи своихъ стремленій, или по крайней мѣрѣ, во Псковѣ обнаружилось раздвоеніе, борьба партій: противъ бояръ, обыкновенно дававшихъ направленіе теченію Псковской общественной жизни и стремившихся къ полной независимости отъ Великаго Новгорода, впервые выступила, кажется, остальная масса Псковскаго народонаселенія, естественно болѣе равнодушная къ мысли о политической самостоятельности Пскова, чѣмъ къ невыносимому для нея бремени борьбы съ иноземцами, и на время даже одержала верхъ. Подъ ея-то вліяніемъ, кажется, Псковичи и отправили посольство въ Новгородъ съ просьбою о помощи, а такъ какъ существеннымъ условіемъ полученія оттуда помощи было подчиненіе Великому Новгороду, то вмѣстѣ и съ изъявленіемъ желанія принять къ себѣ Новгородскаго намѣстника. Такимъ образомъ, при помощи союза съ Нѣмцами, Новгородцы, казалось, достигли предположенной цѣли, добились отъ Пскова покорности: идти дальше въ томъ же направленіи было бы теперь совершенно безразсудно. Потому Новгородцы, нимало не медля, собрались съ своими силами и вступили въ предѣлы Псковской области, но противъ всякаго ожиданія нашли тамъ обстоятельства совершенно измѣнившимися. На вѣчѣ во Псковѣ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 185, 1327. Тамъ же, III, 77, 1335: «К. в. Иванъ хотя ити на Плесковъ съ Новогородци и со всею Низовскою землею, и бысть ему рѣчь по любви съ Новогородци и со всею Низовскою землею, и отложиша себѣ путь; а Плесковичемъ миру не даша».

снова восторжествовали бояре и успѣли склонить Псковичей къ немедленному удаленію изъ своихъ предѣловъ вспомогательнаго Новгородскаго войска и къ принятію во Псковъ литовскаго князя [1]). Настойчивость бояръ въ стремленіяхъ къ полной независимости отъ Новгорода неожиданно увѣнчалась на этотъ разъ полнымъ успѣхомъ. Собственная слабость Великаго Новгорода, раздѣленіе его на враждовавшія между собою партіи не мало содѣйствовали и раньше, какъ мы видѣли, развитію во Псковѣ мѣстной самодѣятельности; таже самая слабость старѣйшаго города, недостатокъ силъ для защиты своей земли отъ сосѣднихъ народовъ, привела и теперь къ улаженію долгихъ недоразумѣній со Псковомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ признанію самобытности послѣдняго. Нуждаясь на время войны со Шведами въ усердномъ содѣйствіи Псковичей, Новгородцы рѣшились для этой цѣли сдѣлать послѣдній шагъ, отказались, по Болотовскому договору 1347 — 1348 года, отъ всякой власти надъ Псковомъ, какъ отъ права призывать Псковичей къ себѣ на судъ въ Новгородъ, такъ и отъ права назначать къ нимъ своихъ посадниковъ, и назвали Псковъ *молодшимъ* братомъ Новгорода [2]).

Первая половина XIV столѣтія была не только періодомъ внѣшней борьбы Пскова за независимость, но и временемъ усиленной внутренней жизни, эпохою, въ которую одновременно съ борьбою противъ Новгорода и его союзниковъ опредѣлялись и основныя черты Псковскаго общественнаго устройства. Будучи все предшествующее время простымъ Новгородскимъ пригородомъ, Псковъ, естественно, долженъ былъ подчиняться во всемъ чужому порядку, слѣдовать вездѣ принесеннымъ извнѣ Новгородскимъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 187, 1341: «И Псковичи начаша много кланятися Новугороду, чтобы дали Псковичемъ намѣстника и помочь; и Новгородцы не даша Псковичемъ намѣстника, ни помочи». Ср. Тамъ же, III. 81, 1342.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 58—59, 1348: «Рѣша же Новгородци: братья Плесковичи! то перво мы вамъ дали жалобу на Болотовѣ; посадникомъ нашимъ у васъ въ Плесковѣ не быти, ни судити, а отъ владыцѣ судить вашему Плесковитину, а изъ Новагорода васъ не позывати дворяны, ни подвойскими, ни софьяны, ни извѣтники, ни биричи....» Тамъ же, III, 227, 1347: «но назваша братомъ молодшимъ Новугороду Псковъ».

пошлинамъ и обычаямъ; теперь же наступало время думать и о заведенiи своей собственной пошлины. Прежде всего, измѣненiе въ характерѣ княжеской власти, замѣщенiе Новгородскимъ намѣстниковъ выборными князьями, настоятельно требовало опредѣленiя отношенiй послѣднихъ къ самому Пскову и его представителямъ: результатомъ этого опредѣленiя было составленiе мѣстной Псковской правды [1]). Существуетъ мнѣнiе, что основанiе отдѣльному Псковскому законодательству положено было не въ началѣ XIV столѣтiя, а еще гораздо раньше, въ половинѣ XIII, великимъ княземъ Александромъ Невскимъ. Представителями такого мнѣнiя служатъ двое ученыхъ, компетентныхъ въ дѣлѣ критики источниковъ, гг. Калачевъ и Энгельманъ. Въ своемъ утвержденiи оба ученые исходятъ изъ тѣхъ соображенiй, что князь, которому приписывается составленiе начала Псковской правды, самою правдою, равно какъ и нѣкоторыми позднѣйшими актами, грамотами митрополитовъ Кипрiана и Iоны, называется „великимъ княземъ Александромъ", и что изъ всѣхъ Псковскихъ князей такой титулъ, особенно со стороны митрополитовъ, приличенъ только одному Александру Невскому [2]): другаго Александра, извѣстнаго изъ Псковской исторiи и подходящаго къ обстоятельствамъ, думаетъ далѣе г. Калачевъ, — Александра Михайловича Тверскаго, изгнанника, митрополитъ никакъ не назвалъ бы, особенно въ тогдашнее время, великимъ княземъ, какъ онъ имѣлъ полное право назвать Невскаго, преемникомъ котораго на великокняжескомъ престолѣ были князья Московскiе [3]). Можно серiозно опасаться, что г. Ка-

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд. стр. 1: «судити имъ у князя на сѣнехъ, взираа въ правду....» А. З. Р., I, 51, 1440: «яже вчиниться пеня нашымъ.... во Пьсковѣ, коньчати по Псковьской правдѣ и по цѣлованiю».

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 1: «Ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты...» А. И., I, 19, № 10, 1395: «что есмь слышалъ, ажь владыка Суждальскiй Денисей списалъ грамоту, коли былъ во Пьсковѣ, и приписалъ къ грамотѣ князя великаго Александровѣ...» Тамъ же, I, 107, № 60, 1455—1461: «молимся... да воспрiимете... пребыванiе мирно и устроенiе неподвижно.... какъ то пошло у васъ, та ваша добрая старина, отъ великого князя Александра».

[3]) Москвитянинъ за 1848 г., I, 174—176; Энгельманъ, Гражд. Зак. Пск. Судн. Грам., стр. 2.

лачевъ излишнею тонкостью окончательно затемняетъ и безъ того неясное дѣло, и что предположеніе его представляетъ весьма мало вѣроятія даже въ томъ случаѣ, когда можно было бы утвердительно сказать, что митрополитъ зналъ навѣрное, о какомъ Александрѣ говорили ему Псковичи, и потому сознательно употреблялъ титулъ великаго князя, а не просто повторялъ слова Псковичей или ихъ грамоты. Историческія соображенія однако показываютъ, что послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно. Вспомнимъ, что Псковскія пошлинныя грамоты, стало быть, и Псковская правда, были потребованы Иваномъ III на просмотръ; вспомнимъ, что послѣдній нашелъ эти грамоты грамотами „не самыхъ великихъ князей", а просто актами Псковскихъ мѣстныхъ властей: и тогда будетъ вполнѣ ясно, что титулъ великаго князя употребленъ во всѣхъ приведенныхъ актахъ совершенно произвольно, и что поэтому нѣтъ никакой надобности придавать ему серіозное значеніе и основывать на немъ разныя соображенія [1]).

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, время каждаго историческаго событія опредѣляется не одними только частными археологическими догадками, которыя по своей случайности легко могутъ быть весьма обманчивыми, но гораздо болѣе сообразностью событія съ общимъ ходомъ исторіи разсматриваемаго края. А между тѣмъ, защитники мнѣнія о происхожденіи Псковской правды отъ Невскаго не только не говорятъ ничего о возможности появленія Правды въ XIII столѣтіи, во все продолженіе котораго Псковъ оставался простымъ Новгородскимъ пригородовъ, но даже оставляютъ безъ опредѣленія и самый пунктъ времени, въ который бы могла быть составлена Псковская правда. Послѣднюю недомолвку восполнить однако весьма легко, такъ какъ единственнымъ случаемъ къ полученію грамоты отъ Александра было время порабощенія Пскова Нѣмцами, когда Невскій герой, извѣщенный объ этомъ событіи, явился туда въ 1241 году съ Новгородцами и выпроводимъ изъ Пскова непрошенныхъ гостей; но

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, стр. 250, 1475.

очевидно, что если бы даже выдумывать нарочно, то и тогда трудно было бы выдумать менѣе благопріятный случай. Съ одной стороны, Александръ Невскій былъ въ это время только мѣстнымъ Новгородскимъ княземъ, но отнюдь не великимъ; поэтому ни Псковичи, ни митрополиты не могли бы сказать, что Псковская Правда писана великимъ княземъ. Съ другой стороны, самый ходъ событій совсѣмъ не благопріятствовалъ дарованію Псковичамъ какой-либо жалованной грамоты, предполагающей во Псковѣ и князя, и посадника, совершенно независимыми отъ Новгорода: такое пожалованіе могло быть вызвано только собственными заслугами Псковичей, но отнюдь не могло быть слѣдствіемъ оказанной имъ Новгородцами помощи, которая могла вести только къ усиленію власти Великаго Новгорода надъ Псковомъ. Такимъ образомъ, всѣ эти обстоятельства—невозможность появленія Псковской Правды въ XIII столѣтіи, несообразность дарованія ея съ событіями, при которыхъ Александру Невскому привелось быть во Псковѣ, наконецъ, положительное замѣчаніе Ивана III о Псковскихъ грамотахъ вообще, какъ объ актахъ, получившихъ свое начало не отъ великихъ князей, несомнѣнно свидѣтельствуютъ что начало Псковской Правды нужно относить не къ XIII, а къ первой половинѣ XIV столѣтія, ко времени Александра Михайловича Тверскаго, княжившаго во Псковѣ два раза, первый разъ отъ 1327 по 1330 годъ, второй же—отъ 1332 по 1337. Съ этимъ заключеніемъ вполнѣ согласуются и обстоятельства времени: въ началѣ XIV столѣтія, именно около 1322 года, Псковичи окончательно порвали всякую связь съ Великимъ Новгородомъ и вступили въ союзъ съ литовскими князьями, изъ рукъ которыхъ и стали принимать къ себѣ намѣстниковъ, между прочимъ, оттуда же взяли и Александра Тверскаго; а въ 1347—1348 году послѣдовало и офиціальное признаніе самобытности Пскова со стороны Великаго Новгорода. Въ виду этихъ обстоятельствъ Псковичамъ было не только естественно, но и необходимо позаботиться о составленіи, въ періодъ времени отъ 1322 по 1347—1348 годъ, особенной мѣстной Правды, которая бы

удовлетворяла ихъ насущнымъ потребностямъ, и которая, будучи однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Пскова [1]), даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность обратиться къ начертанію картины внутренняго устройства Псковской земли въ періодъ XIV вѣка.

~~~~~~~~~~

[1]) Ср. Срезневскій, въ Изв. Имп. Ак. Н., X, 294.
~~~~~~~~~~

II.

ПСКОВЪ И ЕГО УСТРОЙСТВО.

Историческое движеніе, выражаясь вообще не только въ последовательной смѣнѣ основныхъ началъ народной жизни однихъ другими по времени, но въ равной мѣрѣ и въ видоизмѣненіи ихъ сообразно съ условіями мѣстности, естественно должно было отличаться тѣмъ же характеромъ и на Руси. Дѣйствительно, княженія и земли, на которыя распадалась древняя Русь, являются не простыми примѣрами, отражающими въ одной и той же формѣ общія начала, которыя управляли ходомъ древнерусской жизни, но въ важнѣйшихъ случаяхъ и особенными индивидуальными образами, представляющими—каждое—эти начала не иначе, какъ въ своемъ особенномъ сочетаніи или видоизмѣненіи. Между этими началами, взаимное отношеніе которыхъ сообщало древнерусскимъ княженіямъ ихъ отличительный характеръ, политическіе элементы занимаютъ безспорно самое важное мѣсто, будучи подчинены вообще, сравнительно съ областью частнаго права, гораздо большей подвижности. Понятно поэтому, что въ организаціи именно этихъ элементовъ, въ отношеніяхъ между княжескою властью и властью народа, сказались и особенности Псковскаго устройства и его отличія отъ Новгородскаго, когда Псковъ въ XIV вѣкѣ достигъ самостоятельнаго существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ, не могъ не получить и особеннаго индивидуальнаго характера. Съ одной стороны, мѣстное положеніе Пскова было такъ исключительно, съ другой — историческій путь, совершенный имъ подъ владычествомъ

Великаго Новгорода, такъ своеобразенъ, что усвоеніе имъ особеннаго характернаго строя, который давалъ бы ему право на одинаковое мѣсто въ ряду другихъ русскихъ земель, являлось вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ. Было бы однако совершенно недостаточно просто сослаться, какъ это нерѣдко дѣлается историками, на мѣстныя или историческія условія какого-либо явленія: главная сила заключается не въ ссылкѣ, а въ показаніи того, въ чемъ именно состояли эти мѣстныя или историческія условія, чѣмъ именно отличался характеръ извѣстной мѣстности или исторіи, приведшій послѣднюю къ тому или другому конечному результату.

Между мѣстными условіями Псковской жизни уже въ первоначальный періодъ оказывало большое вліяніе какъ на внѣшній видъ Пскова, такъ и на характеръ его внутренняго устройства, пограничное положеніе города и вытекавшая отсюда необходимость постоянной борьбы съ сосѣдними народами. Это обстоятельство получало особенную силу теперь, когда Псковъ сдѣлался самостоятельною землей, по своему положенію какъ-бы нарочно выставленною подъ удары непріятелей. Въ самомъ дѣлѣ Псковская земля, находясь между Новгородскими, Литовскими и Нѣмецкими владѣніями, имѣла видъ длинной и узкой полосы, на всемъ протяженіи запада и юга открытой для вторженія сосѣднихъ народовъ; длина этой полосы, если принять за основаніе измѣренія восточную границу, достигала, по счету самихъ Псковичей, не менѣе трехъ сотъ верстъ, между тѣмъ какъ ширина въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ врядъ-ли гдѣ превышала и сотню верстъ [1]); восточная граница отстояла отъ Пскова не болѣе, какъ на 50 верстъ, такъ какъ до послѣдней Псковской станціи на пути въ Новгородъ было, также по счету самихъ Псковичей, только сорокъ верстъ, а западная граница тянулась по близости рѣки Сѣрицы, разстояніе которой отъ Пскова опредѣлялось въ

[1]) П. С. Р. Л., IV, 211, 1411: «и повоеваша Псковичи Новгородскія волости въ долготу на 300 верстъ, а въ ширину 50 верстъ отъ Литовского рубежа и до Нѣмецкого». Значитъ, по всей восточной Псковской границѣ, такъ какъ Литовскій рубежъ находился на югѣ, а Нѣмецкій соприкасался съ Новгородскимъ только на сѣверѣ.

сорокъ, а отъ Изборска—въ десять верстъ: все это вмѣстѣ и составитъ только около сотни верстъ [1]). Не смотря на противорѣчіе источниковъ, все-таки можно думать, что на сѣверѣ Псковская область начиналась острымъ клиномъ, заключающимся между рѣками Наровой и Плюсой, спускалась расширяясь, хотя и не очень значительно, къ югу и достигала тамъ самыхъ значительныхъ размѣровъ въ ширину, сообразно съ развѣтвленіемъ рѣки Великой [2]). Кромѣ Наровы, западный Псковской рубежъ, не отступавшій примѣтно отъ нынѣшнихъ границъ Лифляндской и Псковской губерній, опредѣлялся Великимъ (Чудскимъ) озеромъ, рѣками Мѣдой, Сѣрицей, и пройдя мимо Нейгаузена, спускался по рѣкѣ Кудеби къ Вышгороду и Красному [3]). На югѣ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ Псковскимъ была Опочка, отъ которой граница начинала подыматься на сѣверъ, на Выборъ, Наверeжье, и пройдя между Мелетовымъ (Псковское селеніе) и Дубровной (Новгородское) [4]), примыкала къ рѣкѣ Лютѣ, или по крайней мѣрѣ, тянулась вблизи ея до мѣста сліянія послѣдней съ Плюсою, которая, какъ раньше сказано, составляла сѣверную часть восточной границы [5]).

Пограничное положеніе Псковской земли навлекало ежечасныя опасности не только на Псковскія окраины, но и на самый городъ Псковъ, такъ какъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ послѣдній отстоялъ отъ рубежа всего на какихъ-нибудь 50 верстъ.

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 255, 1477: «и посемъ ѣдя до рубежа... стоялъ и на Мелетовѣ 3 ночи, а все то волости Псковскія тручи, на 40 верстъ 5 ночей».—Тамъ же, IV, 293, 1519: «подъ Нѣмецкимъ рубежемъ 40 верстъ ото Пскова, а 10 верстъ за Изборскомъ, въ Таиловѣ погостѣ, 7 верстъ отъ Нового городка отъ Нѣмецкого, Печерской монастырь»...

[2]) Муханова, Сборникъ, 2-е изд., стр. 40, № 27, 1482: а земли и воды В. Новугороду съ князем Мистромъ старыи, рубежъ съ Чуцкого озера стержнемъ Норовы рѣки въ Солоное море». Ср. П. С. Р. Л., IV, 219, 1460; V, 14, 1348. Рус. Лив. Акты, 264, 1509.

[3]) П. С. Р. Л., III, 81, 1342; IV, 233, 1469; IV, 19, 1407.

[4]) П. С. Р. Л., IV, 240, 1471. Тамъ же, IV, 255, 1477: «да съ послѣдняго стану съ Мелетова поѣхалъ»...

[5]) П. С. Р. Л., IV, 241, 1471: «пришедъ къ рубежу и поидоша въ утрѣ съ Бѣльской губѣ и поидоша воюя по Новгородской волости... И бывши имъ за Лютою рѣкою, межи Лютой и Скиру (Курьей?)»...

А между тѣмъ Псковъ, занимавшій въ двухъ своихъ главныхъ частяхъ, дѣтинцѣ и Застѣньѣ, треугольникъ между Псковою и Великою, въ теченіе XIV столѣтія, благодаря своему торговому характеру, значительно выросъ, выступилъ изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и перешелъ на другую сторону обѣихъ рѣкъ: являются заселенными прочно Запсковье и Заваличье. Расширеніе города Пскова естественно побуждало Псковичей заботиться, въ видахъ внѣшней безопасности, о продолженіи начатаго ими раньше дѣла обороны своего главнаго убѣжища отъ непріятелей, какъ о сооруженіи новыхъ укрѣпленій, которыя прикрывали бы возникшія вновь части города, такъ равно и объ усиленіи оборонительныхъ средствъ Псковскихъ стѣнъ, и старыхъ, и новыхъ. Въ видахъ первой потребности въ 1375 году была заключена въ плитяную (четвертую) стѣну и та часть Псковскаго посада, которая находилась за Застѣньемъ между Псковою и Великою и до тѣхъ поръ была защищаема только невысокою деревянною (дубовою) стѣнкой [1]); но Запсковье и Заваличье не вошли однако въ кругъ этой стѣны, въ началѣ XV столѣтія вновь перестроенной во всѣхъ ея частяхъ, то-есть, какъ въ направленіи между Псковой и Великою, такъ и вдоль берега обѣихъ рѣкъ по направленію къ дѣтинцу; только во второй половинѣ XV столѣтія, да и то одно Запсковье, вмѣстѣ съ новымъ Псковскимъ посадомъ, было обнесено простою деревянною стѣною, замѣненной въ послѣдствіи каменною по крайней мѣрѣ въ Запсковской части [2]). Усиленіе же оборонительныхъ средствъ Псковскихъ укрѣпленій производилось чрезъ постройку въ приличныхъ мѣстахъ такъ-называемыхъ костровъ или башенъ, которыя до XIV сто-

---

[1]) П. С. Р. Л., 193, 1375: «Псковичи заложиша четвертую стѣну, плитяну, отъ Псковы рѣки до Великой рѣки, подлѣ старой стѣнкѣ, что была стѣнка съ дубомъ мало выше мужа, около всего посада». Ср. Herberst., Rer. Mosc. Com., ed. 1556, 76.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 195, 1399, 1401; 196, 1404. Тамъ же, IV, 229, 1465: «заложиша стѣну деревяну отъ Великой рѣкѣ отъ мон. отъ Покрова св. Богородици да и до Псковы рѣки, а отъ Псковы рѣки на Запсковьи заложиша отъ Гримячей горы да до Великой рѣкп до св. Варлама»... Тамъ же, IV, 240, 1471; тамъ же, V, 42, 1482; IV,282, 1508: «Заложиша стѣну камену около Гремячей горѣ».

лѣтія у Псковскихъ стѣнъ если и были, то въ весьма недостаточномъ количествѣ, а также и чрезъ размѣщеніе по стѣнамъ пороковъ или метательныхъ машинъ. Костры ставились по преимуществу на приступной стѣнѣ, т.-е., на такой, противъ которой обращались обыкновенно главныя усилія непріятеля, и только затѣмъ ужъ и на побочныхъ линіяхъ; понятно поэтому, что въ разсматриваемый періодъ костровъ особенно много было построено вдоль той части четвертой стѣны, которая тянулась между рѣками Псковой и Великой и по положенію своему получала характеръ приступа [1]). Съ появленіемъ четвертой стѣны явилась для обозначенія различныхъ составныхъ частей города и новая терминологія. Застѣнье получило теперь, сверхъ старыхъ, еще новое названіе *Средняго* города, а бывшій посадъ сталъ именоваться *Большимъ* или *Окольнымъ* городомъ [2]). Соразмѣрно съ такимъ расширеніемъ города, увеличилось и число Псковскихъ концовъ: подлѣ Боловинскаго и Торговскаго, являются концы — Городецкій, Опоческій и Остролавецкій, всѣ вмѣстѣ заключавшіеся въ пространствѣ, обнимаемомъ Большимъ городомъ. Относительно ихъ взаимнаго положенія можно замѣтить, что Остролавецкій конецъ примыкалъ къ рѣкѣ Великой, а Городецкій ко Псковѣ, Опоческій же находился между двумя первыми и занималъ средину города [3]). Неизвѣстно только, образовало ли За-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 194, 1392: «Поставивше 6 пороковъ въ Псковѣ градѣ». Тамъ же, IV, 193, 1387: «Поставиша 3 костры камены у новыя стѣны на приступѣ». Новою стѣною въ 1387 году могла быть только стѣна, построенная въ 1375 году подъ именемъ четвертой между рѣками Псковой и Великой; она же слѣд. носила въ Псковѣ и характеръ приступа. Тамъ-же, IV, 194, 1397; 195, 1395.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 288, 1510: «и начаша имъ (Москвичамъ) дворы давати въ Середнемъ городѣ, а Псковичь всѣхъ выпроводиша изъ своихъ дворовъ въ Околней городъ и на посадъ. А дворовъ было въ Застѣньи 6500». Ср. тамъ же, IV, 282, 1510.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 268, 1493: «церковь поставиша на Болотѣ камену св. Георгія въ Острой Лавицы» показываетъ, что Остролавецкій конецъ находился у Великой рѣки; а изъ П. С. Р. Л., IV, 203, 1421: «св. Варвару на Усохѣ» и V, 23, 1421: «св. Варвару, возлѣ св. Николы, въ Опоцкомъ концы» можно заключить, что Опоческій конецъ, слѣдуя за Остролавецкимъ, занималъ средину Большаго города. Такимъ образомъ на долю Городецкаго конца остается та часть послѣдняго, которая прилегала ко Псковѣ.

псковье, уже въ этотъ періодъ, особенный, шестой конецъ, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Богоявленскаго, или же относилось пока еще къ посаду, находившемуся подъ стѣнами Большаго города. Во всякомъ случаѣ, съ образованіемъ Богоявленскаго конца, когда бы оно ни послѣдовало, число Псковскихъ концовъ, въ періодъ самостоятельнаго существованія Пскова, достигло полной своей цифры шести, которую различные ученые, вслѣдствіе неточной оцѣнки историческихъ фактовъ, то увеличиваютъ, то уменьшаютъ несправедливо. Соблазненный примѣромъ Великаго Новгорода, митрополитъ Евгеній насчитываетъ во Псковѣ всего только пять концовъ, тогда какъ г. Костомаровъ увеличиваетъ это число до десяти; между тѣмъ само по себѣ дѣло не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій: не только извѣстны имена всѣхъ шести Псковскихъ концовъ, но и положительно извѣстно, что общее число Псковскихъ концовъ было именно шесть и что это число оставалось безъ всякаго измѣненія вплоть до прекращенія самостоятельнаго существованія Псковской земли [1]).

Пограничное положеніе, требовавшее отъ Псковичей постоянной готовности къ отраженію непріятеля, не осталось безъ важныхъ послѣдствій и для внутренняго устройства Пскова. Подобно тому, какъ въ первоначальный періодъ внѣшнія затрудненія побуждали Новгородцевъ назначать во Псковъ подручныхъ князей, точно также и теперь опасности, грозившія Пскову со стороны сосѣдей, не только заставляли Псковичей поддерживать въ своемъ устройствѣ княжескую власть, но даже дѣлали необходимымъ личное присутствіе князя во Псковѣ, чтобы онъ тамъ на мѣстѣ вліялъ на ходъ отношеній къ сосѣдямъ. Поэтому Псковичи неодобрительно смотрѣли на всякую попытку князей управлять Псковомъ при посредствѣ намѣстниковъ, какъ это дѣлали, напримѣръ, литовскіе князья Давыдко и Андрей Ольгердовичъ, тотчасъ по вокняженіи своемъ удалившіеся въ Литву, и считали подобный поступокъ какъ-бы отказомъ со стороны самого кня-

---

[1]) Евгеній, И. Кн. Пск., I, 19, 28. Разборъ фактовъ, относящихся къ вопросу о числѣ концовъ, будетъ представленъ на своемъ мѣстѣ ниже.

зя [1]). Намѣстники же, если и были по временамъ терпимы, то только изъ уваженія къ ихъ личнымъ качествамъ, соотвѣтствовавшимъ той же самой цѣли, для которой призывались и князья, то-есть, оборонѣ Псковской земли. Князь избирался во Псковѣ изъ сосѣднихъ княжескихъ домовъ, какъ изъ Рюриковичей, такъ и изъ Гедиминовичей, и по прибытіи на мѣсто княженія, былъ удостоиваемъ торжественной встрѣчи и интронизаціи. Псковскіе посадники, дѣти посадничьи и бояре выѣзжали къ нему на коняхъ за предѣлы города,—при встрѣчѣ Московскихъ намѣстниковъ—къ дальней церкви св. Пантелеймона, а если встрѣчаемый былъ самъ великій князь или его ближайшій родственникъ, то даже за предѣлы Псковской земли, на Дубровну, и сопровождали его оттуда до городской черты. Здѣсь, у старой Вознесенской церкви (опять-таки когда князь являлся съ востока) уже заранѣе ожидало князя съ крестами Псковское духовенство [2]), служило молебенъ, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ совершали шествіе до Троицкаго храма, въ которомъ происходилъ обрядъ интронизаціи или посаженья на столъ, произносилось многолѣтіе новому князю, и въ руки его влагался Довмонтовъ мечъ; въ заключеніе князь былъ отводимъ Псковичами съ почестью на дворъ, предназначенный для его жительства [3]). Чрезъ нѣсколько дней послѣ интронизаціи князь приносилъ Пскову присягу: она совершалась на вѣчѣ и состоила въ обѣщаніи князя судить право и не нарушать ни въ чемъ Псковскихъ старинъ и обычаевъ [4]). Хотя

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 190, 1348: «Отрекошася Псковичи князю Андрею, ркучи ему тако: «тобѣ было, княже, сидѣти во Псковѣ на княженіи, а намѣстникы тобѣ Пскова не держати; а нынѣ оже тобѣ не угодно сѣсти у насъ, индѣ собѣ княжишь, а Псковъ повергъ, то уже еси самъ лишилъ Пскова; а намѣстникъ твоихъ не хотимъ». Изъ намѣстниковъ Андрея извѣстны Иванъ и Юрій Витовтовичъ.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 257, 1478: «и священноиноки и священники и дьяконы выидоша противу его со кресты у Старого Вознесенія, а посадники Псковскіе и сынове посадничьи и бояре сустрѣкали его у Пантелеймона далного».

[3]) П. С. Р. Л. IV, 219—220, 1460. Тамъ же, VIII, 148, 1460: «и даша мечь въ руцѣ его князя Домонта и многы дары даша ему».

[4]) П. С. Р. Л., IV, 246, 1473: «пріѣхалъ князь Ярославъ Васильевичь на княженіе... мѣсяца февраля... въ пятокъ... и посадиша его на княженіи въ

Псковской князь и имѣлъ въ *загородномъ* дворѣ такое же отдѣльное отъ города мѣстопребываніе, какое представляло для Новгородскаго князя Городище, однако, вопреки Новгороду, загородный дворъ служилъ во Псковѣ только временнымъ пристанищемъ для князя; обыкновенно же послѣдній жилъ въ самомъ Псковѣ, на *княжемъ* дворѣ, находившемся въ Застѣньи или Середнемъ городѣ, неподалеку отъ торга: Псковскій князь не былъ на столько могущественнымъ, чтобы внушать Псковичамъ постоянныя опасенія, а потому и не представлялось никакихъ поводовъ къ удаленію его изъ предѣловъ города [1]). Позднѣйшія извѣстія даютъ намъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе и о характерѣ княжескаго двора во Псковѣ. Дворъ заключалъ въ себѣ княжескіе хоромы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ избъ: одна изъ нихъ, называвшаяся въ послѣдствіи *большою* или *судебною,* представляла въ описываемый періодъ не что иное, какъ сѣни, судебню или судебницу, въ которой производился во Псковѣ княжескій судъ; затѣмъ слѣдовала *середняя* изба, служившая, какъ можно думать, частною комнатою князя; а средняя изба заставляетъ заключать о существованіи малой или задней избы, предназначенной, по всей вѣроятности, для жительства княжеской свиты [2]).

Не смотря однако на внѣшній блескъ, которымъ Псковичи старались окружить своего князя, внутреннее значеніе княжеской власти отступило въ Псковѣ, подъ вліяніемъ историческихъ условій, совершенно на второй планъ. Въ продолженіи всего перво-

---

дому св. Троица; а въ недѣлю, того же мѣсяца 21, крестъ поцѣлова на вѣчѣ къ Пскову на суду и на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ».

[1]) П. С. Р. Л., IV, 282, 1509: «нашли его (новаго намѣстника Рѣпню) Псковичи на загородскомъ дворѣ«. Тамъ же, V, 37, 1477: «повезе Псковитинъ съ огорода капусту черезъ Торгъ, мимо княжій дворъ».

[2]) Лѣт. Рум. Муз. № 255, 1510: «и велѣлъ (великій князь) посадниковъ и дѣтей посадничихъ, и бояръ, и старостъ, и купцевъ, житыхъ людей луччихъ всѣхъ отобрать в избу в болшую в судебную; а середнимъ людемъ и мелкимъ Псковичамъ з двора сходити не велѣлъ же, а самъ князь великой сидѣлъ съ бояры в середней избѣ и выслалъ къ посадникомъ»... П. С. Р. Л., IV, 286, 1510: «И посадники и бояре поидоша въ гридню»...

начальнаго періода Псковъ былъ одною изъ составныхъ частей Великаго Новгорода, принадлежалъ къ разряду Новгородскихъ пригородовъ, а потому въ управленіи своемъ мало чѣмъ отличался отъ обыкновеннаго пригорода: принималъ на свой столъ назначаемыхъ изъ Новгорода князей и посадниковъ и развѣ только по временамъ предъявлялъ и свои права на избраніе послѣднихъ. Но характеръ княжеской власти въ Новгородскихъ пригородахъ естественно былъ совершенно иной, чѣмъ въ самомъ Великомъ Новгородѣ. Въ самомъ Новгородѣ князья всегда сохраняли за собою по крайней мѣрѣ нѣкоторые аттрибуты княжеской власти и чрезъ это занимали подлѣ вѣча совершенно самостоятельное положеніе, такъ что Новгородское устройство представляло собой постоянное двоевластіе, объясненіе котораго дается только предшествующею исторіей Великаго Новгорода, породившею въ немъ борьбу двухъ представленій, изъ которыхъ одно—о полновластіи народа — получило свое начало изъ временъ родоваго быта, а другое — о полновластіи князя—явилось въ послѣдствіи, извнѣ. Напротивъ, пригородскіе князья въ Великомъ Новгородѣ были не что иное, какъ кормленщики, простые слуги вѣча, получавшіе съ назначенной имъ мѣстности извѣстные доходы въ кормленіе или на содержаніе; понятно поэтому, что и по достиженіи полной самобытности Псковъ продолжалъ смотрѣть на своихъ князей тѣми же глазами, какими глядѣлъ на нихъ, будучи Новгородскимъ пригородомъ: видѣлъ въ своихъ князьяхъ простыхъ кормленщиковъ, обязанныхъ за свои доходы исполнять всѣ службы, какія только могло наложить на нихъ Псковское вѣче. Наглядно служебное значеніе Псковскихъ князей выражается какъ въ характерѣ ихъ дѣятельности, такъ и въ самомъ происхожденіи княжескаго званія въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ простаго кормленія [1]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 145, 1397: «послаша Псковичи князя Григорья Остафьевича, Сысоя посадника... и взяша миръ вѣчный съ Новымъ городомъ... а отъ Пскова цѣловалъ крестъ князь Григорей»... Тамъ же, IV, 235, 1471: «отрядивъ Псковъ... 4 посадника... на съѣздъ по королеву сроку послали, да съ ними ѣздилъ и самъ князь Ѳедоръ Юрьевичь и съ сыномъ съ княземъ Васильемъ... а отъ короля были панове на той съѣздъ присланы»...

Если бы князья пользовались во Псковѣ дѣйствительнымъ княжескимъ значенiемъ, то Псковичи не стали бы обращаться въ ними такъ же, какъ съ простыми посадниками, не стали бы отправлять ихъ послами для переговоровъ съ сосѣдними землями или на съѣзды съ литовскими панами для опредѣленiя взаимныхъ границъ Пскова и Литвы. Точно также съ этимъ предположенiемъ мало согласуется и то обстоятельство, что на Псковскомъ столѣ, особенно въ первое время самостоятельности, нерѣдко сидѣли явно простые кормленщики, какъ напримѣръ, князья Остафiй и сынъ его Григорiй Остафiевичъ. Въ княженiи Давыдка и Андрея Ольгердовича Остафiй былъ простымъ пригородскимъ княземъ въ Изборскѣ, но по изгнанiи намѣстниковъ Андрея, занялъ Псковскiй столъ, водилъ въ 1355 году Псковичей къ Полоцку и передалъ свое званiе сыну Григорiю, который, какъ кажется, даже носилъ титулъ Псковскаго князя [1]. Григорiй умѣлъ сохранить за собою значенiе даже тогда, когда во Псковѣ появлялись князья изъ Литвы или Москвы, вслѣдствiе чего во Псковѣ нѣкоторое время было обыкновенно по двое князей, имена которыхъ и приводятся источниками одно за другимъ [2]).

Ближайшее разсмотрѣнiе какъ характера самаго кормленiя, такъ и положенiя князей во Псковѣ, можетъ, какъ нельзя больше, утвердить насъ въ тожествѣ двухъ этихъ явленiй. Предоставляя извѣстному лицу права на пользованiе опредѣленными доходами или на завѣдыванiе извѣстною отраслью управленiя, судомъ, какъ источникомъ доходовъ, кормленiе ставило ему въ обязанность не управленiе общественными дѣлами, даже полагало

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 184, 1323; 189, 1343. Тамъ же, IV, 191, 1355: «поѣхаша Псковичи около князя Остафья къ Полотску«. Тамъ же, IV, 193, 1375: «при велицѣмъ князи Дмитреи, *а при Псковскомъ князи Матѳеи, при посадникѣ Григорьи Остафьевичѣ»*... Здѣсь очевидная ошибка, ибо Григорiй Остафьевичь въ послѣдствiи вездѣ называется княземъ, а не посадникомъ; но, такъ какъ и слово «посадникъ» въ лѣтописи стоитъ на своемъ мѣстѣ, то естественно предположить, что Матѳей былъ не князь, а посадникъ, то-есть, лѣтопись нужно читать такъ: «а при Псковскомъ князи Григорьи Остафьевичѣ, при посадникѣ Матѳеи».

[2]) П. Р. С. Л., IV, 194, 1397: «князь Иванъ Андрѣевичь и князь Григорей Остафьевичь». Тамъ же, IV, 195, 1399.

главную силу его дѣятельности не въ судѣ, а въ той посторонней службѣ, которую могъ оказать кормленщикъ на пользу общества, главнымъ образомъ въ защитѣ имъ страны отъ непріятеля. А въ такомъ именно положеніи и находились князья во Псковѣ по пріобрѣтеніи послѣднимъ самобытности. Псковскій князь былъ только главнымъ слугою вѣча, исполнялъ разнообразныя порученія послѣдняго, совершалъ съ Псковичами походы на непріятеля, строилъ города, принималъ участіе даже въ постройкѣ церквей; но кромѣ судебной дѣятельности, служившей и для него главнымъ источникомъ доходовъ, онъ не имѣлъ никакой опредѣленной роли въ общественныхъ дѣлахъ, ни въ законодательствѣ, ни въ управленіи. Такъ, хотя первоначальная часть Псковской правды и составлена не безъ участія княжеской власти, тѣмъ не менѣе это участіе было необходимо только для опредѣленія тѣхъ доходовъ, которыми обусловливалось принятіе Псковскаго стола со стороны князя, а отнюдь не для сообщенія какому-либо постановленію силы закона; для послѣдняго, какъ показываетъ позднѣйшая исторія, было совершенно достаточно, когда посадникъ заявлялъ вѣчу о необходимости новой „строки“ или статьи, и по полученіи отъ него согласія, заносилъ статью въ Псковскую правду [1]). Подобно законодательству, и управленіе шло во Псковѣ своимъ порядкомъ, мало зависимымъ отъ князя, такъ какъ послѣдній, если не считать временнаго личнаго вмѣшательства съ его стороны, не имѣлъ на постоянный ходъ управленія ни малѣйшаго вліянія, не могъ ни назначать, ни увольнять ни городскихъ, ни областныхъ правителей: а между тѣмъ это право, съ нѣкоторыми ограниченіями составляло всегда въ Великомъ Новгородѣ неотъемлемую принадлежность княжескаго званія. Единственною отраслью управленія, въ которой замѣчается болѣе постоянное участіе княжеской власти во Псковѣ, представляется защита страны отъ непріятеля; въ случаѣ войны князь предводительствовалъ тамъ не только своею

[1]) Мурзакевичъ, Пск. Судн. Гр. 2-е изд. стр. 15: «А которой строкѣ пошлиной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ».

собственною дружиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ руководилъ обыкновенно и дѣйствіями рати, составленной изъ Псковичей. Но, съ одной стороны, защита страны, будучи одною изъ настоятельнѣйшихъ общественныхъ потребностей Пскова, и составляла именно ту службу, которой Псковичи болѣе всего ожидали отъ своего князя; съ другой же, и самое воеводство послѣдняго въ Псковской рати все-таки оставалось не болѣе, какъ только личнымъ, ибо право назначать воеводъ въ отдѣльные Псковскіе отряды принадлежало не князю, а вѣчу [1]).

Въ вознагражденіе за свою службу Псковской князь получалъ, сообразно съ характеромъ кормленія, право суда съ связанными съ нимъ доходами, которые, если выражаться строго, и составляли все то, что во Псковѣ называлось „княжею пошлиной", или областью, искони предоставленною въ вѣдѣніе князя [2]). А такъ какъ отчужденіе такой важной отрасли управленія въ постороннія руки могло грозить Пскову постоянными затрудненіями, то Псковичи старались устранить послѣднія, съ одной стороны, точнымъ опредѣленіемъ правъ князя, съ другой же — раздѣленіемъ судебной дѣятельности между княземъ и представителями вѣча. Въ періодъ родоваго быта, когда князь былъ простымъ республиканскимъ магистратомъ, и когда вся общественная дѣятельность сосредоточивалась на вѣчѣ, послѣднее раздѣляло съ княземъ и самое производство суда; теперь же, когда княжеская власть снова какъ-бы возвращалась къ своему патріархальному характеру, повторяется то же явленіе, но только въ другой формѣ; прежде раздѣленіе власти имѣло мѣсто на вѣчѣ, а въ настоящій періодъ, съ обособленіемъ княжеской дѣятельности, оно съ вѣча переносилось на княжій дворъ. Поэтому, на сѣняхъ или

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 191, 1355: «Поѣхаша Псковичи около князя Остафья къ Полотску, и повоеваше волость ихъ». Тамъ же, IV, 276, 1503: «и Нѣмцы въ то время сступишася съ Москвичи и со Псковичи, и бысть съ Нѣмцы сѣча, а не велика. И князь Псковской Иванъ Горбатой нача заганивати Псковичь, чтобъ не ѣхали розно, а они вси по закустовью, и начаша ему Псковичи прозвище давати опремомъ и кормихномъ».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 213, 1448: «и посадиша его во св. Троици и даша ему всю пошлину княжюю»...

въ суде́ницѣ, князь производилъ судъ не одинъ, а совмѣстно съ лицами, приставленными къ нему отъ вѣча, такъ что въ настоящемъ своемъ составѣ Псковской судъ, называвшійся господой отъ Пскова или просто господой [1]), заключалъ въ себѣ, кромѣ князя, первоначально одного, а затѣмъ и двухъ посадниковъ, безъ содѣйствія которыхъ князь ничего не могъ предпринять, да сверхъ того, цѣлый рядъ Псковскихъ сотскихъ, исполнявшихъ при судѣ разныя второстепенныя обязанности [2]). Судебная дѣятельность однако ни мало не устраняла лицъ княжескаго суда отъ участія въ остальной правительственной дѣятельности; напротивъ того, при отсутствіи всякаго разграниченія между областями—судебною и собственно исполнительною, Псковское вѣче, нуждавшееся въ орудіяхъ управленія, постоянно обращалось къ членамъ суда за содѣйствіемъ и въ другихъ сферахъ общественной жизни. Оттого не только главныя лица Псковскаго суда, князь и посадники, были постоянно отвлекаемы отъ судебной дѣятельности событіями внѣшней и внутренней жизни, но даже и второстепенные члены суда, особенно Псковскіе сотскіе, принимали большое участіе во всей остальной общественной жизни Пскова. А такъ какъ Псковскіе сотскіе, кромѣ имени, свойственнаго имъ, какъ представителямъ сотенъ, носили еще и другое, заимствованное отъ суда названіе судей [3]), то понятно, что, являясь подъ этимъ титуломъ въ числѣ общественныхъ дѣятелей

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд. стр. 4: «А то господѣ отъ Пскова безъ дива .. да не станетъ на судъ предъ господою...»

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г.. 2-е изд., стр. 3: «А кто на кого иметъ сочитъ бою или грабежу попозовничи, и князь,и посадникомъ и сотцкимъ обыскати...»

[3]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 15: «а будетъ обаи не простые люди церковные, ино не судитъ князю, ни посаднику, ни судіамъ не судить». Такъ какъ Псковской судъ образовался изъ князя, посадниковъ и сотскихъ, то очевидно, что подъ словомъ «судьи» могли подразумѣваться здѣсь, кромѣ княжескихъ тіуновъ, только Псковскіе сотскіе. Тамъ же, 2-е изд., стр. 11: «И судьямъ Псковскимъ, и посадникомъ погородскимъ, и старостамъ пригородскимъ по тому жъ крестъ целовать на томъ, што имъ судити право»... Обязывая Псковскихъ судей присягой, Псковская правда могла имѣть здѣсь въ виду только однихъ сотскихъ, такъ какъ князь давалъ присягу при вступленіи своемъ на престолъ, а о снятіи присяги съ посадниковъ рѣчь была уже въ самомъ началѣ правды.

внѣ княжескихъ сѣней, они легко могли подать поводъ къ совершенно неосновательному мнѣнію о существованіи во Псковѣ особеннаго судейскаго званія, имѣвшаго якобы опредѣленную сферу дѣйствія, отличную отъ княжескаго суда [1]). Однако несправедливость этого мнѣнія сдѣлается совершенно очевидною, если только мы вспомнимъ, что дѣятельность судей, извѣстная изъ лѣтописей, была отнюдь не судебнаго, а чисто административнаго характера, а потому весьма легко соединялась съ ихъ ролью въ княжескомъ судѣ. Дѣйствительно, мы нерѣдко встрѣчаемъ судей въ послахъ при сношеніяхъ съ чужими землями, въ ратникахъ на полѣ битвы, въ соучастникахъ при рѣшеніи внутреннихъ вопросовъ, но нигдѣ не видимъ ихъ судебной дѣятельности, отличной отъ княжескаго суда [2]). Наконецъ, источники не лишены и положительныхъ свидѣтельствъ о тождествѣ предполагаемыхъ судей съ членами княжескаго суда: не даромъ же одно и то же лицо, посолъ Псковской Кондратъ, въ разныхъ мѣстахъ лѣтописи называется одинаково и сотскимъ и судьей [3]).

Совмѣстное пользованіе судебною властью первоначально имѣло мѣсто только относительно князя и посадника и ихъ представителей, но не распространялось нимало на низшую сторону судебной дѣятельности, которая оставалась пока еще въ исключительномъ вѣдѣніи Псковскаго князя. Изъ среды своихъ дворянъ или шестниковъ (сестниковъ) князь назначалъ весь низшій персоналъ, необходимый для суда: дьяка, который завѣдывалъ перепискою бумагъ и приложеніемъ княжеской печати, приставовъ

---

[1]) Костомаровъ, С.-Р. Народопр. II, 91; Бѣляевъ, Разск. изъ Рус. Ист., III, 128—132. Подобнымъ образомъ и г. Энгельманъ, въ Гражд. Зак. Пск. Суд. Гр., стр. 102, изъ общаго понятія волостеля дѣлаетъ особенное званіе.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 212, 1444: Ѳедоръ посадникъ Патрикѣевичь и Прокопей судья ѣздиша въ Ригу ко князю местеру миру кончати». Тамъ же, IV, 212, 1445; 273, 1501. Тамъ же, IV, 220, 1461: «и еще отъ Пскова... крестъ цѣловаша, судьи Псковскіи и соцкіи». Тамъ же, IV, 243, 1472: «А во Псковѣ посадникъ... и бояре Псковскіе, и соцкіе и судьи... лняную грамоту подраша». Тамъ же, IV, 225, 1463. Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ слово «сотскій» представляетъ, кажется, только приложеніе къ «судьѣ». См. ниже.

[3]) П. С. Р. Л. IV, 227, 1464: «посадника (читай: посла) Псковского Кондрата». Тамъ же, IV, 226, 1463: «посла Псковского Кондрата *судью*». Тамъ же, IV, 222, 1463: «посла Псковского Кондрата *сотцкого*».

и подвойскихъ, исполнявшихъ различныя полицейскія обязанности, вызовъ тяжущихся и свидѣтелей, производство слѣдствій, арестъ отвѣтчика, не явившагося къ назначенному сроку, и исполненіе судебныхъ рѣшеній [1]). Однако же, съ теченіемъ времени и здѣсь возникаетъ точно такая же параллельность, какая указана выше въ противоположеніи князя и посадника: для каждаго княжескаго чиновника заводится особенный коррективъ въ таковомъ же чиновникѣ со стороны Пскова, такъ что, кромѣ княжескихъ, появляются и чисто Псковскіе дьяки, подверники, позовники и приставы. Дѣятельность городскихъ чиновниковъ, въ отношеніи къ княжескимъ, въ самомъ началѣ была не болѣе, какъ только вспомогательною: если, напримѣръ, княжескій дьякъ отказывался, подъ условіемъ установленной платы, отъ написанія грамоты или отъ приложенія къ ней печати, то истцу вольно было написать грамоту, гдѣ случится, а печать обязанъ былъ приложить городской (вѣчевой) дьякъ у св. Троицы; точно также, если княжескій позовникъ за поѣздку по дѣлу предъявлялъ требованіе на несообразную съ уставомъ плату, то ничто не препятствовало истцу отправить съ позвомъ и Псковскаго пристава [2]). Такъ какъ однако вспомогательною дѣятельностью своимъ приставовъ Псковичи избавлялись только отъ непомѣрныхъ поборовъ со стороны княжескихъ людей, но нимало не были гарантированы отъ злоупотребленій послѣднихъ при исполненіи ими своихъ обязанностей, то въ дальнѣйшемъ теченіи времени и въ отправленіи низшихъ судебныхъ должностей вполнѣ проведена была такая же совмѣстность, какою отличалось устройство собственно княжескаго суда: и княжескіе люди должны были отселѣ исполнять свои полицейскія обязанности не одни, а вмѣстѣ съ Псковскими приставами, но за то и судебными пошлинами имъ приходилось дѣлиться съ Псковичами пополамъ. Такъ, при княжеской судебнѣ находились

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., passim.

[2]) Мурзакевичъ. П. С. Г., 2-е изд., стр. 8: «А княжимъ людемъ или подвоскимъ ѣздитъ дворитъ, а ѣздъ имати на 10 верстъ денга; а штобы двое или трое ѣхали, а ѣздъ имъ взять одинъ. А княжой человѣкъ не поѣдетъ исъ тово или подвоской, ино Псковитину послать исъ того волно, изъ тѣхъ же ѣздовъ». Тамъ же, стр. 8.

теперь постоянно два подверника или придверника, одинъ княжескій, а другой — городской, которые и получали вмѣстѣ за каждое производство суда деньгу съ обвиненнаго подсудимаго [1]); такъ, ссылка или призывъ свидѣтелей исполнялась теперь уже княжескими людьми вмѣстѣ съ Псковичами, дѣлившимся между собою деньгой, опредѣленною за поѣздку на десять верстъ; да и въ другихъ полицейскихъ дѣлахъ, напримѣръ, въ присутствіи у поля, появлялся теперь не тотъ или другой приставъ, княжескій или городской, а оба вмѣстѣ, которые и пользовались пошлинами каждый за себя [2]). Къ дѣятельности княжескаго дьяка такая совмѣстность, очевидно, была не приложима; нельзя было писать двоимъ одну и ту же грамоту; потому тамъ совмѣстность была замѣнена раздѣленіемъ занятій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно по характеру дѣла было возможно: такъ въ спорныхъ поземельныхъ дѣлахъ княжескій дьякъ читалъ однѣ относившіяся къ дѣлу грамоты, а городской — другія, одинъ — грамоты истца, а другой — отвѣтчика. Во всемъ же остальномъ, что не допускало подобнаго раздѣленія, положеніе дѣлъ, за малыми исключеніями, осталось безъ перемѣны: княжескій дьякъ сохранялъ за собою старое преимущество, по которому за написаніемъ грамотъ и приложеніемъ печати нужно было обращаться прежде всего въ княжескую канцелярію и только за отказомъ послѣдней прибѣгать къ посредству городскаго дьяка [3]).

Судъ въ древней Руси представлялъ необходимую принадлежность кормленія потому, что носилъ фискальный характеръ, служилъ удобною доходною статьей, лучшимъ средствомъ обезпечить содержаніе намѣстниковъ; по этому одному уже можно было

---

[1]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 9: «А тымъ подверникомъ быти отъ князя человѣку, а отъ Пскова человѣку же, а цѣловати имъ на томъ крестъ, што праваго не погубити, а виноватаго не оправити; а со всякого суда имати имъ денга одна обѣма, на виноватомъ человѣки». Востоковъ, Оп. Рук. Рум. Муз., 87—88, 1491: «да соцкого Ѳому старого придверника».

[2]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «А на приставное, и на ссылку, княжимъ людемъ ѣздить со Псковскими подвоскими по половинамъ». Тамъ же, стр. 6.

[3]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «А коли имутъ тягатся о земли, или о водѣ, а положатъ двои грамоты, ино одни грамоты чести дьяку княжому, а другіе грамоты чести дьяку городскому».

бы предположить, что и во Псковѣ, гдѣ княжеская власть по значенію своему ничѣмъ не отличалась отъ простаго кормленія, судебныя пошлины будутъ составлять одну изъ важнѣйшихъ статей въ княжескихъ доходахъ. И дѣйствительно, въ то время какъ въ Великомъ Новгородѣ князь былъ щедро обставленъ разными посторонними доходами,—во Псковѣ, если исключить княжескую дань со смердовъ, о важности которой, вслѣдствіе полнаго отсутствія всякихъ свѣдѣній, судить нѣтъ никакой возможности, судебныя пошлины образовали единственный источникъ княжескихъ доходовъ [1]). Да къ тому же самыя судебныя пошлины, съ одной стороны, шли въ пользу князя далеко не со всѣхъ дѣлъ, такъ какъ многія изъ послѣднихъ совсѣмъ исключались изъ княжескаго вѣдомства [2]), съ другой же — въ большинствѣ случаевъ были такъ незначительны, что могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ незавидности положенія, въ какое поставленъ былъ князь во Псковѣ. Изъ двухъ главныхъ видовъ пошлинъ: штрафовъ, налагаемыхъ за разныя преступленія и проступки, и собственно судебныхъ пошлинъ за самое производство суда, первый видъ въ Псковской жизни совершенно не зналъ виръ, а ограничивался только одними продажами въ пользу князя. Разница заключается здѣсь не въ простомъ отсутствіи слова вира, которое, кстати сказать, еще встрѣчается въ Великомъ Новгородѣ, не въ томъ, что всѣ взысканія съ преступниковъ, были ли это собственно виры или продажи, во Псковѣ безразлично назывались *княжими продажами*, а въ томъ, что при опредѣленіи взысканій за преступленія, Псковичи оставили совсѣмъ въ сторонѣ крупныя цифры вирной системы Русской правды, и ограничились одною, да и то уменьшенною системой продажъ, раздробивъ только послѣднюю на большее число рубрикъ, приспособительно къ своимъ новымъ потребностямъ.

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 45, 1486. Прибавимъ еще единственное извѣстіе о существованіи княжескаго села во Псковѣ: П. С. Р. Л., IV, 187, 1341: «И Островичи яшася ѣхати на Лотыгору и срокъ съркоше, гдѣ съиматися Псковичемъ съ Островичи, на княжи селѣ, на Изгояхъ».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 251, 1476.

Дѣйствительно, княжеская продажа, даже въ ея наибольшемъ размѣрѣ, когда именно дѣло шло о взысканіи съ преступниковъ, уличенныхъ въ головничествѣ (и подлежавшихъ, слѣдовательно, по Русской правдѣ вирѣ), или же въ насильственномъ вторженіи въ княжескую судебню, равно какъ и въ нанесеніи ударовъ подвернику, во Псковѣ опредѣлена была не болѣе, какъ въ одинъ рубль, то есть, въ десять гривенъ, тогда какъ по Русской правдѣ высшій размѣръ даже продажи доходилъ до двѣнадцати гривенъ [1]). При взысканіяхъ за остальныя преступленія размѣръ продажи прогрессивно уменьшался сообразно съ ихъ важностью, и въ концѣ концовъ ниспадалъ до совершенно ничтожной цифры. Такъ, преступленія противъ личности и собственности вмѣстѣ, разбой, находъ и грабежъ, наказывались еще продажею въ 23 деньги; но простое воровство въ его важнѣйшихъ видахъ подлежало продажѣ не болѣе, какъ въ девять денегъ, а въ менѣе значительныхъ, напримѣръ, при покражѣ разныхъ мелкихъ домашнихъ животныхъ, наказывалось въ пользу судьи пеней въ три деньги [2]). Въ гражданскихъ же дѣлахъ штрафъ въ пользу князя встрѣчается только при взысканіи долговъ подъ именемъ заповѣди [3]). Кромѣ штрафныхъ денегъ, въ числѣ княжескихъ доходовъ замѣчаются еще судебныя пошлины въ строгомъ смыслѣ, взимавшіяся за самое производство суда и называвшіяся частію продажей, частію другими именами, какъ напримѣръ, подсудничьемъ; но размѣръ ихъ былъ также ничтоженъ, какъ и размѣръ штрафовъ. Однако и скудными судебными штрафами и пошлинами князю приходилось пользоваться не сполна: подобно тому, какъ княжескіе люди получали свои пошлины

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 13: «А гдѣ учинится головшина, и доличатъ коего головника; ино князю на головникохъ взять рубль продажи». Тамъ же, стр. 9: «А хто опрочь не иметъ помогать или силою въ судебню полѣзетъ или подверника оударитъ; ино всадити его въ дыбу, да взять на немъ князю рубль, а подверникомъ 10 денегъ».

[2]) П. С. Г., 2 изд., стр. 15: «А (за) борана присужать 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю, а судьи 3 деньги, старая правда»... Тамъ же, стр. 1: «Ожъ клѣть покрадуть за зомкомъ, или... то все судъ княжой, а продажи 9 денегъ»...

[3]) П. С. Г., 2 изд., стр. 13.

отъ дѣлъ только въ половинномъ размѣрѣ, уступая другую половину на пользу Псковскимъ приставамъ, точно также и князь долженъ былъ отдѣлять отъ своихъ доходовъ извѣстныя части на долю своихъ помощниковъ по суду, назначаемыхъ отъ Пскова, не только посадниковъ, но даже и второстепенныхъ лицъ или сотскихъ. Такъ, княжая продажа за преступленія противъ личности и собственности вмѣстѣ, простиравшаяся до 23 денегъ, раздѣлялась на двѣ части, изъ которыхъ одна, 19 денегъ, шла въ пользу князя, а другая, четыре деньги, доставалась посаднику [1]). Подсудничьемъ же, которое взималось въ поземельныхъ тяжбахъ и простиралось всего только до десяти денегъ, князю приходилось дѣлиться не только съ посадникомъ, но еще и съ сотскими, хотя и неизвѣстно въ какой пропорціи [2]). Но чѣмъ скуднѣе представляется финансовая обстановка Псковскаго князя, тѣмъ естественнѣе ожидать, что, при первомъ усиленіи княжеской власти во Псковѣ, эта-то скудость въ финансовыхъ средствахъ и сдѣлается первымъ поводомъ къ столкновенію между Псковскими князьями и вѣчемъ: на дѣлѣ оно такъ и случилось.

Судебная дѣятельность Новгородскаго князя, если исключить право его на временный проѣзжій судъ въ области, ограничивалась собственно предѣлами одного старѣйшаго города, такъ какъ въ Новгородскіе пригороды и волости князь не имѣлъ никакого права посылать своихъ намѣстниковъ, будучи обязанъ держать ихъ не иначе, какъ при посредствѣ самихъ же Новгородцевъ; только въ нѣкоторыхъ пограничныхъ областяхъ, Торжкѣ и Волокѣ Ламскомъ, дозволялось князю имѣть своихъ тіуновъ. Весьма возможно, что и Псковичи первоначально имѣли намѣреніе если не совсѣмъ устранить князя отъ судебной дѣятельности въ своей землѣ, то по крайней мѣрѣ, подобно Великому Новгороду огра-

---

[1]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 1: «а разбой, находъ, грабежь 9 гривенъ, а княжая продажа 19 денегъ да 4 деньги, князю и посаднику». Подобное обозначеніе не можетъ считаться случайнымъ.

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 2: «а правому человѣку на ту землю и судница дати; а подсудничье князю и посадникомъ и сь сотскими всѣми взяти 10 денегъ».

ничить право его на судъ только нѣкоторыми пригородами: не даромъ же Псковской князь держалъ своихъ намѣстниковъ обыкновенно не на всѣхъ наличныхъ Псковскихъ пригородахъ, а только на извѣстномъ числѣ ихъ, которое въ продолженіи самостоятельной жизни Пскова измѣнилось не разъ, прежде нежели всѣ пригороды успѣли подчиниться княжеской власти. Къ сожалѣнію, насчетъ числа пригородовъ, въ которые уже первоначально, то есть, въ теченіе XIV столѣтія, Псковской князь могъ посылать своихъ намѣстниковъ, трудно сказать что либо положительное [1]). Митрополитъ Евгеній, котораго „Исторія княжества Псковскаго" представляетъ до сихъ поръ лучшее фактическое изложеніе судебъ Пскова, хотя и утверждаетъ, что Псковскіе князья назначали отъ себя намѣстниковъ первоначально только на два Псковскіе пригорода, тѣмъ не менѣе не только умалчиваетъ, на какіе именно, но даже оставляетъ безъ всякихъ доказательствъ и самое утвержденіе о числѣ подвѣдомственныхъ князю пригородовъ, быть можетъ, вслѣдствіе особеннаго способа изложенія, характеризующаго книгу Евгенія [2]). Однако, если принять во вниманіе, что княжескіе намѣстники появляются въ Псковскихъ пригородахъ уже въ самомъ началѣ самостоятельной жизни Пскова, то есть, во второй четверти XIV столѣтія, и что къ числу Псковскихъ пригородовъ этого времени съ полною достовѣрностью могутъ быть отнесены только два древнѣйшіе, Изборскъ и Островъ, такъ какъ о послѣднемъ впервые упоминается въ лѣтописи только подъ 1341 годомъ, то предположеніе митрополита Евгенія о числѣ пригородовъ, уже съ самаго начала подвѣдомственныхъ власти Псковскаго князя, дѣлается весьма вѣроятнымъ. Этого числа, какъ нормы, Псковичи думали держаться и въ дальнѣйшемъ теченіи своей жизни, когда количество

---

[1]) П. С. Г.. 2-е изд., стр. 1: «А которому княжому человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино целовати ему на томъ крестъ, что ему хотѣти Пскову добра, а судитъ прямо, по крестному цѣлованью». Относясь ко времени Александра Михайловича Тверского, это свидѣтельство показываетъ, что уже въ самомъ началѣ самобытнаго существованія Пскова, князья имѣли тамъ право посылать своихъ намѣстниковъ на пригороды.

[2]) Евгеній, Ист. Кн. Пск., I, 35.

пригородовъ въ Псковской землѣ значительно возрасло; но обстоятельства принуждали ихъ иногда дѣлать въ пользу князя немаловажныя уступки.

Наравнѣ съ пригородами, зависимость отъ княжескихъ намѣстниковъ въ судебномъ отношеніи раздѣляли, кажется, и окружавшія ихъ непосредственно Псковскія волости; по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, въ періодъ усиленія во Псковѣ власти великихъ князей Московскихъ, въ числѣ мѣстностей, страдавшихъ отъ притѣсненій княжескихъ намѣстниковъ, на ряду съ пригородами упоминаются нерѣдко и волости [1]). Въ этомъ смыслѣ Псковскіе пригороды являются не исключительною сферой, а только средоточіемъ дѣятельности княжескихъ намѣстниковъ, которая въ одинаковой мѣрѣ распространялась и на окружавшія пригороды волости. Положеніе Псковскихъ пригородскихъ намѣстниковъ, служившихъ простыми довѣренными лицами князя и не имѣвшихъ почти никакого самостоятельнаго значенія, было аналогично съ положеніемъ самого Псковскаго князя, хотя и находилось въ нѣсколько менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Какъ и самъ князь, намѣстники завѣдывали въ пригородахъ однимъ судомъ; но и они дѣйствовали на судѣ также не одни: рядомъ съ намѣстниками въ судебной жизни пригородовъ замѣчаются пригородскіе посадники, назначавшіеся во Псковѣ, противоположно Новгороду, самими пригорожанами [2]), равно какъ и пригородскіе старосты, которые, сообразно съ общимъ характеромъ старостъ, будучи мѣстными выборными людьми, играли въ пригородахъ по крайней мѣрѣ роль Псковскихъ сотскихъ, то-есть, соединяли присутствіе въ судѣ съ исполненіемъ разныхъ второстепенныхъ судебныхъ дѣй-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 253, 1476: «занеже онъ (князь) надъ всѣмъ Псковомъ чинитъ насиліе великое, тако и его намѣстники по пригородомъ и по волостемъ». Тамъ же, III, 253—254, 1477.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 187, 1344: «приспѣвше Островичи о Васильи о Онисимовичи, тогда опять ему посадничество во Островѣ. Тамъ же, IV, 204, 1426: «а Вороночане и посадники ихъ Тимоѳей и Ермола начаша вѣсти слати ко Пскову». Упоминаемые здѣсь пригородскіе посадники, особенно Ермолай, не встрѣчаются не только въ ряду собственно Псковскихъ посадниковъ, но даже и въ числѣ членовъ Псковскихъ боярскихъ фамилій, а потому гораздо скорѣе должны быть сочтены за мѣстныхъ выборныхъ людей.

ствій [1]). Относительно же финансовыхъ правъ пригородскихъ намѣстниковъ во Псковѣ можно замѣтить, что сравнительно съ самимъ Псковскихъ княземъ, слуги послѣдняго находились въ менѣе благопріятномъ положеніи: какъ покажутъ послѣдующія соображенія, имъ было представлено брать судебныя пошлины, сравнительно съ княземъ, въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, но отъ точнаго опредѣленія этого послѣдняго, при настоящемъ положеніи источниковъ, необходимо рѣшительно отказаться [2]). Во всякомъ случаѣ вѣроятность самаго явленія этимъ нисколько не опровергается, тѣмъ болѣе что слѣды подобной же разницы въ положеніи князя и его представителей замѣчаются и въ жизни Великаго Новгорода. Такъ, въ послѣднемъ величина прогонныхъ денегъ, выдававшихся княжескимъ дворянамъ за совершеніе поѣздокъ по судебнымъ дѣламъ, была не одинакова, а сообразовалась въ своемъ размѣрѣ съ званіемъ судьи: если судомъ руководилъ самъ князь, то дворяне получали прогоновъ по пяти кунъ, по всей вѣроятности, съ версты; въ противномъ же случаѣ, когда въ судѣ сидѣлъ княжескій тіунъ, то размѣръ прогоновъ дворянамъ ограничивался всего только двумя кунами [3]).

Между тѣмъ какъ княжеская власть, представлявшая одинъ изъ составныхъ элементовъ древнерусскаго общественнаго быта, переходила въ новое Псковское устройство, подъ вліяніемъ предшествующей исторіи Пскова, безъ всякаго существеннаго измѣненія, продолжая оставаться по прежнему ни чѣмъ инымъ, какъ простымъ кормленіемъ,—въ то время второй элементъ, Псковское вѣче, съ пріобрѣтеніемъ Псковомъ самобытности, не только изъ подчиненнаго пригородскаго вѣча возвышалось на степень старѣйшаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширяло кругъ своей дѣятельности на счетъ оставшейся на второмъ планѣ княжеской власти, и

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «И судьямъ Псковскимъ, и посадникомъ погородскимъ, и старостамъ пригороцкимъ по тому жь крестъ целовать на томъ, что имъ судити право».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 251, 1476. Объясненія, необходимыя для пониманія этого мѣста лѣтописи, будутъ представлены на своемъ мѣстѣ ниже.

[3]) С. Г. Г. Д., I, № 5 и др.: «А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ князя по Е (5) кунъ, а отъ тивуна по в (2) куне.

такимъ образомъ еще болѣе, чѣмъ самъ Великій Новгородъ, приближалось къ демократическому характеру, отличающему время родового быта. Не смотря однако на то, что въ общественной жизни Пскова вѣче было самою важною стороной, которая, сосредоточивая въ себѣ главнѣйшія черты первой, тѣмъ самымъ какъ-бы переставала быть просто стороною, все-таки будетъ совершенно излишне входить въ подробный разборъ этого важнаго явленія, такъ какъ оно отнюдь не составляетъ исключительной принадлежности Псковской исторіи. Предметомъ послѣдней вѣче можетъ служить на столько, на сколько его устройство получаетъ во Псковѣ особенный отпечатокъ, или же на сколько оно можетъ содѣйствовать правильному освѣщенію какъ внутренней, такъ и внѣшней обстановки вѣча въ древней Руси вообще. Въ отношеніи внѣшней обстановки можно замѣтить, что хотя мѣсто вѣча во Псковѣ точно и не извѣстно, тѣмъ не менѣе вѣчевыя собранія происходили, по всей вѣроятности, въ Довмонтовой стѣнѣ, вблизи собора св. Троицы, такъ какъ народъ призывался на вѣче по звону одного изъ колоколовъ этого храма, а колокольня послѣдняго находилась, какъ извѣстно, на персяхъ или стѣнѣ, отдѣлявшей верхнюю часть Псковскаго дѣтинца отъ нижней или Довмонтовой [1]). Колоколъ, предназначенный для созыванія народа на вѣче, носилъ во Псковѣ названіе *большаго вѣчника* и представлялъ въ своемъ звонѣ то отличіе отъ обыкновеннаго, что на вѣче звонили въ одинъ край колокола, слѣдовательно, часто и похоже на простой набатный звонъ [2]). Но всякое значительное собраніе, имѣющее цѣлью совѣщаніе, уже необходимо требуетъ трибуны, тѣмъ болѣе вѣче, которое, какъ непосредственное собраніе, происходило на откры-

---

¹) П. С. Р. Л., IV, 286, 1510: «спустиша вѣчной колоколъ у св. живоначалныя Троица».

²) П. С. Р. Л., IV, 326, 1609: «А звонили въ одинъ край въ колоколъ и соберутся всякіе люди». Названія «большой вѣчникъ» въ полномъ его видѣ въ источникахъ не встрѣчается; но мы считаемъ необходимымъ принять его во вниманіе къ тому, что вѣчевой колоколъ назывался большимъ въ противоположность съ другимъ колоколомъ, который извѣстенъ подъ именемъ *меньшого* или *Корсунскаго вѣчника*, и о которомъ еще рѣчь впереди.

томъ воздухѣ. Трибуна во Псковѣ называлась *степенью* и состояла, по всей вѣроятности, изъ нѣкотораго деревяннаго помоста, на коемъ во время совѣщанія сидѣли правительственныя власти, какъ-то: князь, посадники, сотскіе, и съ коего они, равно какъ и другія лица, имѣвшія дѣло до вѣча, напримѣръ, посольскія дружины, стоя обращались съ рѣчью къ народу [1]. Сосѣдство съ храмомъ представляло для вѣча еще и ту выгоду, что давало возможность помѣстить въ первомъ какъ вѣчевую канцелярію, такъ и архивъ: для этой цѣли во Псковѣ служили сѣни собора св. Троицы. Вѣчевая канцелярія, состоявшая въ вѣдѣніи *городскаго*—въ Новѣгородѣ *вѣчнаго*—дьяка, предназначалась не для однихъ только вѣчевыхъ постановленій, но удовлетворяла по временамъ и разныхъ частнымъ потребностямъ: такъ, въ случаѣ непомѣрныхъ требованій со стороны княжескихъ людей за написаніе судебныхъ документовъ и за приложеніе къ нимъ печати подсудимые, написавъ грамоту у кого прійдется, за приложеніемъ печати могли прибѣгать къ посредству городскаго дьяка [2]. Подобное же двойное назначеніе имѣлъ и архивъ или *ларъ*, сохранявшій одинаково какъ общественные, такъ и частные документы, и находившійся въ рукахъ особеннаго чиновника, *ларника*, который, какъ хранитель общественныхъ постановленій, получилъ въ жизни Пскова особенно важное значеніе [3].

Въ качествѣ собранія старѣйшаго города, Псковское вѣче усвоивало себѣ, относительно окрестной страны, всѣ формы господства, которыя уже имѣли мѣсто въ періодъ родового быта и

[1]) П. С. Р. Л., IV, 222, 1462, вар.: «а иныя люди (съ) степеня на вѣчи спихнули... его (князя Владиміра)». Тамъ же, IV, 285, 1510: «да отговоривъ (Третьякъ Долматовъ во Псковѣ) то, да сѣлъ на степени». Тамъ же, IV, 268, 1478: «присѣдъ на вѣчѣ князь Псковской Василей, и воевода вел. князя Василей же сказалъ вел. князя здоровье».

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 8: «А княжей писецъ възметъ по силѣ истъцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной, а захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатать, а не запечатаетъ князь, ино оу св. Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ». Тамъ же, стр. 11—12.

[3]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 6: «а противу той рядницы не будетъ во св. Троицы въ лари, въ тѣ же рѣчи другой, ино тая рядница повинити». П. С. Р. Л., IV, 236, 1484; V, 45, 1486.

въ послѣдующее время получили въ старѣйшихъ городахъ дальнѣйшее развитіе. Какъ и въ самомъ Великомъ Новгородѣ, вѣче въ Псковѣ было не простою сходкой жителей одного главнаго города, но собраніемъ, въ которомъ могла принимать участіе вся земля, какъ пригорожане, такъ и жители волостей; да и дѣйствительно, всякій разъ, когда только случай приводилъ въ Псковъ жителей пригородовъ, послѣдніе принимали участіе, какъ и въ Великомъ Новгородѣ, въ дѣлахъ вѣча наравнѣ съ самими Псковичами [1]). Тѣмъ не менѣе общее правило, регулировавшее въ древности на практикѣ отношенія младшихъ городовъ къ вѣчу старѣйшаго, получило въ Псковѣ еще бо̀льшую силу, чѣмъ въ остальной Руси: пригороды здѣсь должны были еще крѣпче держаться рѣшеній, принятыхъ вѣчемъ старѣйшаго города, отложивъ въ сторону всякую мысль о самостоятельной дѣятельности. Главный источникъ этого явленія заключается не въ особенной юридической зависимости Псковскихъ пригородовъ — послѣдніе, напротивъ того, пользовались, сравнительно съ пригородами Великаго Новгорода, гораздо бо̀льшею свободою,—а въ ихъ собственной фактической слабости. Псковская область была весьма незначительна и по этому одному уже не могла вести къ образованію большихъ мѣстныхъ центровъ, которые имѣли бы достаточныя силы для соперничества со старѣйшимъ городомъ: преобладаніе послѣдняго въ Псковской землѣ было подавляющимъ. Дѣйствительно, не смотря на значительное число Псковскихъ пригородовъ, доходившее въ позднѣйшее время до цифры двѣнадцати, между ними не было ни одного, который по своей величинѣ выдавался бы изъ общаго уровня, такъ какъ всѣ были не чѣмъ инымъ, какъ городами въ древнемъ смыслѣ, и появленіемъ своимъ были обязаны не социальнымъ, а политическимъ потребностямъ, необходимости дать мѣстному населенію защиту на время вторженія непріятеля. Пригороды служили въ Псковской землѣ собственно мѣстами прибѣжища для окрестныхъ жи-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 189, 1343: «нагадавшеся Псковичи съ Изборяны, подъяша всю область Псковскую и поѣхаша воевати». Ср. Бѣляевъ, Разск. изъ Рус. ист., III, 15.

телей: оттого какъ расположенiе ихъ находилось въ соотвѣтствiи съ границами Псковской области, такъ и самое время появленiя ихъ сообразовалось съ временемъ возникновенiя внѣшнихъ опасностей. Раньше всего пригороды появляются во Псковѣ на южной и западной окраинахъ; но когда въ XIV и XV столѣтiяхъ, съ прiобрѣтенiемъ Псковомъ самобытности, опасности стали грозить и со стороны Великаго Новгорода, тогда Псковичи немедленно укрѣпили и восточную границу, построивъ по ней пригороды Вревъ, Котельный-Выборъ и Володимiрецъ [1]).

Сравнительно съ другими старѣйшими городами, Псковское вѣче имѣло на своей сторонѣ еще и ту выгоду, что не встрѣчало для себя никакихъ ограниченiй въ прерогативѣ княжеской власти, такъ какъ послѣдняя, уже при первомъ водворенiи самобытности во Псковѣ, сама собою отодвинулась на второй планъ: оттого кругъ дѣятельности Псковского вѣча дѣлался гораздо шире и значительно приближался къ компетенцiи первоначальнаго собранiя. Подобно тому какъ въ перiодъ родового быта народное собранiе было единственнымъ органомъ для отправленiя всѣхъ общественныхъ дѣлъ, служило не только источникомъ всякой власти, но и орудiемъ управленiя,—такъ точно и Псковское вѣче, на ряду съ вопросами устройства, какъ-то: призванiя и изгнанiя князей и законодательства, завѣдывало и всею областью управленiя, которое, вслѣдствiе особеннаго характера, отличавшаго княжескую власть во Псковѣ, никакъ не могло обособиться отъ вѣчевой дѣятельности въ отдѣльное цѣлое, тѣмъ болѣе, что незначительность Псковской земли и отсутствiе трудно примиримыхъ противорѣчивыхъ интересовъ дѣлали подобную задачу весьма

[1]) Опасенiя, внушаемыя Пскову его старѣйшимъ братомъ, побуждали Псковичей заботиться не только о безопасности своихъ границъ и строить съ этою цѣлью городки, подобные Вреву и въ особенности Выбору (1431 г., см. П. С. Р. Л., IV, 206) и Володимiрцу (1462 г., см. П. С. Р. Л., IV, 221), но укрѣплять и самый Псковъ. Такъ, въ 1465 году, во время распри съ Новгородомъ по поводу церковныхъ дѣлъ, Псковичи окружили весь посадъ деревянною стѣной (тамъ же, IV, 229), а въ 1471 году, во время похода Ивана III на Новгородъ, въ которомъ и Псковичи принимали участiе, вновь возстановили эту стѣну, незадолго предъ тѣмъ уничтоженную пожаромъ (тамъ же, IV, 240).

осуществимою. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Псковское вѣче могло, если оставить въ сторонѣ всѣ его отдѣльныя распоряженія, не только само рѣшать важнѣйшіе вопросы управленія, объявленіе войны и заключеніе мира, но и держать въ своихъ рукахъ всѣ второстепенныя отрасли послѣдняго: веденіе сношеній съ сосѣдними землями, пріемъ и отправленіе посольствъ, назначеніе какъ городскихъ, такъ и областныхъ правителей, которое въ Великомъ Новгородѣ еще составляло одно изъ неотъемлемыхъ княжескихъ правъ, наконецъ — самое управленіе военными дѣлами [1]). Въ самомъ дѣлѣ, опредѣленіе воеводъ, представляющее, какъ всѣмъ извѣстно, неотчуждаемую принадлежность княжеской власти, зависѣло во Псковѣ отнюдь не отъ князя, распоряжавшагося независимо одною только собственною дружиной, но отъ Псковскаго вѣча, которое назначало отъ себя какъ главнаго (что ни большаго), такъ и большихъ и малыхъ воеводъ, предоставляя князю развѣ только общее руководство надъ войскомъ во время похода [2]).

Движеніе исторической жизни отозвалось однако и на характерѣ Псковскаго вѣча въ томъ отношеніи, что, будучи въ древнѣйшій періодъ и орудіемъ управленія, и судебнымъ органомъ, вѣче теперь рѣшительно отказывалось отъ непосредственнаго участія въ судебной дѣятельности, замѣнивъ его тѣмъ посредственнымъ вліяніемъ, какое оно оказывало на княжескій судъ чрезъ посадника. Подобное отреченіе вѣча отъ одной только судебной дѣятельности, какъ нельзя лучше, объясняется предшествующею исторіей Пскова, гдѣ уже въ Новгородское время судъ, какъ

---

[1]) Собственно вѣче старѣйшаго города назначало въ пригороды, кажется, однихъ только кормленщиковъ, подобныхъ князьямъ Остафію и Ивану Дябренскому (1463 г.), а избраніе пригородскихъ посадниковъ вполнѣ предоставляло мѣстной вѣчевой дѣятельности.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 223, 1463: «и даша на вѣчѣ воеводство Максиму посаднику Ларіоновичю, и Олексѣю Васильевичю и Игнатію Логиновичю»... Тамъ же, V, 36, 1471. Тамъ же, IV, 259, 1478: «Въ Псковской же рати были отряжены воеводы... а всѣхъ 7 посадниковъ, иніи сынове посадничи и бояре и дѣти боярскіи многія, у Псковской рати воеводами изъ концовъ отряженыя».

одна изъ формъ кормленія, составлялъ необходимую принадлежность княжеской власти: потому, при сохраненіи княжескаго званія и въ новомъ Псковскомъ устройствѣ, онъ переносился туда, какъ одно изъ неотъемлемыхъ княжескихъ правъ. Во Псковѣ даже сдѣлано было, уже при первомъ утвержденіи самобытности, формальное разграниченіе между областью, подлежавшею вѣдѣнію вѣча, и судомъ, и принято за правило, чтобы судъ не производился на вѣчѣ, чтобы князь и посадникъ судили не иначе, какъ на сѣняхъ, то-есть въ княжеской судебницѣ [1]). Не смотря однако на это ограниченіе, вѣче не могло совсѣмъ забыть о своей первоначальной роли, не могло вполнѣ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ судебную дѣятельность; отсутствіе подобнаго строгаго, теоретическаго разграниченія ясно доказывается уже самою присягою, снимаемою съ посадника при вступленіи въ должность и обязывавшею его не губить безвинно никого ни на судѣ, ни на вѣчѣ: послѣднее было бы совершенно излишне, если бы отреченіе вѣча отъ судебной дѣятельности было совершенно полнымъ [2]). Къ числу дѣлъ, которыя влекли за собою во Псковѣ управу со стороны самого вѣча, относились не только тѣ само собою понятные случаи, въ которыхъ противъ правительственныхъ лицъ было возбуждаемо политическое преслѣдованіе,—какъ напримѣръ, это случилось въ 1483 году, когда князь и посадники, безъ вѣдома вѣча, составили грамоту, существенно измѣнявшую положеніе смердовъ во Псковѣ, — но и всѣ уголовныя

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 1; «А князь и посадникъ на вѣчи суду не судють: судити имъ оу князя на сѣнехъ»... Такъ какъ въ древней Руси судъ вообще составлялъ одно изъ неотъемлемыхъ правъ княжеской власти, то обязанность производить судъ непремѣнно на сѣняхъ даетъ поводъ заключить только объ отдѣленіи судебной дѣятельности отъ вѣчевой. но никакъ не о томъ, что вѣче, какъ сообщаетъ г. Бѣляевъ въ Разск. изъ Рус. Ист., III, 101, будто бы имѣло свой особенный судъ, исключавшій даже всякое участіе князя и посадника. Въ извѣстныхъ намъ примѣрахъ вѣчеваго суда дѣятельное участіе посадника несомнѣнно: см. П. С. Р. Л., IV, 238, 1471.

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 1: «А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судить право... а безъ исправы человѣка не погубити, ни на суду, (ни) на вѣчи».

преступленія, за которыя полагалось въ послѣднемъ смертная казнь, равно какъ и важнѣйшія изъ гражданскихъ тяжебъ. По важности этого предмета, подававшаго поводъ къ самымъ разнообразнымъ заключеніямъ и до сихъ поръ окончательно не рѣшеннаго, считаемъ необходимымъ войдти въ нѣкоторыя не лишенныя интереса подробности.

Между уголовными преступленіями, за которыя во Псковѣ полагалась неминуемая смертная казнь, Псковская правда различаетъ четыре главные вида, а именно: перевѣтъ или измѣну, кражу въ Крому, — обыкновенная кража наказывалось смертною казнью только по троекратномъ уличеніи преступника, — конокрадство и поджигательство; а если къ этому числу присоединить изъ церковной жизни волхвованіе, которое, также какъ и первыя четыре, наказывалось лишеніемъ жизни, то этимъ путемъ, получится еще и пятый видъ [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ преступленій, какъ напримѣръ, перевѣтъ или измѣна, составляла обыкновенную сферу вѣчевой судебной дѣятельности, такъ что вѣче даже смотрѣло на судъ и казнь предателей какъ бы на свое исключительное право; но въ источникахъ встрѣчаются несомнѣнныя доказательства и того, что и во всѣхъ другихъ поименованныхъ выше случаяхъ вѣче одинаково сохраняло за собою право на судъ и расправу. Такъ, извѣстны два примѣра, въ которыхъ Псковское вѣче судило кражу въ Крому: первый относится къ 1509 году, когда пономарь Троицкаго собора укралъ изъ помѣщавшагося въ Крому казнохранилища 400 рублей, и по вынужденіи на вѣчѣ признанія, былъ преданъ сожженію [2]); второй же — къ 1314 году, когда было казнено Псковичали около 50 человѣкъ, частію за грабежъ къ Крому, частію же за обыкновенный грабежъ во

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 2.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 282, 1509: «поимали пономаря Троицкого Ивана, а онъ изъ ларевъ денги ималъ, да въ той гибели доспѣлъ 400 рублевъ, и Псковичи его на вѣчи казнили кнутьемъ, и онъ сказался и Псковичи посадили его на крѣпость, да того же лѣта... на Великой рѣкѣ огнемъ сожгли его».

Псковѣ и по селамъ: въ послѣднемъ случаѣ потому, что зло приняло слишкомъ широкіе размѣры и стало грозить обществу серіозною опасностью [1]). Примѣръ вѣчеваго суда надъ конокрадомъ представляетъ намъ Псковской пригородъ Опочка, который казнилъ въ 1477 г. одного подобнаго преступника, и хотя за этотъ поступокъ Опочане и подверглись со стороны Пскова пенѣ во сто рублей въ пользу князя, тѣмъ не менѣе послѣднее обстоятельство доказываетъ не исключительность явленія, а только то, что требованія Псковскихъ князей во второй половинѣ XV столѣтія были гораздо притязательнѣе; не даромъ же даже Псковичи, какъ показываетъ дѣло со смердами, не всегда могли уже въ то время расправляться сами со своими открытыми недругами [2]). Наконецъ, существуютъ ясныя указанія на то, что какъ поджигательство, такъ и волхованіе были судимы самимъ вѣчемъ; такъ, въ 1496 году былъ сожженъ во Псковѣ, очевидно, по приговору вѣча, одинъ Чухонецъ, пытавшійся, вслѣдствіе посула со стороны Нѣмцевъ, зажечь Кромъ, а въ 1411 году было подвергнуто той же казни 12 вѣщихъ жонокъ [3]). Кромѣ дѣлъ уголовныхъ, вѣче вмѣшивалось и въ важнѣйшія дѣла гражданской области, и это обстоятельство представляетъ удобный случай, хотя нѣсколько ознакомиться съ самымъ характеромъ суднаго вѣча. Предварительно не только было созываемо частное вѣче самимъ истцомъ, который разсылалъ для этой цѣли по городу особенныхъ пословъ, но это частное вѣче играло не маловажную роль и на большомъ вѣчѣ, будучи составлено изъ партіи истца и подкупленной имъ черни: послѣднее обстоятельство и было причиной того, что истцы при-

---

¹) П. С. Р. Л., Ш, 71, 1314: «а въ Пльсковѣ почали бяху грабити недобріи люди села, и дворы въ городѣ, и клѣти на городѣ, и избиша ихъ Пльсковичи съ 50 человѣкъ...»

²) П. С. Р. Л., IV, 254, 1477: «Псковъ успалився испродалъ Опочанъ, и взялъ 100 рублевъ, да дали князю Ярославу, что они повѣсили татя коневого, а безъ Псковского повелѣнія». Ср. Костомаровъ, С. Р. Народопр., П, 60.

³) П. С. Р. Л., IV, 270, 1496: «загорѣлося на Крому... а зажегъ Чюхно закрадчися... и изымаша его на Крому и сожгоша его огнемъ . Ср. тамъ же, IV, 122, 1412. Тамъ же, V, 22, 1411: «Псковичи сожгоша 12 жонке вѣщихъ . Ср. тамъ же, Ш, 42, 1227.

бѣгали въ своихъ тяжбахъ къ посредству вѣча, такъ какъ обыкновенный (княжескій) судъ запрещалъ всякое появленіе на сѣняхъ сосѣдей помочью, и такимъ образомъ, лишалъ ихъ одного изъ важнѣйшихъ орудій для неправаго рѣшенія дѣла. Для поясненія достаточно указать на тяжбу между прихожанами одной Псковской церкви, которые, раздѣлившись, по случаю пожара послѣдней, на двѣ стороны, выстроившія каждая для себя отдѣльныя церкви, заспорили о наслѣдствѣ (по всей вѣроятности, о спасенныхъ отъ огня книгахъ и иконахъ, а можетъ быть, также и о земляхъ) сгорѣвшаго храма: составивъ предварительно мѣстную сходку, прихожане новой церкви двинулись всею толпой во Псковъ, получили тамъ отъ посадниковъ на вѣчѣ приставовъ и при посредствѣ послѣднихъ вступили во владѣніе спорными предметами. Примѣръ этотъ не остался безъ подражанія, такъ какъ тотчасъ же послѣ спора о наслѣдствѣ сгорѣвшей церкви, чернецы одного Псковскаго монастыря предъявили поземельный искъ противъ самого собора св. Троицы и при помощи вѣча успѣли выиграть дѣло [1].

Благодаря основныхъ чертамъ вѣчеваго устройства, превращавшимъ вѣче въ простую сходку жителей старѣйшаго города, да и въ предѣлахъ послѣдняго не обязывавшимъ никого изъ гражданъ непремѣннымъ посѣщеніемъ вѣча, а только предоставлявшимъ право на то всѣмъ и каждому, обширныя права Псковскаго вѣча легко могли сдѣлаться, какъ и въ Великимъ Новгородѣ, предметомъ борьбы между городскими партіями, или что еще хуже, игрушкою въ рукахъ городской черни. Но вопреки всѣмъ ожиданіямъ, вѣчевая дѣятельность отличалась во Псковѣ, срав-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 238, 1471: «сгорѣвши въ Ушиствѣ церкви (см. П. С. Р. Л., IV, 235, 1470), и начаша ставити на сей сторонѣ церковь, а на другой другую, и потомъ начаша съ новой сторонѣ подниматися пѣнези съ препростою чадію всѣмъ вѣчемъ въ градъ по послу; посадники съ вѣча пристави подаваше на старую церковь, безстудстомъ и злобою отнимати данное Богови въ наслѣдіе той Божіей церкви... Друзіи человѣцы... начаша воздвизатися и препростую чадь воздымати по міру... на домъ св. Троица, истязуя отъ нея воды и земли... И посадники и весь Псковъ... даша имъ на вѣчѣ тую землю и воду...»

нительно съ Великимъ Новгородомъ, гораздо большимъ спокойствіемъ и почти полнымъ отсутствіемъ борьбы городскихъ партій; однако причина этого явленія заключается не въ рѣшительномъ преобладаніи на вѣчѣ самого народа, а въ непродолжительности времени самостоятельнаго существованія Пскова, устранявшей всякую возможность къ образованію сильной демократической партіи, которая могла бы вступить въ состязаніе съ Псковскою знатью, усвоившею себѣ могущественное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ во Псковѣ въ періодъ борьбы съ Великимъ Новгородомъ за независимость. Справедливость этого предположенія всего лучше доказывается тѣмъ фактомъ, что и Псковъ былъ не совершенно чуждъ нѣкоторыхъ волненій, что и тамъ замѣчаются присутствіе на вѣчѣ „препростой чади", соотвѣтствовавшей Новгородскимъ „худымъ мужикамъ вѣчникамъ", равно какъ и примѣры столкновеній простаго народа съ боярами: только всѣ эти явленія обнаруживаются во Псковѣ не раньше, какъ въ концѣ его независимаго существованіи и потому представляютъ не что иное, какъ зачатки, которые съ полною силою развиваются только въ послѣдующій, Московскій періодъ, особенно въ Смутное время, дѣлаясь тогда ужасною язвой для Псковского края. Но пока длилось самостоятельное существованіе Пскова, владычество бояръ было несомнѣннымъ и выражалось наглядно въ томъ явленіи, что представителями концовъ въ общественныхъ дѣлахъ Пскова служили постоянно и вездѣ бояре, черные же и житьи люди упоминаются въ качествѣ кончанскихъ представителей только во время послѣднихъ десятилѣтій Псковской жизни [1]); а между тѣмъ даже въ Великомъ Новгородѣ, гдѣ могущества знати никто не станетъ опровергать, представителями отъ концовъ въ посольствахъ были не только житьи люди, но нерѣдко и черные. Органомъ владычества бояръ во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, служилъ, кажется, совѣтъ.

[1]) П. С. Р. Л., IV, 219, 1460: «услышавше Псковичи князя великого въ Новѣгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ Великій Новгородъ, Юрья пос. Тимоѳеевича, Максима Ларивоновича, и бояръ изо всѣхъ концевъ...» Тамъ же, IV, 260—261, 1476; 262, 1480; 266, 1485; 267, 1486.

Въ числѣ орудій управленія своими землями, князья имѣли въ древней Руси совѣщательный органъ въ думѣ, которую они составляли по своему усмотрѣнію изъ членовъ своей дружины, обыкновенно старшей. Вмѣстѣ съ княземъ дума перешла и въ жизнь Великаго Новгорода, но получила тамъ, сообразно съ устройствомъ послѣдняго, нѣсколько отличный характеръ: въ составъ ея тамъ входили не одни княжескіе люди, но и представители самого Новгорода. Такимъ двойственнымъ характеромъ отличалась, напримѣръ, дума, которая была собрана въ 1292 (?) году на Городищѣ по поводу нѣмецкихъ дѣлъ, и которой предшествовало изложеніе нѣмецкаго посольства предъ коммиссіей изъ шести членовъ, трехъ со стороны князя (намѣстникъ Андрей и двое бояръ) и трехъ со стороны Новагорода (тысяцкій и тоже двое бояръ). Вслѣдствіе дальнѣйшаго паденія княжеской власти, дума съ Городища была перенесена, по всей вѣроятности, въ началѣ XIV столѣтія, въ самый Новгородъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ княжескаго совѣта превратилась въ чисто Новгородскій: въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ нѣкоторые намеки русскихъ источниковъ, такъ и прямыя указанія нѣмецкихъ. Уже одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ историковъ справедливо замѣтилъ, что, если вѣче, собиравшееся на Ярославовомъ дворѣ, называется въ источникахъ *большимъ* [1]), то необходимо предположить малое вѣче, совѣтъ правительственныхъ лицъ [2]); но совѣтъ правительственныхъ лицъ только тогда можетъ по справедливости носить названіе малаго вѣча, когда составъ его образуется не одними правительственными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посторонними лицами, то-есть, когда онъ представляетъ вмѣстѣ и совѣтъ правительственнаго класса. Дѣйствительно, нѣмецкіе источники прямо называютъ его *совѣтомъ бояръ* и указываютъ на владычній дворъ, какъ на мѣсто, въ которомъ собирался въ Новгородѣ правительственный совѣтъ. Трудно сказать что-либо положительное какъ о томъ, были ли какія-либо опредѣленныя, постоянныя засѣданія этого совѣта, такъ

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 8, 1471: «а на дворъ на великого князя, на Городище, съ болшего вѣча присылали многихъ людей...»

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, 1857, III, 28.

точно и о томъ, собирался ли въ противномъ случаѣ совѣтъ по одному собственному побужденію; достовѣрно извѣстно только то, что посадникъ, до свѣдѣнія котораго дѣла доходили естественно раньше всѣхъ, созывалъ совѣтъ въ случаѣ надобности. Нужно замѣтить также, что совѣтъ бояръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи биричей, подобно другимъ учрежденіямъ и правительственнымъ лицамъ: биричи, какъ и другіе приставы, получали пошлины съ дѣлъ, къ которымъ они были приставляемы, но въ сношеніяхъ съ Нѣмцами довольствовались, кажется, одними только дарами, получали, напримѣръ, фіолетовыя платья [1]).

Псковская исторія, не представляющая такихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ о существованіи совѣта во Псковѣ, какими располагаетъ Новгородская, дополняетъ однако послѣднюю, если только мы не ошибаемся, въ одномъ не неважномъ отношеніи, касающемся внѣшней обстановки совѣта. Если уже въ исторіи Великаго Новгорода указаніе на большое вѣче даетъ наукѣ нѣкоторое право заключать о существованіи малаго вѣча или совѣта, тѣмъ болѣе правъ на подобное заключеніе представляетъ Псковская исторія. Во Псковѣ не только упоминается о большомъ вѣчевомъ колоколѣ, который уже самъ по себѣ даетъ полное основаніе предполагать существованіе меньшого или малаго колокола, но даже достовѣрно извѣстно, что этотъ малый или *меньшой* колоколъ дѣйствительно существовалъ и назывался въ отличіе отъ большаго *Корсунскимъ вѣчникомъ* [2]). Трудно сказать положительно, гдѣ именно висѣлъ меньшой колоколъ, на колокольнѣ ли собора св. Троицы, или же при самомъ этомъ храмѣ; но во вся-

---

¹) Ср. Бестужевъ-Рюминъ, Рус. Ист., Спб. 1872, I, 336.

²) П. С. Р. Л., IV, 288, 1510: «А жилъ князь великій во Псковѣ 4 недѣли, а поѣхалъ на другой недѣли поста... и другой колоколъ съ собою взяша». Тамъ же, IV, 292, 1518: «прислалъ князь великой къ живоначалной Троицы большой колоколъ, гдѣ вѣчевой былъ, а преже того незамного прислалъ меншой колоколъ, въ Корсунского мѣсто, что на сѣни въ него звонили, какъ вѣчье было». Тамъ же, IV, 291, 1518: «а преже того и въ Корсунского вѣчника мѣсто прислалъ князь великои Василей Ивановичь другой колоколъ». Ср. Бѣляевъ, Разск. изъ Рус. Ист., III, 106; Костомаровъ, Сѣв.-рус. Народоправ., II, 91.

комъ случаѣ онъ отнюдь не предназначался для созыванія народа на вѣче; напротивъ того, въ него звонили „на сѣни“, подъ которыми скорѣе всего должно подразумѣвать не что иное, какъ сѣни св. Троицы, служившія, какъ выше замѣчено, и вѣчевою канцеляріей и архивомъ. За какую бы форму мы ни принимали выраженіе „на сѣни“ (за мѣстный ли падежъ единственнаго числа, или за винительный множественнаго), цѣль подобнаго звона во всякомъ случаѣ должна была заключаться только въ одномъ привлеченіи Псковичей на сѣни; и дѣйствительно, въ источникахъ встрѣчаются прямыя указанія на совѣщанія на сѣняхъ и на отличіе этихъ совѣщаній отъ вѣча. Такъ, по поводу отказа священно-служителей принять участіе въ несеніи военной повинности съ своихъ земель на ряду съ остальнымъ народонаселеніемъ, Псковичи неоднократно собирались совѣщаться на вѣче и на сѣни; послѣднее дѣлалось, кажется, для того, чтобы опредѣлить отношеніе церковнаго законодательства, номоканона, къ спорному вопросу [1]). Хотя всѣ приведенные факты еще не разъясняютъ, кто собственно участвовалъ въ совѣщаніяхъ на сѣняхъ, тѣмъ не менѣе самое мѣсто совѣщанія показываетъ, что собраніе на сѣняхъ, не имѣвшихъ возможности вмѣстить всѣхъ членовъ вѣча, было не чѣмъ инымъ, какъ Новгородскимъ малымъ вѣчемъ или совѣтомъ; тѣмъ болѣе что, въ отношеніи внутренняго состава малаго вѣча, Псковская жизнь представляла тѣ же самые элементы, какіе замѣчаются и въ Новгородской.

Въ числѣ членовъ, входившихъ въ составъ Новгородскаго совѣта, нѣмецкіе источники именуютъ въ частности всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ лицъ Новгородскихъ: владыку, княжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго и всѣхъ кончанскихъ старостъ, а вообще, во всей ихъ совокупности, характеризуютъ членовъ совѣта названіемъ Heren, то-есть, бояре. Обращаясь къ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV. 269, 1495: «и посадники Псковскіи и со Псковичи, а въ степени тогда былъ пос. Яковъ Аѳонасьевичь Брюхатой да Василей Опимаховичь, и учали сильно дѣяти надъ священники, и лазили многажды на сѣни и въ вѣчьи, и опять въ вѣчье влѣзли и хотѣли поповъ кнутомъ избезчествовати»...

русскимъ источникамъ, мы находимъ, что первое мѣсто въ классѣ бояръ занимаютъ старые посадники и тысяцкіе, и нельзя не сознаться, что термину Herrn скорѣе всего соотвѣтствуютъ старые посадники и тысяцкіе: въ противномъ случаѣ постоянное участіе послѣднихъ во всей правительственной дѣятельности будетъ по меньшей мѣрѣ совершенно непонятнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и самое учрежденіе старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Если подъ старыми посадниками и тысяцкими разумѣлись въ Великомъ Новгородѣ не иныя лица, какъ члены совѣта, и притомъ члены пожизненные, то прохожденіе важнѣйшихъ общественныхъ должностей было связано тамъ не съ однимъ полученіемъ, по окончаніи срока службы, продолжавшейся опредѣленное или неопредѣленное время, простаго почетнаго титула старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, но и съ гораздо болѣе существеннымъ отличіемъ, съ правомъ занимать послѣ мѣсто въ совѣтѣ или сенатѣ. Посадничество и званіе тысяцкаго давали, слѣдовательною, въ Великомъ Новгородѣ носившимъ ихъ лицамъ такія же права, какъ курульскія должности: консульство, преторство и эдильство, или позднѣе, квесторство въ Римѣ, какъ архонатъ въ Греціи; старые посадники и тысяцкіе были не что иное, какъ русскіе консуляры, преторіи и эдилиціи [1]). Но признавъ, что сущность званія старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ заключалась въ Великомъ Новгородѣ въ правѣ участія въ засѣданіяхъ совѣта, мы уже не можемъ искать другаго объясненія для того же самого явленія во Псковѣ, особенно въ виду того несомнѣннаго факта, что Псковскіе старые посадники пользовались въ общественной жизни даже большимъ вліяніемъ, чѣмъ ихъ Новгородскіе собратья. Въ самомъ дѣлѣ, старые посадники не только окружали во Псковѣ главнѣйшихъ представителей власти, князя и посадника, во всей ихъ правительственной дѣятельности [2]), но послѣдніе даже какъ бы исчезали

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. за октябрь 1869, стр. 294—302.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 206, 1431: «Князь.... и Юрьи посадникъ.... и вси посадники Псковскіе заложили городъ новый Выборъ».... Тамъ же, IV, 215, 1453: «биша челомъ попове невкупніи князю Псковскому и посаднику степенному... и всѣмъ посадникомъ Псковскимъ, что быти четвертому собору

въ ихъ средѣ, такъ что имена степенныхъ посадниковъ не всегда упоминаются лѣтописью отдѣльно, а должны быть часто подразумѣваемы подъ общимъ выраженіемъ „Псковскіе посадники“ [1]).

Будучи составленъ по преимуществу изъ представителей боярскихъ фамилій, совѣтъ необходимо долженъ былъ сдѣлаться въ рукахъ какъ Новгородской, такъ и въ особенности Псковской знати оружіемъ къ упроченію, съ одной стороны, вліянія послѣдней на самое вѣче, съ другой же — къ утвержденію господства ея надъ правительственными лицами, особенно степенными посадниками. Въ первомъ отношеніи можно замѣтить, что при той безформенности, какою отличалось древнерусское вѣче, совѣтъ, какъ совѣщательное учрежденіе, на которомъ предварительно обсуждались дѣла, долженствовавшія поступить потомъ на окончательное разсмотрѣніе вѣча, вообще имѣлъ для знати важное значеніе, какъ средство установить въ ея средѣ единодушное отношеніе къ каждому вопросу. Однако, какъ показываетъ исторія Великаго Новгорода, знать мало довольствовалась этою важною ролью, но при помощи разныхъ козней стремилась нерѣдко даже къ полному устраненію вѣча отъ дѣлъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію: такъ, въ сношеніяхъ съ иноземцами, которыя естественно велись большею частію при посредствѣ правительственныхъ лицъ, знать, окружавшая послѣднихъ, старалась скрыть полученные документы не только отъ заинтересованнаго въ сношеніяхъ купечества, но даже и отъ самого вѣча. Любопытнымъ поясненіемъ этихъ стремленій бояръ могутъ служить переговоры, происходившіе въ 1412 году въ совѣтѣ одного изъ нѣмецкихъ городовъ, собранномъ по случаю возникшихъ въ Новгородѣ недоразумѣній между Нѣмцами и Русскими и заключавшемъ въ себѣ и пребы-

---

во Псковѣ; и шедъ князь и вси посадники Псковскія, отцу господину владыцѣ Еуѳимію биша челомъ»....

[1]) П. С. Р. Л., IV, 212, 1445: «Князь.... и посадники Псковскіе послаша своего посла».... Тамъ же, IV, 218, 1459: «Князь... и посадники Псковскіи, съ мужи Псковичи... на Желачкѣ сѣно покосиша... Тамъ же, IV, 220, 1460: «посадники Псковскіи и весь Псковъ биша ему челомъ»... Тамъ же, IV, 196, 1406: «Заложиша Псковичи стѣну камену... при князѣ Даниллѣ Александровичѣ и при князѣ Григорьи Остафьевичѣ при посадникѣ Офремѣ, и Романѣ, и Леонтьи, и Панкратѣ»...

вавшихъ за границею русскихъ купцовъ. Для успѣшнѣйшаго уложенія дѣла, Нѣмцы просили послѣднихъ завѣрить бояръ и начальство въ Новгородѣ о желаніи своемъ жить съ Русскими по старинѣ, прибавляя, что со своей стороны они уже писали объ этомъ къ представителямъ Новгорода и намѣрены писать и еще. На это русскіе купцы отвѣчали: „Не много пользы выходитъ изъ того, что пишутъ боярамъ, а также епископу, посаднику и тысяцкому, такъ какъ они держатъ письма у себя подъ спудомъ, а купечеству русскому и народу знать о томъ ничего не даютъ“. Вслѣдствіе этого Нѣмцы составили новое письмо, хотя по содержанію и въ прежнемъ родѣ, но уже не къ боярамъ, а къ купеческимъ старостамъ и купцамъ, въ надеждѣ, что этимъ путемъ оно скорѣе дойдетъ до народа [1]).

Во второмъ отношеніи, касающемся подчиненія правительственныхъ лицъ интересамъ бояръ, достаточно вспомнить, что одно изъ необходимыхъ условій могущества знати заключается въ томъ, чтобы власть принадлежала не одному лицу, а цѣлому учрежденію, и что поэтому существованіе элементовъ, подобныхъ совѣту старыхъ посадниковъ, всегда служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о господствѣ не демократической, а аристократической партіи. Въ самомъ дѣлѣ, принимая участіе во всѣхъ важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, старые посадники безъ труда держали въ зависимости отъ правительственнаго класса—главнѣйшихъ правительственныхъ лицъ, особенно степенныхъ посадниковъ, которые, отдѣльно взятые, легко могли бы измѣнить интересамъ своего класса, тогда какъ врядъ ли можно предположить, чтобъ измѣнилъ своимъ интересамъ цѣлый классъ, представляемый старыми посадниками. Да и отъ степенныхъ посадниковъ трудно было ожидать частыхъ уклоненій отъ интересовъ, преслѣдуемыхъ знатью, такъ какъ первые сами происходили по большей части изъ боярскихъ фамилій, державшихъ въ своихъ рукахъ почти наслѣдственно всѣ важнѣйшія должности. Такое сосредоточеніе важнѣйшихъ должностей въ рукахъ извѣстнаго числа боярскихъ фамилій

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. за сентябрь 1870 г., стр. 220—221.

замѣчается одинаково, какъ въ Великомъ Новгородѣ, гдѣ боярскіе роды даже считались между собою старшинствомъ [1]), такъ и во Псковѣ, не смотря на то, что сколько нибудь отчетливыя указанія на Псковскихъ посадниковъ дошли до насъ только отъ XV столѣтія. Такъ уже въ XIV столѣтіи, въ періодъ утвержденія во Псковѣ самобытности, на первомъ планѣ является тамъ семья посадника Бориса, изъ которой, кромѣ самаго Бориса, посадничавшаго до 1312 года, извѣстны еще посадникъ Илья Борисовичъ и Антонъ Ильинъ, сынъ посадничъ. А въ XV столѣтіи въ числѣ боярскихъ фамилій, заправлявшихъ ходомъ общественныхъ дѣлъ, могутъ быть приведены семьи Кортача, Винкова и Дойника. Не говоря уже объ Алексѣѣ Ефремовичѣ, бывшемъ въ послахъ, семья Ефрема Кортача, посадничавшаго въ періодъ времени отъ 1397 по 1407 годъ [2]), постоянно занимала во Псковѣ важныя должности: Аристъ Кортачевичъ началъ свою службу съ воеводства, но отъ продолженія ея былъ удержанъ преждевременною смертью въ бою; Стефанъ Аристовичъ былъ посадникомъ въ 1455 году, Гаврило же Кортачевъ посадничалъ въ 1477 году, но въ 1484 году былъ казненъ, что кажется, и погубило фамилію. Изъ семьи Юрія Тимоѳеевича Винкова, бывшаго посадникомъ въ періодъ времени отъ 1426 по 1464 годъ [3]), встрѣчаются въ посадникахъ: въ 1472 году—Аѳанасій Юрьевичъ, а въ 1466 — Стефанъ Аѳанасьевичъ Винковъ [4]). Но самымъ большимъ значеніемъ пользовался въ XV столѣтіи родъ Дойника; о немъ самомъ не сохранилось никакихъ извѣстій, но семья его дала Пскову цѣлыхъ пять посадниковъ, а именно: Ларіона Дойниковича (1406 — 1419 гг.),

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 31, 1211: «Приде Дмитръ Якуниць изъ Руси, и съступися Твърдиславъ посадничьства по своей волѣ старѣйшю себе. Тъгда же даша посадничьство Дьмитру Якуничу» Дмитръ происходилъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Новгородскихъ, а именно изъ рода Гюряты Роговича, сынъ котораго, Мирославъ, былъ въ Новгородѣ первымъ выборнымъ посадникомъ.

[2]) П. С. Р. Л., III, 103, 1407: «Убиша ту 3 посадники Псковскіи, Ефрема Кортача, Елентѣа Лубку, Панкрата ..» Тамъ же, V, 27, 1432.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 201, 1410; V, 21, 1410.

[4]) П. С. Р. Л., VIII, 167, 1471

Максима Ларіоновича (1455—1464 гг.), Никиту Ларіоновича (до 1482 г.), Стефана Максимовича (1476 г.) и Петра Максимовича (1499 г.); да сверхъ того, изъ нея же вышли Андрей и Иванъ Ларіоновичи, которые, хотя и не были посадниками, тѣмъ не менѣе занимали другія, второстепенныя, общественныя должности. Наконецъ, были боярскія семьи, которыя умѣли сохранить свое значеніе во все время самостоятельнаго существованія Пскова; къ числу ихъ можно отнести родъ Филиппа Ледовича, убитаго въ 1341 году; въ XV столѣтіи изъ этого рода упоминается Козьма Сысоевичъ Ледовичъ, посадничавшій въ 1473—1482 годахъ, а въ XVI — Михаилъ Inegewitz (Jordewitz) Ledere (Ledow), то есть, „Ледовъ“ [1]). Но не смотря на свою полную достовѣрность, всѣ эти примѣры могутъ дать только слабое представленіе о наслѣдственности должностей въ боярскихъ фамиліяхъ, такъ какъ для полнаго представленія послѣдней у насъ нѣтъ, съ одной стороны, надлежащаго списка лицъ, посадничавшихъ въ XIV столѣтіи, съ другой же — самые критеріи наслѣдственности являются крайне недостаточными. Въ самомъ дѣлѣ, отчество, одинъ изъ подробныхъ критеріевъ, показано при именахъ далеко не всѣхъ посадниковъ, да и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обозначено, не всегда служитъ ручательствомъ въ родствѣ двухъ лицъ между собою; точно также и прозвища, которыя могли бы служить самымъ вѣрнымъ средствомъ при опредѣленіи родства, дошли до насъ въ весьма незначительномъ числѣ, да при томъ извѣстно, что и они съ теченіемъ времени менялись: такъ Никита Ларіоновичъ, принадлежавшій, очевидно, къ семьѣ Дойника, носилъ уже особенное прозвище Плотицы [2]).

Ограниченіе власти посадника, вытекавшее изъ наслѣдствен-

---

[1]) B. Hoeneke, Livländ. Reimchr., v. Höhlbaum, S. 15—16: «De cumpter:.. settede inn de Russen unnd erschloch orer 12, de besten ohres folckes, sampt ohrem oversten Philipze, den borchgreven thor Plescow»... Ср. П. С. Р. Л., IV, 187, 1341. Рус.-Лив. Акты, 263, 1509: «de boden van Plescow de Burgmeistere Michaele Inegewitz ledere (стр. 208: «Jordewitz Ledow-Ледовъ). Лицо это, можетъ-быть, тождественно съ Михаиломъ Юрьевичемъ (Іовлевичемъ) Помазовымъ, однимъ изъ двухъ послѣднихъ Псковскихъ посадниковъ.

[2]) П. С. Р. Л., V, 35, 1464.

ности должностей въ извѣстныхъ боярскихъ фамиліяхъ, было, такъ сказать, естественнымъ, и хотя дѣлало вѣроятнымъ, но еще не гарантировало вполнѣ, чтобы ни одинъ посадникъ, даже знатнаго происхожденія, не измѣнилъ интересамъ своего класса. Послѣдней цѣли можно было достигнуть только противопоставленіемъ одному посаднику другаго, а для этого необходимо было прежде всего удвоить должность степеннаго посадника. Двойное посадничество было дѣйствительно введено во Псковѣ и при томъ, какъ заставляютъ предполагать нѣкоторыя явленія, чуть ли не одновременно съ утвержденіемъ во Псковѣ полной самобытности, такъ какъ уже въ этотъ періодъ во Псковѣ встрѣчается одновременно по двое посадниковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы онъ былъ равноправный товарищъ другаго [1]). Но благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, что наши свѣдѣнія о Псковскихъ посадникахъ XIV столѣтія крайне ограничены, и что двойное посадничество вообще не считалось во Псковѣ абсолютно необходимымъ, мы, вопервыхъ, знаемъ очень мало примѣровъ двойнаго посадничества за XIV столѣтіе, а вовторыхъ, не можетъ рѣшительно утверждать, что и въ послѣдующій періодъ въ каждый данный моментъ въ степени непремѣнно было двое посадниковъ: несомнѣнно во всякомъ случаѣ извѣстно то, что съ конца XIV столѣтія вплоть до прекращенія самобытнаго существованія Пскова, исторія послѣдняго представляетъ ясные слѣды непрерывнаго существованія тамъ двойнаго посадничества [2]). Но

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 187, 1341: «А сами Псковичи и тое весны поѣхаше въ лодкахъ воеватъ, о Ильи о посадникѣ, въ рѣку Омовжу... Тамъ же, IV, 189, 1343: «поѣхаша воевати земли Нѣмецкія о князи Иванѣ, и о Изборскомъ князи Остафьи, и о посадникѣ Володшѣ...» Тамъ же, IV, 189, 1348: «Поѣхаше Псковичи къ Орѣшку городу Новогородцемъ въ помочь, о посадникѣ Ильи, противу короля».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 194—195, 1397: «Посадникъ Ефремъ и Псковичи поставиша костеръ на Васильевѣ горкѣ... Князь Иванъ Андреевичь и князь Григорей Остафьевичь, и посадникъ Захарья Костроминичь, и Псковичи поставиша три костра на приступной стѣнѣ»... Случаи двойнаго посадничества, которыхъ не коснется дальнѣйшее изложеніе, въ XV столѣтіи были слѣдующіе:

1474 г.: Зиновій Сидоровичъ и Алексѣй Васильевичъ. (П. С. Р. Л., IV, 249: А. З. Р., I, 86, ср. съ Сборн. Муханова, 2-е изд., 22, № 19).

если время возникновенія этого учрежденія извѣстно и не совершенно точно, за то вполнѣ ясно его значеніе. Представляя само по себѣ только одно изъ важныхъ средствъ къ ограниченію власти вообще, сотоварищество косвенно не остается однако безъ большаго вліянія на усиленіе аристократіи, такъ какъ при сотоварcommitteeществѣ одно правительственное лицо всегда можетъ служить въ рукахъ знати коррективомъ другаго. Подобно тому, какъ въ Римѣ двойное консульство составляло для патриціевъ надежный оплотъ противъ того, чтобы ни одинъ консулъ не могъ измѣнить интересамъ своего класса, точно также и во Псковѣ, который въ этомъ отношеніи представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ аналогій съ римскимъ бытомъ, партія бояръ одному степенному посаднику противопоставляла другаго, чтобы чрезъ это имѣть возможность владычествовать надъ обоими, и въ случаѣ столкновеній, безъ труда парализировать стремленія отпавшаго посадника противоположными дѣйствіями другаго. Поэтому несправедливо думалъ г. Бѣляевъ, утверждая, что двойное посадничество служило во Псковѣ средствомъ къ ограниченію власти въ пользу народа [1]). Дѣло было совершенно наоборотъ: установленіе сотоварищества не только не имѣло въ виду интересовъ народа, демократіи, но даже было прямо направлено противъ послѣднихъ, такъ какъ народу было гораздо труднѣе возвести одновременно на степень изъ числа своихъ сторонниковъ двухъ посадниковъ, чѣмъ одного, особенно когда выборъ останавливался по преимуществу на членахъ боярскихъ фамилій, самымъ происхожденіемъ своимъ уже обязываемыхъ держаться интересовъ своего класса.

Будучи простымъ коррективомъ княжеской власти и потому

1483 г.: Леонтій Тимоѳеевичъ и Стефанъ Максимовичъ. (А. Ю., I, 3).
1495 г.: Яковъ Афанасьевичъ Брюхатой и Василій Опимаховичъ. (П. С. Р. Л., IV, 269).
1498 г.: Яковъ Аѳанасьевичъ и Леонтій Тимоѳеевичъ. (Востоковъ, Оп. Рук. Рум. М., 731, ср. съ П. С. Р. Л., IV, 270).
1510 г.: Юрій Елисеевъ и Михаилъ Помазовъ, а со времени поиманья ихъ въ Новгородѣ, еще, кажется, и два другіе: Григорій и Иванъ Яковлевичи Кротовы. (Лѣт. Румянц. Муз., № 255).

[1]) Разсказы изъ Русск. Ист., III, 119—121.

необходимо раздѣляя во всемъ судьбы послѣдней, посадничество уже изначала пользовалось во Псковѣ, гдѣ княжеская власть почти совсѣмъ отступила на второй планъ, непосредственнымъ значеніемъ собственно въ одной только судебной дѣятельности, а на остальное управленіе оказывало вліяніе не иначе, какъ при посредствѣ самого Псковскаго вѣча. Это положеніе дѣла ни мало не измѣнялось и съ введеніемъ двойнаго посадничества; каждый посадникъ и теперь сохранялъ по прежнему право на власть въ томъ самомъ объемѣ и формѣ, въ какомъ пользовался ею до сихъ поръ одинъ посадникъ: ибо сущность сотоварищества необходимо требуетъ, чтобы власть, которая прежде принадлежала одному лицу (въ данномъ случаѣ степенному посаднику), не дѣлилась между двумя лицами, а предоставлялась каждому изъ нихъ вполнѣ, отчасти подобно тому, какъ степенный посадникъ раздѣлялъ вполнѣ власть княжескую. Сообразно съ этимъ принципомъ, посадники или дѣйствовали сообща, оба, напримѣръ, судили на княжескихъ сѣняхъ [1]), вмѣстѣ предводительствовали войскомъ [2]), вмѣстѣ производили постройки [3]), или же, если дѣйствовали независимо другъ отъ друга, то каждый изъ нихъ имѣлъ одинаковую власть во всѣхъ отрасляхъ управленія, какъ напримѣръ, одинъ посадникъ строилъ одну стѣну во Псковѣ, а другой — другую [4]), или же одному посаднику поручалась постройка одного Псковскаго пригорода, а другому — другаго [5]).

---

[1]) А. Ю., I, 3, № 2, 1483.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 242, 1471: «Князь же Василей Ѳедоровичь и воеводы Псковскіи, посадникъ Тимоѳей Власьевичъ и посадникъ Стефанъ Аѳонасьевичь, и вси посадники Псковскіи, и вся сила Псковская, поидоша ко Пскову добры здоровы».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 229, 1465: «Князь Псковской Иванъ Александровичь и посадники степенныя Леонтій Макарьевичь и Тимоѳей Васильевичь... заложиша стѣну деревяну отъ Великой рѣкѣ»...

[4]) П. С. Р. Л., IV, 194—195, 1397; тамъ же, IV, 202, 1418: «повелѣ посадникъ Ѳедосъ и весь Псковъ намостити буевище, и около церкви св. Троица и тынъ отынишa около церкви; и посадникъ Микула и Псковичи повелѣша мастеромъ намостити мостъ отъ стѣны Великую улицу, а другую на Завеличьи»...

[5]) П. С. Р. Л., IV, 206, 1421: «Князь Александръ Ѳедоровичь, и Юрьи пос. Тимоѳеевичь, и вси посадники Псковскіи заложили городъ новый Вы-

Подраздѣленіе въ компетенціи имѣло мѣсто единственно въ военное время, когда одинъ степенный посадникъ обыкновенно отправлялся предводительствовать войскомъ, а другой оставался дома и завѣдывалъ судомъ и управленіемъ; если же для войны былъ потребенъ новый отрядъ, то воеводой въ него назначался уже не второй посадникъ, оставшійся дома, а одинъ изъ старыхъ, избираемый вѣчемъ. Но и въ этомъ подраздѣленіи компетенціи не было ничего заранѣе предуставленнаго: не было заранѣе опредѣлено, какой посадникъ, въ случаѣ войны, остается завѣдывать внутренними дѣлами, и какой отправляется предводительствовать войскомъ; все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя рѣшали вопросъ, какъ о томъ, могло ли имѣть мѣсто самое раздѣленіе въ компетенціи, или же война необходимо требовала присутствія въ войскѣ обоихъ степенныхъ посадниковъ, такъ равно и о томъ, кто, въ противномъ случаѣ, долженъ былъ взять на себя какую обязанность [1]).

Псковская знать однако на этомъ еще не остановилась: ей нужно было не только связать посадника совѣтомъ, составленнымъ изъ ея членовъ, не только одному степенному посаднику противопоставить другаго, и такимъ образомъ, въ случаѣ надобности парализировать ихъ дѣйствія, враждебныя ея интересамъ, но отнять у посадниковъ всякую возможность къ противудѣйствію ея видамъ и для этой цѣли сократить и самый срокъ службы, такъ какъ продолжительность послѣдней составляетъ первый шагъ ко всякой сильной власти. Дѣйствительно, историческій законъ гласитъ, что ограниченіе власти во времени все обращается на пользу аристократіи, и что, при непродолжительности срока службы, ни одно правительственное лицо, не смотря ни на какія благо-

боръ... Заложиша городъ новъ на Гдовѣ на берегѣ, камену стѣну, князь Дмитрей Александровичь, Якимъ посадникъ и вси посадники Псковскіи».

[1]) П. С. Р. Л., IV, 222—223, 1463: «и посадникъ степенной Өедоръ Никифоровичь, и посадникъ Тимоөей и бояръ и Псковичь немного того же дни совокупившеся и поѣхаша къ городку... а Нѣмцы не радя того, что Псковская сила въ городку... два исада болшихъ выжгоша... и Зиновей посадникъ (степенный) и Псковичи, услышавши такову вѣсть (отъ пос. Өедора), и поставиша вѣче и даша на вѣчѣ воеводство Максиму посаднику Ларіоновичю»...

пріятныя обстоятельства, не въ состояніи достигнуть политическаго могущества и потому невольно должно согласоваться съ желаніями того класса, изъ котораго оно выходило, и въ рядахъ котораго, по сложеніи должности, снова терялось. Успѣхъ однако не вполнѣ увѣнчалъ стремленія боярской партіи и еще не привелъ Псковское устройство къ рѣшительной системѣ ежегодной смѣны обоихъ степенныхъ посадниковъ, какъ это имѣло мѣсто въ Римѣ относительно консуловъ; но все же дѣло подвинулось на столько, что конечная цѣль была уже недалека, и что срокъ, въ продолженіи котораго посадникамъ приходилось пользоваться своею властью, фактически сдѣлался крайне ограниченнымъ. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду того, что перемѣна эта получила силу не сразу по утвержденіи во Псковѣ самобытности, а значительно позже, въ началѣ второй половины XV столѣтія; по крайней мѣрѣ, только въ шестидесятыхъ годахъ этого вѣка замѣчаются ясные слѣды частой, почти ежегодной смѣны степенныхъ посадниковъ, которую никакъ нельзя счесть за случайное явленіе. Вотъ перечень, который наглядно показываетъ сущность дѣла, отмѣчая, какіе посадники были въ степени въ періодъ времени отъ 1462 по 1465 годъ.

1462 годъ: Максимъ Ларіоновичъ и Зиновій Михайловичъ.
1463 ,, Θедоръ Никифоровичъ и Зиновій Михайловичъ [1]).
1464 ,, Алексѣй Васильевичъ и Юрій Тимоθеевичъ.
1465 ,, Леонтій Макарьевичъ и Тимоθей Васильевичъ [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 221, 1462: «при посадникѣ степенномъ Максимѣ Ларіоновичѣ .. Князь Псковской Володимеръ Андрѣевичь и посадники степенныя Зиновій Михайловичь». Въ послѣднемъ случаѣ должно, кажется, подразумѣвать: и Максимъ Ларіоновичь. Тамъ же, IV, 222, 1463: «посадникъ степенный Θедоръ Никифоровичь», и тамъ же, IV, 224, 1463: «при посадникѣ степенномъ Зиновьѣ Михайловичѣ».

[2]) П. С. Р. Л. IV, 227, 1464: «посаднику степенному старому Юрью Тимоθеевичю»... Тамъ же, IV, 228, 1464: «и посадникъ степенной Алексѣй Васильевичь»... Тамъ же, IV, 229, 1465: «и посадники степенныя Леонтей Макарьевичь и Тимоθей Васильевичь»... Относительно посадника Тимоθея нужно замѣтить, что лѣтопись, величая его то Васильевичемъ, то Власьевичемъ, даетъ поводъ думать, что это были два различныя лица; но неосновательность подобнаго мнѣнія доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ 1471 годомъ (П. С. Р. Л., IV, 240 и 241) главный воевода Псковскаго вой-

Было бы совершенно неосновательно искать въ этомъ перечнѣ непредложнаго порядка дальнѣйшей смѣны Псковскихъ посадниковъ; напротивъ, подобно тому какъ въ степени не всегда было двое посадниковъ, такъ точно и срокъ службы ихъ не всегда ограничивался однимъ годомъ; посадники нерѣдко оставались въ степени не только на два года—доказательство тому можно найдти въ самомъ перечнѣ, но даже, кажется, и по нѣскольку лѣтъ. Во всякомъ случаѣ этотъ порядокъ, который, если слѣдовать иноземнымъ источникамъ—всегда, впрочемъ, требующимъ основательной провѣрки—водворился въ Великомъ Новгородѣ еще раньше, въ началѣ XV столѣтія, и распространялся одинаково какъ на посадника, такъ и на тысяцкаго[1]), никакъ не могъ имѣть демократической тенденціи, какъ полагалъ несправедливо г. Бѣляевъ. Желая сдѣлать посадниковъ представителями своихъ интересовъ, народъ вовсе не нуждался въ сокращеніи срока ихъ службы, а наоборотъ долженъ былъ стремиться къ освобожденію ихъ отъ вліянія знати, къ сообщенію имъ большей самостоятельности, а необходимымъ условіемъ этого была именно продолжительность пользованія властью степенными посадниками.

Г. Бѣляевъ пытался точнѣе опредѣлить порядокъ преемства власти степенными посадниками, и съ этою цѣлью предположилъ, что вмѣстѣ съ введеніемъ ежегодной смѣны посадниковъ было принято за правило, чтобъ изъ степени выходили не сразу оба посадника, а только одинъ; другой же оставался посадничать на слѣдующій годъ и въ этомъ качествѣ назывался во Псковѣ *степеннымъ старымъ* посадникомъ[2]). Это остроумное замѣчаніе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ самаго обстоятельнаго фактическаго разбора, такъ какъ отъ признанія его вѣрности зависитъ объясненіе непонятнаго выраженія „степенный старый посадникъ“, всего разъ встрѣчающагося въ источникахъ. На первый взглядъ источники

ска называется одинаково и Тимоѳеемъ Васильевичемъ, и Тимоѳеемъ Власьевичемъ: а такъ какъ, далѣе, Псковская исторія не знаетъ никакого Власія, то отчество Васильевичъ намъ кажется болѣе вѣроятнымъ.

[1]) Lelewel, G. de Lannoy, p. 32, 1413—1414.

[2]) Разсказы изъ Русск. Ист., III, 121—122.

какъ-бы подтверждаютъ это предположеніе: въ нихъ дѣйствительно замѣчаются указанія, которыя легко даютъ поводъ думать, что по временамъ одинъ изъ посадниковъ оставался въ степени и на другой годъ; такъ, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ XV столѣтія въ степени состояли:

въ 1462 г.: Максимъ Ларіоновичъ и Зиновій Махайловичъ.

„ 1463 „ Ѳедоръ Никифоровичъ и опять Зиновій Михайловичъ.

Но съ одной стороны, этотъ фактъ при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается совершенно недостаточнымъ для выводимаго изъ него слѣдствія, такъ какъ послѣднее необходимо требуетъ, чтобы въ предшествующемъ 1461 году въ степени состояли не Максимъ Ларіоновичъ и Зиновій Михайловичъ, а непремѣнно другія лица, но между тѣмъ это не только не извѣстно, но даже и и мало вѣроятно; съ другой стороны, лѣтопись представляетъ ясныя указанія и на то, что на второй годъ въ степени оставались не только одинъ, но и оба посадника: такъ, напримѣръ, въ 1468 и 1469 годахъ во Псковѣ посадничали несомнѣнно одни и тѣ же лица, а именно:

въ 1468 году: Тимоѳей Васильевичъ и Стефанъ Аѳанасьевичъ.

„ 1469 „ Тимоѳей Васильевичъ и Стефанъ Аѳанасьевичъ [1]).

Но кромѣ своихъ побочныхъ затрудненій, предположеніе г. Бѣляева страдаетъ еще коренныхъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Отъ всякаго предположенія прежде всего требуется, чтобъ оно, по крайней мѣрѣ, согласовалось съ тѣмъ фактомъ, объясненіе котораго оно ставитъ своею задачей; однако гипотеза г. Бѣляева не только неудовлетворяетъ этому требованію, но даже находится съ объясняемымъ фактомъ въ совершенномъ разладѣ. Старымъ степеннымъ посадникомъ названъ Юрій Тимоѳевичемъ Винковъ подъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 231, 1468: «при посадницѣхъ степенныхъ, при Тимоѳеи Власьевичѣ и при Стефанѣ Гахоновичѣ. Тамъ же, IV, 232, 1459: «при посадникѣхъ степенныхъ, при Тимоѳеѣ Власьевичѣ и при Стефанѣ Ѳеонасьевичѣ». Относительно посадника Стефана Гахоновича или Агаѳоновича нужно замѣтить, что такого лица Псковская исторія совсѣмъ не знаетъ, а потому подъ этимъ именемъ нужно подразумѣвать или Ивана Гахоновича или Стефана Аѳанасьевича: скорѣе, впрочемъ, послѣдняго, такъ какъ онъ обыкновенно посадничалъ съ Тимоѳеемъ Васильевичемъ, ср. напримѣръ, П. С. Р. Л., IV, 240 и 241, 1471. О посадникѣ Тимоѳеѣ см. выше.

1464 годомъ; но вопреки всѣмъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ гипотезой, онъ посадничалъ тогда не второй годъ, а только первый; въ этомъ не трудно убѣдиться, если только взглянуть на перечень Псковскихъ степенныхъ посадниковъ этого времени въ ихъ исторической послѣдовательности:

1463 годъ: Өедоръ Никифоровичъ и Зиновій Михайловичъ.

1464 „ Алексѣй Васильевичъ и степенный старый Юрій Тимоѳеевичъ.

Такимъ образомъ, предположеніе г. Бѣляева не оправдывается ни фактами, ни общимъ характеромъ времени, отличающимся отсутствіемъ не только всякой искусственности, но даже и строгой опредѣленности. Но съ паденіемъ гипотезы снова возникаетъ вопросъ о значеніи выраженія „старый степенный посадникъ“; однако вопросъ этотъ, въ виду тѣхъ нерѣдкихъ ошибокъ, какими изобилуетъ текстъ Псковскихъ лѣтописей, не можетъ представлять особенныхъ затрудненій; въ выраженіи „степенный старый посадникъ“ эпитетъ *старый* соединенъ съ эпитетомъ *степенный*, безъ всякаго сомнѣнія, по какому-либо недоразумѣнію лѣтописца [1]).

Посредствующимъ звеномъ между общими Псковскими учрежденіями, вѣчемъ и его представителями, и собственно мѣстными, городскими и областными союзами, служили во Псковѣ городскіе концы, которые такимъ образомъ не только раздѣляли, въ качествѣ составныхъ частей Псковскаго вѣча, всю дѣятельность послѣдняго, но и являлись вмѣстѣ съ тѣмъ самыми значительными мѣстными округами въ Псковской землѣ. Происхожденіемъ своего

---

[1]) Къ числу приведенныхъ выше погрѣшностей, свидѣтельствующихъ о неисправности текста Псковскихъ лѣтописей, считаемъ нелишнимъ прибавить здѣсь еще одну. Одновременно съ Иваномъ Сидоровичемъ, посадничавшимъ во Псковѣ въ началѣ XV столѣтія, лѣтопись упоминаетъ еще и о посадникѣ Иванѣ Өедоровичѣ, но только изрѣдка, и этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ сама себя выдаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сличеніе лѣтописей не составляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что посадникъ Иванъ Өедоровичъ былъ тождественнымъ лицомъ съ Иваномъ Сидоровичемъ, и что отчество Өедоровичъ попало въ нѣкоторые списки лѣтописи совершенно случайно. Такъ Псковичи въ послахъ къ великому князю отправляли по П. С. Р. Л., IV, 201, 1412: «Ивана посадника Өедоровича и Өедора Шивалкинича»; по П. С. Р. Л., V, 21, 1411: «посадника Ивана Сидоровича и Өедора Шибалкинича».

мѣстнаго значенія Псковскіе концы были обязаны слабости правительственной власти, составлявшей характеристическую черту древней-русской исторіи и выражавшейся между прочимъ въ томъ явленіи, что правительственная власть отказывалась отъ преслѣдованія преступниковъ собственными силами, а возлагала это дѣло на общественные союзы въ формѣ круговой поруки. Первоначально, въ періодъ родоваго быта, круговая порука налагала на общественные союзы даже отвѣтственность за самыя преступленія членовъ, входившихъ въ ихъ составъ; но въ послѣдующее время, когда родовое начало смѣнилось мѣстнымъ, эта отвѣтственность была отчасти уничтожена, и круговая порука ограничена только однимъ представленіемъ на судъ преступниковъ. Мѣстные союзы, извѣстные подъ названіемъ вервей, уже обязаны были однимъ простымъ представленіемъ на судъ преступниковъ, за самое же преступленіе отвѣчали только тогда, когда не заботились о первомъ, или когда характеръ преступленія былъ не злостный. Этимъ собственно сельскимъ мѣстнымъ союзамъ въ городахъ соотвѣтствовали подобные же мѣстные союзы, возникавшіеся изъ городскихъ концовъ и улицъ. И въ городскихъ союзахъ основаніемъ учрежденія служила круговая порука, взаимное ручательство въ доставленіи на судъ преступниковъ: въ этомъ всего лучше убѣждаетъ насъ исторія Великаго Новгорода, гдѣ обязанность мѣстныхъ городскихъ союзовъ представлять на судъ преступниковъ сохранялась до послѣднихъ минутъ его независимаго существованія, хотя, кажется, уже въ видоизмѣненной формѣ, такъ какъ законъ предполагаетъ преступниковъ лицами, снимавшими въ концахъ и улицахъ земли [1]). Но это первоначальное, въ тѣсномъ смыслѣ юридическое значеніе концовъ, замѣчаемое еще въ исторіи Великаго Новгорода, уже совсѣмъ не имѣло мѣста по Псковѣ; за то въ Псковскомъ устройствѣ получило особенное развитіе политическое значеніе концовъ, которые въ этомъ качествѣ являются продолжателя правительственной дѣятельности самого вѣча.

Къ сожалѣнію, устройство кончанскаго управленія остается до

---

[1]) А. А. Э., I, 71—72, № 92, 1471.

сихъ поръ мало извѣстнымъ, выясняясь отчасти развѣ только при помощи предположеній. Такъ, постоянное появленіе выборныхъ представителей отъ концовъ при веденіи общихъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ Псковскихъ даетъ основаніе думать о существованіе особенныхъ кончанскихъ вѣчей, которыя избирали этихъ представителей, или по крайней мѣрѣ, о самостоятельной дѣятельности концовъ на вѣчѣ; а упоминаніе о кончанскихъ старостахъ позволяетъ считать послѣднихъ за мѣстные органы, необходимые для домашней кончанской дѣятельности. Даже самая дѣятельность кончанскаго управленія, будучи сравнительно болѣе извѣстною, все же можетъ быть пояснена отправленіемъ одной только военной повинности, благодаря нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ объ этомъ послѣднемъ предметѣ. Какъ извѣстно, военная повинность распадалась въ древности на два главные вида: на городоставленіе, то-есть, постройку и поддержаніе городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, и на наборъ, вооруженіе о содержаніе собраннаго войска. Отправленіе перваго вида военной повинности, постройка укрѣпленій, въ данномъ случаѣ города Пскова, производилось концами такимъ образомъ, что Псковскія стѣны распредѣлялись на отдѣлы, соотвѣтствовавшіе городскимъ концамъ и служившіе обыкновенно защитою для послѣднихъ; эти отдѣлы въ свою очередь распадались на новыя части, изъ которыхъ каждая и была отводима на долю извѣстной улицы. Такъ, позднѣйшій Богоявленскій конецъ въ отношеніи военной повинности раздѣлялся на Запсковскихъ и Кузьмодемьянскихъ сосѣдей, которые и распредѣляли между собою постройку стѣны, окружавшей Запсковье, такъ что на долю первыхъ приходилась одна треть, а на долю вторыхъ—двѣ трети [1]). Одинаково съ соору-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 207, 1433: «Петровскіе сосѣди разбивше костеръ старой у св. Петра и Павла, и въ томъ камени создаша церковь св. Борисъ и Глѣбъ; и тако начаша разбивати всю стѣну къ Великой рѣкѣ». Тамъ же, V, 42, 1484: «за два года сусѣди Запсковляне, Богоявлянскый конецъ. заложиша стѣну отъ Псковы рѣки свою треть, и сего лѣта совершена бысть на осень, и покрыша. Тоя же весны, по Велицѣ дни, сусѣди Кузьмодемьянскіи заложиша стѣну отъ Великой рѣкѣ, свои двѣ части, до Богоявленцовѣ стѣнѣ». Для Великаго Новгорода см. П. С. Р. Л., IV, 98, 1391.

женіемъ городскихъ стѣнъ, къ кончанскому вѣдомству относилось и заголовленіе всѣхъ необходимыхъ на случай войны снарядовъ. Потому концы служили обыкновенно средоточіемъ военныхъ запасовъ и въ позднѣйшее время, когда стало распространяться въ употребленіи огнестрѣльное оружей, имѣли въ притворахъ при извѣстныхъ храмахъ свои пороховые склады, а можетъ быть, и склады огнестрѣльнаго оружія или покрайней мѣрѣ пушекъ [1]).

Точно также и другая форма военной повинности, наборъ и снаряженіе войска, отправлялась при посредствѣ концовъ. По опредѣленіи вѣчемъ нормы, которой нужно было держаться при наборѣ въ войско, въ позднѣйшее время—числа сохъ, обязаннаго поставлять особеннаго ратника—Новгородская соха обнимала пространство земли, которое могли запахать на трехъ лошадяхъ трое человѣкъ,—дѣло переходило въ концы, которые и производили разрубъ или распредѣленіе повинности, а слѣдовательно, имѣли всѣ необходимыя для того средства [2]). Самая организація собраннаго по разрубу войска не совершалась безъ значительнаго участія концовъ, такъ какъ большая часть Псковскихъ воеводъ назначалась не главнымъ правительственнымъ лицемъ, не княземъ сообща съ посадникомъ, даже не самимъ вѣчемъ, а концами на вѣчѣ [3]). Въ этомъ отношеніи Псковскіе воеводы напоминаютъ намъ греческихъ стратиговъ, которые въ Аѳинахъ, точно также какъ и во Псковѣ, назначались мѣстными союзами или трибами. Наконецъ, слѣды кончанской дѣятельности замѣчаются какъ въ продовольствованіи войска, особенно если послѣднее было не домашнее, а пришлое, союзническое, въ устройствѣ съ этою цѣлью особенныхъ чередъ между жителями концовъ [4]), такъ и въ заботахъ о средствахъ передвиженія перваго. Если принять во вни-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 281, 1507: «а горѣло по Жирковы сусѣди.. и придѣлъ подлѣ церкви (Козьмы и Даміана) съ зельями роздрало, а зелей пушечныхъ сгорѣло бочка, и занеже ту зелія всего конца стояли».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 240, 1471: «а всѣмъ Псковомъ начаша по всѣмъ концемъ рубитися искрѣпка»...

[3]) П. С. Р. Л., IV, 259, 1478.

[4]) П. С. Р. Л., 248, 1474: «и сѣно почаша къ нимъ (Московскимъ войскамъ) по чередамъ на Завеличье возити изъ концевъ».

маніе, что значительная часть Псковской рати выходила въ походъ обыкновенно на судахъ, то врядъ-ли покажется невѣроятнымъ предположеніе, что каждый конецъ во Псковѣ выставлялъ въ случаѣ войны извѣстное количество насадовъ или ушкуевъ, необходимыхъ для похода; по крайней мѣрѣ, есть положительныя свидѣтельства о томъ, что въ случаѣ возникновенія какой-либо общественной потребности въ насадахъ, за удовлетвореніемъ послѣдней обращались къ концамъ: такъ, торжественная встрѣча царевны Софьи была совершена Псковичами въ ушкуяхъ, при чемъ каждымъ концомъ былъ выставленъ свой собственный насадъ [1]). Подобно военной повинности, и другія тягловыя обязанности Псковскаго населенія относились къ вѣдомству кончанскаго управленія; но объ этомъ предметѣ, кромѣ указанія на заботы концовъ о благосостояніи города и на устройство ими, съ цѣлію предупрежденія заразы, особенныхъ скудельницъ для погребенія мертвыхъ [2]), не сохранилось никакихъ извѣстій. Однако недостатокъ въ прямыхъ свидѣтельствахъ отчасти вознаграждается аналогіей Псковскаго соборнаго устройства, представляющаго не что иное, какъ точный снимокъ съ кончанскаго управленія: подобно тому, какъ въ соборномъ устройствѣ распредѣленіе повинностей, которыми было обложено Псковское духовенство въ пользу Новгородскаго владыки, служило первоначальною цѣлью, такъ точно необходимо предположить, что и концы были средоточіемъ всей всеобще хозяйственной дѣятельности.

Меньше всего можно думать, что Псковскіе концы заключали въ себѣ только одни городскіе союзы, улицы и сотни, и что поэтому значеніе ихъ ограничивалось предѣлами одного главнаго города. Древней Руси различіе между городомъ и государствомъ во всей его строгости было мало извѣстно, и въ устройствѣ кончанскаго управленія мы встрѣчаемъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ этого смѣшенія понятій, на слѣды существованія ко-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 244, 1473: «а Псковичи сустрѣкали ея (царевну Софью) въ оскуяхъ на Измѣны, изъ конца по оскую». Тамъ же, IV, 245, 1473.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 230, 1466: «а во всякомъ концы на позадѣ (посадѣ) скуделницы ископаша и тамо кладоша мертвыя».

тораго мы указывали и при другихъ случаяхъ. Эта неспособность отрѣшиться отъ смѣшенія различныхъ по существу понятій города и государства не составляетъ нимало исключительной принадлежности древне-русской жизни, а замѣчается одинаково и въ классическомъ мірѣ, въ исторіи Рима и въ особенности Греціи, Аѳинъ, которыя въ политическомъ устройствѣ своемъ представляютъ любопытныя черты сходства съ древнею Русью и потому при сличеніи могутъ подать поводъ къ поучительнымъ соображеніямъ. Какъ извѣстно, со времени Клисѳена Аѳинская территорія дѣлилась на десять филъ или трибъ, изъ которыхъ каждая, кромѣ областныхъ димовъ, заключала въ себѣ одинъ или часть одного городскаго дима, такъ что всѣ собранія трибъ, завѣдывавшія значительною частью общественныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, происходили не иначе, какъ въ самомъ городѣ, въ Аѳинахъ [1]). Такой порядокъ, съ одной стороны, не мало содѣйствовалъ тому, что въ Аѳинахъ не было городскихъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ общаго отечества, а съ другой—устранялъ совсѣмъ и возможность образованія мѣстныхъ центровъ, легко ведущихъ къ нарушенію общей политической связи: областное населеніе, будучи заключено въ трибахъ, обнимавшихъ собою какъ областные, такъ и городскіе димы, естественно должно было преслѣдовать интересы союза сообща съ жителями главнаго города и сообща избирать своихъ магистратовъ. Концы въ древней Руси были не что иное, какъ именно трибы или филы, какъ послѣднія были сформированы Клисѳеномъ, то есть, мѣстные политическіе союзы; не что иное, какъ самые значительные второстепенные политическіе организмы или общины.

Дѣйствительно, концы обнимали во Псковѣ не только извѣстныя части старѣйшаго города, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ своемъ вѣдѣніи и извѣстныя части Псковской области, вслѣдствіе чего ихъ скорѣе можно назвать подраздѣленіями не города Пскова, а всей Псковской земли, самыми большими мѣстными

---

[1]) H. Sauppe, De demis urbanis Athenarum, въ Jahresbericht über das Wilhelm-Ernstische Gymnasium zu Weimar, 1845—1846, стр. 19.

союзами послѣдней. Не нужно однако опускать изъ виду, что части Псковской земли, относившіяся къ извѣстнымъ концамъ, не образовали сплошныхъ массъ территоріи: такъ какъ распредѣленіе Псковскихъ пригородовъ по концамъ совершалось по жребію, зависѣло, слѣдовательно, отъ случая, то само собою понятно, что подвѣдомственныя концамъ Псковскія земли не имѣли никакой непремѣнной мѣстной связи не только между собою, но и съ городскимъ концомъ [1]). Но вопреки ожиданіямъ, такое соединеніе пригородовъ и волостей въ одно цѣлое съ городскими концами не доставило областному населенію никакого вліянія на ходъ кончанской дѣятельности, точно также какъ оставалось безъ вліянія на дѣятельность Псковскихъ соборовъ и областное духовенство. По отдаленности своего мѣстожительства, Псковское областное духовенство не могло принимать ни малѣйшаго участія въ занятіяхъ Псковскихъ соборовъ; а такъ какъ оно не имѣло и своихъ поповскихъ старостъ, отдѣльныхъ отъ представителей городскихъ соборовъ, то на повѣрку выходило, что всѣми церковными дѣлами завѣдывало одно городское духовенство и что вслѣдствіе этого, въ церковномъ управленіи возникали разныя злоупотребленія, особенно въ распредѣленіи повинностей духовенства въ пользу владыки. Точно также необходимо предположить, что и вся кончанская дѣятельность — назначеніе выборныхъ отъ концовъ, избраніе кончанскихъ старостъ и распредѣленіе общественныхъ тягостей, находилась исключительно въ рукахъ населенія одного старѣйшаго города: объ участіи въ этихъ дѣлахъ обитателей пригородовъ и волостей не можетъ быть и рѣчи. Это положеніе дѣлъ мѣнялось не иначе, какъ только съ открытіемъ войны, когда областное населеніе стекалось въ старѣйшій городъ

[1]) Не имѣя никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ о распредѣленіи пригородовъ по концамъ города Пскова для XIV столѣтія Псковской исторіи, мы считаемъ существованіе его за этотъ періодъ весьма вѣроятныхъ только на основаніи двукратнаго подѣла Псковскихъ пригородовъ по концамъ, совершеннаго въ XV столѣтіи, а именно въ началѣ и во второй половинѣ его; а потому и самое разсмотрѣніе фактовъ, знакомящихъ съ характеромъ этого явленія, естественно относимъ къ слѣдующей главѣ, посвященной исторіи собственно XV столѣтія.

и получало чрезъ это возможность принять участіе по крайней мѣрѣ въ кончанской дѣятельности по организаціи войска, тѣмъ болѣе, что послѣдняя находилась въ связи съ раздѣленіемъ Псковской земли на пригороды. Такъ какъ въ случаѣ войны отъ пригородовъ обыкновенно являлись во Псковъ уже сформированные отряды, снабженные на мѣстѣ ратными принадлежностями и стягами [1]), то кончанская дѣятельность естественно ограничивалась однимъ распредѣленіемъ воеводъ по этимъ отрядамъ. Дѣйствительно, число Псковскихъ воеводъ, простиравшихся во время похода 1471 года до цифры 14, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тогдашнему числу Псковскихъ пригородовъ (12), особенно если принять во вниманіе, что въ числѣ 14 находились главные или „что ни большіе“ воеводы, коммандовавшіе собственно Псковскими отрядами и назначавшіеся, по всей вѣроятности, самимъ вѣчемъ старѣйшаго города по преимуществу изъ степенныхъ посадниковъ [2]).

Подобно тому, какъ первоначальный юридическій характеръ не сохранился въ Псковскихъ концахъ, такъ точно онъ потерялъ свою силу и въ меньшихъ союзахъ, улицахъ и сотняхъ, которыя приписывались въ городѣ къ концамъ, такъ какъ и здѣсь уже политическій элементъ получилъ большое развитіе, ибо улицы, члены которыхъ въ Новгородѣ назывались уличанами, а во Псковѣ—сосѣдями (извѣстны сосѣди Петровскіе, Запсковскіе, Кузьмодемьянскіе, Жирковы) представляли въ предѣлахъ города наименьшія единицы, по которымъ распредѣлялось несеніе общественныхъ тягостей. Однако этотъ первоначальный характеръ мѣстныхъ сою-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 270, 1498: «потомъ пригороды съѣхалися ко Пскову со всею ратною приправою и стягами». Тамъ же, IV, 197, 1408; 224, 1463.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 240, 1461: «И весь Псковъ, въ тыя часы, пригороды и волости, собравъ князя Псковского... сынъ князь Василей и Тимоѳей Васильевичь посадники Псковскія, а съ ними 13 посадниковъ Псковскихъ и вся сила Псковская». Тамъ же, IV, 259, 1478; «Въ Псковской же рати были отряжены воеводы.. а всѣхъ 7 посадниковъ, иніи сынове посадничи и бояре и дѣти боярскіи многія, у Псковской рати воеводами изъ концовъ отряжоныя». Тамъ же, IV, 260, 1478; «толко одинъ посадникъ Олексѣй Васильевичь, что ни болшой воевода въ войску, и подъ Новымъ городомъ тамъ преставися».

зовъ, усвоенный ими вслѣдствіе слабости государства и выражавшійся въ обязанности сосѣдей представлять на судъ людей, обвиняемыхъ въ какомъ либо преступленіи, не остался безъ нѣкоторыхъ слѣдовъ и въ жизни города Пскова. Обязанность представлять на судъ преступниковъ необходимо влекла за собою появленіе въ судѣ сосѣдей или товарищей подсудимаго, и такимъ образомъ, открывала имъ удобный путь къ содѣйствію послѣднему въ его судебной защитѣ и къ вліянію на ходъ самого судопроизводства. Развиваясь съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе и превращаясь изъ вспомоществованія подсудимому въ рѣшительное средство къ устрашенію истцовъ и даже самихъ судей или къ подкупу послѣднихъ, вторженіе сосѣдей въ судъ стало грозить полнымъ уничтоженіемъ всякой судебной дѣятельности. Поэтому, даже въ Великомъ Новгородѣ, гдѣ обязанность союзовъ представлять на судъ преступниковъ сохраняла свою силу до послѣдняго времени, коллективное появленіе сосѣдей въ судъ, получившее бранное названіе „наводки", возбудило противъ себя рѣшительное преслѣдованіе. Въ видахъ устраненія этого явленія, городскіе союзы должны были исполнять свою обязанность выдачи преступниковъ не иначе, какъ при посредствѣ двухъ „ятцевъ", назначаемыхъ тѣмъ союзомъ: концомъ, улицею, сотней или рядомъ, къ которому принадлежалъ преступникъ, и служившихъ отвѣтственными лицами въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣлу устраивалась наводка [1]). Подобное же вмѣшательство сосѣдей въ судебную дѣятельность замѣчается и во Псковѣ; но такъ какъ въ послѣднемъ жизнь относительно была спокойнѣе, и потому совсѣмъ не было рѣчи о доставленіи на судъ преступниковъ городскими союзами, то и противодѣйствіе этому вмѣшательству было полнѣе: тамъ всякое посѣщеніе суда сосѣдями „помочью" было рѣшительно воспрещено: на судъ должны были являться однѣ тя-

---

[1]) А. А. Э., I, 72, № 93, 1471: «а отъ конца, или отъ улици и отъ ста и отъ ряду, итти ятцомъ двѣма человѣкомъ, а инымъ на пособье не итти къ суду ни къ росказу; а будетъ наводка отъ конца или отъ улици или ото ста или отъ ряду, ино Великимъ княземъ и Великому Новгороду на тыхъ дву человѣкѣхъ, по Ноугородской грам (отѣ закладъ)».

жущіяся стороны [1]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на судѣ затрогивался интересъ, касающійся въ равной мѣрѣ всѣхъ членовъ союза, дѣло шло, напримѣръ, о церковной землѣ, принадлежавшей извѣстной улицѣ, ходатайство за церковную землю предъ судомъ предоставлено было не самимъ прихожанамъ, а ихъ представителямъ, церковнымъ старостамъ [2]).

Кромѣ союзовъ, основывавшихся на мѣстномъ принципѣ, въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ были еще союзы болѣе свободнаго образованія, обязанныя своимъ началомъ не сосѣдству мѣстожительства, а единственно добровольному соглашенію. Однимъ изъ своихъ составленныхъ элементовъ договорные союзы примыкаютъ къ первоначальному періоду народной жизни, къ языческимъ пиршествамъ, которыя въ болѣе тѣсныхъ размѣрахъ продолжали свое существованіе и въ христіанское время въ формѣ пировъ и братчинъ. Связь братчинъ съ языческими пиршествами доказывается какъ сходствомъ самыхъ явленій, такъ и сходствомъ въ увеселеніяхъ, которыя сопровождали оба рода празднествъ, равно какъ и направленными противъ увеселеній братчинъ, скомороховъ и ихъ позоровъ, словами нашего духовенства, величающаго ихъ прямо эллинскимъ наслѣдствомъ. Христіанство произвело только ту перемѣну, что на мѣсто языческихъ боговъ поставило христіанскихъ святыхъ, чествованіе которыхъ и сдѣлалось религіозною стороною братчинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ общенародныхъ торжествъ, каковыми были обыкновенно языческія пиршества, братчины превращаются исключительно въ дѣло извѣстнаго кружка людей, большею частью сосѣдей, и вслѣдствіе этого, приходятъ въ нѣкоторую связь съ мѣстными союзами, въ области — съ волостями, а въ городѣ — съ улицами. Подобно тому, какъ въ древности частныя лица заводили свои

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 9: «А на судъ помочью не ходити; лѣсти въ судебницу двѣма сутяжникома. А пособниковъ бы ни было ни съ одной стороны, оприч жонки или за дѣтину»...

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 10: «А за церьковною землею и на судъ помочью сусѣди не ходятъ; итти на судъ старостамъ за церковную землю».

особенныя церкви, такъ точно и цѣлые союзы, улицы и товарищества, созидали себѣ патрональныя церкви и заботились о ихъ поддержаніи и украшеніи. Для послѣдней цѣли союзы отводили храмамъ и ихъ причтамъ особыя земли, и эти земли становились новою связью прихожанъ между собою: сосѣди защищали ихъ на судѣ сначала коллективно, а затѣмъ, при посредствѣ церковныхъ старостъ, мѣсто которыхъ при главнѣйшихъ храмахъ занимали обыкновенно лучшіе люди не только въ околоткѣ, но и въ цѣломъ городѣ, знатнѣйшіе бояре и посадники [1]). Чествованіе памяти патрональнаго святаго было вмѣстѣ съ тѣмъ и празднествомъ цѣлой улицы, продолжавшимся обыкновенно нѣсколько дней и служившимъ торжественнымъ выраженіемъ господствовавшей въ околоткѣ связи, а церковный староста самъ собою превращался въ руководителя, старосту пиршества, члены котораго называвшіеся братьями, братчиками или пивцами, должны были вносить съ этою цѣлью опредѣленный вкладъ [2]). Вслѣдствіе смѣшенія частнаго права съ общественнымъ, и братчины съ теченіемъ времени получили юридическое значеніе, пріобрѣли право надзора и суда надъ происходившими на пирахъ безпорядками, покражами и ссорами. Первоначально, впрочемъ, роль пивцевъ и пироваго старосты ограничивалась однимъ только полицейскимъ надзоромъ, принятіемъ заявленія о совершеніи въ пиру какого-либо преступленія, а въ дѣлахъ по ссорамъ устройствомъ мировой сдѣлки между тяжущимися сторонами на самомъ пиру: если дѣло улаживалось мирно на мѣстѣ, безъ обращенія къ суду при

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 195, 1402: «Постави Романъ посадникъ, староста св. Троица, и другой староста Аристъ Павловичь, новый крестъ». Тамъ же, IV, 198, 1407. Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 10.

[2]) Древнія стихотворенія Кирши Данилова, 1818, стр. 76—77:

«Послышалъ Васинька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскіихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя.
Пришелъ во братчину въ Никольщину:
«Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ!»
А за себя Василій даетъ пятдесятъ рублевъ.
А и тотъ то староста церковный
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину».

посредствѣ правительственныхъ приставовъ, то оно считалось законченнымъ и не подлежащимъ княжеской пошлинѣ [1]). Но, не останавливаясь на этой второстепенной роли принятія явки и улаженія мировой сдѣлки, братчины въ дальнѣйшемъ движеніи исторіи усвоили себѣ и право суда наравнѣ съ прочими Псковскими судьями, и такимъ образомъ, значительно отдалились отъ однородныхъ явленій остальной Руси [2]).

Примѣръ Новгородской братчины Никольщины показываетъ, что братчина была не исключительнымъ дѣломъ Никольскаго околотка, а совершенно свободнымъ союзомъ, принимавшимъ въ свою среду и людей постороннихъ; да и вообще въ принципѣ братчинъ совсѣмъ не было существенной связи съ мѣстными союзами: онѣ могли существовать и вполнѣ независимо отъ послѣднихъ. Дѣйствительно, лишь только въ составѣ братчины преобладающимъ элементомъ оказывались не сосѣди, а лица, связанныя между собою сходствомъ занятія, напримѣръ, торговли, то тотчасъ же братчина теряла свой мѣстный характеръ и изъ уличанской становилась купеческою. Первоначальныя явленія и здѣсь, въ купеческой братчинѣ, были тѣ же самыя: и купцы также сооружали и поддерживали свои патрональныя храмы, какъ показываетъ примѣръ Новгородскихъ купцовъ-прасоловъ, построившихъ въ Русѣ церковь св. Бориса и Глѣба [3]); и купцы торжествовали нѣсколько дней храмовой праздникъ, какъ это мы замѣчаемъ на Новгородской купеческой братчинѣ, состоявшей при церкви св.

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 6: «А въ пиру (учинится татьба), ино къ пировому старостѣ, или пивцамъ явити, а государю (целованья) нѣтъ». Тамъ же, стр. 11: «А кто съ кимъ побьется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости на пиру, или гдѣ индѣ, а только приставомъ не позовутся, а промежъ себѣ прощенье. . возмутъ, ино ту князю продажи нѣтъ».

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 15: «А братьщина судить, какъ судьи«. Ср. Калачева, Архивъ Ист.-юрид. свѣд., относ. до Россіи, II, отд. VI, 30—34.

[3]) П. С. Р. Л., III, 102, 1404: «Поставиша купци Новогородскіи, прасолы, въ Русѣ церковь камену св. Борисъ и Глѣбъ». Тамъ же, IV, 144, 1403. П. С. Р. Л., III, 88, 1364: «Поставиша въ Торжку церковь камену во имя св. Спаса Преображеніа... а замышленіемъ богобоязнивыхъ купець Новогородскыхъ...»

великаго Ивана на Опокахъ или на Петрятинѣ дворищѣ. Благодаря дошедшему до насъ описанію этого послѣдняго праздника, мы даже имѣемъ возможность хоть нѣсколько познакомиться и съ самыми подробностями подобныхъ праздниковъ. Изъ этого описанія мы узнаемъ, что на устройство праздника церковная казна, обезпеченная богатыми пошлинами и доходами, обязана была давать ежегодно опредѣленную сумму денегъ, простиравшуюся до 25 гривенъ и восполнявшую, а можетъ-быть, и совсѣмъ замѣнявшую тѣ вклады, на которые устроивались пиршества въ другихъ братчинахъ [1]). Самое торжество открывалось празднованіемъ Рождества св. Іоанна Предтечи и продолжалось три дня, въ теченіе которыхъ службу въ храмѣ отправляли попеременно важнѣйшія лица въ Новгородскомъ духовенствѣ: въ первый день — Новгородскій владыка, во второй—Новгородскій (Юрьевскій) архимандритъ, въ третій же—игуменъ Антоніевскаго монастыря [2]). На празднике празднике присутствовали въ качествѣ гостей важнѣйшія правительственныя лица, въ позднѣйшее время — великокняжескій намѣстникъ, дворецкій и тіунъ. Всѣ гости получали, по обычаю пировъ того времени, опредѣленные дары и пошлины: владыка гривну серебра да Ипское сукно, архимандритъ — полгривны, игуменъ—также; намѣстникъ получалъ сукно Ипское и двадцать пудовъ меду, дворецкій также кусокъ сукна и десять пудовъ меду, тіунъ же кусокъ Тумасскаго сукна, а меду пять пудовъ [3]).

Но когда въ извѣстной братчинѣ большинство членовъ оказывалось людьми, связанными между собою сходствомъ занятія, то они естественно стремились распространить дѣятельность братчины и на самое занятіе, старались подчинить его нѣкоторому порядку и снискать права, благопріятныя для его развитія; вслѣд-

[1]) Д. къ А. И., I, 3, № 3, 1134—1135: «А праздникъ Рожество св. великаго Ивана почесть створити и праздновати старостамъ купецкимъ и купцамъ; а имати старостамъ купецкимъ и купцемъ изъ вѣсу изъ вощанаго на полъ третьядцать гривенъ серебра, на всякый праздникъ св. Ивана и въ вѣкъ».

[2]) Тамъ же, I, № 3, 1134—1135.

[3]) Тамъ же, I, № 3, 1134—1135.

ствіе этого, область частнаго права, составлявшая первоначальное основаніе братчинъ, религіозное празднество и пиршества, отходили на второй планъ и уступали свое мѣсто политико-юридическому значенію, въ силу котораго братчины обращались въ гильдію. Такихъ гильдій, образовавшихся изъ первоначальныхъ пиршествъ, замѣчается особенно много на западѣ, который какъ извѣстно, былъ весь усѣянъ добровольными союзами, получившими съ теченіемъ времени политико-юридическое значеніе и приведшими въ дальнѣйшемъ развитіи къ образованію городскихъ общинъ или коммунъ. Но и на востокѣ Европы, въ предѣлахъ Великаго Новгорода, гдѣ торговля совершала значительные обороты, и гдѣ поэтому купеческіе интересы возбуждали особенное вниманіе, подобные союзы были также небезпримѣрны; по крайней мѣрѣ, въ гильдіи, устроенней при церкви св. великаго Ивана на Опокахъ, торговые задачи и интересы дѣйствительно получили нѣкоторое развитіе, напоминающее весьма близко западную жизнь. До насъ даже дошелъ уставъ этой гильдіи, принадлежащій въ основѣ своей началу XII в., а подробной редакціи относящійся не раньше какъ ко второй половинѣ XIII столѣтія и представляющій не что иное, какъ единственный на Руси примѣръ гильдейскихъ статутовъ, которыми такъ изобилуетъ западная Европа [1]). Подробнымъ описаніемъ, торжества, которое ежегодно совершалось Ивановскимъ купечествомъ въ честь св. Іоанна Предтечи, статутъ этотъ очень ясно указываетъ на первоначальный источникъ Новгородской гильдіи, на братчину. Но это первоначальное основаніе, религіозные праздники и пиршества, играло уже въ Ивановской гильдіи второстепенную роль, представляло не болѣе, какъ совершенно побочное явленіе; главная же сила и тамъ заключалась въ политико-юридическомъ значеніи союза, въ регулированіи самой торговли, въ устройствѣ торговой администраціи и торговаго суда.

---

[1]) Уставъ первоначально данъ Всеволодомъ Мстиславичемъ; но выраженіе «намѣстникъ», встрѣчающееся въ подробномъ спискѣ, показываетъ, что послѣдній составленъ не ранѣе второй половины XIII столѣтія, — ибо первые слѣды превращенія Новгородскихъ князей въ великокняжескихъ намѣстниковъ замѣчаются не ранѣе XIII вѣка.

Развивая, по примѣру своего старѣйшаго брата, значительную торговую дѣятельность, Псковъ необходимо долженъ былъ не только прійдти къ тѣмъ же самымъ, какъ и Новгородъ, результатамъ то-есть, къ образованію изъ купечества особенной торговой гильдіи, ставившей своею задачею возможное споспѣшествованіе торговымъ интересамъ, но и дойдти до этихъ результатовъ не иначе, какъ путемъ совершенно одинаковымъ. Правда, объ особенной купеческой братчинѣ, которая и во Псковѣ служила бы исходнымъ пунктомъ для тамошней гильдіи, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; тѣмъ же менѣе существованіе ея представляется все-таки весьма вѣроятнымъ, особенно въ виду той связи, которая имѣла мѣсто во Псковѣ между купечествомъ и храмомъ св. Софіи, и которая вообще предполагаетъ празднованіе дня патрональнаго святаго. Связь Псковскаго купечества съ храмомъ св. Софіи продолжалась непрерывно все время самостоятельнаго существованія Пскова и выражалась въ постоянной заботѣ купцовъ о поддержаніи послѣдняго: такъ, въ 1354 году Псковскіе купцы построили новую деревянную церковь св. Софіи, а въ 1357 году, вмѣстѣ съ новою перестройкой, храмъ св. Софіи былъ превращенъ въ соборный, то-есть, занялъ первенствующее мѣсто въ основанномъ вновь второмъ Псковскомъ соборѣ или союзѣ церквей и потому сталъ отправлять ежедневную службу [1]). Такая связь Псковскаго купечества съ храмомъ св. Софіи врядъ-ли можетъ считаться простою случайностью. Напротивъ, подобно тому какъ въ Великомъ Новгородѣ къ церквамъ, уже существовавшимъ раньше или нарочно отстраиваемымъ, обыкновенно примыкали торговыя учрежденія, которыя, въ лицѣ Ивановской гильдіи при церкви св. Іоанна Предтечи или же Торжковской общины купцовъ при церкви Спаса Преображенія, и считали затѣмъ поддержку храма своею первою обязанностью; точно также и въ церковныхъ по-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 191, 1354: «Церковь св. Софья и чадъ ея... поставиша купцы, деревяну, новую». Тамъ же, IV, 191, 1357: «Тогда же и другій сборъ учиниша во Псковѣ въ св. Софьи: вседневную службу держати и свершати». Тамъ же, V, 14, 1357: «Купци Псковскіи поставиша церковь древяную, во имя св. Софія, и вторый соборъ священники учинивше, начаша держати вседневную службу».

стройкахъ Псковскихъ купцовъ нужно подозрѣвать не одно духовное благочестіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и преслѣдованіе мірскихъ интересовъ. Поэтому естественно догадываться, что Софійскій соборъ служилъ во Псковѣ предметомъ особенныхъ попеченій купечества не иначе, какъ въ качествѣ патрональнаго храма особаго торговаго товарищества; тѣмъ болѣе, что въ 1415 году, при перестройкѣ храма св. Софіи изъ деревяннаго въ каменный, выступаетъ на видъ и организація этого товарищества: Псковскіе купцы являются при этомъ случаѣ цѣлымъ, имѣющимъ во главѣ своей двухъ купеческихъ старостъ [1]). Къ сожалѣнію, о характерѣ этой Псковской гильдіи судить чрезвычайно трудно, такъ какъ статута, подобнаго Новгородскому, отъ нея не осталось; все же однако можно замѣтить, что развитіемъ своимъ она, вѣроятно, значительно уступала Ивановской гильдіи въ Новгородѣ, какъ уже потому, что Новгородское купечество сравнительно было гораздо могущественнѣе, такъ и потому, что вслѣдствіе кратковременнаго самостоятельнаго существованія Пскова, не всѣ учрежденія его могли достигнуть своего полнаго развитія.

Наравнѣ съ городскими союзами, улицами и сотнями, зависимость отъ Псковскихъ концовъ раздѣляли и мѣстные союзы, составлявшіе областныя подраздѣленія Псковской земли. Въ строгомъ смыслѣ въ Псковской области существовалъ одинъ только родъ мѣстныхъ союзовъ—волости, распадавшіяся, благодаря нѣкоторому различію въ своемъ характерѣ, на два вида: на пригороды и собственно волости. Подъ именемъ пригородовъ во Псковѣ разумѣлись волости, которыя имѣли въ своемъ округѣ укрѣпленные пункты или города, съ сидящимъ при нихъ населеніемъ,

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 22, 1415: «мастеръ Еремѣй съверши церковь камену св. мученицъ Вѣры, Любве, Надежи и матери ихъ Софіи... повелѣніемъ купецкихъ старостъ, Андрея Тимоѳеевича и Осея, и всѣхъ купцовъ». Тамъ же, IV, 202, 1416: «свершише церковь св. Софія за Домонтовою стѣною... при старостѣхъ св. Троица (?), Андрѣи Тимошкиничи и при Іонѣ (Ст.: и при осьи), при попѣ Іоаннѣ Хахилевѣ». Въ послѣднемъ извѣстіи замѣчается явное противорѣчіе, такъ какъ въ описаніи постройки храма св. Софіи, естественно, должны быть упомянуты старосты св. Софіи, а не св. Троицы. Поэтому мы отдаемъ предпочтеніе первому извѣстію.

а подъ именемъ волостей просто — мѣстные округи, не имѣвшіе подобныхъ укрѣпленныхъ центровъ. Сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, округи, которые, подобно Гостятину и Прудской волости, до конца самостоятельнаго существованія Пскова оставались безъ укрѣпленныхъ центровъ, постоянно считались простыми волостями [1]), тогда какъ округи Вороночскій, Бережскій и Кокшинскій, бывшіе сначала, наравнѣ съ первыми, волостями просто, по сооруженіи въ нихъ городовъ Вороноча, Гдова (1431) и Вышгорода (1476), стали считаться уже Псковскими пригородами [2]). Будучи въ существѣ своемъ совершенно тождественными явленіями, пригороды и волости имѣли по тому самому во все теченіе Псковской исторіи совершенно отдѣльное существованіе, чуждое всякаго взаимнаго вліянія; да и сами Псковичи не благопріятствовали, кажется, установленію между ними какой-либо прочной связи. Правда, каждый пригородъ естественно долженъ былъ служить въ случаѣ войны мѣстомъ прибѣжища не для одной только прилегавшей къ нему волости, которая составляла его собственный округъ или „обрубъ“ [3]), но отчасти и для сосѣднихъ волостей, которыя, поэтому, вѣроятно, и были привлекаемы по временамъ къ постройкѣ пригородовъ [4]); однако это явленіе, если даже оно и имѣло мѣсто, все же было болѣе или менѣе случайнымъ, настоящее же дѣло постройки и поддержанія пригородовъ составляло обязанность ихъ собственныхъ округовъ. Такъ, при

[1]) П. С. Р. Л., IV, 250, 1476; 268, 1490.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 206, 1431: «заложиша городъ новъ на Гдовѣ на берегѣ, камену стѣну... а земцы Бережскыи даху Пскову триста рублевъ въ камену стѣну»... Тамъ же, V, 27, 1431: «а на Гдовскыхъ земцахъ, въ кого тамо отчина, взяша 300 рублей въ камену стѣну». Земцы Бережскіе или Гдовскіе составляли часть населенія Бережской волости, о которой упоминается въ П. С. Р. Л., IV, 218, 1458.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 206, 1431: «вси посадники Псковскіе заложили городъ новый Выборъ, тако нарицаемый, въ Котеленскомъ обрубѣ»... Тамъ же, V, 26, 1431: «новый городокъ на новомъ мѣстѣ». Ср. А. З. Р., I, 169, 1497; Костомарова, Сѣверно-русск. Народопр., II, 79.

[4]) П. С. Р. Л., IV, 211, 1441: «Пригородъ Псковской Опочка погорѣ вся... Александръ князь и посадники Псковскіи послаша пос. Тимоѳея, и ѣхавше съ волостьми и поставиша градъ Опочку». Тамъ же, VI, 221, 1462: «а дѣлаша его (Кобылій городокъ) мастеры Псковскіи и съ волощаны».

постройкѣ пригорода Гдова опредѣленною денежною суммою на сооруженіе каменной стѣны были обложены земцы или землевладѣльцы одной только Бережской (Гдовской) волости, а при постройкѣ Вышгорода заготовленіе запасовъ, необходимыхъ для сооруженія пригорода, все выпало на долю однихъ только поселянъ Кокшинской волости [1]). Точно также и при несеніи другаго вида военной повинности пригороды и волости являются совершенно отдѣльными округами, которые въ случаѣ войны одинаково выставляли свои особенные отряды. Кажется даже, что при выставленіи отрядовъ пригороды и волости чередовались другъ съ другомъ, когда это по характеру войны было возможно; по крайней мѣрѣ, есть несомнѣнныя свидѣтельства, что войско собиралось во Псковѣ съ однихъ только волостей, а слѣдовательно, былъ возможенъ и совершенно противоположный случай, когда наборъ ограничивался одними только пригородами [2]).

Вслѣдствіе слабаго развитія во Псковѣ княжеской власти и распредѣленія Псковскихъ пригородовъ по концамъ старѣйшаго города, вліяніе послѣдняго на ходъ собственно мѣстныхъ дѣлъ было крайне незначительно и ограничивалось назначеніемъ въ одни пригороды, первоначально впрочемъ весьма немногіе, княжескихъ намѣстниковъ для суда, а въ другіе, особенно не имѣвшіе намѣстниковъ, Псковскихъ кормленщиковъ, да и то, нужно прибавить, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ [3]). Тѣмъ большій просторъ открывался чрезъ это для собственныхъ силъ пригорожанъ, для развитія ихъ дѣятельности какъ коллективной, такъ и посредствуемой мѣстными органами. Въ коллективной дѣятельности своей Псковскіе пригороды пользовались всѣми правами Псков-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 252, 1476; ср. тамъ же, IV, 262, 1480.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 199, 1407: «пріиде местеръ со всею силою нѣмецкою ко Пскову... и Псковичи совокупивше волость, опричь пригородовъ, усрѣтоша ихъ»... Тамъ же, V, 20, 1407: «токмо совокупивше волости своя».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 222, 1463: «и князь Иванъ Ивановичъ, Дябренскихъ князей, тыми часы присла изъ городка (Кобыльяго) гонца своего человѣка Якуша»... Въ князѣ Иванѣ Дябренскомъ никакъ нельзя видѣть княжескаго намѣстника для суда, такъ какъ пригородъ Кобылій, которымъ онъ завѣдывалъ, въ разсматриваемое время (1463 г.), не подлежалъ еще княжеской власти.

скаго вѣча, распоряжались своими дѣлами по собственному усмотрѣнію, заключали на свой страхъ договоры съ непріятелемъ [1]), избирали своихъ представителей, даже такихъ, которые, какъ напримѣръ, пригородскіе посадники, въ Великомъ Новгородѣ присылались обыкновенно изъ старѣйшаго города; судили въ важнѣйшихъ случаяхъ своихъ согражданъ, и такимъ образомъ, благодаря полному отсутствію въ правильномъ подраздѣленіи компетенціи, которое устраняло бы всякую возможность къ столкновенію, легко становились въ противорѣчіе съ правительственною дѣятельностью старѣйшаго города. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло естественно кончалось тѣмъ, что старѣйшій городъ отмѣнялъ рѣшеніе пригорода или даже подвергалъ послѣдній за его дѣйствія штрафу: такъ, напримѣръ, въ 1477 году Псковичи наложили на Опочанъ за казнь одного конокрада пеню во сто рублей въ пользу Псковскаго князя, но смотря на то, что послѣдніе дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ силу присущаго вѣчу права карать злыхъ людей [2]). Второй видъ мѣстной дѣятельности, сфера мѣстныхъ органовъ, къ числу которыхъ во Псковѣ относились пригородскіе посадники и старосты, равно какъ и старосты волостные и губскіе, извѣстна сравнительно гораздо менѣе. Можно однако думать, что пригородскіе посадники, число которыхъ въ пригородахъ простиралось иногда, какъ и въ самомъ Псковѣ, до двухъ, руководили обороною пригорода, предводительствовали пригородскимъ отрядомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пригородъ былъ отрѣзанъ отъ старѣйшаго города, или когда участіе его въ походѣ было добровольнымъ; засѣдали на судѣ княжескаго намѣстника наравнѣ съ пригородскими старостами, которые въ этомъ качествѣ соотвѣтствовали Псковскимъ сотскимъ; наконецъ,

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 204, 1426: «князь Витовтъ нача лестьми своими льстити Вороночанъ о перемирьи... и взя перемирье съ Вороночаны; и Вороночане послаша вѣсть ко Пскову, и онъ (Витовтъ) взя перемирье убоявшеся страшныя... туча».

[2]) Факты и соображенія, поясняющіе положеніе пригородскихъ посадниковъ и характеръ вѣчеваго пригородскаго суда, приведены выше, при обзорѣ частью княжеской, частью вѣчевой дѣятельности.

вмѣстѣ съ послѣдними сами судили въ тѣхъ пригородахъ, въ которыхъ не полагалось княжескихъ намѣстниковъ [1]). Извѣстная изъ источниковъ дѣятельность прочихъ старостъ, какъ губскихъ, такъ и волостныхъ, является частію хозяйственною, частью полицейскою. Такъ въ дѣлахъ по преступленіямъ старосты принимали явку о совершеніи ихъ [2]), равно какъ вмѣстѣ съ посторонними людьми должны были присуствовать при продажѣ хозяиномъ (землевладѣльцемъ) имущества бѣжавшаго изорника (земледѣльца) [3]). Помощниками старостъ въ этой дѣятельности являются, къ одной стороны, сосѣди или вообще сторонніе люди, съ другой же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и священникъ мѣстнаго погоста: такъ позывницы или громоты, призывавшія къ суду, читались въ случаѣ неявки отвѣтчика къ церкви, гдѣ происходило оповѣщеніе позвовъ, не предъ старостой, а предъ священникомъ церкви [4]). Хозяйственная же сторона дѣятельности Псковскихъ старостъ высказывается въ томъ обстоятельствѣ, что губскіе старосты, во время проѣзда князя чрезъ Псковскую землю, завѣдывали пріемомъ послѣдняго и удовлетворяли всѣ его путевыя потребности [5]).

Въ виду существованія мнѣнія, принимающаго губскихъ старостъ за представителей особенныхъ административныхъ округовъ,

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 187, 1341; 204, 1426; Пск. С. Г., 2-е изд., стр. 11.

[2]) П. С. Р. Л., 2-е изд., стр. 6: «А у которого Псковитина, оу какова, оучинится татба въ Псковѣ, или на пригороди, или въ сели на волости, ино явити старостамъ или околнымъ сусѣдамъ, или инымъ стороннымъ людемъ»...

[3]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «ино государю оу князя и оу посадника взять пристава, да и старостъ губьскихъ позвати, и стороннихъ людей, да тотъ животъ изорничь, предъ приставы и предъ сторонными людми государю попродати»...

[4]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 4: «А которой позовникъ пойдетъ исца звати на судъ, и той позваный не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести, или стулится отъ позывницы, ино позывница прочести на погостѣ предъ попомъ»...

[5]) П. С. Р. Л., IV, 255, 1477: «и пристави соцкія Андрея Свѣю и Логина, старостъ губскихъ, и иныхъ добрыхъ людей, которые ему возили и его чествовали, тѣхъ всѣхъ 18 человѣкъ поимавъ и повязавъ мучи ихъ, съ собою на Москву велъ».

нельзя не замѣтить, что отличіе ихъ отъ волостныхъ старостъ было чисто номинальнымъ, что выраженіе „губской староста" было не болѣе, какъ другимъ наименованіемъ для того же волостнаго старосты, но только заимствованнымъ изъ совершенно инаго круга явленій, не имѣющаго съ администраціей ничего общаго. Въ самомъ дѣлѣ, губы, отъ которыхъ губской староста получилъ свое названіе, совсѣмъ не были, подобно волостямъ, административными округами, а представляли не что иное, какъ географическія цѣлыя, обозначали мѣстности, расположенныя по окраинамъ государства, и встрѣчались не исключительно въ одномъ Псковѣ, но въ равной мѣрѣ и въ великомъ Новгородѣ. Отличительный географическій характеръ сохранялся за губами одинаково какъ въ той, такъ и въ другой странѣ: подобно тому, какъ въ Новгородѣ губы замѣчаются въ предѣлахъ Торжка и Ржевы, представлявшихъ крайніе пункты Новгородскихъ владѣній на юго-востокѣ и юго-западѣ, такъ точно и во Псковѣ губы, въ извѣстныхъ намъ изъ источниковъ случаяхъ, всѣ находились на окраинахъ: Печская губа — при Чудскомъ озерѣ, Бѣльская — на рубежѣ съ Новгородской землей, тамъ же и Навережская [1]). Будучи чисто географическимъ, дѣленіе по губамъ не необходимо совпадало съ административнымъ дѣленіемъ Псковской земли на волости: легко могло статься, что нѣкоторыя губы заключали въ себѣ по нѣскольку волостей, старосты которыхъ всѣ становились чрезъ это губскими, тогда какъ другія содержали въ себѣ всего по одной волости или даже составляли просто нѣкоторыя части послѣднихъ [2]). Примѣръ соединенія нѣсколькихъ губъ въ одной волости представляетъ Новгородская земля въ Ошевскомъ погостѣ, составлявшемъ часть ея Ржевскихъ владѣній. Ошевскій погостъ дѣлился на три трети, на собственно

---

[1]) А. А. Э., I, 44, № 58, 1456; тамъ же, I, 68, № 91, 1471. П. С. Р. Л., IV, 264, 1480; 240, 1471; 241, 1471.

[2]) Чт. въ М. О. И. и Д., 1870, I, отд. V, 72, 1631: «дворцовые крестьяне Прутцкіе засады, Прутцкія губы: волостной староста Сысойко Копокиткинъ, да крестьяне... да Русскіе (отъ Руха) губы: волостной староста Ивашко... да крестьяне... да Русскіе губы: вол. староста Богдашко... да крестьяне... да Чирскіе губы»...

Ошевскую (не упоминаемую въ источникахъ, но возстановленную нами въ параллель Бардовской трети въ Бардовскомъ же погостѣ), Будкинскую и Туровскую. Ошевская треть въ свою очередь заключала въ себѣ три губы, а именно: Влицы, Цебло и Ратчино. Такимъ образомъ, въ Великомъ Новгородѣ губы представляли, между прочимъ, и подраздѣленіе волостей, и притомъ, еще не прямое: посредствующимъ звеномъ между ними и волостями являлись трети [1]). Въ дальнѣйшемъ теченіи русской жизни губы теряютъ свой географическій характеръ, дѣлаются, наравнѣ съ волостями, простыми мѣстными округами и распространяются по всѣмъ краямъ Русской земли; но вмѣстѣ съ этимъ расширеніемъ онѣ теряютъ и значительную долю своего значенія, свойственнаго имъ въ качествѣ волостей: изъ общихъ административныхъ округовъ онѣ дѣлаются спеціальными округами по однимъ только уголовнымъ дѣламъ.

Таково было устройство, полученное Псковомъ по пріобрѣтеніи полной самостоятельности. Это устройство съ избыткомъ удовлетворяло всѣмъ мѣстнымъ Псковскимъ нуждамъ и предупреждало всѣ возможныя потрясенія, какъ со стороны старѣйшаго города, такъ точно и со стороны подчиненной ему области. Прежде всего нужно замѣтить, что Псковская земля была весьма незначительна по своему объему и никакимъ образомъ не могла благопріятствовать стремленіямъ къ мѣстному обособленію, характеризующимъ теченіе Новгородской исторіи: во Псковѣ не могло быть и помину объ образованіи отдѣльныхъ земель, подобныхъ Двинской слободѣ или Торжку, о созданіи мѣстнаго вліятельнаго класса людей, подобнаго Двинскимъ боярамъ. Сверхъ того, и сосредоточеніе всего общественнаго управленія въ предѣлахъ самаго Пскова, устраненіе всякой опредѣленной связи между пригородами и сосѣдними съ ними волостями, вело къ той же самой

---

[1]) А. З. Р., I, 89, № 71, ок. 1479: «А въ томъ въ Ошевскомъ погостѣ три губы: первая губа Влицы, а Цебло, а Ратьчинъ»... Тамъ же, I, 88, № 71: «Такожъ въ томъ же Ошевскомъ погостѣ, съ Будкинскоѣ трети королю дань идетъ... а съ Туровскоѣ трети»... Отсюда слѣдуетъ, что первое свидѣтельство нужно читать такъ: «А въ томъ въ Ошевскомъ погостѣ, въ Ошевской трети три губы»...

цѣли, препятствовало образованію мѣстныхъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ всей Псковской земли, дѣлало невозможнымъ зарожденіе въ подчиненныхъ мѣстностяхъ сознанія о своей особности отъ старѣйшаго города, наконецъ пріучало пригороды и волости смотрѣть на себя, какъ на простыя составныя части Пскова. Но если со стороны области нельзя было ожидать никакихъ враждебныхъ движеній, подобныхъ тѣмъ, какія волновали жизнь Великаго Новгорода и постоянно грозили его цѣлости, то еще меньше можно было ожидать смятеній отъ старѣйшаго города, или по крайней мѣрѣ, черни послѣдняго. Псковская знать постаралась сообщить всему общественному устройству такой характеръ, который лишалъ низшіе классы всякой возможности къ нападенію: власть князя была низведена во Псковѣ почти что до нуля, да и посадники не могли похвастать особеннымъ вліяніемъ на дѣла, дѣйствуя свободно только въ рамкахъ, указанныхъ знатью, и натыкаясь, при всякомъ отступленіи отъ нихъ, на такія преграды, преодолѣть которыя они рѣшительно не могли. Оттого весь періодъ самобытнаго существованія Пскова представлялъ, такъ-сказать, тишь да гладь, жизнь текла тамъ почти невозмутимымъ порядкомъ: ничего не слышно о шумныхъ вѣчахъ, извѣстія о междоусобной брани крайне рѣдки, равно какъ рѣдки указанія и на насилія черни [1]). Да и эти рѣдкіе примѣры внутреннихъ смятеній замѣчаются только къ концу самостоятельнаго существованія Пскова, и притомъ, въ важнѣйшемъ случаѣ были были вызваны не столько столкновеніемъ интересовъ различныхъ классовъ общества, сколько давленіемъ сверху, усилившимся вліяніемъ великихъ князей Московскихъ [2]).

Прочность общественнаго устройства пробуется однако не одними внутренними отношеніями, но еще болѣе отношеніями внѣшними, способностью противостоять тѣмъ опасностямъ, которыя

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 91, 1385: «Бысть сѣча Псковичемъ промежи себе, и много бысть мертвыхъ». Тамъ же, IV, 217, 1458: «прибавиша Псковичи зобницы, и палицу привишили къ по(л)зобенью, при посадникѣ степенномъ Алексѣѣ Васильевичѣ, а старыхъ посадниковъ избивъ на вѣчи».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 266, 1483, 1484, 1485.

могли грозить ему со стороны сосѣдей, а здѣсь тѣ же самыя причины, которыя обусловливали внутреннюю устойчивость и спокойствіе Пскова, большею частію становилась источникомъ важныхъ затрудненій. Незначительность области, препятствовавшая образованію мѣстныхъ интересовъ и возникновенію мѣстныхъ стремленій къ самобытности, становилась синонимомъ беззащитности предъ лицомъ сильныхъ сосѣдей, со всѣхъ сторонъ тѣснившихъ Псковскую землю. Точно также и слабость княжеской власти, лишая князей всякой возможности къ враждебнымъ движеніямъ противъ свободы Пскова, вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяла ожидать отъ нихъ сколько-нибудь значительнаго содѣйствія къ поддержанію внѣшней самостоятельности господина Пскова. По причинѣ незавиднаго положенія Псковскаго князя и ежечасной опасности изгнанія, грозившей ему въ случаѣ столкновенія съ Псковичами, сильные князя, которые, подобно Андрею Ольгердовичу въ первый разъ его княженія во Псковѣ въ 1341 году, располагали храброю дружиной и имѣли руку на своей родинѣ, а потому вполнѣ удовлетворяли ожиданіямъ Псковичей, ни мало не дорожили Псковскимъ столомъ, предоставляли равнодушно дѣло управленія своимъ намѣстникамъ, и такимъ образомъ, какъ бы сами добровольно отказывались отъ Псковскаго княженія [1]). Въ такихъ обстоятельствахъ Псковичамъ приходилось или оставаться совсѣмъ безъ князя, что по временамъ дѣйствительно и случалось, или же довольствоваться, какъ то было во время Новгородскаго владычества, мелкими князьями, безъ роду и племени; въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ Псковскіе князья XIV столѣтія отличались этимъ характеромъ, были не чѣмъ инымъ, какъ бѣглецами, гонимыми на родинѣ и искавшими въ своемъ „безвеременьи" пріюта гдѣ либо на чужбинѣ: для примѣра достаточно указать на князей Василія Будиволну, 1357 года, и Андрея Ольгердовича въ послѣдніе два раза его княженія во Псковѣ, а именно въ 1377 и 1394 годахъ [2]). Князья подобнаго рода,

[1]) П. С. Р. Л., IV, 188, 1341; 190, 1348.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 191, 1357: «Пріѣхаша князь Василей Будиволна на княженіе во Псковъ». Кто былъ и откуда явился—неизвѣстно. То же нужно

правда, сами и рады были бы княжить во Псковѣ, но не имѣя ни многочисленной при себѣ дружины, ни вѣрной заручки на родинѣ, они ни мало не соотвѣтствовали потребностямъ Псковичей: гроза, вновь поднимавшаяся въ это время съ запада, требовала отъ Псковичей, чтобы они были готовыми бить вороновъ соколомъ, а сокола-то у нихъ и не было.

Успѣхъ, одержанный Нѣмцами еще въ теченіи XIII столѣтія въ борьбѣ съ Русскими за господство надъ западнымъ берегомъ Великаго озера, побуждалъ ихъ итти дальше и не опускать ни одного удобнаго случая къ расширенію своихъ владѣній и на счетъ сосѣдней Новгородской земли. Отдѣленіе Пскова отъ своего старѣйшаго брата какъ бы предупреждало эти стремленія Нѣмцевъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, какъ бы нарочно не только ослабляло силы ихъ противника, но и поставляло лицомъ къ лицу съ ними даже не самый Новгородъ, а слабѣйшій Псковъ. Потому послѣдніе спѣшили воспользоваться благопріятнымъ для нихъ раздѣленіемъ силъ противника и нанести Русскимъ новый ударъ присвоеніемъ себѣ исключительнаго господства надъ Чудскимъ озеромъ и расширеніемъ своей восточной границы на счетъ сопредѣльныхъ Псковскихъ мѣстностей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти стремленія задѣвали самыя существенныя стороны Псковской жизни, и что при незначительности своей территоріи, Псковичи должны были дорожить каждою пядью своей земли, а въ видахъ поддержанія своего промышленнаго благосостоянія, всѣми силами охранять свою долю господства въ водахъ Чудскаго озера; потому естественно ожидать, что и противодѣйствіе этимъ стремленіямъ будетъ самымъ упорнымъ, и что борьба получитъ съ ихъ стороны характеръ борьбы за существованіе. Интересъ послѣдней становится тѣмъ больше, чѣмъ незначительнѣе пред-

замѣтить и о князѣ Александрѣ, упоминаемъ въ П. С. Р. Л., IV, 192, 1368. Тамъ же, IV, 195, 1377: «Прибѣже князь Андрей Олгердовичь во Псковъ и посадиша его Псковичи на княженіе». Тамъ же, IV, 193, 1387: «Ялъ князя Андрѣя братъ его Скрыгайло лестью въ Полотскѣ». Тамъ же, IV, 194, 1394. «Князь великій Андрѣй Олгердовичь пріѣхалъ изъ Литвы отъ братья изъ нятвы». Съ нимъ же явился, вѣроятно, и сынъ его Иванъ Андреевичъ, княжившій послѣ отца во Псковѣ.

ставляется самъ по себѣ ближайшій предметъ спора, состоявшій всего только въ двухъ или трехъ небольшихъ клочкахъ земли или „обидныхъ мѣстахъ", а именно въ островкѣ Желачкѣ съ окружающею его водою Чудскаго озера, выступѣ противоположнаго ему Псковскаго берега (Озолицѣ?) и въ землѣ за Краснымъ городкомъ, въ юго-западной части Псковской области [1]). Споръ за эти обидныя мѣста открылся около 1362 года, если еще не значительно раньше, именно около 1341 года, когда у Псковичей былъ съѣздъ съ Нѣмцами для улаженія тяжбы изъ за пограничной линіи, окончившійся убіеніемъ семи Псковскихъ пословъ на Опочнѣ, и, будучи поддерживаемъ торговыми столкновеніями, да и въ свою очередь вызывая послѣднія, затянулся больше чѣмъ на цѣлое столѣтіе, въ продолженіи котораго Озолица и Желачка испытывали неоднократныя нашествія со стороны Нѣмцевъ [2]). Во время этихъ нашествій непріятель хозяйничалъ въ спорномъ краю, какъ въ своей собственной землѣ, косилъ тамъ сѣно, хваталъ или избивалъ Псковскихъ рыболововъ, грабилъ и жегъ церкви, построенныя Псковичами [3]). Хотя и Псковичи въ свою очередь старались на практикѣ показать свои верховныя права на спорную землю, предпринимали туда съ этою цѣлью торжественные поѣзды съ княземъ и посадниками во главѣ, косили сѣно, заставляли Псковскихъ рыбаковъ ловить при себѣ рыбу, строили на обидныхъ мѣстахъ церкви и даже городки, какъ напримѣръ, Кобылій пригородъ, а за опустошеніе Нѣмцевъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 193, 1369: «а то разратье бысть съ Нѣмци про Жолчь обида много время, али по 5 лѣтъ». Тамъ же, V, 16, 1370. Тамъ же, IV, 237, 1471: «Такоже повѣстова (Рижскій посолъ) и о желацкой водѣ; такоже и о земли, что за Краснымъ городкомъ».

[2]) B. Hoeneke, Livländ. Reimchr., von Höhlbaum, Leipz. 1872. S. 9—10, 1341: «Alse... de gesanten tho den Russen quemen, mitden sulven eten unnd druncken, togen se darna mit einander na der grentze. Idt wolden averst de Russen ohre grentze na dem olden nicht holden, sondern wiseden en de sulven wol 4 mile neger dem stifte, dar se ore grentze holden unde nicht einen voth breth darvan wiken wolden»... П. С. Р. Л., III, 88, 1362: «пріимаша Псковичи гость нѣмецкіи, поморскіи и заморскіи, а ркуще: «отъимаша Юрьевци съ Вилневици у насъ землю и воду».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 205, 1427: «Нѣмцы на Псковской земли сѣно косиша, и Псковичи ѣхавше въ дву насаду сѣно пожгоша». Тамъ же, IV, 210, 1436.

платили тою же монетою, дѣлали нападенія на нѣмецкіе города и предавали ихъ разоренію [1]); тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣры не только не достигали своей цѣли, — укрѣпленія спорныхъ земель за Псковомъ, но даже вели скорѣе къ противоположнымъ результатамъ. Недостатокъ въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ со стороны названныхъ братьевъ при защитѣ ихъ собственныхъ областей все болѣе и болѣе исполнялъ Нѣмцевъ радужными надеждами, пріучалъ ихъ смотрѣть на Псковъ, какъ на вѣрную добычу, которая рано или поздно, но непремѣнно достанется въ ихъ руки, и заставлялъ заботиться только о томъ, чтобы могущественное Литовское государство, выросшее бокъ-о-бокъ съ ними, не предупредило ихъ въ этихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. Въ этихъ видахъ Нѣмцы не замедлили вступить въ сношенія съ великими князьями литовскими и вскорѣ успѣли уладить дѣло къ обоюдному удовольствію, составивши въ 1398 году, на случай будущихъ завоеваній, планъ полюбовнаго раздѣла наслѣдія Великаго Новгорода. По плану 1398 года Тевтонскій орденъ заранѣе великодушно отказывался отъ всякихъ притязаній на собственно Новгородскія земли, предоставляя вѣдаться съ ними, въ случаѣ покоренія, одной Литвѣ, а Витовтъ, не желая оставаться въ долгу, охотно уступалъ въ полное распоряженіе Нѣмцевъ Псковъ, когда только союзникамъ удастся, отдѣльно или общими силами, подчинить послѣдній своей власти [2]).

Можно было бы по крайней мѣрѣ думать, что въ виду сво-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 218, 1459. «Князь Александръ Васильевичь и посадники Псковскіи, съ мужи Псковичи, ѣхавше на землю св. Троицы, на Озолицу, и на Желачкѣ сѣно покосиша и ловцамъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ и церковь поставиша«. Тамъ же, IV, 221, 1462, ср. съ IV, 237, 1471 Тамъ же, IV, 212, 1444.

[2]) Bunge, U. B., IV, 220, № 1478, 1398 г.: « ortme so sullen wir (магистръ Тевтонскаго ордена) keine vorderunge haben zu grosse Nowgarderland, sunder in welcherleie weise sie betwungen werden, von uns, unserm orden, adir an uns komen sullen bliben deme vorgenanten herren Alexandro»... Тамъ же, IV, 225, № 1479, 1398: «Ceterum terrae ac dominia Ruthenorum de Plescowe, qualitercunque, sive per nos (Витовта) aut per ipsum ordinem, coniunctim aut divisim, acquisitae fuerint, vel alias qualitercunque devenerint, solus ordo easdem perpetuo obtinebit, nec unquam bona fide eundem, quominus easdem obtineat, impediemus». Тамъ же, IV, 415, № 1604, 1402 г.

его опаснаго положенія и недостаточности собственныхъ средствъ къ защитѣ, Псковичи постараются загладить свою ошибку, совершенную чрезъ отдѣленіе отъ Новгорода, и соединятся со своимъ старѣйшимъ братомъ тѣсными узами дружбы на преодолѣніе враждебныхъ сосѣдей. Однако, вопреки ожиданію, отношенія между названными братьями весьма рѣдко отличались дружественнымъ характеромъ, который позволялъ бы разсчитывать на взаимную помощь въ борьбѣ съ сосѣдями; напротивъ того, жалоба на безучастіе Новгородцевъ къ борьбѣ Пскова съ его внѣшними врагами является въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтій въ устахъ Псковскаго лѣтописца точно такимъ же постояннымъ припѣвомъ, какимъ въ послѣдующее время служила жалоба на притѣсненія Московскихъ намѣстниковъ [1]). Причинъ, обусловливавшимъ взаимное неудовольствіе между Великимъ Новгородовъ и Псковомъ и коренившихся большею частію въ остаткахъ прежнимъ отношеній, было не мало. Новгородцы остались уже недовольными поступками Псковичей, сопровождавшими Болотовское жалованье, такъ какъ послѣдніе, вскорѣ послѣ признанія ихъ самобытности, не только оставили подъ Орѣшкомъ Новгородцевъ одними въ борьбѣ со Шведами, но и самое отступленіе совершили въ виду непріятеля, при звукахъ военной музыки. Правда, что Псковичамъ въ это время самимъ грозила опасность со стороны Нѣмцевъ; но какъ бы то ни было, поведеніе ихъ мало могло содѣйствовать упроченію взаимной связи, тѣмъ болѣе, что Псковъ по прежнему продолжалъ служить притономъ для Новгородскихъ бѣглецовъ и авантюристовъ, которые, напроказивъ на своей родинѣ, обыкновенно искали спасенія въ сосѣднемъ Псковѣ [2]). Но такъ какъ Великому Новгороду приходилось нерѣдко самому платиться за буйства своихъ согражданъ, то понятно, что онъ не могъ смотрѣть сквозь паль-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 192—193, 1369; 197, 1406. Тамъ же, IV, 198, 1407: «И тогда Псковичи биша челомъ Новугороду, абы имъ помогли; и они не помогоша Псковичемъ ни мало». Тамъ же, IV, 198 — 199, 1407: «а Новгородци въ то время... испросиша у Витовта князя Лугменя Олгердовича, а все то Псковичемъ въ перечину»... Тамъ же, IV, 200, 1409; 201, 1410; 204, 1426.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 58—59, 1348; 189, 1348; тамъ же, III, 227, 1347.

цы на укрывательство перебѣжчиковъ во Псковѣ, не могъ оставить такое потворство безъ рѣшительнаго противодѣйствія. Дѣйствительно, воспользовавшись первымъ случаемъ, когда Новгородскіе ушкуйники, ограбивъ на Волгѣ гостей Московскихъ, укрылись во Псковѣ отъ преслѣдованія, грозившаго имъ на родинѣ, Великій Новгородъ рѣшился наказать Псковичей оружіемъ: до столкновенія дѣло, впрочемъ, не дошло, такъ какъ послѣдніе поспѣшили уладить его мирно и договоромъ въ Сольцахъ обязались въ 1390 году выдавать не только ушкуйниковъ, но и другихъ бѣглецовъ, выдача которыхъ составляла на Руси одно изъ обыкновенныхъ условій въ договорахъ сосѣдей между собою, а именно: должниковъ, холоповъ и рабынь [1]). Но не успѣло миновать и трехъ лѣтъ, какъ миръ уже былъ нарушенъ: Новгородцы снова очутились въ открытой враждѣ съ Псковичами, и только благодаря содѣйствію Новгородскаго владыки, который, какъ общій пастырь, самъ былъ сильно заинтересованъ въ поддержаніи согласія между названными братьями, и вліянію апокалиптическихъ представленій о предстоящей близко кончинѣ всего міра, волновавшихъ въ то время умы христіанъ, вновь удалось въ 1397 году водворить между сопрящими сторонами добрыя отношенія. Хотя договоръ 1397 года и названъ былъ Вѣчнымъ миромъ, но по непрочности человѣческихъ отношеній, и Вѣчный миръ оказался не вѣченъ: вскорѣ Псковъ вновь поссорился съ Великимъ Новгородомъ, и нужно было новое содѣйствіе владыки для того, чтобы ссора не перешла въ открытую вражду [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 97, 1390: «Ходиша Новгородци съ княземъ Семіономъ Олгердовичемъ на Псковъ ратью, и сташа въ Солци, и Пьсковьскыи послы ту и докончаша съ Новгородци миръ: за должникъ, и за холопъ, и за робу, и кто въ путь ходилъ на Волгу, не стояти Псковичемъ, но выдати ихъ». То же въ П. С. Р. Л., V, 244, VIII, 61.

[2]) П. С. Р. Л., III, 97, 1397: «и владыка Іоаннъ благослови Великій Новъградъ дѣтей своихъ: чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, а свою братію молодшую пріяли бы есте по старинѣ; занеже, дѣти, видите, уже послѣднее время, были бысте за единъ братъ въ христіяньствѣ... и весь Великій Новъградъ .. взяша миръ по старинѣ... занеже не бяшеть миру по 4 годы». Тамъ же, IV, 195, 1397: «взяша миръ вѣчный съ Новымъгородомъ». Тамъ же, IV, 208, 1434.

Въ числѣ причинъ, служившихъ источниковъ постоянныхъ затрудненій между Псковомъ и Новгородомъ и препятствовавшихъ установленію между ними братскаго согласія, необходимаго для борьбы съ внѣшними врагами, было одно обстоятельство, которое, внося раздоръ въ отношенія названныхъ братьевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указывало и на дальнѣйшее направленіе, которое должно было принять теченіе Псковской жизни, не находившей опоры ни въ самой себѣ, ни въ ближайшихъ сосѣдяхъ. Мы говоримъ о церковномъ бытѣ господина Пскова, имѣвшимъ въ жизни послѣдняго вообще немаловажное значеніе. Церковная реформа, совершившаяся во Псковѣ одновременно съ реформою политическою, была далеко не такъ рѣшительна, останавливалась на полдорогѣ, а потому сопровождалась постоянными затрудненіями не только въ домашней жизни Пскова, подъ вліяніемъ которыхъ Псковская церковь получила свой особенный, чрезвычайно любопытный характеръ, но и въ сношеніяхъ съ Новгородскимъ владыкой, а слѣдовательно, посредственно и съ самимъ старѣйшимъ братомъ Пскова Великимъ Новгородомъ. Но внося неудовольствія въ отношенія къ Великому Новгороду, церковныя дѣла естественно обращали взоры Псковичей въ Москвѣ, какъ представительницѣ высшей на Руси духовной власти, приводили ихъ въ прямыя сношенія съ Московскимъ митрополитомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучали смотрѣть на Москву, какъ на единственное мѣсто, могущее оказать имъ дѣйствительную помощь въ борьбѣ съ сосѣдями, и такимъ образомъ, разрѣшить и ихъ политическія затрудненія.

III.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ВО ПСКОВѢ.

Принятіе древнею Русью христіанства, равно какъ и связанныхъ съ нимъ византійскихъ церковныхъ учрежденій, положило конецъ, — если не говорить объ иномъ, еще болѣе общемъ, вліяніи этого явленія,—тому смѣшенію религіи съ политикою, закона съ религіознымъ правиломъ, которое составляло характеристическую черту патріархальнаго періода въ жизни человѣчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно должно было пасть и соединеніе различныхъ властей въ одномъ и томъ же лицѣ, господствовавшее во время родоваго быта и представлявшее наглядное выраженіе смѣшенія религіи съ политикой: съ принятіемъ христіанства, родоначальники и князья, сосредоточивавшіе прежде въ своихъ рукахъ и княжеское, и жреческое званія, теряютъ свое представительство народа передъ богами и уступаютъ эту сторону своей власти служителямъ церкви въ постоянное обладаніе. Однако трудно ожидать, чтобъ отдѣленіе религіи отъ политики сразу получило на Руси полное гражданство и было доведено до всѣхъ своихъ необходимыхъ слѣдствій. Послѣдовательное, систематическое разграниченіе религіи отъ политики возможно только при вполнѣ сознательномъ отношеніи къ принципу заимствуемаго учрежденія: въ противномъ случаѣ ничто не можетъ ручаться за вѣрное воспроизведеніе заимствуемаго института во всѣхъ его частныхъ сторонахъ и проявленіяхъ, такъ какъ послѣднія суть не что иное, какъ только логическія слѣдствія основнаго принципа учрежденія. Но въ древней Руси, очевидно, не могло быть мѣста

для принципіальнаго, сознательнаго заимствованія, такъ какъ ни въ строѣ общественной жизни, ни въ характерѣ народнаго умоначертанія не существовало условій, необходимо требуемыхъ послѣднимъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, за древнерусскимъ церковнымъ устройствомъ естественно не могъ вполнѣ сохраниться характеръ восточной церкви, которая, не смотря на крайнее извращеніе византійской жизни, все же представляла, какъ учрежденіе, стройное цѣлое, слѣдовавшее, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ своихъ очертаніяхъ, одному и тому же принципу и потому отличавшееся извѣстною опредѣленностью и законченностью.

Такимъ образомъ, если съ принятіемъ христіанства вообще и послѣдовало на Руси отдѣленіе религіи отъ политики, если и явилось сознаніе о церкви, какъ о совершенно отдѣльномъ отъ государства учрежденіи, тѣмъ не менѣе это сознаніе было еще такъ смутно, такъ легко ускользало изъ рукъ при примѣненіи къ конкретнымъ фактамъ, что въ организаціи древнерусскаго церковнаго строя замѣчается постоянное отступленіе отъ принятаго разъ принципа, постоянная склонность къ старому смѣшенію понятій, получающему даже, съ теченіемъ времени, все большую и большую силу. Это смѣшеніе понятій обнаруживается въ древнерусской церкви въ двухъ главныхъ формахъ: съ одной стороны—въ нарушеніи церковныхъ границъ, отдѣляющихъ церковную область отъ государственной, съ другой же — въ постепенномъ сглаженіи рубежа, разграничивающаго въ предѣлахъ самой церкви мірскую сторону ея отъ духовной. Въ первомъ отношеніи нужно замѣтить, что церковь, получивъ съ принятіемъ христіанства самостоятельное существованіе, естественно должна была стремиться къ опредѣленію своихъ собственныхъ предѣловъ; но за отсутствіемъ твердаго руководящаго начала, она невольно вторглась при этомъ разграниченіи во многія сферы гражданской жизни, составляющія неотъемлемую принадлежность государства, и такимъ образомъ снова создала нѣкоторое смѣшанное цѣлое. Вторженію церкви въ гражданскую жизнь благопріятствовало какъ абсолютное отсутствіе у государства сознанія о своихъ настоящихъ границахъ (это замѣчается, напримѣръ, въ дѣлахъ семейныхъ),

такъ еще болѣе смѣшеніе частнаго права съ общественнымъ, заставлявшее государство уступать на пользу церкви разныя отрасли правительственной дѣятельности, точно также, какъ оно уступало ей земли, воды и лѣса. Но если въ первомъ, внѣшнемъ отношеніи церковь, за отсутствіемъ твердаго руководящаго начала, перешла за предѣлы своего византійскаго образца, то во второмъ отношеніи, во внутренней организаціи церковныхъ учрежденій, она по той же причинѣ осталась позади, и, подвергшись вліянію окружающей жизни, усвоила себѣ свѣтскій характеръ. Не только въ организаціи церковныхъ учрежденій открывается подражаніе гражданской жизни, но и во взглядѣ на нихъ церковь начинаетъ выдвигать на первый планъ вмѣсто юридической *фискальную* сторону предмета, сообразно съ которою церковныя учрежденія и лица получали значеніе главнымъ образомъ источника доходовъ.

Посредствующимъ звеномъ между этими двумя явленіями, между вторженіемъ церкви въ предѣлы государства и усвоеніемъ церковью свѣтскаго характера, служило хозяйственное положеніе церкви. Въ Великомъ Новгородѣ, хотя уже въ первоначальное время была опредѣлена на содержаніе владыки и каѳедральнаго храма десятина изъ княжескихъ доходовъ [1]), тѣмъ не менѣе десятина вскорѣ должна была уступить первое мѣсто въ содержаніи владыки землямъ, которыя были жертвуемы на пользу церкви. Количество этихъ земель съ теченіемъ времени все возрастало, такъ что въ послѣдстіи Новгородскіе епископы въ числѣ своихъ владѣній считали не только простыя волости, но и городки: такъ, упоминается владычній городокъ Молвотицы [2]). Вслѣдствіе этого обстоятельства Новгородскій владыка носилъ, кромѣ каноническаго, еще и свѣтское значеніе, былъ не просто главою Новгородской церкви, но и первымъ поземельнымъ собственникомъ Великаго Новгорода, и въ качествѣ послѣдняго, пользовался всѣми правами и обязанностями другихъ, подобныхъ ему землевладѣль-

---

[1]) Русск. Достоп., I, 82—85, 1137 г.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 216, 1478 г., III, 143; тамъ же, III, 101, 1401 г.: «Горѣ владычьнь городокъ Молвотици».

цевъ. Съ одной стороны, если владыка и не превращался на Руси въ могущественнаго феодала, у котораго въ одной рукѣ былъ посохъ, а въ другой мечъ, какъ это замѣчается на западѣ, тѣмъ не менѣе обязанъ былъ выставлять со своихъ земель въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенный полкъ, называвшійся владычнимъ стягомъ и состоявшій подъ начальствомъ владычняго воеводы, который распоряжался имъ вполнѣ по инструкціи владыки [1]). Съ другой стороны, въ Великомъ Новгородѣ, вслѣдствіе недостаточнаго сознанія государственнаго принципа, на землевладѣльцахъ лежала обязанность преслѣдованія и представленія на судъ лицъ, сидѣвшихъ, за неимѣніемъ собственной, на чужой землѣ, обязанность, составляющая въ строгомъ смыслѣ неотъемлемую принадлежность государства. Владыка, наравнѣ съ другими землевладѣльцами, несъ на себѣ эту обязанность и при посредствѣ своихъ волостелей и посельниковъ долженъ былъ представлять на судъ людей, снимавшихъ у него земли [2]). Но вмѣстѣ съ этою обязанностью владыка получалъ и право нѣкотораго надзора надъ подчиненнымъ ему людомъ: общее правило, регулировавшее въ Новгородѣ отношенія между земледѣльцами и землевладѣльцами, гласило, что въ отсутствіе господаря земледѣльцы не могли быть судимы въ области княжескими судьями. Надзоръ землевладѣльцевъ однако еще не былъ господствомъ этого класса надъ безземельнымъ людомъ, а только зерномъ, изъ котораго развилось господство въ послѣдствіи: да и то оно возникло не прямо изъ недостаточнаго сознанія о государствѣ, а косвенно, посредствомъ привилегій, передавшихъ въ руки землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ и церкви, значительную долю суда надъ безземельнымъ людомъ.

При смутномъ сознаніи о различіи церковныхъ учрежденій

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 127—128, 1471 г.: «А коневая рать не пошла къ пѣшей рати на срокъ въ пособіе, занеже владычень стягъ не хотяху ударитися на княжую рать, глаголюще: «владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути, послалъ насъ владыка на Псковичь». Ср. А. А. Э., I, 5, № 9, 1389 или 1404 г.

[2]) А. А. Э., I, 72, № 92, 1471 г.: «Ино въ коей волости будетъ отъ владыки волостель или поселникъ, ино имъ поставить того человѣка у суда».

отъ гражданскихъ, такая двойственность въ характерѣ церкви не могла долго существовать безъ того, чтобъ одна сторона не получила преобладающаго значенія надъ другою, свѣтская надъ церковною. На преобладаніе первой указываетъ уже самая внѣшняя обстановка Новгородскаго епископа: владыка обиталъ въ Новгородскомъ дѣтинцѣ не только среди „духовнаго полка", но и въ сосѣдствѣ огромнаго „мірскаго воинства", такъ что дворъ его самъ собою превращался въ точный противень княжескаго оригинала. По патрональному Новгородскому храму св. Софіи мірское воинство владыки, можетъ-быть, и со включеніемъ духовнаго полка, носило названіе *софіянъ*, а по мѣсту служенія при владыкѣ называлось *владычними дворянами* и помѣщалось частью на самомъ владычнемъ дворѣ, частью же неподалеку въ окрестности, на владычнемъ берегу рѣки Волхова, на релькѣ, называвшейся Крюкомъ [1]). Высшую степень между софіянами представляли „нарочитые дворяне" или бояре, которые съ теченіемъ времени пріобрѣли даже, кажется, право наблюденія за владычними дѣйствіями, и потому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что софіяне въ ихъ лицѣ занимали одно изъ первыхъ мѣстъ при самомъ избраніи владыки. Бояре въ свою очередь раздѣлялись на особенныя статьи, совершенно соотвѣтствовавшія княжескимъ, какъ-то: стольниковъ, чашниковъ [2]). Владычній примѣръ не остался безъ подражанія со стороны другихъ, важнѣйшихъ представителей Новгородскаго духовенства: Новгородскій (Юрьевскій) архимандритъ также устроилъ у себя дворъ, также обзавелся стольниками, чашниками, поѣздниками [3]). Но еще важнѣе было вліяніе свѣтскаго характера владыки на самую церковную администрацію, на сглаженіе границы, отдѣлявшей въ предѣлахъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «Новгородьци же съ кн. Ярославомъ, и съ игумены, и съ софьяны, и съ попы, съдумавъше, изволиша Богомъ избрана Мартурія». Тамъ же, V, 42, 1484 г.; тамъ же, VI, 286, 1528 г.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 107, 1418 г.: «Святитель же послуша молеиіа ихъ, посла его съ попомъ да со своимъ бояриномъ». Тамъ же, IV, 128, 1471 г.: «Князь Великій... посѣче 4 боярина...» «между ними «Еремія владычня чашника». Тамъ же, III, 44, 1228 г.: «И разграбиша дворъ его... и Андреичевъ владыцня стольника»; тамъ же, IV, 236, 1471 г.

[3]) Чтенія въ М. О. И. и Д., 1858 г., II, 54.

церкви мірскую сторону отъ духовной. Подъ вліяніемъ своего свѣтскаго характера, владыки начали смотрѣть на самое церковное управленіе, какъ они смотрѣли на управленіе своими вотчинами, а потому мало заботились объ образованіи особенныхъ церковныхъ органовъ: въ своемъ софійскомъ воинствѣ они находили достаточный запасъ средствъ и для управленія собственно церковными дѣлами. Софіянами замѣщались не только мірскія церковныя должности, какъ-то: дьяковъ, позовниковъ, волостелей и посельниковъ, но и собственно церковныя, какъ напримѣръ, владычнихъ намѣстниковъ, десятинниковъ, ключниковъ и казначеевъ; а если временами и случалось, что эти должности попадали въ руки духовныхъ лицъ, то сущность дѣла отъ того ни мало не измѣнялась [1]).

Значеніе мірскаго воинства владыки возрастало еще болѣе, пропорціонально слабости областной архіерейской администраціи, которая представляла повсюду явные слѣды недостаточнаго сознанія византійскихъ церковныхъ учрежденій. Подобно тому, какъ въ мірской области Великаго Новгорода вся правительственная дѣятельность тѣсно сливалась съ самимъ старѣйшимъ городомъ, а въ подчиненныя послѣднему мѣстности проникала съ большимъ трудомъ, точно также и въ церковной жизни замѣчается мало попытокъ дать областному быту прочную организацію, не смотря на то что здѣсь Византія могла бы служить весьма поучительнымъ примѣромъ. Какъ ни обширна была Новгородская земля, какъ ни затруднительно являлось поэтому непосредственное владычнее управленіе, тѣмъ не менѣе между владыкой и первоначальными единицами религіознаго общенія Новгородской земли, церквями и монастырями, совсѣмъ не было самостоятельныхъ посредствующихъ звеньевъ церковныхъ: и областное управленіе все сосредоточивалось въ рукахъ владыки, или, лучше сказать, его воинства; ибо

---

[1]) Пам. Стар. Русск. Лит., IV, 18: «Съй оубо (Евѳимій II) первый казначей во иноцехъ бысть, яко же и лѣпо есть: прежде бо того въ древности вси казначеи міряне бяху». Псковской намѣстникъ ниразу не названъ въ памятникахъ духовнымъ лицемъ; да и Новгородскій, какъ показываетъ П. С. Р. Л., VI, 201—202, 1476 г., назначался изъ свѣтскихъ людей.

самъ владыка, вслѣдствіе разнообразной дѣятельности своей, мало мѣшался въ обыкновенное теченіе церковныхъ дѣлъ, а предоставлялъ это занятіе своему намѣстнику, назначавшемуся изъ софіянъ и служившему отвѣтственнымъ лицемъ въ случаѣ возникновенія какихъ-либо опущеній въ церковномъ судѣ [1]). Такое сосредоточеніе областныхъ дѣлъ въ рукахъ владычняго намѣстника было связано съ обременительными для областнаго духовенства судебными *позвами*. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда къ суду владычняго намѣстника требовались лица, принадлежавшія къ областному духовенству, изъ мірскаго воинства владыки, софіянъ, посылались къ первымъ особенные гонцы, которые и передавали имъ судебное приглашеніе или позовъ на мѣстѣ. Вознагражденіе, которое слѣдовало софіянамъ за путевыя издержки, въ позднѣйшее время Новгородскою судной грамотой было опредѣлено одинаково съ платой, получаемой въ подобныхъ случаяхъ мірскими позовниками, равно какъ и одинаково взималось съ лицъ, проигравшихъ тяжбу [2]).

Но была еще и другая форма, въ которой областныя церковныя дѣла поступали въ вѣдѣніе владычней власти: только въ этомъ случаѣ они разсматривались уже не въ самомъ городѣ, а на мѣстѣ. Для преподанія благословенія своей паствѣ и для обозрѣнія состоянія подвѣдомственной епархіи, владыки имѣли обыкновеніе какъ совершать визитаціи всѣхъ предѣловъ своей церковной области, такъ и посѣщать отдѣльные края послѣдней: то Заволочье, то Корѣльскую землю, то Псковъ; эти церковныя визитаціи, служившія вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ для разбора епархіальныхъ дѣлъ, въ древности назывались *поѣздами* [3]). Подоб-

---

[1]) А. А. Э., I, 71, № 92, 1471 г.

[2]) А. А. Э., I, 70, № 92, 1471 г.: «А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истецъ истца». Тамъ же, I, 70: «А кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять заклàдъ шестнику на сто верстъ по старинѣ; а подвойскимъ, и софьяномъ, и биричемъ, и извѣтникомъ, на сто верстъ четыре гривны». Тамъ же, I, 70: «А закладъ дать виноватому исцю на сто верстъ шестнику».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 119, 1419 г.: «Владыка Семеонъ ѣздилъ по Корѣльской земли». Тамъ же, IV, 125, 1446 г.: «владыка Еуѳимій... поѣха за Волокъ благословити Новгородцкую отчину, и свою архіепископью, и своихъ дѣтей».

но тому, какъ уже въ первоначальное время на содержаніе церкви вообще была назначена десятина изъ княжескихъ доходовъ, такъ точно и на совершеніе церковной визитаціи, если послѣдняя обнимала всю землю, ежегодно отпускалась опредѣленная сумма изъ княжеской казны, самому владыкѣ—десять гривенъ, сопрововождавшему же его священнику—двѣ гривны [1]). Но кажется, что уже въ древнѣйшее время съ церковными поѣздами связывались разные поборы и дары со стороны духовенства въ пользу владыки, точно также какъ князь собиралъ подобные же дары въ формѣ полюдья. Первоначально поборы состояли въ доставленіи владыкѣ и его свитѣ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ и опредѣлялись, по всей вѣроятности, единственно предъявленіемъ запроса; требовалось только, чтобы хлѣба, рыбной и мясной вологи было довольно, овса и сѣна—довольно. Въ послѣдующее время эти поборы съ духовенства, особенно въ тѣхъ краяхъ епархіи, гдѣ утвердились періодическія церковныя визитаціи, обращаются въ постоянныя подъѣздныя пошлины. Нельзя однако предполагать, чтобы церковныя визитаціи служили особенно плодотворнымъ средствомъ при устройствѣ епархіальныхъ дѣлъ; столько-нибудь правильному совершенію имъ мѣшало ужъ одно простое отсутствіе въ Новгородской землѣ надлежащихъ путей сообщенія: потому визитаціи происходили очень рѣдко, обыкновенно въ зимнюю пору, начиная съ октября и до февраля, по причинѣ большихъ удобствъ, представляемыхъ зимнею дорогою [2]).

Непосредственное владычнее управленіе въ главномъ городѣ подвергалось только тому ограниченію, что для рѣшенія неотложнѣйшихъ дѣлъ на мѣстѣ, вся Новгородская епархія была раздѣлена на *десятины*, въ которыя изъ софійскаго воинства назначались отъ владыки довѣренными лицами *десятинники*, вѣдавшіе

---

[1]) Русск. Достоп., I, 85, 1137 г.: «Въ поѣздѣ от всее земли. Владыцѣ і гривенъ, а попоу двѣ гривне».

[2]) П. С. Р. Л., III, 19, 1188 г.: «переставися... Германъ... поя съ собою (его) Пльскову архіепископъ Гаврила... и преставися мѣсяца октября въ 13». Тамъ же, IV, 125, 1446 г.; тамъ же, IV, 202, 1419 г.: «мѣсяца октября 16... пріѣха владыка Симеонъ во Псковъ...» Тамъ же, IV, 214, 1450 г.; 217, 1457 г.

съ своихъ округахъ церкви и собиравшіе пошлины на владыку [1]); а въ главнѣйшія мѣстности, исторически образовавшія большія цѣлыя, особенно съ Двинскую землю или Заволочье или Псковъ, посылались *намѣстники*, называвшіеся въ послѣднемъ, сверхъ того, и просто *владычниками* [2]). Служа представителями владыки въ области, намѣстники соединяли въ своихъ рукахъ все церковное управленіе, какъ мірское, такъ и собственно духовное. Владычники обязаны были наблюдать за доходами съ земель и водъ, которыя отводились владыкѣ въ разныхъ краяхъ епархіи и во Псковѣ были извѣстны подъ именемъ *владычины*, равно какъ и заботиться объ исправномъ отправленіи духовенствомъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ владыкѣ, особенно, когда послѣднія формируются съ теченіемъ времени въ опредѣленныя пошлины [3]). Но главною формой ихъ дѣятельности и въ пригородахъ оставался церковный судъ. Опредѣленіе компетенціи церковнаго суда весьма наглядно представляетъ то смѣшеніе понятій, которое составляетъ характеристическую черту древнерусскаго церковнаго устройства. Суду владычняго намѣстника, отъ котораго совсѣмъ устранялись гражданскія власти—и князь, и посадникъ, подлежали не только дѣла по вѣроученію и церковной дисциплинѣ, не только вся масса дѣлъ, въ которыхъ подсудимыми являлись или духовныя лица, или же люди, относимые къ разряду церковныхъ: все это имѣло мѣсто и въ Византіи, съ нѣкоторыми впрочемъ не неважными ограниченіями [4]). И такъ-называемыя

---

[1]) А. Ю., I, 270, № 257, III, XV вѣка: «а за десятинника ся яло попъ Семенъ и за Софіяне», по случаю ряда попа Семена съ Михайловскимъ монастыремъ. А. А. Э., I, 99, № 91, 1471 г.: «А на Волоцѣ и на Вологдѣ владыцѣ церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ».

[2]) Русск. Достоп., I, 112, 1274 г. Амвросія, И. Р. Г., III, 299—300: «И буди милость Божія... на посадникахъ Двинскихъ... и на владычнѣ намѣстникѣ». П. С. Р. Л., IV, 205, 1427 г. Тамъ же, 233—234, 1470 г.: «Отъ посла отняли отъ Ивана владычника владычня (плеоназмъ)».

[3]) П. Р. С. Л., IV, 118, 1418 г. Тамъ же, IV, 215, 1453 г.: «И тогда владыка Еуѳимій взя Ремду, Ремедскую воду, въ свою владытчину». А. И., I, 520, 1477 г. Ср. А. И., I, 97, № 48, 1449—1460 гг.

[4]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 1: «И владычню намѣстнику судъ и на суду не судитъ князю, ни судіямъ, ни намѣстнику княжа суда не

смѣшанныя дѣла, causae mixtae, касавшіяся въ равной мѣрѣ какъ христіанина, такъ и гражданина, какъ напримѣръ, бракъ и семейныя отношенія, со включеніемъ дѣлъ по наслѣдству, составляли на Руси, при слабости государственнаго организма, исключительную собственность церковнаго вѣдомства, тогда какъ въ Византіи смѣшанныя дѣла исключительно подчинены были государству, и церковь только стремилась пріобрѣсти слѣдующую ей долю участія и въ этой области [1]). Еще замѣчательнѣе было положеніе, занятое церковнымъ судомъ въ томъ случаѣ, когда въ дѣлѣ были замѣшаны и духовныя, и свѣтскія лица. Между тѣмъ какъ въ Византіи, въ случаѣ столкновенія разнородныхъ интересовъ, подсудность опредѣлялась сословіемъ подсудимаго, такъ что на клирика міврянинъ долженъ былъ подавать сначала жалобу епископу, а обращаться съ аппеляціей въ гражданскій судъ только тогда, когда оставался недоволенъ рѣшеніемъ послѣдняго,—на Руси, подъ явленіемъ фискальнаго взгляда на судъ, какъ на доходную статью, выработались *обчіе* или *смѣстные* суды изъ церковныхъ и свѣтскихъ судей, дѣлившихся судебными пошлинами пополамъ [2]).

Тѣ же элементы, что въ архіерейской администраціи, замѣчаются и въ строѣ первоначальныхъ единицъ религіознаго общенія, какъ церквей, такъ и монастырей, а слѣдовательно, и въ положеніи русскаго духовенства, бѣлаго и чернаго. И здѣсь господствовало то же смѣшеніе частнаго права съ общественнымъ, заставлявшее видѣть въ церковныхъ зданіяхъ не что иное, какъ частную собственность лицъ, созидавшихъ храмы. Самъ Новгородскій владыка раздѣлялъ не менѣе другихъ эту точку зрѣнія и имѣлъ свои особенныя, владычнія церкви; однако въ этомъ

судите». Тамъ же, 16: «А попы и діяконы и проскурница и черньча и черница, судить намѣстнику владычьню».

[1]) Riffel, Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat. Mainz, 1836 г., стр. 225—250. Доп. къ А. И., I, 1, № 1.

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 15: «А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ мирянинъ, аже (а не) церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнимъ намѣстникомъ вопчи; такожъ и судіямъ».

случаѣ не могло возникнуть никакихъ затрудненій, такъ какъ аномалія въ лицѣ владыки сглаживалась на мѣстѣ: владыка былъ непосредственнымъ главою какъ своихъ собственныхъ, такъ и всѣхъ остальныхъ храмовъ [1]). Эта точка зрѣнія не допускала никакого дальнѣйшаго распространенія, и потому при перенесеніи ея на лица, постороннія церкви, затрудненія возникли тотчасъ же сами собою: духовенство частныхъ церквей невольно входило въ зависимость отъ своихъ патроновъ, въ ущербъ власти епархіальнаго владыки. Первымъ явленіемъ въ этомъ родѣ въ Великомъ Новгородѣ были княжескія церкви, помѣщавшіяся главнымъ образомъ на Городищѣ и получавшія свое содержаніе отъ князя: причты княжескихъ церквей не считали себя поэтому связанными церковною властью Новгородскаго владыки, предпочитая послѣдней зависимость отъ своего князя-патрона [2]). За то, съ другой стороны, княжеское духовенство было строго отдѣлено отъ собственно Новгородскаго и не допускалось къ пользованію доходами съ принадлежащихъ Новгороду земель; подчиняясь единственно власти князя, оно должно было у него одного искать и средствъ къ своему существованію [3]). Примѣръ князя не остался безъ подражанія со стороны какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ союзовъ—улицъ и торговыхъ товариществъ. Подобно владыкѣ и князю, частныя лица и союзы не только созидали храмы, но и отводили въ пользованіе послѣднихъ земли, какъ это въ особенности имѣло мѣсто во Псковѣ, или же опредѣляли въ пользу церковнаго причта извѣстный денежный или хлѣбный окладъ, называвшійся ругою [4]). Поэтому, тогда какъ каноническое право

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 25, 1199 г.: «Испьсаша цьрковь въ Русѣ св. Спаса, владычьню, въ монастыри». Тамъ же, III, 79, 1339: «кончаша церковь владычьню пищуще».

[2]) П. С. Р. Л., III, 7, 1136 г.: «Оженися Святославъ Ольговиць Новѣгородѣ и вѣньцяся своими попы у св. Николы, а Нифонтъ его не вѣньця, ни попомъ на сватбу ни церенцемъ дасть, глаголя: недостоить ея пояти».

[3]) С. Г. Гр. и Д., I, № 3: «А что еси, княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, далъ еси попу св. Михаила, а городискымъ попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погосте; вдай опять».

[4]) Д. къ А. И., I, 3, № 3, 1134 — 1135 гг.; ср. П. С. Р. Л., VI, 218, 1478 г. Тамъ же, IV, 294, 1522: «Смыслиша князь Михайло Кислица съ со-

старалось оградить жертвуемыя церкви имущества отъ вмѣшательства мірянъ, послѣдніе стали смотрѣть на самыя церкви, вмѣстѣ съ пожалованными имъ имѣніями, какъ на свою частную собственность, а потому патронатъ свой распространяли не только на мірскую сторону церкви, но и на духовную, и притомъ въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ становился въ противорѣчіе съ господствовавшими въ церкви правилами. Каноническими законами патронамъ, были ли это частныя лица, или же цѣлые союзы, предоставлялось только право *презентаціи* или предложенія владыкѣ лицъ, излюбленныхъ для занятія извѣстныхъ церковныхъ мѣстъ. Но на Руси патроны и на священниковъ стали смотрѣть, какъ на подчиненныхъ имъ вполнѣ людей, вслѣдствіе чего русское духовенство получило нѣсколько отличный отъ каноническаго характеръ.

Хотя посвященіе въ древней Руси, сообразно съ каноническимъ правомъ, не было абсолютнымъ, то-есть, такимъ, которое сообщало поставляемымъ лицамъ извѣстную способность, а не извѣстную церковную должность, не мѣсто при извѣстной церкви, тѣмъ не менѣе, при взглядѣ мірянъ на священнослужителей, какъ на подчиненныхъ имъ людей, посвященіе потеряло свой отличный характеръ, усвоенный ему вселенскими соборами—ne quis ordinetur sine titulo,—и сдѣлалось фактически абсолютнымъ. Немного было пользы отъ того, что владыка посвящалъ ставленниковъ только въ извѣстныя церкви, такъ какъ вслѣдствіе неудовольствія паствы послѣдніе легко теряли свои мѣста и такимъ образомъ все-таки оставались при одной способности къ священнодѣйствію. Фактически-абсолютный характеръ посвященія былъ причиною того, что на Руси въ средѣ священнослужителей обыкновенно существовали два большіе отдѣла, изъ которыхъ первый образовался духовенствомъ *мѣстнымъ*, состоявшимъ въ данное время при извѣстныхъ церквахъ, а второй—духовенствомъ *без-*

боромъ св. Троица... церковь поставити обыденную, а гости ялися и ружить». Тамъ же, VI, 299, 1536 г.: «А вседневную замыслиша рядовичи Великого ряду корыстного... и попа другого поставили и ругу обѣщали давати по 3 рубли на всякъ годъ».

мѣстнымъ, потерявшимъ, вслѣдствіе неблагорасположенія паствы, свои мѣста, на кои оно было первоначально посвящено. Хорошо еще, если безмѣстному священству скоро представлялся благопріятный случай выйдти изъ своего тяжелаго положенія, если въ какомъ-либо краю епархіи открывался сильный недостатокъ въ священнослужителяхъ, какъ это, напримѣръ, было въ 1388 году, когда Псковичи просили у Новгородцевъ поповъ, „которые ходятъ попы безъ церкви“ [1]). Въ противномъ случаѣ, до полученія новаго мѣста, безмѣстнымъ священнослужителямъ естественно приходилось пользоваться своею способностью только временно, отправлять службу лишь по найму, въ замѣнъ мѣстныхъ священниковъ: послѣднее случалось обыкновенно тогда, когда мѣстные попы не могли по какимъ-либо причинамъ сами совершать службы въ извѣстное время [2]). Однако безмѣстные священнослужители рѣдко оставались въ такомъ выжидательномъ положеніи; гораздо чаще, взявъ съ собою ставленную грамоту, свидѣтельствовавшую о ихъ способности къ священствованію, равно какъ и отпускную, дозволявшую имъ искать мѣста въ чужихъ краяхъ, они сами пускались въ поиски за должностью.

Вообще, духовенство въ древности было столь же мало осѣдлымъ, какъ и остальное населеніе; оно также находилось въ постоянномъ движеніи, которое не ограничивалось предѣлами одного роднаго края; нерѣдко духовенство переходило изъ одной мѣстности древней Руси въ другую. Такъ, въ позднѣйшее время священнослужители, принадлежавшіе какъ къ бѣлому, такъ и черному духовенству, являлись во Псковъ не только изъ Новгородскихъ, Московскихъ и Тверскихъ предѣловъ, но и изъ Литвы [3]),

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 96, 1388 г.: «Псковичи пріѣздиша ко владыцѣ Ивану прошати поповъ во Псковъ къ церквамъ, которыи ходятъ попы безъ церкви».

[2]) Евгеній, Исторія княжества Псковскаго, II, 90; А. А. Э., I, 441, № 360, 1594 г.

[3]) А. И., I, 61, № 31, 1420 г. Евгеній; И. К. П., II, 82 — 83, 1528 г.: «Да что во Псковѣ черные попы и бѣлые и діаконы съ Москвы и изъ-за Твери и изъ Новгорода и изъ Литвы, да у церквей служатъ, а старостамъ пшти соборскимъ то невѣдомо, есть ли у нихъ ставленыя грамоты и отпускныя, или нѣтъ, и свершены ли въ попы, или не свершены, и есть ли у нихъ жены, или нѣтъ, да подъ мѣстныхъ игуменовъ и священниковъ подку-

вступали въ сдѣлку съ прихожанами церкви и по заключеніи условій приступали къ отправленію своихъ обязанностей. Такимъ образомъ, право презентаціи, предоставленное каноническими законами мірянамъ, превратилось въ древней Руси въ чистый наемъ священнослужителей, въ которомъ многіе историки несправедливо искали слѣдовъ выборной службы,—ибо даже самая презентація въ строгомъ смыслѣ еще не можетъ считаться за право выбора духовныхъ лицъ. Въ контрактахъ, заключаемыхъ духовенствомъ съ прихожанами объ условіяхъ найма, опредѣлялось время, въ продолженіе котораго священникъ обязывался совершать богослуженіе, напримѣръ, годичный срокъ; службы, которыя онъ долженъ былъ совершать въ различные дни; требы, за отправленіе которыхъ ему не полагалось брать пошлинъ съ прихожанъ; въ контракты же включались и условія о томъ, чтобы прихожанамъ не удалять безъ вины священника даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній захотѣлъ бы остаться при церкви и по прошествіи срока найма [1]). При отсутствіи настоящаго понятія о церковной должности, подобное ограниченіе не имѣло особой силы: къ вящшему замѣшательству церкви, прихожане, безъ вѣдома церковнаго начальства, удаляли, не стѣсняясь никакими условіями, однихъ священнослужителей и поряжали другихъ. Въ этой перемѣнѣ причта прихожане находили удобное средство срывать съ перваго нѣчто и въ свою пользу, вслѣдствіе чего въ приходѣ нерѣдко образовывались партіи; да и сами безмѣстные священники, лишь бы только не ходить безъ церкви, были готовы не только на подкупъ прихожанъ, но даже и на пониженіе договорныхъ условій: этимъ способомъ они легко оттѣсняли приходское духовенство, которому въ свою очередь приходилось волочиться безъ мѣста [2]).

паются, а старые игумены и священноиноки и священники и діаконы тутошніе жильцы волочатся безъ мѣстъ».

[1]) А. Ю., I, 199, № 185, 1588 г.

[2]) Евгеній, И. К. П., II, 84—85, 1528 г.: «Да били мнѣ челомъ старосты шти-соборскіе... что деи они по моему наказу поучаютъ дѣтей своихъ духовныхъ, а они деи ихъ не слушаютъ, да съ мірскими людьми и игуменовъ и священноиноковъ и священниковъ отъ церквей безъ моего вѣдома отсылаютъ; и азъ приказалъ намѣстнику своему того беречь накрѣпко, чтобы

Посвященіе служило границей, отдѣлявшею ставленниковъ отъ остальнаго міра и вводившей ихъ во всѣ права и обязанности, свойственныя духовенству. Со своими обязанностями посвящаемыя лица встрѣчались на самомъ порогѣ, отдѣлявшемъ мірянъ отъ духовенства, такъ какъ уже простое посвященіе не могою быть совершено безъ нѣкоторыхъ расходовъ со стороны ставленниковъ, количество которыхъ Владимірскимъ сборомъ 1274 года было опредѣлено въ семь гривенъ за посвященіе въ оба сана — и дьякона, и священника вмѣстѣ. Опредѣленіе это не возникло на Руси, а было заимствовано изъ византійской церкви, гдѣ протори при ставленіи распредѣлялись по степенямъ, въ которыя приходилось посвящаться, такъ что дьякъ платилъ одну златницу, дьяконъ же и священникъ вносили по три, слѣдовательно, общая сумма и тамъ составляла 7 златницъ [1]). Но настоящія обязанности духовенства къ своему владыкѣ, посредствомъ которыхъ они обращались въ оброчныхъ, тяглыхъ людей послѣдняго, возникли изъ церковныхъ визитацій. Хотя на совершеніе визитацій и была опредѣлена нѣкоторая ежегодная сумма изъ княжеской казны, тѣмъ не менѣе уже въ первоначальный періодъ владыки старались привлечь къ покрытію расходовъ по визитаціи и свою епархію. Но владычніе поборы падали не на приходы, которые строили и содержали церкви, даже не на храмы, являвшіеся представителями извѣстныхъ церковныхъ доходовъ, а напротивъ того, на самихъ духовныхъ лицъ, которыя такимъ образомъ естественно превращались въ тяглыхъ людей своего владыки. Тамъ, гдѣ съ теченіемъ времени водворяются періодическія церковныя визитаціи (такое явленіе замѣчается, напримѣръ, во Псковѣ), обязанность духовенства покрывать владычніе расходы организуется въ двѣ отдѣльныя подъѣздныя пошлины, а именно: *по-*

безъ моего вѣдома отъ церквей игуменовъ и священноиноковъ и діаконовъ не отсылали, а иныхъ не поряживали». А. И., V, 200, № 122, 1685 г.; А. А. Э., IV, № 331.

[1]) Рус. Достоп., I, 112, 1274 г.: «Не взимати же оу них ничтоже, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополии, да боудеть се въ всѣхъ епископьяхъ, да възмуть клирошане З (7) гривенъ от поповьства и от дьяконьства от обоего». А. И., I, 44, № 21, 1416 г.

плѣшиную, которая взималась съ головы или „плѣши", тонзуры, гуменца (отъ слова *гумно*, однокореннаго, по всей вѣроятности, съ gumnós, голый) и выражалась въ деньгахъ, и величина которой измѣнялась сообразно съ обстоятельствами [1]); и *кормъ* или кормовую, бывшую первоначально неопредѣленною и обнимавшую все разнообразіе житейскихъ потребностей, необходимыхъ во время подъѣзда какъ для самаго владыки, такъ и для его людей и лошадей. Отъ этихъ пошлинъ не избавлялись ни безмѣстные священники, ходившіе безъ церкви, ни черное, монашествующее духовенство.

Духовенство, сдѣлавшись, подъ вліяніемъ фискальнаго взгляда на церковныя учрежденія, тяглыми людьми своего владыки, естественно стремилось къ полному освобожденію себя отъ тягла общественнаго, которое лежало на нихъ не какъ на извѣстныхъ лицахъ,—отъ личныхъ обязанностей духовенство избавлялось уже каноническимъ правомъ [2]),—а какъ на представителяхъ извѣстной собственности; короче, стремилось къ полному освобожденію и отъ реальныхъ общественныхъ тягостей, падавшихъ какъ на его собственныя, такъ и на церковныя земли. На западѣ, исходя изъ божественнаго права, церковь добивалась абсолютной свободы, то-есть, изъятія отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, въ то время весьма немногочисленныхъ, не отказываясь однако отъ своихъ гражданскихъ правъ: духовенство хотѣло тамъ пользоваться защитою городскихъ стѣнъ и военной силы, но отрекалось отъ всякаго участія въ постройкѣ крѣпостей и доставленіи ратниковъ. Подобныя стремленія духовенства къ абсолютной свободѣ замѣчаются и на востокѣ, въ древней Руси. И какъ на западѣ церковь, для обоснованія своихъ притязаній, ссылалась преимущественно на Ветхій Завѣтъ, который по своей неясности могъ слу-

---

[1]) Пск. Губ. Вѣд. 1841, № 26, приб. стр. 159. «Въ расходной же 144 (1636) года казначея старца Андрѣяна записано: «Какъ были владычни дѣти боярскіе о поплѣшныхъ владычнихъ пошлинахъ, и въ тѣ поры снесли къ нимъ хлѣба и калачей и рыбы на 4 алтына».

[2]) П. С. Р. Л , II, 40, 1148 г.: «Княже! ать же поидемъ, и всяка душа, аче и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и тъи поидетъ (въ походъ), а кто поставленъ, ать Бога молить».

жить обильнымъ источникомъ для всякаго рода доказательствъ, такъ и на Руси подобную же услугу оказывало греческое (византійское) церковное законодательство, номоканонъ. Дѣйствительно, хотя въ Византіи земли церквей и духовенства и не были свободны отъ обыкновенныхъ, поголовныхъ повинностей, тѣмъ не менѣе онѣ освобождались отъ обязанностей чрезвычайныхъ и низкихъ, munera sordida et extraordinaria. Понятіе о низкихъ повинностяхъ въ Византіи не было строго опредѣлено и съ теченіемъ времени подвергалось разнымъ измѣненіямъ: въ числѣ разнообразныхъ тягостей, обнимаемыхъ имъ, встрѣчаются, между прочимъ, заботы о продовольствіи солдатъ и постройка крѣпостей [1]). Эти постановленія каноническаго права легко могли подать поводъ Псковичамъ стремиться къ освобожденію своихъ земель не только отъ участія въ постройкѣ крѣпостей, но и отъ набора со своихъ земель ратниковъ [2]).

Стремленіе духовенства къ освобожденію себя отъ реальныхъ общественныхъ обязанностей получило тѣмъ большее значеніе, что оно не ограничивалось тѣсными рамками одного клира, а распространялось и на людей, почему либо соприкасавшихся съ церковью. Уже въ древнѣйшій періодъ въ церкви существовало мнѣніе, смотрѣвшее на *поповичей*, какъ на естественныхъ преемниковъ значенія священниковъ, а потому старавшееся сообщить имъ по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя фактическія преимущества духовнаго званія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда поповичи оказывались не знающими грамоты, а слѣдовательно, и не могущими разчитывать на занятіе церковной должности и въ будущемъ, они, хотя и исключались изъ среды собственно духовенства, тѣмъ не менѣе продолжали считаться церковными людьми, наравнѣ съ разными богадѣльными лицами, и пользовались покровительствомъ

---

[1]) Riffel, Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat, I, 157, 156, 162, 164.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 269, 1495 г.: «И Псковичи срубили съ десяти сохъ человѣкъ конный, да и со священниковъ и со діяконовъ почали рубити; и священники нашли въ правилѣхъ св. Отецъ въ Манаканунѣ, что написано яко не подобаетъ съ церковной земли рубитися»... Тамъ же: «И не взяша съ нихъ ничего въ помочь».

церкви съ его особыми привилегіями. Но и это накопленіе церковныхъ людей для общества было также тяжело, какъ и увеличеніе количества духовныхъ лицъ; поэтому постановленіе о поповичахъ съ теченіемъ времени подверглось нѣкоторому измѣненію. Сыновья священнослужителей стали считаться церковными людьми только тогда, когда они жили на содержаніи у своихъ родителей; въ противномъ же случаѣ, когда они обзаводились собственнымъ хозяйствомъ, ихъ относили къ мірскому вѣдомству [1]). Неизвѣстно только, на сколько послѣднее опредѣленіе прилагалось къ Новгородской церкви.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ была перенесена изъ Византіи въ Русь и другая единица религіознаго общенія, монастырь, и приняла тамъ весьма разнообразныя формы. Однако, изъ всѣхъ этихъ формъ на сѣверѣ Руси особенно преобладала одна. Тамъ не пользовались значительнымъ развитіемъ ни пустынножительство, сообразно съ которымъ каждый отдѣльный монахъ ужь и образовалъ особенный монастырь, ни общежительство, состоявшее въ полномъ общеніи лицъ, которыя поступали въ монастырь. Та и другая форма иноческой жизни уступали первое мѣсто въ своемъ распространеніи въ обществѣ третьей *отшельничеству* [2]). Если посвященіе священнослужителей и не было абсолютнымъ канонически, за то становилось таковымъ практически, такъ какъ всегда существовали священники, не имѣвшіе опредѣленныхъ мѣстъ, то при постриженіи въ монашество не требовалось непремѣнно указанія на опредѣленный монастырь, въ который данное лицо намѣревалось постричься. Поэтому въ обществѣ нерѣдко встрѣчались монахи и монахини, которые, постригшись, оставались въ міру, жили у своихъ родственниковъ и

---

[1]) Повѣсть о нач. Печерск. монаст. Псковъ, 1849, стр. 98—104: «А се церковные люди... изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ». С. Г. Гр. и Д., II, № 2, 1266—1267 гг.; А. А. Э., I, 5, № 9, 1404 г.: «А попович, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичь; а который попович отдѣленъ и живетъ опричь отца, а хлѣбъ ѣстъ свой, а то мой князя Великого».

[2]) А. И., I, 52, № 26, 1418 г.: Митр. Фотій въ Снѣтогорскій монастырь: «Понеже три чины суть иночства: 1) общее по всему житье; 2) отшелство,

посѣщали разныя церкви, наравнѣ съ прочими прихожанами [1]). Но гораздо чаще случалось, что монахи поселялись въ числѣ двухъ-трехъ около какой либо церкви, и такимъ образомъ, полагали начало монастырю; изрѣдка число монаховъ доходило до шести-семи: въ такомъ случаѣ монастырь считался уже большимъ. Такой характеръ монашеской жизни вполнѣ совпадалъ съ тогдашнимъ общимъ характеромъ церкви. Лицо, желавшее удалиться отъ міра, строило себѣ свою собственную церковь, постригалось при ней и привлекало къ себѣ нѣсколько другихъ отшельниковъ, тѣмъ болѣе, что относительно послѣднихъ оно не налагало на себя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, ибо въ подобныхъ монастыряхъ каждый монахъ жилъ совершенно особенно, въ отдѣльной хижинѣ, кельѣ, отправлялъ тамъ свою трапезу, обладалъ частною собственностью, которою распоряжался по своему усмотрѣнію, не имѣя съ другими монахами того же монастыря никакой связи, за исключеніемъ развѣ религіознаго общенія въ храмѣ: оттого монахи „были одержимы всякими житейскими печалями" [2]). Съ раздѣльнымъ монашескимъ существованіемъ было тѣсно связано другое явленіе, на первый взглядъ кажущееся совершенно непонятнымъ, именно возникновеніе такихъ монастырей, въ которыхъ находились какъ чернецы, такъ и черницы, и въ которыхъ начальствовали игумены, а не игуменьи съ священниками-бѣльцами: оттого такіе отшельническіе монастыри назывались, кажется, *общими*. Странность явленія, которую преосвященный Макарій несправедливо пытался объяснить признаніемъ черницъ за особенный, только приписной къ мужскому, монастырь, нѣсколько сгладится, если принять во вниманіе раздѣльное жительство членовъ монастыря. Отшельническій монастырь есть

два или три; 3) особное каждаго житіе въ монастыри, преданное внимающимъ понести великаго и жестокаго житья».

[1]) Шуйскіе акты, № 56, 1643 г.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 284, 1528 г.: «А преже бо сего токмо велицыи монастыри во общины быша и по чину, а прочіи монастыри, иже окрестъ града, особь живущи, коиждо себѣ въ келіяхъ ядяху и всякими житейскими печалми одержими бяху; а въ лучшихъ монастырѣхъ 6 черньцовъ или 7, а въ прочихъ два или 3».

собственно только мѣсто религіознаго общенія: монахи и монахини относились къ нему почти также, какъ прихожане къ своей церкви [1]).

Но хотя форма отшельническихъ монастырей и преобладала на сѣверѣ, тѣмъ не менѣе иногда встрѣчаются въ сѣверной Руси и общежительные монастыри, принадлежавшіе, впрочемъ, къ разряду самыхъ значительныхъ. Число такихъ монастырей поэтому было весьма ограничено; въ этомъ не трудно убѣдиться, если только вспомнить, что въ одномъ Великомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ еще въ XVI столѣтіи встрѣчается около 18-и монастырей, въ которыхъ не было и помину объ общинѣ или общежительствѣ [2]). Даже и въ этомъ маломъ случаѣ общежительныхъ монастырей общежительство было, какъ показываетъ примѣръ Псковскаго Снѣтогорскаго монастыря, болѣе въ зародышѣ, чѣмъ въ живой дѣйствительности. Общежительство существовало безъ опредѣленнаго, письменнаго устава, столько-нибудь регулировавшаго отношенія монаховъ, и состояло главнымъ образомъ въ одномъ сожительствѣ. Общая трапеза соблюдалась не строго, равно какъ не строго устранялась и частная собственность: сообразно съ своими частными средствами монахи держали отдѣльное хозяйство, облекались въ нѣмецкое сукно и бараньи шубы съ пухомъ [3]). Существованіе частной собственности въ монастыряхъ давало поводъ мірянамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла и приготовляло такимъ образомъ для церкви немалыя затрудненія: имущество, остававшееся по смерти монаха, дѣлалось яблокомъ раздора между монастыремъ и наслѣдниками перваго, дѣтьми или родственниками, и влекло за собою въ дальнѣйшемъ вмѣшатель-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 278, 1504 г.: «А что въ монастырѣхъ въ одномъ мѣстѣ жили чернцы и черницы, а служили у них игумены»... Тамъ же, III, 108, 1418 г.: «Воскресеніе Христово общи монастырь»; тамъ же, III, 138, 236, VIII, 14—15, 1367 г.; А. А. Э., IV, № 226.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 285, 1528 г.

[3]) А. И., I, 52, № 26, 1418 г.: «А повѣдаете ми (Фотію) и пишете, что того устава его ктиторова у васъ написанаго и не было». А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «А одѣніе потребное имати у игумена, обычныи, а не нѣмечскыхъ суконъ; а шюбы боранья носити безъ пуху». Тамъ же, I, 510, № 278, 1469—1473 г.

ство свѣтской власти [1]). Попытки къ устраненію возникавшихъ этимъ путемъ безпорядковъ относятся уже къ позднѣйшей исторіи.

Непрерывныя видоизмѣненія, которымъ подвергалась древнерусская политическая организація, не позволяютъ ожидать, чтобы постоянно сохранялась полная соотвѣтственность между церковнымъ обществомъ и обществомъ гражданскимъ, чтобы церковное раздѣленіе на епархіи не становилось въ противорѣчіе съ политическимъ раздѣленіемъ на земли и княженія. Напротивъ того, естественно думать, что эта соотвѣтственность нерѣдко будетъ нарушаться, вслѣдствіе чего церковная организація будетъ постоянно стремиться къ равновѣсію съ организаціей политическою, раздѣленіе на епархіи—идти по слѣдамъ за раздѣленіемъ на земли. Дѣйствительно, каждая обособившаяся въ политическомъ отношеніи часть Русской земли старалась произнести такое же обособленіе и въ церковномъ, тѣмъ болѣе что самостоятельность церкви отражалась и на политическомъ организмѣ, сообщая послѣднему большую независимость въ ряду другихъ русскихъ земель. Обыкновенною формой, въ которой осуществлялись подобныя стремленія, служило учрежденіе особенной епархіи, глава которой по назначенію своему исключительно зависѣлъ отъ мѣстнаго политическаго организма; послѣднее обстоятельство сообщало епархіямъ, на которыя распадалась русская національная церковь, политическій характеръ: епархіи чрезъ это превращались въ *мѣстныя* церкви. Великій Новгородъ, рано успѣвшій завоевать себѣ политическую независимость, рано добился и соотвѣтственности церковнаго общества съ гражданскимъ, а потому въ исторіи его замѣчается собственно только заключительный актъ церковной борьбы, клонившійся къ устраненію остатковъ вліянія главы всей русской церкви на дѣла Новгородской епархіи, вліянія, парализировавшаго значеніе Новгородскаго владыки, который даже за свою политическую дѣятельность легко могъ подвергнуться церковной отвѣтственности въ Москвѣ. Но не успѣлъ еще Новгородъ окончательно свести счеты съ Московскимъ митрополитомъ, какъ въ его

---

[1]) А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 г.

собственныхъ предѣлахъ уже возникли совершенно тождественныя затрудненія: достигнувъ въ началѣ XIV столѣтія фактической независимости отъ Новгорода въ политическомъ отношеніи, Псковъ, его молодшій братъ, начинаетъ тяготиться несоотвѣтствіемъ политической самостоятельности съ церковною зависимостью отъ Новгородскаго епископа и затѣваетъ въ 1307 году ссору съ владыкою Ѳеоктистомъ и Новгородцами, по всей вѣроятности, вслѣдствіе неблагосклоннаго пріема послѣднимъ предложенія со стороны Псковичей объ измѣненіи въ устройствѣ Псковской церкви [1]). Если, съ одной стороны, это позднее обнаруженіе стремленій къ церковной самостоятельности даетъ возможность прослѣдить вполнѣ какъ поучительную исторію церковной борьбы, такъ вмѣстѣ и состояніе русской церкви вообще, за то съ другой стороны—оно было не особенно благопріятно для Псковичей, такъ какъ въ это время возникаетъ мысль о собираніи Русской земли въ одно цѣлое, мысль, находившаяся въ полномъ противорѣчіи съ мѣстными обособленіями.

Вопросъ объ основаніи отдѣльной епархіи во Псковѣ, представляющійся нашимъ глазамъ столь простымъ, въ разсматриваемое время, вслѣдствіе своего политическаго характера, являлся столь сложнымъ и запутаннымъ, столь подверженнымъ разнымъ постороннимъ вліяніямъ, что Псковичамъ никакъ нельзя было разсчитывать на однѣ собственныя силы для его успѣшнаго разрѣшенія. Потому, добившись политическаго отдѣленія отъ Новгорода при содѣйствіи литовскихъ князей, Псковичи естественно должны были обратиться къ послѣднимъ и съ церковнымъ вопросомъ, въ надеждѣ, что Литва поможетъ имъ привести въ равновѣсіе церковное общество съ гражданскимъ, поможетъ замѣнить власть Новгородскаго владыки властью выборнаго Псковскаго епископа. Надежды эти не были безосновательны, такъ какъ великіе князья литовскіе, подчиняя своей власти юго-западныя русскія области, въ то же время не опускали изъ вниманія и областей сѣверо-западныхъ, Великаго Новгорода и Пскова, и если

[1]) П. С. Р. Л., IV, 183, 1307 г.: «Бысть Псковичемъ немирье со владыкою Ѳеоктистомъ и съ Новогородци».

еще не обнаруживали завоевательныхъ наклонностей, тѣмъ не менѣе, стараясь подготовить подчиненіе этихъ земель въ будущемъ, считали всякое вмѣшательство въ дѣла послѣднихъ своею прямою обязанностью. Поэтому, они не только назначали своихъ князей намѣстниками во Псковъ, не только признавали даже русскихъ князей въ качествѣ послѣднихъ, но и дружелюбно встрѣтили въ 1331 году попытку Псковичей основать у себя отдѣльную отъ Новгорода епископскую каѳедру, надѣясь въ свою очередь, что церковное обособленіе Пскова будетъ содѣйствовать скорѣйшему переходу послѣдняго подъ литовскую опеку. Литовскіе послы немедленно присоединились къ Псковскимъ для сопутствія нареченнаго Псковскаго епископа Арсенія, ѣхавшаго на Волынь къ митрополиту Ѳеогносту на ставленіе. Успѣхъ двойнаго посольства казался весьма вѣроятнымъ: митрополитъ, отъ котораго зависѣло осуществленіе этого плана, предположительно долженъ былъ уважить ходатайство литовскихъ князей, такъ какъ значительная часть его паствы находилась въ литовскихъ владѣніяхъ, да и сама первопрестольная каѳедра была въ Кіевѣ, литовскомъ городѣ. Не смотря на всю свою вѣроятность, разсчетъ на дѣлѣ оказался ошибочнымъ. Хотя для митрополита и были дороги интересы церкви въ литовскихъ владѣніяхъ, но еще дороже была связь съ Москвою, которая такимъ образомъ начинаетъ играть опредѣлительную роль въ дѣлахъ Пскова раньше, чѣмъ послѣдній приходитъ въ прямыя сношенія съ нею, чтобы не сказать раньше, чѣмъ онъ это замѣчаетъ. Въ Москвѣ на дѣло основанія отдѣльной епархіи во Псковѣ, равносильное съ водвореніемъ тамъ мѣстной церкви, смотрѣли совершенно иными глазами, чѣмъ въ Литвѣ: являясь представительницей идеи единой Русской земли, Москва въ особенности должна была настаивать на сохраненіи status quo въ церковныхъ дѣлахъ Пскова, такъ какъ оно частію препятствовало осуществленію литовскихъ плановъ, частію же обусловливало невозможность тѣсной связи между двумя названными братьями. Эти соображенія, исходившія отъ великаго князя Московскаго, опредѣлили и дальнѣйшее поведеніе митрополита: попытка Псковичей основать у себя особенную вла-

дычную каѳедру при содѣйствіи Литвы рушилась отъ несогласія митрополита и вызвала только горькую насмѣшку со стороны Новгородскаго лѣтописца надъ Псковскимъ высокоуміемъ, которое подверглось такому сильному позору въ неудачной поѣздкѣ старца Арсенія, предпринятой помимо Новгородцевъ [1]).

Противодѣйствіе, встрѣченное Псковичами при осуществленіи своего плана привести обыкновеннымъ путемъ въ согласіе церковную организацію съ политическою, имѣло глубокое вліяніе на послѣдующую исторію Пскова: оно не отклонило Псковичей отъ дальнѣйшихъ попытокъ, а только сообщило имъ, равно какъ и всей Псковской церкви, безпримѣрный въ русской исторіи *демократическій* характеръ, который многіе писатели, и духовные и свѣтскіе, постоянно, но безосновательно смѣшиваютъ съ пресвитеріанскимъ. Подъ пресвитеріанскою системою церкви разумѣется такая, въ которой церковное управленіе принадлежитъ какъ клиру, такъ и обществу вѣрующихъ, тогда какъ въ демократической системѣ все управленіе сосредоточивается въ рукахъ одного клира: а именно послѣднее и было цѣлью, къ которой необходимо должно было стремиться Псковское церковное развитіе послѣ испытанной неудачи. Дѣйствительно, если нельзя было устранить противорѣчіе между церковною и гражданскою областями сверху, если нельзя было учредить во Псковѣ особенную епархію, то оставалось только стремиться къ смягченію этой несоотвѣтственности, къ ограниченію власти епархіальнаго владыки и къ предоставленію большаго значенія не обществу вѣрующихъ, а именно клиру, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи можно было надѣяться на уступки со стороны самихъ Новгородцевъ. Ограниченіе же владычней власти естественно могло состоять не въ чемъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 52, 1331 г.: «Пріѣхаша послы изъ Пскова отъ князя Александра, и отъ Гедимина, и отъ всѣхъ князей литовьскихъ, къ митрополиту, и приведоша съ собою Арсенья, хотяще его поставити на владычество въ Псковъ, неповторивше Новагорода ни во что же, възнесшеся высоуміемъ своимъ; но Богъ всегда низлагаетъ высокомыслящихъ, зане Псковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили собѣ Александра на столѣ изъ литовьскія руки. Арсеній же съ Псковичи поѣха посрамленъ отъ митрополита изъ Волыньской земли на Кіевъ».

иномъ, какъ въ устраненіи централизаціи, которая господствовала въ архіерейскомъ управленіи и выражалась, съ одной стороны, въ правѣ владыки назначать во Псковъ намѣстниковъ изъ своего Софійскаго воинства, съ другой же—въ правѣ призывать къ себѣ въ Новгородъ на судъ Псковское духовенство. Въ первомъ отношеніи нужно замѣтить, что такъ какъ владычній намѣстникъ назначался не иначе, какъ изъ Новгородцевъ, изъ лицъ, окружавшихъ владыку, то онъ естественно заботился только объ однихъ интересахъ владыки и не побуждался обращать вниманіе на Псковичей даже своимъ происхожденіемъ. Для Псковичей владычникъ былъ лицомъ совершенно чужимъ, и они дѣйствительно смотрѣли на него, какъ на чужаго: этимъ объясняется, между прочимъ, и та ничтожная роль, какую игралъ владычникъ первоначально въ политической жизни Пскова, тѣмъ болѣе, что намѣстникъ не былъ не только важнымъ, но даже и простымъ духовнымъ лицомъ. Во второмъ отношеніи, въ отношеніи права владыки призывать Псковичей къ себѣ на судъ въ Новгородъ по дѣламъ церковнымъ, приходится собственно повторить только то, что уже раньше сказано о судебныхъ позвахъ вообще: само собой понятно, что какъ Псковичи, такъ и Псковское духовенство смотрѣли недружелюбно и на судебные позвы по церковнымъ дѣламъ, такъ какъ затрудненія, связанныя съ послѣдними, были одинаково отяготительны, какъ и въ дѣлахъ мірскихъ. Понятно поэтому, что Псковичи, не имѣя возможности избавиться отъ власти Новгородскаго владыки вполнѣ, на первыхъ же порахъ постарались устранить это непопулярное право. Стремленіе Псковичей къ ограниченію владычней централизаціи заслуживало тѣмъ большаго уваженія со стороны Великаго Новгорода, что сами Новгородцы тяготились совершенно тождественными правами Московскаго митрополита относительно Новгородскаго духовенства и въ своемъ неудовольствіи дошли въ послѣдствіи до рѣшительнаго столкновенія съ послѣднимъ.

Новый планъ, составленный Псковичами для устраненія противорѣчія между церковною областью и гражданскою, посредствомъ ограниченія владычней централизаціи, и носившій на себѣ

исключительно церковный характеръ, былъ гораздо проще и не нуждался ни въ согласiи великаго князя, ни въ признанiи митрополита, а единственно зависѣлъ отъ принятiя Великимъ Новгородомъ и его владыкою: да къ тому же и сами Новгородцы не могли остаться глухими къ выгодамъ, представляемымъ этимъ планомъ. При невозможности удержать своего молодшаго брата отъ дальнѣйшихъ попытокъ къ основанiю отдѣльной каѳедры помимо старшаго брата, Новгородцамъ было даже выгодно отказаться отъ непопулярныхъ правъ владыки и сохранить чрезъ это принадлежность Пскова къ Новгородской епархiи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заручиться дружнымъ содѣйствiемъ послѣдняго на случай серiозной опасности. Самое стеченiе обстоятельствъ благопрiятствовало на этотъ разъ мирному уладенiю дѣла. Война, открывшаяся въ 1347—1348 году у Новгородцевъ со Шведами, побуждала первыхъ искать союзника, даже съ нѣкоторымъ пожертвованiемъ со своей стороны, а самымъ незначительнымъ пожертвованiемъ могло служить отреченiе отъ ненавистныхъ Пскову правъ Новгорода и его владыки: это отреченiе или жалованье и было дано Новгородцами Псковичамъ во время самаго похода на Болотовѣ [1]). Вмѣсто своего намѣстника, присылаемаго во Псковъ изъ Новгорода, владыка долженъ былъ теперь оставлять тамъ своимъ намѣстникомъ Псковитина, а вмѣсто призыва Псковскаго духовенства на судъ въ Новгородъ, былъ обязанъ устроить правильную визитацiю Псковской церкви, замѣнивъ прежнiе неопредѣленные поѣзды по Новгородской эпархiи обычными посѣщенiями Пскова, совершающимися чрезъ опредѣленное время. Обычное посѣщенiе владыкою Пскова замѣчается уже въ началѣ XIV столѣтiя [2]), но окончательную форму получило только тогда, когда

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 58, 1348 г.: «Рѣша же Новгородци: «братья Плесковичи! то перво мы вамъ дали жалобу на Болотовѣ; посадникомъ нашимъ у васъ въ Плесковѣ не быти, ни судити, а отъ владыцѣ судить вашему Плесковитину, а изъ Новагорода васъ не позывати дворяны, ни подвойскыми, ни софьяны, ни извѣтникы, ни биричи....»

[2]) П. С. Р. Л., III, 77, 1333 г.: «Пришедши отъ князя (Ивана Калиты) владыка Василiи, и абiе иде въ Псковъ, и прiяша его Псковичи съ честiю: понеже не былъ бяше владыка въ Псковѣ 7 лѣтъ».

уже былъ рѣшенъ вопросъ и о владычнемъ намѣстникѣ, то есть, по Болотовскому договору.

При общемъ взглядѣ на Псковское церковное устройство въ періодъ самостоятельнаго существованія Пскова, послѣднее представляетъ слѣдующія характерическія черты. Прямое, непосредственное участіе Новгородскаго владыки въ дѣлахъ Псковской церкви ограничивается однимъ совершеніемъ визитаціи. Владычняя визитація, называвшаяся „подъѣздомъ, пріѣздомъ", должна была, сообразно съ утвердившимся въ этотъ періодъ правиломъ, совершаться чрезъ три года въ четвертый и продолжаться не менѣе четырехъ недѣль или мѣсяца [1]). Въ первоначальный періодъ визитація имѣла весьма скромный характеръ: изъ свиты владыки въ то время упоминается только объ одномъ попѣ; теперь же, съ развитіемъ свѣтскаго характера церкви, владыку во время подъѣзда окружалъ не только клиръ, но и многочисленная толпа софіянъ съ боярами на челѣ. Торжественности поѣзда соотвѣтствовала торжественность самой встрѣчи, происходившей на краю города, обыкновенно у дальней церкви св. Пантелеймона или же у стараго Вознесенскаго храма: туда къ мѣсту встрѣчи являлось Псковское духовенство съ крестами, и выѣзжали на коняхъ князь и посадники съ боярами [2]). Эта торжественная процессія сопровождала владыку до подворій, отводившихся въ городѣ для пребыванія владыки и его многочисленной свиты, такъ какъ особеннаго дома, который служилъ бы мѣстопребываніемъ владыки, въ древности не было: онъ явился только въ 1535 году [3]). Въ чрезвычайныхъ случаяхъ владыка переселялся въ одинъ изъ за-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 104, 1399 г.: «Ѣздилъ владыка Иванъ во Псковъ на свой подъѣздъ, и судилъ мѣсяцъ». Тамъ же, V, 16, 1373 г. Тамъ же, IV, 254, 1477 г.: «а былъ во Псковѣ весь свой мѣсяцъ всю 4 недѣли».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 209, 1435 г. Тамъ же, V, 46, 1486 г.: «Отъѣха прочь (Геннадій изъ Пскова) и съ бояры». Тамъ же, IV, 214, 1450 г.: «Священноиноки и священники и діаконы выидоша противъ его съ кресты, а князь и посадники и бояре выѣхаша противу, и усрѣтоша его противъ далнаго Пантелеймона». Тамъ же, IV, 232, 1469 г., IV, 254, 1477 г., V, 46, 1486 г.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 254, 1477 г.: «Пріѣха во Псковъ... владыка Ѳеофилъ... и пріяша его честно и подворья имъ подаваша».

городныхъ монастырей, обыкновенно въ Снѣтогорскій [1]). Время, обнимаемое владычнею визитаціей, распредѣлялось между торжественнымъ богослуженіемъ, разборомъ церковныхъ дѣлъ и пиршествами, которыя задавали другъ другу владыка и Псковичи.

Торжественное богослуженіе, совершеніе котораго было первымъ дѣломъ владыки по пріѣздѣ во Псковъ, носило политическій характеръ: оно какъ-бы служило освященіемъ какъ политической, такъ и церковной самостоятельности Псковской земли, ибо владыка, совершая эту церемонію, являлся какъ-бы Псковскимъ епископомъ. Естественно поэтому, что Псковичи очень дорожили этою церемоніей, и что несовершеніе ея владыкою служило признакомъ неудовольствія послѣдняго на свою паству, неудовольствія, возникавшаго тогда, когда владыка встрѣчалъ со стороны духовныхъ дѣтей своихъ противодѣйствіе своимъ стремленіямъ. Торжественное богослуженіе состояло въ литургіи, отправляемой владыкою въ патрональномъ Троицкомъ храмѣ вмѣстѣ съ духовенствомъ этого собора (остальные священники не участвовали въ богослуженіи, а только приходили къ владыкѣ благословляться на служеніе каждый въ свой храмъ) и соединенной съ торжественнымъ провозглашеніемъ синодика или храмовой поминальной книги [2]). Послѣднее состояло въ проклятіи зложелателей Пскова и Великаго Новгорода, въ пѣніи вѣчной памяти князьямъ, погребеннымъ въ домахъ св. Троицы и св. Софіи, и всѣмъ павшимъ или пролившимъ за нихъ свою кровь, наконецъ, въ провозглашеніи многая лѣта всѣмъ живущимъ окрестъ городовъ Пскова и Великаго Новгорода [3]). Относительно происхожденія этого торжественнаго богослуженія нужно замѣтить, что уже въ древнѣйшее время русской жизни явился обычай заносить въ синодикъ лицъ, достойныхъ церковнаго прославленія; синодики читались обыкновенно

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 230, 1466 г.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 271, 1499 г.: «Пос. Яковъ Ѳеонасьевичь со иными посадники и со Псковичи сдумавъ, да владыкѣ соборовати не дали». Тамъ же, IV, 287, 1510 г.: «Псковичи своимъ попомъ Троицкимъ не велѣли со владыкою служить». Тамъ же, IV, 297, 1528 г.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 214, 1450 г., 230, 1466 г., 232, 1469 г.

въ епископіяхъ въ воскресенье первой недѣли великаго поста, при чемъ служба, совершаемая по литургіи Іоанна Златоустаго, отправлялась соборнѣ: оттого она и называлась соборованіемъ, а первое воскресенье великаго поста—недѣлею соборованія [1]). Изъ этой-то церковной церемоніи, соблюдаемой до сихъ поръ въ недѣлю православія, и возникло Псковское торжественное богослуженіе, называвшееся также *соборованіемъ*. Особенность его заключалась только въ томъ, что за неимѣніемъ во Псковѣ особенной владычней каѳедры, соборованіе не могло непремѣнно совпадать съ первымъ воскресеньемъ великаго поста, а должно было сообразоваться съ временемъ пріѣзда Новгородскаго владыки, который совершался въ различные сроки. Хотя подробныя описанія соборованія и относятся къ половинѣ XV столѣтія, тѣмъ не менѣе слѣды его замѣчаются и раньше, а потому установленіе соборованія должно быть отнесено ко времени устройства правильной владычней визитаціи [2]). Уже въ этотъ періодъ митрополитъ Кипріанъ обратилъ вниманіе на общее, греко-русское содержаніе Псковскаго синодика и для руководства прислалъ до 1395 г. Псковичамъ „правый Цaрегородскій синодикъ“, въ составъ котораго вошла и часть, составлявшая исключительную принадлежность Псковской церкви [3]).

Сообразно съ характеромъ викарной юрисдикціи, дѣятельность намѣстника съ пріѣздомъ владыки прекращалась, и послѣдній самъ вступалъ въ церковное управленіе, состоявшее, съ одной стороны, въ судѣ, почему о занятіяхъ владыки во Псковѣ и говорится: „мѣсяцъ судилъ“, а временами и освященіи церквей [4]),

---

[1]) А. И., I, 19, № 11, 1395 г.: «А въ недѣлю сыропустную Златоустова служба, такоже и въ недѣлю сборованіа, занеже на сборъ синодикъ чтется, того дѣла Златоустова служба, а отъ вторыя недѣли поста, въ великій постъ, на всякую недѣлю Великаго Василья служба служити».

[2]) П. С. Р. Л., V, 23, 1419 г.: «Владыка Семеонъ пріѣха въ Псковъ.... отъѣха не сборовавъ, а Псковичь дѣтей своихъ всѣхъ благословивъ».

[3]) А. И., I, 17—18, № 8, до 1395 г.: «А синодикъ семь послалъ къ вамъ правы царегородскый, почему и мы здѣсе поминаемъ или еретиковъ проклинаемъ, а вы потому дѣйте».

[4]) П. С. Р. Л., V, 16, 1373 г.: «Поставиша (во Псковѣ) камену церковь...

съ другой же—въ сборѣ владычнихъ пошлинъ. Весьма вѣроятно, что еще въ древній періодъ духовенство содержало своего владыку во время его поѣзда по епархіи; теперь же, съ введеніемъ большей правильности въ посѣщеніи Пскова владыкой, естественно должна была возникнуть и большая опредѣленность въ обязанностяхъ духовенства относительно своего владыки. Обязанность духовенства содержать владыку во время подъѣзда превращается въ кормовую пошлину, которая, вмѣсто прежнихъ общихъ опредѣленій, специализируется въ этотъ періодъ до мельчайшихъ подробностей; духовенство должно было поставлять для владыки, его свиты и лошадей „кормъ всякъ": калачи, хлѣбы, мясную вологу, рыбу, сорочинское пшено, перецъ, русскій медъ, другой русскій медъ, вѣроятно, сотовый, и т. д. Дѣло однако на этомъ не остановилось. Въ періодъ самостоятельности Пскова духовенство вполнѣ превратилось въ тяглыхъ людей владыки, а потому должно было доставлять послѣднему сверхъ корму и оброкъ, который отъ взиманія „съ плѣши", то-есть, съ головы, съ человѣка, получилъ названіе поплѣшной пошлины. Неизвѣстно, какова была первоначальная величина поплѣшной пошлины; въ концѣ же XV столѣтія она простиралась до полтины и 15 денегъ по Московскому счету [1]. Этой пошлинѣ подлежало какъ бѣлое, такъ и черное священство, какъ городское, такъ и сельское, какъ мѣстное, такъ и безмѣстное. Въ характерѣ этихъ подъѣздныхъ владычнихъ пошлинъ, кормовой и поплѣшной, существовало нѣкоторое различіе, сохранявшееся до половины XVI столѣтія, а именно: кормовая пош-

---

и освящаю самъ Алексій Архіепископъ въ свой пріѣздъ». Тамъ же, III, 88, 1364 г. Ср. тамъ же, III, 89, 1377 г.

[1]) Евгеній, И. Кн. Пск., II. 90—91, приб. XII, 1555 г.: «А прежніи дни наши... архіепископы ѣздили на подъѣздъ во Псковъ въ четвертый годъ, а живутъ во Псковѣ мѣсяцъ, и имали у тѣхъ штисоборскихъ старостъ, у игуменовъ и у поповъ и у діаконовъ, у посадскихъ и у селскихъ подъѣзду со всякаго игумена и съ попа и съ діакона съ городскихъ и сельскихъ, съ мѣстныхъ и не смѣстныхъ (далѣе въ грамотѣ: безмѣстныхъ) по архіепископлѣ по Геннадіевѣ грамотѣ съ плѣши по полтинѣ да по пятнадцати денегъ въ Московское число, да корму на всякъ день по полутора ста калачей, да по пятидесятъ хлѣбовъ денежныхъ, да по сороку гривенъ за мясную вологу, да за рыбу за всякую по сороку денегъ, да по двѣ бочки меду русскаго, а не любъ медъ, ино за двѣ бочки полтина»... и т. д.

лина взималась съ духовенства натурой и не была еще переведена на денежный счетъ, тогда какъ поплѣшная по самой сущности своей изначала является денежною. Это различіе въ характерѣ подъѣздныхъ пошлинъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, получало особенное значеніе при раскладкѣ кормовой повинности по духовенству.

Время, остававшееся свободнымъ отъ церковныхъ дѣлъ, было посвящаемо владыкою на посѣщеніе Псковичей, которые, особенно когда находились въ ладахъ съ владыкою, наперерывъ спѣшили зазывать послѣдняго къ себѣ въ гости; не только важнѣйшія лица, князь и посадники, но и простые Псковичи цѣлыми концами задавали въ честь владыки пиршества, сопровождавшіяся по обычаю времени разными дарами [1]). Архіепископъ съ своей стороны также не оставался въ долгу, отправлялъ пиршества и отдаривалъ гостей. Нужно однако замѣтить, что въ тѣ дни, когда владыкѣ приходилось давать пиры въ честь Псковичей, требованія его съ Псковскаго духовенства по нѣкоторымъ статьямъ кормовой пошлины, напримѣръ, перцу, пшену, меду, значительно увеличивались, такъ что Псковичамъ приходилось и пировать у владыки, очевидно, на счетъ своего же собственнаго духовенства [2]). Памятники XVI столѣтія знакомятъ насъ наглядно даже съ тѣми дарами, которыми взаимно честили другъ друга владыка и Псковичи. Владыка являлся обыкновенно во Псковъ съ большимъ запасомъ разныхъ подарковъ, часто нарочно приготовляемыхъ для Псковскаго поѣзда: образовъ разной цѣнности, синолойныхъ крестовъ, серебрянныхъ ковшей и т. д. [3]). Эти предметы служили владыкѣ для преподанія благословенія хозяевамъ, у которыхъ ему

---

¹) П. С. Р. Л., IV, 214, 1450 г.: «И князь Псковской и посадники Псковскыи, такоже и во всѣхъ концѣхъ, господина владыку много чтиша и дариша и проводиша его изъ своей земли и до рубежа съ великою честью».

²) Евгеній, И. Кн. Пск., II, 90, приб. XII, 1555 г.: «Аколи у архіепископа пиръ, ино по двѣ гривенки перцу, по двѣ гривенки пшена сорочинскаго, по два безмѣна меду».

³) Извѣст. Импер. Археол. Общества, т. III, Купріянова, Отрывки изъ расходныхъ книгъ Софійскаго дома, стр. 3, 1548 г.: «дано Костѣ серебренику на ковшъ полпята рубля въ московское число, а дѣланъ тотъ ковшъ ко псковскому поѣзду».

приходилось пировать: образа на золотѣ давались болѣе важнымъ лицамъ, обложенные серебромъ—ихъ женамъ и лицамъ менѣе важнымъ (почетнѣйшіе же получали ихъ только при пированіи у самаго владыки); синолойными крестами благословлялись обыкновенно дѣти, а ковши давались только въ добавокъ къ образамъ. Псковичи въ свою очередь не скупились на подарки, дарили владыку сороками соболей, золотыми, драгоцѣнными матеріями, конями: все это было отправляемо хозяиномъ на другой день послѣ пира на квартиру владыки; послѣдній однако не принималъ всѣхъ предлагаемыхъ ему даровъ, а выбиралъ изъ нихъ только какой-либо одинъ, почему либо пришедшійся ему по вкусу, напр. иноходца, гнѣдаго санника и т. д. [1]). Въ заключеніе, на прощаніе, владыка получалъ еще даръ отъ всего Пскова, который носилъ названіе поминка [2]).

Съ отъѣздомъ владыки, дѣла, подлежавшія церковному вѣдомству, по прежнему переходили въ руки владычнихъ намѣстника и печатника; но намѣстникъ назначался теперь владыкой уже не изъ своего софійскаго воинства, а изъ Псковичей. Такимъ образомъ, если владычникъ по старому оставался простымъ довѣреннымъ лицемъ владыки, если званіе его не сдѣлалось церковною должностью, тѣмъ не менѣе, сравнительно съ прежнимъ, онъ получилъ нѣкоторую самостоятельность, пересталъ быть лицемъ, тождественнымъ со владыкою. Измѣненіе въ происхожденіи владычника не могло не отозваться и на его политической роли, хотя, вслѣдствіе своего свѣтскаго характера, онъ все-таки не могъ достигнуть такого первенствующаго значенія въ дѣлахъ своей родины, какое свойственно было Новгородскому владыкѣ. Хотя политическая дѣятельность владычника и обнаруживается нѣсколько позднѣе, тѣмъ не менѣе основаніе ей положено именно этою реформою: только съ этого времени сдѣлалось возможнымъ участіе владычника въ дѣлахъ, касающихся сношеній какъ съ

---

[1]) Купріянова, Отрывки изъ расходныхъ книгъ Софійскаго дома, стр. 8—14, 1548 г.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 209, 1435 г.: «И владыка разгнѣвася и поѣха прочь и поминка псковскаго не прія».

другими русскими землями, такъ и съ иноземцами. Однако этого участія нельзя считать первостепеннымъ, такъ какъ въ посольствахъ, если послѣднія состояли изъ нѣсколькихъ лицъ, владычникъ занималъ мѣсто послѣ посадника, за именемъ котораго и приводится его имя [1]). Свѣтскій характеръ владычника отражался не только на его политической роли, но и на положеніи Псковскаго духовенства: послѣднее въ отсутствіи Новгородскаго владыки—а это было явленіемъ постояннымъ—оставалось безъ духовнаго главы. Это обстоятельство повлекло за собою *коллективное* возвышеніе Псковскаго духовенства и образовало изъ Псковской церкви полную противоположность Новгородской: между тѣмъ какъ въ Великомъ Новгородѣ духовенство терялось въ тѣни отъ блеска, окружавшаго ихъ владыку, въ то время Псковское духовенство выступаетъ на первый планъ и начинаетъ усвоивать себѣ роль Новгородскаго владыки. Подобно тому, какъ въ Великомъ Новгородѣ правительственныя дѣйствія совершались съ благословенія владыки, такъ точно теперь и во Псковѣ общественныя постановленія стали запечатлѣваться благословеніемъ духовенства: выраженіе „все божіе священство и весь Псковъ" сдѣлалось стеоретипною формулою [2]). Демократическая тенденція охватывала однако, сообразно съ характеромъ древней жизни, не все Псковское духовенство, а только одно городское: пригородное же и сельское, какъ увидимъ въ послѣдствіи, находилось относительно городскаго въ томъ же самомъ положеніи, какое занимали пригороды и волости относительно главнаго города.

Съ этою ролью духовенства въ дѣлахъ Пскова весьма мало согласовалось то положеніе, которое оно занимало относительно Новгородскаго владыки, тѣ тягловыя узы, которыя связывали

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 18, 1401 г.: «Послаша Псковичи къ князю Витовту Григоріа Өеодоровича и Гаврила намѣстника». Тамъ же IV, 197, 1406 г.: «Посолъ Кипріянъ намѣстникъ Лодышкиничь». Тамъ же, IV, 205, 1427 г.: «Послаша Псковичи своего посла, пос. Селивестра Леонтьевича да намѣстника владычня Пареея, въ Литву ко кн. Витовту». Тамъ же, IV, 233—234, 1470 г., 236, 1471 г., 215, 1454 г.

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 1-е изд., стр. 1: «по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ.... всѣмъ Псковомъ на вѣчи...»

Псковское духовенство съ послѣднимъ. Для устраненія произвола со стороны владыки или его намѣстника и для регулированія своихъ тягловыхъ обязанностей, Псковское духовенство спѣшило замкнуться въ *соборы*, подобно тому, какъ міряне замыкались въ разные союзы — концы, улицы и сотни. Подъ соборомъ разумѣлось собственно не что иное, какъ соединеніе нѣсколькихъ церквей и монастырей, а слѣдовательно, и извѣстнаго количества какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства въ одно цѣлое, примыкавшее къ какому-либо храму, который отъ того получалъ названіе соборнаго. За нормальное число священно-служителей, считавшееся достаточнымъ для образованія собора, принималась сотня; но обыкновенно число членовъ было немного больше или меньше этого предѣла: такъ, количество духовенства, вошедшаго въ составъ шестаго Входо-Іерусалимскаго собора, простиралось до ста двухъ человѣкъ, какъ священниковъ, такъ и священноиноковъ [1]). Относительно же количества приходовъ нужно замѣтить, что число ихъ было не одинаково и опредѣлялось отношеніемъ общаго количества духовенства, входившаго въ соборъ, къ количеству священнослужителей въ каждомъ отдѣльномъ храмѣ: такъ, хоть и извѣстно, что въ составъ пятаго собора входили церкви Похвалы св. Богородицы, Покрова и св. Духа, тѣмъ не менѣе очевидно, что въ соборѣ были еще и другія, не упоминаемыя въ источникахъ, церкви [2]). Слѣды этой соборной организаціи замѣчаются въ переходное время отъ перваго періода ко второму; но полное развитіе ея раскрывается только во время самостоятельнаго существованія Пскова. За древнѣйшимъ, Троицкимъ соборомъ, въ 1357 году является второй, Софійскій, въ 1417 году—третій, Никольскій, въ 1453 — четвертый, Спасскій, въ 1462 году —

---

[1]) А. И., I, 519—520, № 283, 1471 г.: «И они ми (митрополиту Филиппу) били челомъ... чтобы собѣ устроили... въ Пьсковѣ шестой соборъ... а въ церкви де св. Божія Входа въ Іерусалимъ; и въ тотъ де соборъ у нихъ уже священноиноковъ да и священниковъ обрѣтесь сто и два служителей церковныхъ».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 221, 1462 г.: «И Псковичи повелѣша пятому собору быти у Похвалы св. Богородица, да у Покрова св. Богородица, да у св. Духа за Домантовою стѣною».

пятый, Похвалы св. Богородицы, а въ 1471 году — шестой, и во время самостоятельности Пскова послѣдній, Входо-Іерусалимскій [1]). Между соборными храмами выдающееся мѣсто занималъ соборъ св. Троицы, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и патрональнымъ храмомъ всей Псковской земли: причтъ этого храма не только былъ освобожденъ отъ внесенія во владычную казну какъ поплѣшной, такъ и кормовой пошлинъ [2]), но и пользовался, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, нѣкоторыми, чисто церковными преимуществами: такъ капитулу собора принадлежало исключительное право на освященіе новыхъ церквей, тогда какъ остальное духовенство могло только „подсвящивать" старыя [3]). Въ церковномъ отношеніи соборы вообще представляли ту особенность, что служба отправлялась въ нихъ повседневно, тогда какъ въ простыхъ храмахъ она совершалась только по праздничнымъ днямъ, повседневно же только, какъ исключеніе [4]).

Распредѣленіе духовенства по соборамъ составляетъ полную аналогію съ распредѣленіемъ Псковской земли по концамъ. Подобно тому, какъ концы во Псковѣ обнимали не только извѣстную часть города, но и извѣстное количество Псковскихъ пригородовъ, точно также и Псковскіе соборы заключали не одно только городское духовенство, но вмѣстѣ съ тѣмъ пригородное и сельское [5]). И какъ въ распредѣленіи пригородовъ по Псковскимъ концамъ не соблюдалось мѣстной связи, такъ точно и въ составъ Псковскихъ соборовъ духовенство зачислялось не на основаніи какихъ-либо мѣстныхъ соображеній, а просто на основа-

---

[1]) А. И., I, 519, № 283, 1471 г. Ср. арх. Макарія, Исторія Русской Церкви, Ѵ, 123, Костомарова, Народоправства, II, 287.

[2]) Евгеній, И. К. П., II, 93, 1555.

[3]) Евгеній, И. К. П., II, 85, 1528 г.: «А въ которой церкви въ городѣ или пригородѣ или въ селѣхъ что обветчаетъ на престолѣ сорочка и сударь, и священники тѣхъ церквей подсвящиваютъ сами... а новыя церкви свящати священникомъ Троицкаго собора». Амвросія, И. Р. Г., Ѵ, 545, 1473.

[4]) П. С. Р. Л., IѴ, 191, 1357: «другій сборъ учиниша во Псковѣ къ св. Софьи: вседневную службу держати и свершати, въ славу Богу»...

[5]) Г. Бѣляевъ въ «Разсказахъ изъ русской исторіи», II, 146, несправедливо предполагаетъ, что сельское духовенство не входило въ составъ соборовъ и даже объясняетъ причины этого явленія.

нiи накопленiя въ цѣлой землѣ количества священныхъ лицъ, достаточнаго для образованiя собора. Но аналогiя не останавливается и на этомъ. Подобно тому, какъ за пригородами, распредѣленными по городскимъ концамъ, являлись съ теченiемъ времени другiе пригороды, которыхъ еще не успѣли отнести къ извѣстнымъ концамъ, точно также и за духовенствомъ, входившимъ въ составъ соборовъ, стояли обыкновенно *невкупные* (купа, община, соборъ) попы, то-есть, такiе, которые еще не успѣли составить собора [1]). Число невкупныхъ поповъ возрастало до тѣхъ поръ, пока оно не достигало нормальнаго предѣла, то-есть, сотни: тогда изъ нихъ былъ образуемъ особенный, новый соборъ. Сходство въ положенiи пригородскаго и сельскаго духовенства съ положенiемъ Псковскихъ пригородовъ не было случайнымъ: какъ пригороды въ древней жизни вообще играли второстепенную, подчиненную роль, такъ точно одинаковую участь съ ними раздѣляло пригородное и сельское духовенство. Зависимость положенiя послѣдняго давала себя чувствовать въ распредѣленiи тягловыхъ повинностей духовенства, послужившихъ исходнымъ пунктомъ для образованiя соборовъ. И это совершенно понятно. Такъ какъ всѣ соборы находились въ самомъ Псковѣ, то естественно, что пригородское и сельское духовенство не могло принимать участiя въ соборныхъ собранiяхъ; далѣе, такъ какъ земское духовенство не имѣло и отдѣльныхъ отъ городскихъ представителей, то некому было наблюдать и за нарушенiемъ его интересовъ [2]). Поэтому иногда случалось, что владычнiя пошлины распредѣлялись явно въ ущербъ пригородскому и сельскому духовенству. Неравномѣрность распредѣленiя, очевидно, не могла имѣть мѣста при взиманiи поплѣшной пошлины, количество которой могло быть извѣстно каждому, будучи выражено въ деньгахъ. Другое дѣло — кормовая пошлина, взимавшаяся натурою. Городское духовенство всегда

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 215, 1453 г.: «Биша челомъ попове невкупнiи князю... посаднику степенному... и всѣмъ посадникамъ Псковскимъ, что быти четвертому собору во Псковѣ».

[2]) Г. Бѣляевъ, въ Разсказахъ, II, 147, отвергаетъ существованiе сельскихъ соборовъ, но непонятнымъ образомъ признаетъ существованiе сельскихъ поповскихъ старостъ.

могло безъ зоркаго наблюденія со стороны своихъ сельскихъ собратовъ, разложить ее въ свою пользу.

Для регулированія своихъ обязанностей, каждый соборъ выбиралъ изъ своей среды одного представителя, который въ отличіе отъ церковнаго старосты, завѣдывавшаго мірскими интересами церквей, носилъ названіе *поповскаго* или *соборскаго* старосты. Поэтому число поповскихъ старостъ соотвѣтствовало числу соборовъ: первоначально былъ одинъ только соборскій староста, а затѣмъ число ихъ возрасло до шести [1]). На соборскихъ старостахъ лежала обязанность раскладки владычнихъ повинностей, равно какъ и наблюденіе за правильнымъ взносомъ ихъ въ казну владычняго намѣстника или самаго владыки: неисправнымъ плательщикамъ подъѣзда они могли воспрещать священнодѣйствіе [2]). Съ теченіемъ времени къ этой дѣятельности присоединяется еще и наблюденіе за благочиніемъ въ церкви: такимъ образомъ, и въ той, и другой отрасляхъ поповскіе старосты являются какъ-бы помощниками владычняго намѣстника и составляютъ самостоятельную посредствующую ступень въ архіерейской администраціи между владыкой и подчиненнымъ ему духовенствомъ. Соборскіе старосты должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ духовныя лица имѣли качества, необходимыя для священнаго сана. Вспомнимъ, что посвященіе въ древности, особенно подъ вліяніемъ вмѣшательства мірянъ въ дѣло удаленія священнослужителей, стремилось принять абсолютный характеръ; что поэтому духовенство вело бродячій образъ жизни и являлось во Псковъ изъ разныхъ краевъ Руси, изъ Новгорода, Москвы, Твери, даже изъ Литвы. Вспомнимъ далѣе, что самое мѣсто ставленія Псковскихъ свя-

---

[1]) Г. Бѣляевъ, въ Разсказахъ, III, 136, говоритъ, что «мы имѣемъ прямыя свидѣтельства лѣтописей, что церковныхъ и поповскихъ старостъ всегда было по двое въ каждомъ приходѣ». Поповскіе старосты были не въ приходахъ, а въ соборахъ, притомъ въ каждомъ соборѣ только по одному, а не по двое: такъ, когда сельское духовенство отдѣлилось отъ городскаго, то избрало не двухъ, а только одного старосту. Болѣе прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ вопросѣ въ источникахъ нѣтъ никакихъ.

[2]) А. И., I, 520, 1477 г.: «А которые (священники) не заплатятъ подъѣзда моего, и язъ тѣмъ литургисати не велю. И то, старосты соборскіе и священницы соборскіи, положено на вашихъ душахъ».

щеннослужителей было различно: кромѣ самого Новгорода, одни священники ставились на Руси (въ Кіевѣ), другіе же въ Литвѣ. Тогда намъ будетъ ясно, что строгій присмотръ за священнослужителями былъ необходимъ. Поповскіе старосты обязаны были поэтому свидѣтельствовать, всѣ ли священники ихъ соборовъ имѣютъ необходимыя грамоты, ставленныя и отпускныя; должны были въ сомнительныхъ случаяхъ принуждать ищущаго мѣста къ принятію духовника, и только по соблюденіи всѣхъ этихъ условій, допускать къ священствованію [1]). Наконецъ, соборскіе старосты не чужды были и нѣкотораго участія въ общественныхъ дѣлахъ: по крайней мѣрѣ, передача извѣстій меньшей важности поручалась временами соборскимъ старостамъ [2]).

Такимъ образомъ, въ церковной организаціи во времена самостоятельнаго существованія Пскова, вмѣсто одного фактора, Новгородскаго владыки, являются два: владыка и клиръ, и любопытно знать, на сколько въ каждомъ изъ нихъ заключалось задатковъ силы и дѣятельности. По новому церковному устройству непосредственное участіе Новгородскаго владыки въ дѣлахъ Псковской церкви было ограничено совершеніемъ опредѣленныхъ визитацій. Но владычняя визитація, подъѣздъ, вскорѣ потеряла свой существенный, юридическій характеръ, чтобы не сказать больше—всякое значеніе. Съ одной стороны, владыка не всегда могъ правильно совершать визитаціи чрезъ три года въ четвертый, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, къ числу которыхъ принадлежали проволочки при его посвященіи, участіе

---

[1]) А. И., I, 61, № 31, 1420 г.: «Въ градъ Пьсковъ... къ дѣтемъ моимъ къ старостамъ къ сборьскимъ, и къ игуменомъ... приходять къ вамъ игумени, или попы, или дьяконы отъ иныхъ странъ, съ Русской земли, или изъ Литовьской земли, что кои. отъ васъ преже сего ѣздѣли ставитися въ попы или въ дьяконы на Русь или въ Литовьскую землю... и пишю о томъ старостамъ сборьскимъ и всему священническому чину: у тѣхъ игуменовъ, или у поповъ, или у дьяконовъ, аже будеть у кого грамота ставленая отпустная чисто... и вы повелите ему приняти духовнаго отца...» Евгеній, И. Кн. Пск., II, 82, 1528.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 189, 1343 г.: «Псковичи отрядиша гонцемъ въ Новгородъ Ѳому попа, старосту поповскаго».

его, какъ одного изъ высшихъ правительственныхъ лицъ, въ политическихъ дѣлахъ Великаго Новгорода, наконецъ, возникавшія отсюда столкновенія съ митрополитомъ [1]). Съ другой стороны, и во взглядѣ владыкъ на визитацію начинаетъ выступать на первый планъ фискальная сторона предмета вмѣсто юридической. Владыки начинаютъ смотрѣть на подъѣздъ не какъ на средство къ наблюденію за порядкомъ въ церкви, не какъ на средство къ отправленію владычняго суда, а какъ на необходимый путь къ полученію богатаго дохода съ подчиненнаго духовенства. Слѣды подобнаго отношенія владыкъ къ дѣлу сказываются уже въ томъ ограниченіи времяпребыванія во Псковѣ, какое усвоила себѣ владычняя практика. Для приведенія въ порядокъ церковныхъ дѣлъ, Новгородскій архіепископъ долженъ былъ по обычаю проживать во Псковѣ четыре недѣли или мѣсяцъ; и хотя митрополитъ Евгеній и говоритъ, что архіепископъ обыкновенно „оканчивалъ всѣ дѣла недѣли въ три, двѣ и меньше“, тѣмъ не менѣе въ сущности владыка старался ограничить свои церковныя дѣла однимъ сборомъ слѣдуемыхъ ему съ духовенства пошлинъ, для чего, конечно, требовалось не очень много времени, было вполнѣ достаточно не только двухъ-трехъ недѣль, но и одной, тѣмъ болѣе, что оставшуюся на попахъ недоимку обязаны были добрать намѣстникъ и соборскіе старосты [2]). Но ужъ это простое ограниченіе времени владычней визитаціи, будучи постояннымъ явленіемъ, не могло ускользнуть отъ бдительнаго надзора Псковичей, не безъ основанія считавшихъ необходимымъ дѣятельное участіе владыкъ въ дѣлахъ церкви, и не могло не вызвать неудовольствія со стороны Пскова. Негодованіе Псковичей на небрежное отправленіе владыками своихъ обязанностей прорывается въ горькой жалобѣ лѣтописца, который, по случаю визитаціи владыки Ѳеофила, продолжавшейся въ 1477 году ровно четыре, а не какихъ-либо двѣ

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 74 — 77, 1328—1333 г. Тамъ же, IѴ, 196, 1404 г.: «Владыка Иванъ пріѣха въ Новгородъ съ Москвы отъ митрополита Купріяна, а былъ у него полъ четверта года».

[2]) Евгеній, И. Кн. Пск. III, 17 — 18. П. С. Р. Л., Ѵ, 22, 1413 г.: «въ Псковѣ былъ владыка Иванъ 2 недѣли». Тамъ же, IѴ, 233, 1469 г.: «а въ Псковѣ былъ всего 2 недѣли».

или три недѣли, замѣчаетъ, что владыки уже давно не живали, подобно Θеофилу, цѣлаго мѣсяца во Псковѣ [1]). Фискальный взглядъ на визитанію, будучи разъ усвоенъ владыками, естественно стремился къ своему полному выраженію. Если владычній подъѣздъ былъ главнымъ образомъ не что иное, какъ только средство получить оброкъ съ духовенства, то само собою появлялась мысль о совершенной безполезности правильной владычней визитаціи, о возможности предоставить совершеніе этого неважнаго дѣла какому-либо второстепенному лицу изъ окружавшаго владыку духовнаго полка. Владыки дѣйствительно пробовали прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, дѣйствительно пытались замѣнить отяготительныя для себя поѣздки посылкою во Псковъ довѣренныхъ лицъ, но къ счастію, встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны своей паствы, которая, испугавшись такого закрѣпощенія духовенства, въ 1411 году объявила рѣшительно, что только дѣйствительная визитація Псковской церкви даетъ право владыкѣ на подъѣздныя пошлины [2]).

Дѣло однако не ограничилось однимъ паденіемъ епископскаго авторитета; роняя собственное значеніе, Новгородскій владыка немало содѣйствовалъ и упадку подчиненнаго ему Псковскаго духовенства: послѣднее необходимо должно было потерять всякое уваженіе въ глазахъ паствы вслѣдствіе распространившейся въ церкви *симоніи* духовныхъ мѣстъ. При взглядѣ на духовенство, какъ на тяглыхъ людей владыкъ, было совершенно естественно, что послѣдніе старались обратить въ источникъ доходовъ всѣ церковныя дѣйствія. Между послѣдними на первомъ планѣ стояло посвященіе. Уже въ Византіи выработалось правило, сообразно съ которымъ ставленники, т. е. лица, посвящаемыя въ священники и діаконы, должны были представлять извѣстную сумму

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 254, 1477 г.: «А былъ во Псковѣ весь свой мѣсяцъ, всю четыре недѣли, ни за много время иные владыки во Псковѣ такъ всего мѣсяца въ свой пріѣздъ не живали».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 201, 1411 г.: «Прислалъ владыка Иванъ протопопа Тимоѳея во Псковъ, на масляной недѣли, на попѣхъ подъѣзда просить; и Псковъ не повелѣлъ давати, отвѣщали тако: коли Богъ дастъ будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подъѣздъ его чистъ, какъ пошло исперва по таринѣ».

на покрытіе необходимыхъ при ставленьи расходовъ. Но на Руси къ этой суммѣ вскорѣ присоединились другіе поборы со ставленниковъ, какъ деньгами, такъ и натурою. Поэтому Владимірскій соборъ 1274 года, подразличивъ понятія расходовъ при ставленіи и поборовъ за самое ставленіе, подвергъ послѣдніе, подъ именемъ мзды, строгому осужденію [1]). Запрещеніе брать мзду повторялось въ послѣдствіи и главами русской церкви, митрополитами, какъ показываетъ примѣръ Фотія [2]), и новыми соборами, какъ напримѣръ соборомъ 1503—1504 годовъ, но до какой степени оно мало вліянія оказывало на русскихъ іерарховъ, всего лучше обнаруживаетъ образъ дѣйствія знаменитаго Геннадія, который, будучи самъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ собора 1503—1504 годовъ и давъ на этомъ соборѣ торжественное обѣщаніе не брать мзды за ставленье, тотчасъ же послѣ собора поддался вліянію своего любимаго дьяка Михаила Алексѣева и началъ брать мзду пуще прежняго, за что и былъ лишенъ епископской каѳедры [3]). Плоды симоніи, при которой церковныя мѣста естественно доставались не лицамъ достойнымъ, а тѣмъ, которыя могли заплатить мзду, въ соединеніи съ недостаткомъ въ обществѣ средствъ къ приготовленію въ духовное званіе, такъ какъ *мастера*, завѣдывавшіе этимъ дѣломъ, едва только сообщали ставленникамъ свѣдѣнія, какъ совершать каждый родъ службы—часы, обѣдню и вечерню, раскрылись въ позднѣйшее время во всей своей страшной наготѣ: на посвященіе стали являться лица, которыя въ Псалтири „едва брели“, а въ Апостолѣ „не умѣли ступить“, и на укоръ епископа въ невѣжествѣ отвѣчали, что такова уже Новгородская земля, трудно отыскать

---

[1]) Рус. Дост., I, 112, 1274 г.: Аще ли кто по оуставе нашемь боле сего емля от дьякона, ли от попа, или от игоумена, или от проскоурницѣ и отъ ницихъ насилье дѣюще, или на жатву, или сѣна сѣчи, или провозъ дѣяти, или иная нѣкая сборное емлюще, или намѣстеники поставляющии на мьздѣ или десятиньника».

[2]) А. И., I, 44, № 21, 1416 г.

[3]) П. С. Р. Л., VI, 49, 1503 г.: «Былъ архіепископъ Ноугородцкый Генадей на Москвѣ и соборонаша съ Симономъ митрополитомъ... и съ епискупы... уложили и отъ ставленіа у поповъ и у діаковъ и отъ мѣстъ церковныхъ, по правиломъ св. Отецъ, мьзды не имати». Тамъ же, VI, 49,

въ ней человѣка, гораздаго въ грамотѣ [1]). Но если такъ низокъ былъ умственный уровень духовенства, то ничѣмъ не выше былъ и его нравственный характеръ. Священство отличалось страстью къ пьянству и предавалось необузданному корыстолюбію, которымъ оно старалось вознаградить себя за епископскія пошлины: каждую церковную требу оно въ свою очередь превращало въ источникъ доходовъ, не щадя при этомъ ни живыхъ, ни мертвыхъ; тѣмъ болѣе, что при слабости владычней власти оно не встрѣчало ни откуда надлежащей сдержки.

Такой упадокъ іерархіи и въ главѣ, и въ членахъ не могъ, при свободномъ теченіи древней жизни, остаться безъ сильной оппозиціи со стороны религіознаго общества, паствы. Уже въ Византіи была открыта противъ іерархіи сильная борьба со стороны дуалистическихъ сектъ, признававшихъ въ созданіи міра дѣйствіе двухъ началъ, добраго и злаго, и имѣвшихъ въ средніе вѣка въ разныхъ странахъ Европы многочисленныхъ послѣдователей. Между этими послѣдователями, самымъ распространеннымъ названіемъ которыхъ было катары, не послѣднее мѣсто занимали и богомилы, какъ по видоизмѣненію дуалистическаго ученія, смягчившему противоположность двухъ началъ признаніемъ одинаковаго происхожденія представителей ихъ, Сатаніила и Христа, отъ одного и того же добраго божества, такъ и по вліянію своему на восточную половину Европы [2]). Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ монаха Адріана, ученіе богомиловъ явилось на Руси уже тотчасъ послѣ принятія христіанства Владиміромъ; но не найдя тамъ достаточно подготовленной почвы, благодаря новизнѣ церковныхъ учрежденій на Руси, оно вотще порицало строй церкви и вскорѣ совсѣмъ заглохло, не возбудивъ особеннаго шума въ обществѣ [3]).

1504 г.: «Генадей архіепископъ Великого Новагорода и Пьскова остави престолъ свой за немощь, а болшое неволею: понеже бо пріѣха съ Москвы на свой престолъ въ Новгородъ Великій и начятъ мьзду имати у священниковъ отъ ставленья наипаче перваго, черезъ свое обѣщаніе, совѣтомъ единомыслена го своего любовника и дьяка Михаила Иванова сына Олексѣева».

[1]) А. И., I, 148, № 104, 1496—1504 гг.

[2]) Schmidt, Histoire et doctrine de la secte des Albigeois ou Cathares, II, 31—39

[3]) Никон. Лѣт., I, 112, 1004; II, 56, 1123.

Дѣйствительная оппозиція противъ іерархіи сдѣлалась возможною на Руси только тогда, когда церковь вполнѣ усвоила себѣ фискальный взглядъ на духовенство, когда открылась въ большомъ размѣрѣ симонія духовныхъ мѣстъ. Уже сама церковь, хотя и подразличала понятія расходовъ при ставленьи и мзды за самое ставленье, однако даже на простое взиманіе ставленныхъ протопопей съ посвящаемыхъ лицъ смотрѣла неодобрительно, вслѣдствіе чего на соборѣ 1503 года рѣшительно запретила всякіе поборы со ставленниковъ; тѣмъ менѣе слѣдуетъ удивляться тому, что въ тогдашнемъ обществѣ появились лица, для которыхъ всѣ требованія, предъявляемыя пастырями относительно ставленниковъ, казались одинаково незаконными, самые же пастыри, взимавшіе поборы, превращались въ торговцевъ священными мѣстами. Нападеніе на симонію духовныхъ мѣстъ, а въ дальнѣйшемъ и на фискальный характеръ церкви вообще, послужило для секты *стригольниковъ*, получившей свое начало и имя отъ дьякона Никиты и Карпа, „художествомъ стригольника“ [1]) (иначе—стригальника, ср. камора постригальная, гдѣ производилась стрижка сукна, а также tisserands, tisseurs,—названіе одного изъ катарскихъ толковъ на западѣ), исходнымъ пунктовъ въ ея борьбѣ противъ іерархіи, которая легко привела къ рѣшительному отрицанію и самой іерархіи.

Но, между тѣмъ какъ богомилы отрицали іерархію въ пользу совершенной церкви, представителями которой они считали самихъ себя и которая была намѣчена ими во всѣхъ ея существенныхъ чертахъ [2]); въ то время стригольники, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, совсѣмъ не указывали на тотъ строй, который должна была имѣть, по ихъ мнѣнію, настоящая церковь, а ограничивали положительную часть своего ученія простымъ предоставленіемъ каждому міранину права на христіанское поученіе и такимъ образомъ приближались от-

---

[1]) Просвѣтитель, Іосифа Волоцкаго. Казань. 1855—1857, гл. 16, 596.

[2]) Schmidt, Histoire et doctrine de la secte des Albigeois ou Cathares, II, 139—150.

части къ ученію квакеровъ [1]). За то отрицательная сторона ученія получила въ рукахъ стригольниковъ широкое развитіе: стригольники отрицали не только всю іерархію, начиная съ низшаго духовенства и кончая Константинопольскимъ патріархомъ, что выразительно свидѣтельствуется словами: „вся еретики мняще", но и всѣ явленія, находившіяся въ той или другой связи съ церковнымъ устройствомъ [2]). Между послѣдними главное вниманіе стригольники обращали на таинства, въ особенности же покаяніе и причащеніе; однако и здѣсь они почти совсѣмъ не входили въ разъясненіе своихъ положительныхъ представленій объ этомъ предметѣ, ограничиваясь всего однимъ только простымъ указаніемъ на исповѣдь къ землѣ, какъ на способъ, долженствовавшій замѣнить обыкновенную форму исповѣди предъ священникомъ [3]). Отрицаніе таинствъ было распространено преимущественно между монахами и служило внѣшнимъ признакомъ еретичества послѣднихъ: въ этомъ отношеніи особенно поучительна бесѣда владыки Геннадія съ однимъ изъ позднѣйшихъ стригольниковъ, Захаромъ, который, будучи игуменомъ одного Новгородскаго монастыря, какъ самъ три года не пріобщался, такъ и не причащалъ подчиненныхъ ему монаховъ. На вопросъ Геннадія о причинѣ такихъ поступковъ, Захаръ отвѣчалъ: „А у кого причащаться? Попы поставлены на мздѣ, да и епископовъ митрополитъ ставитъ также на мздѣ". Когда Геннадій поспѣшилъ возразить на это, что вотъ-де митрополиты не на мздѣ ставятся, Захаръ, въ дополненіе къ своему прежнему замѣчанію, прибавилъ: „Когда митрополитъ ходилъ въ Царьградъ на посвященіе,

---

[1]) А. И., I, 14, № 6, 1388—1395: «Вы же, стриголници, глаголете, еже Павелъ и простому человѣку повелѣ учити: тогда бо вси невѣрни быша, а не къ вамъ еретикомъ то речено бысть».

[2]) А. И., I, 5, № 4, 1382: «Увѣдѣвше убо наше смиреніе (патр. Нилъ)... како нѣціи отъ васъ... отлучишась соборныя апостольскія церкви, вся еретики мняще, святителя, священникы и вся клирикы и прочая люди хрестьяны, яко се поставляющія и поставляемыя»... Тамъ же, I, 12, № 6, 1388—1395: «Аще глаголете: недостоинъ есть патріархъ и недостойни суть митрополити».

[3]) А. И., I, 14, № 6, 1383 — 1395: «Еще же и сію ересь прилагаете, стригольници, велите къ земли каятися человѣку, а не къ попу».

то онъ давалъ патріарху дань, а теперь тайно даетъ деньги боярамъ; владыки же въ свою очередь даютъ деньги митрополиту: такъ у кого же причащаться?" [1]). Кромѣ таинствъ, съ ученіемъ стригольниковъ не совпадала обрядовая сторона церкви, служба надъ усопшими, поминовеніе ихъ, приношенія въ церковь на поминъ души: все это составляло полное противорѣчіе основнымъ началамъ ихъ ученія, а потому послѣдовательно отрицалось [2]). Стригольники даже отваживались отвергать воскресеніе мертвыхъ; однако эта черта ученія не составляетъ необходимаго слѣдствія основнаго начала, а относится къ числу случайныхъ, возникшихъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ распаденія стригольничества на толки [3]).

Ересь стригольниковъ была явленіемъ, впервые затрогивавшимъ живую струну въ тогдашнемъ церковномъ устройствѣ, и потому невольно обращавшимъ на себя всеобщее вниманіе; оттого и противодѣйствіе еретикамъ было чрезвычайно энергично. Стригольники отрицали всю церковную іерархію, начиная съ низшаго духовенства и кончая Константинопольскимъ патріархомъ: поэтому, они вскорѣ увидѣли противъ себя всю іерархію, начиная съ Константинопольскаго патріарха и кончая Псковскимъ духовенствомъ. Ближе всѣхъ затрогивалось ересью непосредственное церковное начальство, представляемое Новгородскимъ владыкою; не мудрено поэтому, что первое преслѣдованіе еретиковъ открылось въ Новгородѣ, гдѣ ересеначальники, въ числѣ троихъ, были свергнуты въ 1375 году съ моста [4]). Но когда, не смотря на казнь коноводовъ, ересь все таки продолжала распространяться, то въ борьбѣ съ нею приняли участіе и болѣе отдаленные представители церкви, Московскіе митрополиты и даже патріархи.

---

[1]) Православный Собесѣдникъ за 1863 годъ, I, 480—471.

[2]) А. И., 1, 14, № 6, 1388—1395 гг.: «Того дѣля почалъ (Карпъ) людемъ глаголати: недостоитъ надъ умръшими пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыя приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душю умершаго».

[3]) А. И., I, 63, № 33, 1427 г.: «И тѣхъ, по слышанію слышу, иже яко Садукѣямъ онѣмъ проклятымъ подражающе суть, еже яко и въскресенію ненадѣюще быти мняху».

[4]) П. С. Р. Л., IV, 72, 1375 г.

Послѣдніе, будучи не менѣе другихъ затронуты распространяющеюся на Руси ересью, усердно принялись за пресѣченіе зла своими посланіями, или же посредствомъ довѣренныхъ лицъ какъ изъ своего собственнаго, такъ и изъ русскаго духовенства [1]). Однимъ изъ такихъ довѣренныхъ лицъ патріарха былъ Суздальскій архіепископъ Діонисій, который, въ надеждѣ на полученіе митрополичьяго сана на Руси, обнаруживалъ большую дѣятельность: такъ, онъ посѣтилъ въ 1382 году Великій Новгородъ и Псковъ съ грамотами патріарха Нила, поучавшими, что иное дѣло мзда, а иное — протори и исторы при ставленьи, и старался привести въ порядокъ Псковское церковное устройство, подавшее поводъ къ ереси [2]). Къ сожалѣнію, дѣятельность Діонисія во Псковѣ не вполнѣ извѣстна: мы знаемъ, что онъ составилъ для Псковскаго духовенства особенную грамоту, опредѣлявшую правила церковнаго порядка, суда и наказаній; но какой смыслъ заключался въ правилахъ, остается покуда неизвѣстнымъ. Можно однако думать, что грамота была составлена въ ущербъ власти Новгородскаго владыки, а потому и была уничтожена, вѣроятно, по просьбѣ послѣдняго, митрополитомъ Кипріаномъ въ бытность его въ Новгородѣ въ 1395 году, на томъ основаніи, что „Денисей владыка вплелся не въ свое дѣло": будучи только Суздальскимъ епископомъ, онъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла Новгородской епархіи [3]). Если однако дѣя-

[1]) П. С. Р. Л., III, 95, 1394 г.: «Пріиде изъ Царяграда, отъ патріарха Антонія, Виѳлеемьскій владыка Михаилъ, а привезлъ Новугороду двѣ грамоты о поученіи христіаномъ». Ник. Лѣт., IV, 255, 1394 г.: «О проторѣхъ и исторѣхъ, иже на поставленіяхъ священныхъ». П. С. Р. Л., IV, 194, 1395 г.: «И былъ у него (митрополита Кипріана въ Новгородѣ) полотскій владыка Ѳеодосій, и пріѣхалъ отъ него во Псковъ... привезъ отъ митрополита патріаршу грамоту».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 83, 1382 г.: «пріѣха въ Новгородъ владыка Суздальскій Діонисей, изъ Царяграда, отъ патріарха Нила... съ грамотами, и иде въ Псковъ». Ник. Лѣт., IV, 130: «Въ нихъ же писано о проторехъ, иже на поставленіяхъ... ино бо есть мзда и ино протори и историы на поставленіяхъ»... Acta patr. Const., II, 31—34, сходно съ А. И., I, № 4, 1382 г.

[3]) А. И., I, 9, № 10, 1395 г.: «Что есмь слышалъ, ажь владыка Суждальскій Денисей списалъ грамоту, коли былъ во Пьсковѣ, а приписалъ къ грамотѣ князя великого Александровѣ, почему ходити, какъ-ли судити, или кого какъ казнити»...

тельность Діонисія во Псковѣ относительно водворенія порядка въ общемъ строѣ церкви и мало извѣстна, за то болѣе извѣстны заботы его по частному вопросу, по устройству Псковскаго монашества.

Преобладающимъ явленіемъ въ сѣверно-русскомъ монашествѣ было существованіе частной собственности не только въ отшельническихъ, но даже въ общежительныхъ монастыряхъ: оттого въ монастырскомъ быту нерѣдко возникали разные безпорядки. Діонисій старался помочь этому горю посредствомъ сообщенія сѣверному общежительству болѣе правильной организаціи. Изъ уставной грамоты, данной имъ Псковскому Снѣтогорскому монастырю, довольно ясно видно устройство общежительныхъ монастырей; и хотя грамота Діонисія, возбудивъ неудовольствіе въ членахъ Снѣтогорскаго монастыря, вѣроятно, вслѣдствіе предоставленія всей власти въ монастырѣ одному игумену, была отмѣнена въ 1418 году, подобно первой Діонисіевой грамотѣ, тѣмъ не менѣе введенное имъ общежительство было подтверждено и получило дальнѣйшее развитіе [1]). Между тѣмъ какъ въ отшельническихъ монастыряхъ каждый инокъ жилъ самъ по себѣ и самъ о себѣ заботился, въ общежительныхъ монастыряхъ изъ монаховъ образовалась община *вкладчиковъ*, такъ каждый при поступленіи своемъ въ монастырь долженъ былъ вносить особенный вкупъ или вкладъ. Сообразно съ выработанными въ Византіи правилами, вкладъ оставался за монастыремъ не только въ томъ случаѣ, когда вкладчикъ умиралъ, но даже и тогда, когда онъ былъ изгоняемъ за дурное поведеніе или непослушаніе игумену, или же самъ добровольно оставлялъ монастырь по какимъ-либо обстоятельствамъ [2]). Послѣднее опредѣленіе клонилось, очевидно, къ той цѣли, чтобы воспрепятствовать бродячей жизни монашества, которая по харак-

---

[1]) А. И., I, 52, № 25, 1418 г.: «Прислали есте по мнѣ (Фотію) вашему иночьству уставленіе, списанное отъ почившаго владыки Діонисья, уставъ изложенъ, взятый, якоже пишетъ, отъ ктитора тоя обители... И язъ убо тое запрещеніе и тягость Діонисьеву отлагаю»...

[2]) Novella V de monachis, a. 535 А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «А непокориваго мниха... выженуть его изъ монастыря, да не вдадутъ ему отъ внесеннаго въ монастырь ничтоже». Тамъ же, I, 50, № 24, 1416—1421 гг.

теру времени могла бы получать большіе размѣры, если бы было дозволено получать вклады обратно. Не всегда однако внесеніе вклада считалось необходимымъ для поступленія въ общежительный монастырь. По крайней мѣрѣ, были монастыри, которые хотя и не отказывались отъ вкупа, тѣмъ не менѣе на безусловное требованіе вклада смотрѣли неблагосклонно и принимали къ себѣ желающихъ безъ вкупа, „за богорадъ“ [1]). Естественно, что монахи, поступавшіе въ монастырь за богорадъ, образовали, противоположно вкладчикамъ, представлявшимъ осѣдлое населеніе монастыря, подвижной, бродячій слой его обитателей.

Не однимъ только устройствомъ общежитія отличались большіе монастыри отъ отшельническихъ, но и характеромъ внутренняго управленія и отношеній къ своему владыкѣ. Хотя характеръ византійскаго каноническаго права и не допускалъ изъятія монастырей изъ-подъ власти своего епископа, тѣмъ не менѣе этотъ характеръ, какъ показано выше, не могъ сохраниться за русскою церковью, которая, вслѣдствіе недостаточнаго сознанія византійскаго образца, и здѣсь открывала обширное поле для разнаго рода привилегій. Поэтому, между тѣмъ какъ мелкіе монастыри и на Руси вполнѣ подчинялись власти владыки, и наравнѣ съ приходскимъ духовенствомъ, обязаны были вносить всѣ епископскія пошлины, знатнѣйшіе монастыри мало по малу совсѣмъ выходятъ изъ-подъ владычной опеки и устраиваютъ свое собственное управленіе [2]). Въ монастырскомъ управленіе ученые старались отыскать свойственное каноническому праву искусное соединеніе единичной власти съ коллегіальною; но эта попытка собственно должна быть отнесена къ разряду чистыхъ иллюзій. Правда, въ монастырскомъ начальствѣ встрѣчаются элементы единичной и коллегіальной властей;

[1]) А. А. Э., I, 83, № 108, до 1479 г.: «А которой братъ придеть въ монастырь и иметь бити челомъ игумену и всей братьи, а пріяти игумену съ братіею по пословицѣ. А которои чернець или бѣлецъ дасть что въ обитель св. святитель (Евфросиніевскую)... въ область, изъ добрые воли, спасеніа ради душа своеа, такоже и милостыню, а не вкупъ, занеже вкупа нѣсть въ монастырѣ, ино того не искати на игуменѣ и на чернцѣхъ».

[2]) А. А. Э., I, 63, № 87, 1470 — 1471 гг.: «А во владычень судъ и въ тысяцкого, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, по старинѣ».

но это были элементы, лишенные свойственной каноническому праву связи. Въ числѣ единоличныхъ монастырскихъ властей мы встрѣчаемъ прежде всего игумена, представлявшаго неограниченный духовный авторитетъ, затѣмъ келаря, завѣдывавшаго свѣтскими, мірскими дѣлами монастыря, и казначея, спеціально распоряжавшагося монастырскою казной; однако не слѣдуетъ опускать при этомъ изъ виду, что распредѣленіе должностей не всегда было одинаково: могло случиться, что нѣкоторыхъ должностей не существовало, но за то являлись другія, напримѣръ, ключника (эконома) [1]). Коллегіальная же власть была представляема *соборомъ*, заключавшимъ въ себѣ, кромѣ поименованныхъ выше лицъ, еще нѣсколько монастырскихъ братій или старцевъ, напримѣръ, трехъ или четырехъ, а также и церковный причтъ: оттого братія или старцы назывались соборными. Сверхъ того, въ монастырскихъ соборахъ принимаютъ участіе и церковные старосты, какъ представители мірскаго патроната надъ монастырями [2]). Такое монастырское устройство, чуждое опредѣленныхъ отношеній между соборомъ и игуменомъ, представляетъ не искусное соединеніе единоличной власти и коллегіальной, а смѣшеніе противоположныхъ началъ, свободы и деспотизма. Съ одной стороны, абсолютное повиновеніе игумену составляетъ существенную черту всякаго монастырскаго устава, съ другой—игуменъ является выборнымъ, излюбленнымъ братіей лицемъ, и по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ обязывается самимъ уставомъ прибѣгать къ собору, иногда изъ всей братіи (вѣроятно, тогда, когда монастырь былъ незначительнымъ), иногда же къ собору излюбленныхъ старцевъ [3]). Рядомъ съ самостоятельнымъ судомъ и управленіемъ, въ

---

[1]) А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «Отселѣ... на Снѣтной горѣ... ничтоже своего (имѣти) ни игумену ни братіи... ни ѣсти въ келіи ни пити, не у келари просити; а келарю не дати, ни ключнику не дати никому же ничто же безъ игуменова слова».... А. И., I, 532, № 292, 1526—1530 гг.

[2]) А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 гг.: «А какова будетъ котора промежи братьи тоя обители, ино вѣдаетъ промежи ими игуменъ и старци и причетни тоя обители съ старостами св. Богородица». Тамъ же, I, 532, № 292, 1526—1530 гг.

[3]) А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «Послушаніе же и покорѣніе имѣть во всемъ

отношеніяхъ общежительныхъ монастырей къ своему верховному пастырю, замѣчается, сравнительно съ мелкими, и другое отличіе, состоявшее въ томъ, что большіе монастыри пользовались льготой отъ взноса въ владычнюю казну какъ поплѣшной, такъ и кормовой пошлинъ, подобно тому, какъ то же самое преимущество было предоставлено Троицкому собору; однако время, въ которое эти преимущества получили свое начало, точно неизвѣстно [1]).

Формально судьба обѣихъ реформъ Діонисія въ Псковской церкви была одинакова, такъ какъ обѣ были отмѣнены послѣдующими распоряженіями Московскихъ митрополитовъ; въ матеріальномъ же отношеніи она была совершенно различна: монастырское устройство, не смотря на уничтоженіе Діонисіева устава, было сохранено, а измѣненія въ общемъ строѣ церкви, направленныя преимущественно къ поддержанію порядка и къ устраненію ереси, были отмѣнены совершенно. Понятно поэтому, что спокойствіе, водворенное Діонисіемъ къ Псковской церкви, продолжалось недолго, и что снова явилась необходимость борьбы съ стригольниками, ученіе которыхъ ужь успѣло пустить глубокіе корни [2]). Въ этой борьбѣ было испробовано русскою іерархіей и духовное, и мірское оружіе. Представители церкви, митрополиты и Новгородскіе епископы, съ одной стороны, продолжали разъяснять заблужденія стригольниковъ, съ другой же—старались подрывать авторитетъ послѣднихъ разоблаченіемъ ихъ самозваннаго учительства. Съ этою цѣлью они въ особенности напирали на то, что стригольники, принимая на себя званіе учителей, уподоблялись ногѣ, начинающей играть роль головы, овцѣ, дѣлающей изъ себя па-

---

игумену....» А. А. Э., I, 83, № 108, до 1479 г.: «А кого себѣ братья възлюбять игумена, того себѣ держать».

[1]) Евгеній, И. Кн. Пск., II, 93—94, 1555 гг.: «И язъ царь... тѣхъ Псковскихъ пятисоборскихъ старостъ всѣхъ игуменовъ и поповъ и діаконовъ.... опричь, четырехъ большихъ монастырей, Снѣтныя горы, да Елизарова м-ря, да Великой пустыни, да Мирожскаго м-ря и опричь Троицкаго собора, что во Псковѣ, пожаловалъ, велѣлъ есми имъ о той архіепископлѣ пошлинѣ и о подъѣздѣ дати сю свою жаловалную грамоту».

[2]) Ник. Лѣт., IV, 130, 1381 г.: «Тако сотвори (Діонисій) въ Новѣгородѣ и во Псковѣ и устави метежи и соблазны о проторехъ, иже на поставленіяхъ».

стуха [1]). Даже строгій образъ жизни стригольниковъ, отличавшихся постничествомъ, отсутствіемъ любостяжательности, книжностью, святители старались представить не чѣмъ инымъ, какъ лицемѣріемъ, фарисействомъ, простымъ средствомъ, къ которому де прибѣгаютъ всѣ еретики для успѣха дѣла [2]). Когда однако запасъ духовнаго оружія истощился, не исполнивъ предназначенной роли, тогда пастыри церкви благословили Псковичей на преслѣдованіе стригольниковъ, на поверганіе ихъ „въ изможденіе плоти" съ цѣлію спасенія души, требовали примѣненія къ нимъ даже внѣшней, лишь бы только не смертной казни [3]). Эти внушенія давали страшное оружіе въ руки самаго опаснаго врага стригольниковъ, именно низшаго духовенства. Послѣднее, будучи задѣто еретиками въ своемъ существованіи отнюдь не менѣе высшей іерархіи, такъ какъ было объявлено одинаково недостойнымъ, напрягло всѣ свои силы къ искорененію ереси и къ примѣненію къ Псковскимъ еретикамъ всякой, только бы не смертной казни. Ересь, которая успѣшно укрывалась во Псковѣ отъ перуновъ высшей іерархіи, должна была уступить усиліямъ низшей. Возбужденное низшимъ духовенствомъ преслѣдованіе противъ еретиковъ лишило ихъ послѣдней точки опоры; ересь потерпѣла послѣднее пораженіе тамъ, гдѣ она открылась, — во Псковѣ. Успѣвшіе избѣгнуть изможденія плоти еретики должны были оставить Псковъ и разбрестись въ разныя стороны [4]). Отъ этого районъ ереси расширился, и подкрѣпленная свѣжими силами, она открыла въ Новгородѣ новую борьбу противъ церкви въ ученіи жидовствующихъ [5]).

Такимъ образомъ, не смотря на всю свою важность, затруд-

---

[1]) А. И., I, 14, № 6, 1388—1395 гг.

[2]) А. И., I, 15, № 6, 1388—1395 гг.

[3]) А. И., I, 64, № 33, 1427 г.: «Ино по вел. Апост. Павла слову, къ Коринѳяномъ пишуща: «предайте, рече, таковаго въ изможеніе плоти, яко да духъ спасется». Тамъ же, I, 66, № 34, 1427 г.: «И яко же убо преже къ вамъ писахъ, и нынѣ пишу, удаляйте собе отъ тѣхъ въ ястіи и питіи, и казньми (толико не смертными, но внѣшнѣми казньми) и заточеньми приводяще тѣхъ, да будутъ въ познаніе и обращеніе къ Богу».

[4]) А. И. I, 65, № 34, 1427: «И пишете ми, сынове.... что есте по моей грамотѣ тѣхъ стриголниковъ обыскали и показнили»... Тамъ же, I, 66: «А что пишете, что иніи тіе стриголници побѣгали, а которіи осталися»....

[5]) Ср. Бестужевъ-Рюминъ, Рус. Ист., Спб. 1872, 381—384.

ненія, волновавшія Псковскую церковь, не привели еще Псковское церковное устройство ни къ какимъ существеннымъ измѣненіямъ; тѣмъ не менѣе они не остались безъ важныхъ послѣдствій для дальнѣйшаго хода Псковской исторіи. Церковныя затрудненія Пскова, вытекавшія главнымъ образомъ изъ неудовольствій съ Новгородскимъ владыкою, заставляли Псковичей нерѣдко обращаться съ вопросами о церковныхъ дѣлахъ прямо къ Московскому митрополиту; а столкновенія Великаго Новгорода съ митрополитомъ побуждали послѣдняго благосклонно смотрѣть на непосредственныя сношенія съ нимъ Псковичей. Минуя Новгородскаго владыку, Псковичи посылали своихъ ставленниковъ на посвященье къ митрополиту и извѣщали его о своихъ церковныхъ нуждахъ; митрополиты не только удовлетворяли этимъ нуждамъ: посвящали ставленниковъ, посылали во Псковъ церковное правило, синодикъ, антиминсы, разъясняли разные церковные обычаи [1]), но и сами приглашали къ себѣ людей изъ среды Псковскаго духовенства для посвященія ихъ въ настоящій церковный порядокъ, пѣніе и службу [2]), и такимъ образомъ не мало содѣйствовали ближайшему ознакомленію Псковичей съ Москвою. А ближайшее знакомство съ могущественной Москвой для Псковичей, тревожимыхъ постоянными внѣшними опасностями и неимѣвшихъ никакой опоры въ непосредственныхъ сосѣдяхъ, было какъ нельзя болѣе кстати.

---

¹) А. И., I, 17—18, № 8, 1392—1395 г.: «Благословленье Кипріяна.... во Псковъ... Свѣдомо вамъ, что пріѣздилъ здѣсе къ намъ попъ Харитонъ отъ васъ съ товарищи на поставленіе: и мы ихъ поставили, отпустили... А чего будетъ нынѣ не поспѣли списати, что вамъ надобьно, а то хочемъ излегка заставити писати, да и то у васъ же будетъ...»

²) А. И., 1, 69, № 35, 1430 г.: «Да прислали бы есте къ мнѣ единаго отъ священникъ, человѣка искусна, и азъ (Фотій) научю его о всѣхъ о церковныхъ правилѣхъ, и о пѣніи церковнѣмъ, и о святыхъ службахъ»...

IV.

ТОРЖЕСТВО МОСКОВСКАГО ПОРЯДКА.

Подчиненіе Московскому владычеству, характеризующее Псковскую исторію на рубежѣ XIV и XV столѣтій, отнюдь не было результатомъ внѣшняго давленія великихъ князей Московскихъ: на долю послѣднихъ собственно выпало только одно дальнѣйшее управленіе этимъ движеніемъ, утвержденіе прочной связи тамъ, гдѣ водворялось первоначально одно внѣшнее соединеніе, окончаніе того, что открывалось совершенно независимо отъ ихъ собственной инипіативы. Настоящій же источникъ этого явленія заключается въ измѣненіи общаго хода исторіи, въ поворотѣ исторической жизни отъ особнаго существованія, сдѣлавшагося рѣшительно невозможнымъ, къ соединенію разрозненныхъ древне-русскихъ княженій и земель въ одно національное цѣлое. Предшествующая исторія Пскова не только доказала рѣшительную необходимость этого поворота, но вмѣстѣ съ тѣмъ облегчила значительно и самый переходъ подъ Московское владычество, такъ что послѣдній совершился непримѣтно, какъ-бы самъ собою, не смотря на то что Псковъ совсѣмъ не имѣлъ съ Москвою никакой территоріальной связи. Съ одной стороны, наступательныя дѣйствія сосѣдей, не только грозившихъ Пскову отторженіемъ той или другой мѣстности, но и явно питавшихъ заманчивыя мечты о полномъ покореніи своей власти этого передоваго оплота Русской земли на западѣ, побуждали Псковичей искать спасенія въ чьей-либо посторонней помощи. Съ другой, сношенія Псковскаго духовенства съ Московскимъ митрополитомъ, клонившіяся къ устра-

нію церковныхъ безпорядковъ помимо Новгородскаго владыки, вели не только къ ближайшему ознакомленію съ Москвою, но и пріучали смотрѣть на послѣднюю, какъ на единственную землю, которая могла оказать Псковичамъ вѣрную помощь въ случаѣ внѣшнихъ затрудненій. Наконецъ, княженія во Псковѣ Тверскаго дома, въ особенности же двукратное пребываніе тамъ Александра Михайловича, доставили Псковичамъ друзей и между князьями восточной Руси, которые, въ случаѣ надобности, легко могли стать надежными посредниками между Псковомъ и великими князьями Московскими. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, переходъ Пскова подъ Московское владычество не заставилъ себя ждать долго, и въ 1399 году Ивана Андреевича, внука Ольгердова, замѣнилъ Иванъ Всеволодовичъ, внукъ Александра Тверскаго, испрошенный Псковичами изъ Москвы къ себѣ въ качествѣ великокняжескаго намѣстника [1]).

Правда, подчиненіе Московскому владычеству имѣло въ глазахъ Псковичей первоначально одно только формальное значеніе: Псковъ признавалъ своимъ главою великаго князя Московскаго, выражалъ это признаніе избраніемъ въ свои князья лицъ, угодныхъ великому князью, и чрезъ это одно уже считалъ себя въ правѣ надѣяться на вѣрную помощь со стороны послѣдняго, въ случаѣ столкновеній съ внѣшними врагами; всякое же измѣненіе въ характерѣ собственнаго устройства, требуемое новыми отношеніями, находилъ совершенно излишнимъ. Такъ, хотя Псковскій князь и сталъ носить съ этого времени титулъ: на Псковѣ князя, а отъ великихъ князей намѣстника [2]), тѣмъ не менѣе положеніе его отъ этого ни мало не измѣнялось. Псковичи и на Мо-

---

[1]) П. С. Р. св., IV, 195, 1399: «Князь Иванъ Андрѣевъ сынъ, а Олгердовъ внукъ, выѣхалъ изо Пскова... А Витовтъ... миръ разверзъ со своимъ зятемъ... и съ Новымъ городомъ, и съ Псковомъ; а Псковичи послаша... ко князю великому... и испросиша собѣ князя Ивана Всеволодовича, Александрова внука Тверского». Тамъ же, V, 18, 1400. Отецъ князя Ивана, Всеволодъ Александровичъ, также, кажется, княжилъ во Псковѣ, но только лѣтописью (П. С. Р. Л., IV, 186, 1341) несправедливо названъ Александромъ Всеволодовичемъ. Ср. Костомарова, С.—Р. Н. — П., I, 268; Бѣляева, Разсказы изъ Русск. ист., III, 246—247.

[2]) П. С. Р. Л., V, 33, 1461.

сковскихъ князей-намѣстниковъ смотрѣли тѣми же глазами, какими глядѣли на своихъ князей-кормленщиковъ: призывали къ себѣ изъ велико-княжеской дружины людей, которые были имъ любы, приводили послѣднихъ къ присягѣ исключительно на свое имя, и въ случаѣ взаимныхъ неудовольствій, по прежнему показывали путь изо Пскова, а за ревностную службу вознаграждали правомъ на судъ съ тѣми скудными доходами, которые вообще предоставлялись во Псковѣ въ пользованіе князя. Однако, новые Московскіе князья-намѣстники нашли положеніе, отведенное имъ Псковскимъ вѣчемъ, совершенно не соотвѣтствующимъ важности ихъ значенія для Пскова, и потому, ни мало не дожидаясь вмѣшательства самихъ великихъ князей, на свой страхъ, немедленно же принялись за улучшеніе своей участи,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, состоя въ ближайшемъ родствѣ съ великимъ княземъ, потому самому разсчитывали на болѣе привлекательное положеніе. Такъ, уже тотчасъ по соединеніи Пскова съ Москвою, Константинъ Димитріевичъ, меньшой братъ великаго князя Василія, княжившій, или, по крайней мѣрѣ, пребывавшій во Псковѣ три раза въ періодъ времени отъ 1407 по 1414 годъ, пытался завоевать себѣ тамъ новое положеніе и съ этою цѣлью къ грамотѣ, данной Пскову Тверскимъ княземъ Александромъ и опредѣлявшей права Псковскаго князя, присоединилъ, съ согласія Псковичей, свою собственную, касавшуюся, конечно, того же самаго предмета [1]). Къ сожалѣнію, не смотря на то, что Константинова грамота въ частяхъ сохранилась въ дошедшей до насъ Псковской правдѣ, не только трудно опредѣлить ея содержаніе, но даже самое участіе Константина Димитріевича въ составленіи правды нѣкоторымъ ученымъ, какъ напримѣръ, г. Калачеву, кажется сомнительнымъ. Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Пскови-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 198, 1407: «И Псковичи... испросиша себѣ князя брата князя великого меншего Констянтина»... Ср. тамъ же, VI, 134, 1406. П. С. Р. Л., IV, 201, 1412: «Псковичи... испросиша собѣ князя Костянтина, меншего брата великого князя»... Ср. тамъ же, V, 22, 1412. П. С. Р. Л., V, 22, 1413: «князь Костянтинъ отъѣха въ Новгородъ, и тамо пребысть годъ, и паки пріѣха во Псковъ»... Тамъ же, V, 22, 1414: «князь Костянтинъ поѣха изо Пскова въ Москву».

чи сами просили въ 1416 г. Московскаго митрополита Фотія о разрѣшеніи ихъ отъ присяги, принесенной грамотѣ Константина, вслѣдствіе нѣкоторыхъ постановленій ея, отяготительныхъ для народа, г. Калачевъ приходитъ къ заключенію, что грамота Константина, о которой упоминается въ Псковской правдѣ, какъ объ одномъ изъ ея источниковъ [1]), совсѣмъ не одно и тоже съ грамотой Константина Димитріевича, о которой говоритъ митрополичье посланіе [2]), и что потому составленіе первой грамоты нужно приписывать какому-либо иному Константину, но никакъ не Константину Димитріевичу. Но такъ какъ, съ другой стороны, Псковская исторія разсматриваемаго времени, не смотря на свою сравнительно большую обстоятельность, знаетъ всего только двухъ Константиновъ — Константина Димитріевича, меньшаго брата Василія I, и Константина Бѣлозерскаго, бывшаго не болѣе, какъ только простымъ намѣстникомъ перваго, во время отсутствія его изо Пскова, то сомнѣніе г. Калачева становится фактически невозможнымъ, будучи лишено всякой опредѣленной почвы [3]). Да и по самой сущности своей, противорѣчіе, указанное г. Калачевымъ, является, не болѣе, какъ только кажущимся: Константинова грамота дѣйствительно могла быть отмѣнена Псковичами, вслѣдствіе ея отяготительности; тѣмъ не менѣе, ничто не препятствовало имъ принять ее, благодаря заключавшимся въ ней Псковскимъ пошлинамъ, за одинъ изъ источниковъ свода узаконеній, представляемаго намъ Псковскою правдою; даже самое составленіе въ 1467 году свода Псковскихъ узаконеній будетъ понятнѣе, если имѣть въ виду, что предшествующія Псковскія грамоты уже не всѣ имѣли обязательную силу.

---

[1]) Пск. Судн. Гр., 2-е изд., стр. 1: «і изъ княжъ Костянтиновы грамоты».

[2]) А. И., I, 49, № 23, 1416: «и прислали есте ко мнѣ (Фотію) и уставленную свою грамоту, послѣднюю, цѣловалную, сына моего кн. Костянтина Димитріевича, и сказалъ ми сынъ мой кн. Андрей Александровичъ и тѣ ваши бояре... что отъ тое грамоты отъ новые... христіаномъ ставится пакостно и душевредно всей вашей державѣ... А изъ васъ, своихъ дѣтей, благословляю порушити ту новину, нужную грамоту христіаномъ».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 198, 1407: «Князь Костянтинъ великій посла слугу своего князя Костянтина на добро Пскову въ Новгородъ». Псковская вторая

Гораздо труднѣе сказать что-либо положительное о содержаніи грамоты Константина, равно какъ и о мѣстѣ, которое занимаетъ она въ дошедшей до насъ Псковской правдѣ, особенно въ виду того обстоятельства, что въ составъ правды, благодаря отмѣнѣ Псковичами Константиновой грамоты, естественно не могли войдти тѣ именно статьи, которыя заключали въ себѣ отличительныя черты послѣдней. Однако, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Псковская правда, подобно другимъ древне-русскимъ памятникамъ, располагаетъ свои статьи въ хронологическомъ порядкѣ, уже г. Энгельманъ пришелъ къ убѣжденію, что Константинова грамота начинается съ 20 строки 12 страницы Псковской правды по первому, или же съ 15 строки 11 страницы по второму изданію ея г. Мурзакевичемъ. Мнѣніе свое г. Энгельманъ основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что съ 12 страницы явно различается новая часть правды, заявляющая о себѣ какъ ссылками на первую половину, такъ равно и открывающеюся соотвѣтственностью статей, то-есть, повтореніемъ прежнихъ матерій съ разными дополненіями и видоизмѣненіями. А такъ какъ сама Псковская правда главными источниками своими называетъ грамоты князей Александра и Константина, то весьма естественно, что если первую часть правды счесть за грамоту Александра съ позднѣйшими приписками, то вторая часть будетъ не что иное, какъ сокращеніе Константиновой грамоты, соединенное, въ свою очередь, съ дальнѣйшими приписками. Но не смотря на всю свою связность, аргументація эта не чужда, однако, одного важнаго

лѣтопись (П. С. Р. Л., V, 20, 1407) называетъ послѣдняго Константина Дубровскимъ или Добровскимъ, какъ читалъ Карамзинъ въ И. Г. Р., V, прим. 202: но очевидно, что прозвище Дубровскій или Добровскій есть не что иное, какъ извращеніе словъ: добро Пскову, которыхъ нѣтъ во второй Псковской лѣтописи. Собственно же подъ вторымъ Константинъ нужно разумѣть не кого иного, какъ Константина Бѣлозерскаго, который, по удаленіи Константина Димитріевича (П. С. Р. Л. IV, 198, 1406; V, 20, 1407), оставался еще съ годъ во Псковѣ, по всей вѣроятности, въ качествѣ намѣстника послѣдняго. П. С. Р. Л., IV, 199, 1408: «князь Костянтинъ Бѣлозерскій выѣха вонъ изо Пскова, а не учинивъ помощи никоея же». Въ противномъ случаѣ, будетъ трудно объяснить, почему лѣтопись, щедрая на извѣстія о князьяхъ, умолчала о появленіи во Псковъ Константина Бѣлозерскаго.

недостатка, того именно, что основывается на одной формальной сторонѣ дѣла, не вникая нимало въ его содержаніе, въ соотвѣтствіе второй части Псковской правды съ характеромъ Константиновой грамоты. Послѣдняя, какъ извѣстно, была найдена Псковичами для себя обременительною; а между тѣмъ, вторая часть Псковской правды открывается рядомъ статей, которая явно имѣютъ цѣлію гарантированіе интересовъ господина Пскова и потому меньше всего могутъ быть относимы ко времени Константина. Поэтому, гораздо естественнѣе искать Константиновой грамоты съ ея приписками не во второй части Псковской правды, представляющей скорѣе продуктъ позднѣйшей исторіи, а въ первой. Дѣйствительно, можно не безъ основанія думать, что Константиновой грамотѣ скорѣе всего соотвѣтствуетъ отдѣлъ Псковской правды, обнимающій собою пространство отъ 1 строки 8 страницы до 16 строки 11 страницы Правды, по второму изданію ея г. Мурзакевичемъ. Съ одной стороны несомнѣнно, что этотъ отдѣлъ Правды совсѣмъ не обязанъ своимъ происхожденіемъ Александру Тверскому, которому по справедливости приписывается составленіе начала Псковской грамоты: иначе было бы трудно объяснить появленіе въ немъ опредѣленій, которыя, повторяя прежнія матеріи въ болѣе общей формѣ, дѣлаютъ соотвѣтственныя статьи начала Правды совершенно не нужными [1]). Съ другой, самое содержаніе этого отдѣла Псковской грамоты находится какъ бы въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ характеромъ Константиновой грамоты. Заключая въ себѣ опредѣленія правъ княжескихъ людей, исполнявшихъ при судѣ различныя обязанности, этотъ отдѣлъ является какъ бы естественнымъ дополненіемъ Александровой грамоты, занимающейся исключительно положеніемъ самаго

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 8—9: «А також кто купилъ на торгу, а оу кого купилъ не знаетъ его, а людемъ будетъ добрымъ вѣдомо, а оу него имаются человѣкъ 4 или 5, скажутъ како право предъ Богомъ: предъ нами въ торгу купитъ, ино той правъ, оу кого имаются, и целованья ему нѣтъ; а не будетъ оу коего свидѣтелей, ино ему правда дати, а той не доискался». Ср. тамъ же, стр. 7: «А которой человѣкъ оу человѣка знаетъ свое што изгибшее, а тому молвитъ то слово: купилъ есми на торгу, а того жъ есми не знаю, оу кого купилъ; ино ему правда дать на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а съ татемъ не подѣлился» и т. д.

Псковскаго князя. Въ дошедшемъ до насъ видѣ эти опредѣленія не представляютъ, конечно, ничего не согласнаго съ характеромъ Псковскаго устройства; тѣмъ не менѣе они свидѣтельствуютъ о возможности существованія въ Константиновой грамотѣ такихъ статей, которыя, будучи найдены обременительными, и побудили Псковичей отмѣнить въ 1416 году Константинову грамоту.

Испытавъ на первый разъ неудачу въ своихъ стремленіяхъ къ непосредственному поднятію значенія княжеской власти во Псковѣ, Псковскіе намѣстники старались вознаградить себя, по крайней мѣрѣ, косвенно, чрезъ расширеніе сферы дѣйствія окружавшей ихъ дружины. До сихъ поръ содержаніе послѣдней падало большею частію на скудную княжескую казну, такъ какъ право князей опредѣлять отъ себя намѣстниковъ въ Псковскую землю для суда было ограничено Псковичами всего только двумя пригородами. А между тѣмъ, число Псковскихъ пригородовъ въ теченіе XIV вѣка и начала XV значительно возрасло и достигло числа семи: къ двумъ древнѣйшимъ пригородамъ, Изборску и Острову, зависѣвшимъ по суду отъ княжескихъ намѣстниковъ, присоединилось до 1426 года пять новыхъ, управлявшихся исключительно своими мѣстными властями, а именно: Вороночь, Велье, Коложе, замѣненный въ 1414 году Опочкой, Котельно и Вревъ. Такое раздвоеніе естественно подавало Псковскимъ князьямъ благопріятный поводъ къ возбужденію вопроса о расширеніи ихъ судебной власти, къ заявленію притязаній на подчиненіе суду княжескихъ намѣстниковъ не только двухъ древнѣйшихъ пригородовъ, но и всѣхъ явившихся въ послѣдствіи. Притязанія эти не противорѣчили особенно интересамъ Псковичей, и потому Псковскіе князья легко добились права назначать отъ себя намѣстниковъ во всѣ семь Псковскихъ пригородовъ; да и о времени, когда случилось это событіе, не можетъ быть большихъ разнорѣчій, такъ какъ періодъ, въ продолженіи котораго существовало во Псковѣ не болѣе и не менѣе семи пригородовъ, обнимаетъ собою пространство времени отъ 1414 по 1428 годъ. Въ началѣ XV столѣтія число Псковскихъ пригородовъ не превышало шести, а съ 1406 года, когда было сожжено Коложе,

даже и пяти; съ построеніемъ въ 1414 г. Опочки и появленіемъ Врева (впервые упоминается подъ 1426 годомъ) это число достигло цифры семи, но держалось на этой высотѣ только до 1428 года, когда сгорѣлъ пригородъ Котельно; а въ 1431 году всѣхъ Псковскихъ пригородовъ было уже восемь [1]). Одновременно съ объединеніемъ пригородовъ въ судебномъ отношеніи и подчиненіемъ ихъ княжеской власти, шло и объединеніе ихъ хозяйственнаго управленія: для этой цѣли всѣ семь Псковскихъ пригородовъ были распредѣлены по концамъ города Пскова, число которыхъ къ этому времени уже, по всей вѣроятности, достигло полной своей цифры—шести. На существованіе такого распредѣленія пригоровъ по концамъ города, за этотъ періодъ, указываетъ то обстоятельство, что въ послѣдствіи, въ 1468 году, между Псковскими пригородами различались старые, приписанные къ концамъ, и новые, еще предоставленные своимъ мѣстнымъ силамъ: въ виду соотвѣтствія распредѣленія пригородовъ по концамъ съ расширеніемъ судебной власти князя, не трудно догадаться, что подъ старыми пригородами разумѣлись тогда тѣ же семь Псковскихъ пригородовъ, которые были отданы Псковичами въ завѣдываніе своего князя.

Пріобрѣтеніе, сдѣлаланное Псковскими князьями въ началѣ XV столѣтія, было со стороны Псковичей не болѣе, какъ уступкой, подобною той, какую они сдѣлали раньше, предоставивъ князю право посылать намѣстниковъ только на два древнѣйшіе Псковскіе пригорода. Эта уступка совсѣмъ не была равнозначительна съ пріобрѣтеніемъ права на судъ во всей Псковской землѣ; она отнюдь не передавала въ руки князя тѣ изъ Псковскихъ пригородовъ, которые имѣли явиться въ послѣдствіи; оттого, съ тече-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 197, 1406: «Георгій посадникъ... подъимъ съ собою мало дружины Псковичь, охочихъ людей, Семенъ съ Изборяны, и Островичи, и Вороночане и Вельяне, шедше повоеваша Ржеву...» Тамъ же, IV, 197, 1406: «пріиде местеръ Рижскій... и ходиша по волости 2 недѣли, и подъ Островомъ и подъ Котельномъ были...» Умалчивая о Вревѣ, мѣсто котораго находится на самомъ театрѣ дѣйствій, эти извѣстія показываютъ, что послѣдняго тогда еще не существовало и что число Псковскихъ пригородовъ, по сожженіи Коложа, было именно пять.

ніемъ исторической жизни, въ Псковской землѣ подлѣ пригородовъ, управлявшихся княжескими намѣстниками, возникаетъ вновь рядъ другихъ пригородовъ, предоставленныхъ ихъ собственнымъ мѣстнымъ силамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и со стороны князей обнаруживаются новыя стремленія подчинить своей власти и эти послѣдніе. Допустивъ однако разъ уступку въ пользу княжеской власти, Псковичи тѣмъ самымъ лишили себя твердой почвы для противостоянія дальнѣйшимъ притязаніямъ своихъ намѣстниковъ, и сами сдѣлали устраненіе послѣднихъ отъ суда въ новыхъ пригородахъ рѣшительно невозможнымъ,—тѣмъ болѣе, что вліяніе Москвы на ходъ Псковскихъ дѣлъ въ это время все болѣе и болѣе возростало. Потому, въ 1467 г., когда число Псковскихъ пригородовъ увеличилось до двѣнадцати, къ семи старымъ пригородамъ присоединилось пять новыхъ, а именно: Гдовъ, Володиміредъ, Кобылій, Красный и Вишгородъ [1]), Господинъ Псковъ безъ особеннаго сопротивленія предоставилъ своимъ князьямъ право назначать изъ ихъ людей намѣстниковъ во всѣ двѣнадцать Псковскихъ пригородовъ, и это вторичное расширеніе власти Псковскаго князя было вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ до конца самостоятельнаго существованія Пскова число пригородовъ не только не увеличивалось, но даже уменьшилось до цифры десяти, ибо два пригорода, Кобылій и Вышгородъ, будучи разрушены непріятелями, обратились въ простыя городища [2]). Такимъ образомъ, изъ предыдущаго видно совершенно ясно, что число 12 совсѣмъ не имѣло того мистическаго смысла, какой придаетъ ему г. Бѣляевъ, утверждая, что, не смотря на паденіе однихъ и возник-

---

[1]) Въ 1431 году были построены Выборъ, въ округѣ сгорѣвшаго въ 1428 г. Котельна, и Гдовъ; въ 1462 г.—Кобылій и Володиміредъ; въ 1464 г.—Красный; о построеніи Вышгорода (Городца, Городка, Вышгородка) хотя и говорится подъ 1476 годомъ, но весьма вѣроятно, что онъ существовалъ и раньше.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 231, 1467: «пріѣхавъ отъ великого князя съ Москвы Ѳедоръ Юрьевичь... а посадники Псковскіи и Псковъ ему на всѣхъ 12 пригородахъ даша намѣстниковъ держати и судови судити его намѣстникомъ, на которыхъ ни буди, а изъ вѣковъ княжіи намѣстники не бывали, колко ни есть князей бывало во Псковѣ на столу, а намѣстники княжіи были толко на 7 пригородахъ Псковскихъ». Тамъ же, IV, 262, 1480.

новеніе другихъ пригородовъ, число ихъ въ теченіе всей Псковской исторіи оставалось однимъ и тѣмъ же. Такое утвержденіе можетъ быть объяснено только однимъ крайнимъ смѣшеніемъ понятій; да и дѣйствительно, при перечисленіи пригородовъ, г. Бѣляевъ не руководился никакимъ опредѣленнымъ правиломъ, возводилъ на степень пригородовъ мѣстечки, не имѣющія на то никакого права, какъ напримѣръ, Озолицу; принималъ нарицательныя имена за собственныя, а подъ собственными разумѣлъ особенные пригороды, какъ напримѣръ Новый городецъ и Кобылій что собственно одно и то же; наконецъ, относилъ къ Псковской землѣ пригороды, которые принадлежали Великому Новгороду, какъ напримѣръ, Кошкинъ городокъ, и даже такіе, которые явились въ послѣдствіи, уже по паденіи Пскова, какъ напримѣръ Заволочье и Дубковъ [1]).

Постепенное расширеніе судебной власти Псковскаго князя на всѣ двѣнадцать пригородовъ, въ строгомъ смыслѣ, еще не было нарушеніемъ Псковской старины со стороны Московскихъ намѣстниковъ, а только дальнѣйшимъ развитіемъ княжескаго права на судъ въ Псковской области, допускаемаго Псковичами даже и въ первоначальное время своей самобытности. Оно не грозило Пскову никакою другою опасностью, кромѣ тѣхъ злоупотребленій, которыя легко могли вкрасться въ дѣйствія княжескихъ пригородскихъ намѣстниковъ; да и эту опасность Псковичи старались устранить немедленно же, противопоставивъ объединенію судебной власти, съ одной стороны, подобное же объединеніе хозяйственнаго управленія Псковской земли, а съ другой—изданіе Псковскихъ узаконеній. Въ первомъ отношеніи нужно замѣтить, что подобно тому, какъ подчиненіе княжеской власти вновь возникавшихъ пригородовъ требовало каждый разъ особеннаго вѣчеваго постановленія, такъ точно и распредѣленіе пригородовъ по концамъ, въ видахъ объединенія хозяйственнаго управленія, совершалось не само собою, по мѣрѣ умноженія пригородовъ, а опредѣлялось вѣчемъ каждый разъ особенно. Оттого въ Псковской

---

[1]) Бѣляевъ, Разск. изъ Русск. Ист., III, 11—14.

землѣ подлѣ пригородовъ, приписанныхъ къ концамъ, или старыхъ, существовали обыкновенно, еще и новые, предоставленные исключительно своимъ мѣстнымъ силамъ: въ разсматриваемое время такихъ новыхъ пригородовъ было цѣлыхъ пять. Въ 1468 году и эти пять новыхъ пригородовъ были приписаны, по опредѣленію вѣча, въ концамъ, такъ что съ тѣхъ поръ, вплоть до паденія Пскова, каждый конецъ,—а ихъ всѣхъ было шесть,—имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи ровно по два Псковскіе пригорода [1]). Способъ, принятый за основаніе при этомъ распредѣленіи пригородовъ, прямо не вытекалъ ни изъ какого разумнаго начала, а представлялъ все дѣло на волю случая: жеребій, вынимаемый съ престола сыномъ великокняжескаго намѣстника, рѣшалъ участь каждаго пригорода, относя его къ вѣдомству того или другаго конца. Такой способъ, конечно, лишаетъ насъ всякой возможности опредѣлить, какіе пригороды выпали при распредѣленіи на долю каждаго изъ концовъ, но за то не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ своей конечной цѣли: распредѣленіе по жребію, препятствуя установленію мѣстной связи пригородовъ не только между собою, но и съ концами старѣйшаго города, необходимо вело къ полному разъединенію и изолированію пригородовъ и отнимало у нихъ всякую возможность къ возстаніямъ противъ старѣйшаго вѣча, которыя въ древности, особенно въ предѣлахъ Великаго Новгорода, были весьма обыкновеннымъ явленіемъ [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 231, 1468: «весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы, коему же концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили, а ималъ жеребей, князь Василей, князя Ѳедора Юрьевича сынъ, съ престола...» Евгеній, въ И. К. П., I, 31, говоритъ, что «въ 1468 г. считалось старыхъ уѣздныхъ (городовъ) только десять и два городища... кои Псковичи раздѣлили на концы города своего, приписавъ къ каждому въ подвѣдомство по два, а новые къ нимъ дѣлили по жребію». Въ своемъ утвержденіи Евгеній страннымъ образомъ забываетъ, что въ 1467 году во Псковѣ было всего 12 пригородовъ, и старыхъ и новыхъ (см. П. С. Р. Л., IV, 231, 1467: «на всѣхъ 12 пригородахъ»), и что это число не только что до 1468 года, но и вплоть до паденія Пскова не увеличилось ни на одинъ пригородъ.

[2]) Здѣсь кстати будетъ возвратиться къ вопросу о числѣ Псковскихъ концовъ. Г. Костомаровъ, въ С.-Р. Н.-П., II, 14, старается доказать, что «вѣроятно, ихъ было десять: подъ 1485 г. упоминается о посылкѣ изъ кон-

Съ другой стороны, утвержденіе однообразнаго княжескаго суда въ предѣлахъ всей Псковской земли естественно заставляло Псковичей стремиться къ составленію для князя и его пригородскихъ намѣстниковъ опредѣленнаго руководства, которое отнимало бы у послѣднихъ возможность къ злоупотребленіямъ: эти стремленія и выразились изданіемъ въ 1467 году на вѣчѣ Псковской правды или такъ-называемой судной граматы. До сихъ поръ законы, которыми могли руководствоваться власти, заключались въ отдѣльныхъ грамотахъ Александра Михайловича и Константина Дмитріевича и присоединенныхъ къ нимъ съ теченіемъ времени припискахъ. А въ такомъ видѣ, при пользованіи, законы оказывались не особенно удобнымъ орудіемъ: въ нихъ легко могли встрѣтиться разногласія и противорѣчія, да притомъ извѣстно, что грамота Константина съ 1416 г. потеряла свою обязательную силу: наконецъ, не нужно опускать изъ виду, что полувѣковая жизнь, слѣдовавшая за изданіемъ Константиновой грамоты, могла потребовать въ законахъ многихъ коренныхъ измѣненій. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Псковичи составили въ 1467 году сводъ своихъ законовъ, принявъ за основаніе его грамоты Александра и Константина: послѣднія, въ соединеніи со своими приписками и постановленіями 1467 года, образовали цѣлое, которое и дошло до насъ въ размѣрѣ отъ 1-й страницы до 13-й строки 15-й страницы Правды, по второму изданію ея г. Мурзакевичемъ. Послѣдняя же страница Псковской правды, на-

---

цовъ десяти бояръ. Такъ мы знаемъ, что ихъ было болѣе пяти, то слѣдовательно, не могло быть посылано по два боярина отъ конца, слѣдовательно, въ это время ихъ было послано по одному, слѣдовательно, концовъ было десять». Но въ лѣтописи сказано иначе: послано было четыре посадника и десять бояръ отъ концовъ, слѣдовательно, легко могло статься, что или между посадниками были лица, посланныя отъ концовъ, или же между посланными отъ концовъ могли быть лица и не боярскаго званія, о которыхъ поэтому и не упоминается. А тогда дѣло приходитъ въ согласіе со всѣми извѣстными фактами о концахъ. Лѣтописи знаютъ имена только шести Псковскихъ концовъ; изъ раздѣла 12 пригородовъ по два на каждый конецъ слѣдуетъ, что концовъ въ 1468 году было шесть; наконецъ о томъ же свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. На встрѣчу Софьи было отправлено:

П. С. Р. Л., IV, 244, 1474: «изъ конца по оскую».

П. С. Р. Л., IV, 245, 1373: «шесть насадовъ».

чинающаяся съ 13-й строки 15-й страницы, есть, по различными соображеніямъ, не что иное, какъ собраніе позднѣйшихъ приписокъ. Прежде всего, такой сводъ, какой былъ задуманъ Псковичами въ 1467 году, требуетъ нѣкоторой округленности и законченности: а въ правдѣ мы на самомъ дѣлѣ находимъ статью, которая по справедливости можетъ назваться заключительною: статья эта опредѣляетъ, что инициатива дальнѣйшихъ измѣненій въ законахъ, равно какъ и новыхъ приписокъ, принадлежитъ посадникамъ, которые и совершаютъ ихъ съ согласія вѣча. Затѣмъ, трудно ожидать, чтобы съ 1467 года, когда составлена была Псковская правда, вплоть до конца самостоятельнаго существованія Пскова, совсѣмъ не являлось никакой потребности въ дальнѣйшихъ припискахъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ статей послѣдней страницы Правды явно указываютъ на свое позднѣйшее составленіе. Такъ, напримѣръ, весьма вѣроятно, что статья о судѣ владычняго намѣстника явилась въ Правдѣ около 1471 года, когда въ церкви произошли большія смятенія, а слѣдовательно, возникла потребность въ новомъ, точнѣйшемъ опредѣленіи лицъ, подлежавшихъ церковному суду, равно какъ и въ подтвержденіи неприкосновенности самаго суда владычняго намѣстника [1]). То же самое нужно сказать и о статьѣ, воспрещавшей княжескимъ людямъ занятіе корчмою, продажу пива и меду, какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и на пригородахъ: статья эта, по всей вѣроятности, занесена въ Правду около 1474 года, когда вопросъ о корчмѣ былъ возбужденъ относительно иноземцевъ и разрѣшился окончательнымъ устраненіемъ послѣднихъ отъ этого выгоднаго занятія [2]). Наконецъ, только благодаря своему позднѣйшему составленію, послѣдняя часть Псковской правды и могла быть найдена

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 16; ср. П. С. Р. Л., IV, 238, 1471.

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г., стр. 16: «А княжимъ людемъ по дворомъ корчмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ ни бочкою меду не продавати.» А. З. Р., I, 85, № 69, 1474: «а корчмою пивомъ нѣмецкому гостю во Псковѣ не торговати». П. С. Р. Л., IV, 249, 1474.

въ формѣ отдѣльной грамоты, задолго прежде до открытія полной правды [1]).

По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, нельзя не признать, что въ дошедшей до насъ грамотѣ сводъ, составленный на вѣчѣ въ 1467 году, обнимаетъ пространство отъ первой до половины 15-й страницы. Но этотъ сводъ, какъ раньше было замѣчено, на 11-й страницѣ распадается на двѣ части, которыя историческая критика находила возможнымъ подѣлить между двумя грамотами Александра Михайловича и Константина Дмитріевича со связанными съ ними приписками. Но намъ кажется вѣроятнѣе, что вторая половина относится къ числу приписокъ, получившихъ начало во время самаго составленія свода Псковскихъ законовъ въ 1467 году. Дѣйствительно, при разборѣ этой части Правды нельзя не замѣтить тѣсной связи нѣкоторыхъ изъ ея статей съ современнымъ распространеніемъ власти Псковскаго князя на всѣ пригороды. Связь эта выражается не только въ обязанности присяги, наложенной съ тѣхъ поръ на представителей пригородовъ при судѣ княжескихъ намѣстниковъ [2]), но еще болѣе въ томъ контролѣ, который придумало Псковское вѣче для наблюденія за дѣйствіями послѣднихъ, равно какъ и за теченіемъ жизни въ пригородахъ. Дѣятельность самаго Псковскаго князя происходила на глазахъ всѣхъ гражданъ, и вѣче легко могло, въ случаѣ надобности, принять противъ нея необходимыя мѣры. Другое дѣло пригороды: сколько бы дѣйствія пригородскихъ намѣстниковъ не нарушали интересы пригорожанъ, жалобы послѣднихъ всегда звучали бы подобно гласу вопіющаго въ пустынѣ, отнюдь не достигая слуха горожанъ, если бы только грамоты изъ пригородовъ шли въ руки княжескаго дьяка. Поэтому Правда постановляла, что пригородскія грамоты долженъ читать исключительно свободный отъ княжескаго вліянія городской дьякъ, доводя, конечно, безъ утайки о содержаніи ихъ до свѣдѣнія Псковскаго вѣча [3]). Подобное же попеченіе о Псковскихъ интересахъ

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р., V, прим. 304; А. А. Э. I, 79, № 103, до 1477 г.

[2]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 11.

[3]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «А коли пріидетъ грамота

выражается и въ другихъ постановленіяхъ Правды—какъ во введеніи опредѣленныхъ пошлинъ за судебные труды княжескаго дьяка вмѣсто прежняго вознагражденія „по силѣ", такъ въ особенности въ измѣненіи способа отправленія княжескими людьми своихъ обязанностей [1]). Прежде позовниками служили обыкновенно княжескіе люди, Псковскіе же приставы являлись въ этомъ качествѣ только тогда, когда первые запрашивали съ истца не законную плату. Теперь же, съ расширеніемъ княжеской власти, было постановлено, чтобы позвы производились княжескими и Псковскими приставами не иначе, какъ вмѣстѣ, но за то чтобъ и судебныя пошлины дѣлились между ними пополамъ [2]). Оба эти явленія, какъ отстраненіе княжескихъ людей отъ чтенія пригородскихъ грамотъ, такъ и совмѣстное отправленіе позовниками своихъ обязанностей, ни мало не соотвѣтствуютъ характеру Константиновой грамоты, которая была отмѣнена, какъ извѣстно, всѣдствіе ея отяготительности для Псковичей.

Однако, параллельно съ этимъ стремленіемъ Псковскихъ князей къ расширенію своей судебной власти, не внушавшимъ Псковичамъ никакихъ серіозныхъ опасеній, уже рано открывается другое движеніе, которое, исходя отъ самихъ великихъ князей Московскихъ, грозило въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ниспроверженіемъ всего Псковскаго устройства и потому встрѣтило со стороны Псковичей самое живое противодѣйствіе. Но къ величайшему удивленію, это движеніе противъ вѣчеваго порядка отнюдь не являлось врагомъ историческаго права: какъ представитель вѣчевыхъ вольностей, Господинъ Псковъ, такъ равно и поборники единства всей Русской земли, великіе князья Московскіе, одинаково стояли въ этой борьбѣ на почвѣ пошлины или стари-

---

съ пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому».

[1]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной, все то имъ имати по денги. А толко княжой писецъ захочетъ не по силѣ, ино индѣ волно написати».. . Ср. тамъ же, стр. 8: «А княжей писецъ възметъ по силѣ истъцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной, а захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати»...

[2]) П. С. Г., 2-е изд., стр. 11.

ны. Конечно, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что подъ защиту послѣдней прибѣгали Псковичи, желая сохранить за собою прежнюю самобытность; но во всякомъ случаѣ, достойно замѣчанія, что подъ то же самое знамя старины становились и великіе князья Московскіе, и что они не только умѣли соединить безусловное признаніе старины со своими стремленіями къ водворенію новаго порядка, но даже находили въ старинѣ самое надежное оружіе къ уничтоженію своихъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что признавая безусловную обязательность старины, великіе князья не допускали ни малѣйшихъ отступленій отъ нея и со стороны Псковичей, считая себя въ противномъ случаѣ свободными въ своихъ дѣйствіяхъ: ибо нарушеніе старины одною стороной естественно не обязывало ея соблюденіемъ и другую. Необходимымъ слѣдствіемъ этого обоюдняго подчиненія старинѣ было то, что великіе князья еще строже, чѣмъ сами Псковичи, смотрѣли за всякимъ нарушеніемъ старины своими противниками, не оставляя безъ вниманія самыхъ ничтожныхъ мелочей, въ вѣрной надеждѣ, что эти мелочи легко могутъ повести къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Но одно простое наблюденіе за нарушеніемъ старины, во всякомъ случаѣ, поставило бы великихъ князей въ совершенную зависимость отъ образа дѣйствій ихъ противниковъ и обрекло бы на слишкомъ пассивмую роль, если бы они, въ случаѣ надобности, не умѣли создавать нарушенія старины искуственно и не прибѣгали бы къ разнаго рода технямъ и ухищреніямъ, чтобы только добиться отъ противниковъ хоть бы невольнаго отступленія отъ старины. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Московская политика, въ борьбѣ съ вѣчевымъ началомъ, постоянно отличалась двумя главными чертами: съ одной стороны, большою сдержанностью, совершенно естественною при выжиданіи нарушеній старины отъ самихъ противниковъ, а съ другой, крайнею искуственностью, являющеюся необходимымъ слѣдствіемъ стремленія сохранить за собою внѣшнюю справедливость, при помощи вынужденнаго отступленія отъ старины со стороны самихъ представителей вѣчеваго порядка.

Хотя ближайшая цѣль, которую поставила себѣ политика

великихъ князей Московскихъ, уже изначала заключалось не въ чемъ иномъ, какъ въ приближеніи Псковскаго княженія къ простому Московскому намѣстничеству; тѣмъ не менѣе, первые шаги на этомъ поприщѣ не произвели особеннаго впечатлѣнія на Псковичей, частію потому, что имѣли мѣсто внѣ предѣловъ собственно Псковской жизни, а частію и потому, что касались, по видимому, одной только обрядности. Какъ уже извѣстно, соединенію съ Москвой Псковичи придавали одно только формальное значеніе, и въ этомъ смыслѣ, регулировали, какъ внутреннія дѣла свои, такъ и отношенія къ сосѣдямъ, стараясь, въ послѣднемъ случаѣ, главнымъ образомъ о томъ, чтобъ обособить себя не только отъ Великаго Новгорода, но и отъ Москвы. Подобныя стремленія сдѣлаются отчасти понятными, если только вспомнить о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя приходилось испытывать Псковичамъ отъ иноземцевъ, благодаря долгой связи своей съ Великимъ Новгородомъ. Въ самомъ дѣлѣ, привыкнувъ, въ продолженіи Новгородскаго владычества, смотрѣть на Псковъ, какъ на Новгородскій пригородъ, иноземцы не находили нужнымъ оставлять своей привычки и тогда, когда Псковъ уже совершенно отдѣлился отъ Новгорода и сталъ на свои собственныя ноги, и потому въ международныхъ сношеніяхъ обращались не къ самому Пскову, а къ Великому Новгороду: сообщали свои объясненія, какъ это сдѣлали въ 1341 году Нѣмцы по поводу убіенія Псковскихъ пословъ на Опочнѣ, не Псковскому, а Новгородскому вѣчу [1]), или отправляли, какъ это было съ Литвою въ 1406 году, розметныя грамоты, извѣщавшія объ открытіи враждебныхъ дѣйствій противъ Пскова, опять-таки не во Псковъ, а въ Великій Новгородъ, предполагая такимъ образомъ умышленно или неумышленно первый въ зависимости отъ послѣдняго [2]). Съ присоединеніемъ къ Москвѣ, отно-

---

[1]) B. Hoeneke, Livländ. Reimchronik, von Höhlbaum, S. 10: «dewile sich ein solcker unfall mit Russen thogedrangen, dat ohrer 7 erschlagen worden (7 псковскихъ пословъ на Опочнѣ, см. П. С. Р. Л., IV, 186, 1341), so sege he (de meister) vor nutte an, dat men eine botschop... na Nougarden inn den groten rath gesant und den sulven tho erkennen gegeven hedde, wo alles ane ohre schult were togegan».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 197, 1406: «повоева (Витовтъ) Псковскую волость и

шенія Пскова усложнялись еще болѣе, такъ какъ иноземцы получали чрезъ это двойную возможность посылать извѣщенія о началѣ войны не только въ Новгородъ, но и въ Москву, и благодаря этому обстоятельству, безнаказано терзать Псковскую землю внезапными нашествіями; потому въ договорахъ съ сосѣдями, Псковичи старались выговорить первымъ условіемъ то, чтобъ они не посылали розметныхъ грамотъ ни въ Новгородъ, ни въ Москву, а доставляли бы ихъ прямо во Псковъ, и только по прошествіи извѣстнаго срока послѣ врученія грамоты, открывали бы войну [1]). Но подобное регулированіе внѣшнихъ отношеній Пскова, очевидно, ставило Москву въ неестественное положеніе: великіе князья должны были тратить свои силы на защиту Пскова, не имѣя съ своей стороны не только ни малѣйшаго вліянія на улаженіе отношеній послѣдняго къ сосѣдямъ, но даже и достаточныхъ свѣдѣній о предметѣ вражды. По этому, подтверждая въ своихъ отдѣльныхъ договорахъ съ западными сосѣдями статьи, обусловливавшія особность существованія названныхъ братьевъ, Великаго Новгорода и Пскова, великіе князья Московскіе вмѣстѣ съ тѣмъ предъявили и иныя требованія, обезпечивавшія уже ихъ собственный интересъ [2]). Такъ, въ случаѣ неудовольствій съ Великимъ Новгородомъ или Псковомъ, великіе князья Литовскіе, прежде собственной управы, должны были давать знать о нихъ въ Москву, да и вообще, не только не питать завоевательныхъ плановъ въ отношеніи Псковичей и Новгородцевъ, но даже не потворствовать имъ, если бы послѣдніе задумали передаться Литвѣ сами добровольно [3]).

городъ Коложе взя на миру, на крестномъ цѣлованіи, а миру не отказавъ... а грамоту розметную посла къ Новугороду».

[1]) А. З. Р., I, 51, № 38, 1440: «Аже вчыниться нелюбовъ мнѣ великому князю (Казиміру) до Пскова: и мнѣ великому князю тую грамоту крестную не слати ни на Москву ко князю Великому Василью, ни къ Новгороду, но положитѣ мнѣ тую грамоту крестную во Пъсковѣ».

[2]) Сборникъ Муханова, 1-е изд., 8, № 7, 1449: «А съ Нѣмцы ти (Казиміру IV), брате, держате вѣчный миръ, а съ Новгородцы опричный миръ, а со Псковичи опричный миръ».

[3]) Сборникъ Муханова, 8, № 7, 1449: «а имуть ти се Новгородцы и Псковичы давати, и тобѣ ихъ не прымайти королю; а въ чомъ тобѣ.... Казими-

И во внутреннихъ дѣлахъ, какъ во внѣшнихъ, великіе князья Московскіе не обнаружили сразу своего завѣтнаго желанія видѣть Псковскихъ князей простыми Московскими намѣстниками, а подъ предлогомъ обезопашенія своихъ собственныхъ интересовъ, стремились первоначально не болѣе какъ къ замѣщенію Псковскаго стола людьми, по крайней мѣрѣ, не враждебными Москвѣ, и въ этихъ видахъ добивались снисканія для себя тѣхъ же преимуществъ, которыми пользовались при замѣщеніи своего стола сами Псковичи. Смотря на своихъ князей, какъ на республиканскихъ магистратовъ, Псковичи обязывали ихъ, при утвержденіи на княжескомъ столѣ, цѣловать крестъ Пскову въ томъ, что они будутъ судить право и строго держаться старины, не преступая ни въ чемъ Псковскихъ пошлинъ и обычаевъ, но нимало не распространяли этой обязанности и на великихъ князей, какъ бы считая присягу намѣстниковъ, въ послѣднемъ случаѣ, совершенно излишнею. Пока, однако, сами Псковичи строго держались старины и призывали къ себѣ князей исключительно изъ Москвы, великіе князья оставляли это обстоятельство совершенно безъ всякаго вниманія; но лишь только въ княженіе Василія Темнаго на Псковскомъ столѣ стали появляться разные Литовскіе выходцы, лица совершенно чуждыя Москвѣ, изъ которыхъ развѣ только одинъ Владиміръ Даниловичъ былъ признанъ Василіемъ въ качествѣ своего Псковскаго намѣстника, какъ тотчасъ же присяга получила особенное значеніе, дѣлаясь въ рукахъ Московскихъ князей весьма удобнымъ средствомъ для опредѣленія своихъ настоящихъ друзей и недруговъ [1]). Потому, посылая отъ себя въ 1443 году намѣстника во Псковъ, Василій II не преминулъ за-

---

ру, Новгородцы и Псковичы сгрубятъ, и тобѣ мене великого князя Василья обославъ, да съ ними (я)ся вѣдати... А коли мнѣ великому князю Василью Новгородцы и Псковичы згрубятъ, а ухочу ихъ показнити, ино тобѣ королю Казимиру за нихъ не вступатися». А. З. Р., I. 64.

[1]) П. С. Р. Л., IV, 208, 1434: «Володимеръ Данильевичь пріѣха во Псковъ изъ Литвы и пріяша его Псковичи». Тамъ же, IV, 210, 1436: «и Псковичи послаша князя Володимера къ князю великому.... и князь великій... даше ему княженіе во Псковѣ»... Тамъ же, IV, 211, 1439: «Пріѣха князь Александръ Ивановичь, а правнукъ Олгердовъ, съ Твери».

явить требованіе, чтобы Псковскіе князья присягали не только одному Пскову, но и великому князю, и потомъ послѣднему на первомъ планѣ. Псковичи уступили, и новый обрядъ посаженія Псковскихъ князей, принятый въ 1443 году, сдѣлался съ тѣхъ поръ нормальнымъ для всего послѣдующаго теченія самостоятельной Псковской жизни. Посаженіе по прежнему состояло изъ двухъ отдѣльныхъ актовъ—интронизаціи и принесенія присяги; но оба акта совершались теперь не иначе, какъ въ присутствіи великокняжескаго посла, да сверхъ того, интронизація получала теперь вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ порученія, такъ какъ Московскій посолъ отъ лица великаго князя поручалъ намѣстнику Псковское княженіе, а присяга приносилась намѣстникомъ сначала великому князю, а затѣмъ уже и Пскову [1]). Дальнѣйшія событія показали, что разсчетъ великаго князя не былъ ошибоченъ; ибо, когда въ 1456 году Псковичи приняли къ себѣ на княженье Александра Чарторижскаго—того самаго, при которомъ впервые введена была присяга Московскимъ князьямъ, а въ 1460, будучи удручены Нѣмцами, просили великаго князя о признаніи его своимъ намѣстникомъ, то Василій Васильевичъ, не отказывая просьбамъ Псковичей, потребовалъ отъ Чарторижскаго только одной присяги въ удостовѣреніе того, что послѣдній, княжа во Псковѣ, не будетъ замышлять ничего дурнаго ни противъ самого великаго князя, ни противъ его дѣтей [2]). Для Чарторижскаго присяга была уже не новость; но храбрый князь, обладавшій блестящею дружиной и уже успѣвшій непримиримою борьбой съ Нѣмцами доказать Псковичамъ всю важность своего пребыванія во Псковѣ, на этотъ разъ почему-то не захотѣлъ выполнить обряда: „Не

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 212, 1443: «пріѣха князь Александръ Васильевичь.... отъ великого князя во Псковъ, и пріяша его Псковичи честно; и потомъ пріѣха посолъ отъ великого князя Василья Васильевича и поручи ему княженіе по великого князя слову и посадиша его Псковичи на княженіе въ св. Троици... и цѣловаше крестъ ко князю великому Василію Васильевичу и ко всему Пскову и на всей Псковской пошлинѣ». Ср. тамъ же, IV, 258, 1478, Евгеній, И. К. П., I, 103.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 217, 1456. Тамъ же, IV, 219, 1460: «аже толко поцѣлуетъ животворящій крестъ князь Александръ ко мнѣ великому князю и къ моимъ дѣтямъ... ино буди вамъ князь, а отъ мене намѣстникъ».

слуга я",—сказалъ онъ, слагая крестное цѣлованіе Пскову, на вѣчѣ,—„великому князю, да и вамъ не князь; когда прійдется Псковичамъ бить вороновъ соколомъ, т. е., когда Псковичи будутъ нуждаться въ храбромъ князѣ (соколѣ) для отраженія внѣшнихъ враговъ (вороновъ), тогда вспомнятъ и меня, Чарторижскаго", и затѣмъ, простившись, уѣхалъ [1]).

Будучи постоянно отвлекаемы другими, болѣе важными событіями, великіе князья Московскіе не могли, однако, заниматься непрерывно Псковскими дѣлами, а посвящали себя имъ только урывками, невольно растягивая такимъ образомъ борьбу съ Псковичами на крайне продолжительное время. Поэтому, не смотря на свои первые успѣхи, какъ-бы побуждавшіе къ дальнѣйшимъ начинаніямъ, великіе князья могли возвратиться къ продолженію начатаго ими дѣла превращенія Псковскихъ князей изъ вѣчевыхъ сановниковъ въ простыхъ Псковскихъ намѣстниковъ не раньше, какъ чрезъ двадцать лѣтъ, по окончательномъ прекращеніи усобицъ, волновавшихъ Москву второй разъ въ правленіе Василія; тѣмъ болѣе, что въ это время изо Пскова стали приходить въ Москву постоянныя просьбы то о содѣйствіи при переговорахъ съ иноземцами, то о военной помощи противъ послѣднихъ. Дѣйствительно, территоріальный споръ Пскова съ Нѣмцами, начавшійся за столѣтіе назадъ, не только ни мало не подвинулся впередъ, но даже не подавалъ никакихъ надеждъ на скорый исходъ безъ посторонняго вмѣшательства: взять въ твердыя руки обидную земли ни у одной изъ спорящихъ сторонъ не хватало силы, а мирное рѣшеніе дѣла было еще менѣе возможно, такъ какъ назначаемые для того съѣзды или совсѣмъ не удавались, благодаря

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 219, 1460: «коли де учнутъ Псковичи соколомъ вороны имать, ино тогда де и мене Черториского воспомянете». Изъ историковъ, касавшихся судебъ Пскова, г. Соловьевъ, кажется, первый обратилъ вниманіе на неясность этого мѣста. Однако, собственная попытка его придать нѣкоторый смыслъ словамъ Чарторижскаго является совершенно неудачною: слова эти на столько ясны, что нѣтъ никакой надобности читать ихъ наоборотъ, какъ предлагаетъ вопросительно г. Соловьевъ въ И. Р., 2-е изд., IV, прим. 117, и какъ г. Костомаровъ, въ Сѣвер. Народопр., I, 283, дѣйствительно пытался растолковать слова Чарторижскаго: «Когда начнутъ вороны Псковичей соколовъ хватать»!

отсутствію Нѣмцевъ, отговаривавшихся иногда просто „недосугомъ“, а если и удавались, то проходили въ безплодныхъ препирательствахъ и безполезномъ разореніи окрестной мѣстности [1]). Только при содѣйствіи Москвы удалось Псковичамъ заключить въ 1461 году съ Нѣмцами перемиріе на пять лѣтъ, по которому каждая сторона обязалась ловить рыбу на спорномъ мѣстѣ только со своего берега, да сверхъ того, Нѣмцы возвратили Псковичамъ захваченныя на обидномъ мѣстѣ иконы и товаръ [2]). Только благодаря вліянію Москвы удалось въ 1463 году Псковичамъ побудить Нѣмцевъ къ уступкѣ спорныхъ мѣстъ [3]). Только появленіе въ 1474 году Московскихъ полковъ во Псковѣ утвердило окончательно за Псковичами обладаніе этими спорными землями и опредѣлило въ пользу Псковичей ихъ взаимныя отношенія съ Нѣмцами. По миру 1474 года, относительно Великаго (Чудскаго) озера было постановлено, что каждая сторона ловитъ рыбу у своего берега, нимало не преслѣдуя ловцовъ противной, если ихъ буря занесетъ случайно въ воды сосѣдей; а въ торговыхъ дѣлахъ этотъ миръ налагалъ на Нѣмцевъ запрещеніе заниматься корчмой въ предѣлахъ Пскова, равно какъ и обязанность не ставить колодъ, то-есть, заставъ, по своей землѣ [4]).

Усиленіе Московскаго вліянія на устройство внѣшнихъ дѣлъ Пскова представляло для великихъ князей благопріятный случай къ тому, чтобы снискать соотвѣтственное усиленіе своей власти и во внутренней жизни послѣдняго. Василій Васильевичъ, дѣйствительно, тотчасъ же ухватился за этотъ случай, и ни мало не

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 218, 1460; 244, 1473. Тамъ же, IV, 244—249, 1472—1474.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 220, 1461.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 225, 1463; тамъ же, V, 35, 1463: «взяша (Псковичи) миръ на 9 лѣтъ, а на Жолоцкѣ воду и землю отняша Псковичи, а Нѣмци отступишася».

[4]) П. С. Р. Л., IV, 248, 1474: «а язъ князь местеръ съ воды и съ земли сступаюся дому св. Троица и всего Пскова, моихъ сусѣдъ, да и за то имаюся, что ми къ вамъ изъ своей волости корчмы пива и меду не пущати, да и путь ми Псковскимъ посломъ и гостемъ держати чисто, а колода отложити по всей моей державѣ». Тамъ же, IV, 249; А. З. Р., I, 85, 1474. Рус.—Ливонскіе акты, 87, 1392: «А что подъ пискуплимъ городомъ колода цересъ рѣку за замькомъ, а туды новгороцьскому купцю путь цистъ».

справляясь съ стариной, спѣшилъ присвоить себѣ право назначать Псковскихъ князей по своему усмотрѣнію, въ томъ предположеніи, что лишивши послѣднихъ выборнаго характера, который одинъ только и держалъ Псковскихъ князей въ зависимости отъ вѣча, онъ тѣмъ самымъ сдѣлаетъ ихъ изъ вѣчевыхъ сановниковъ послушнымъ орудіемъ великокняжеской воли. Псковичи, однако, думали иначе и не придавали этому нововведенію никакого особеннаго значенія, пока за ними оставалось еще право изгонять своихъ князей, когда тѣ своими поступками вызывали неудовольствія или оказывались „на народъ не благи". Потому еще въ 1436 году, когда во Псковѣ, въ бытность тамъ Литовскаго выходца Владиміра, появился было князь Борисъ и выдалъ себя за великокняжескаго намѣстника, якобы присланнаго изъ Москвы, то Псковичи ни мало не отказывались принять его, помѣстили немедленно же на княжескомъ дворѣ, но только, не желая разставаться съ своимъ старымъ княземъ, отправили къ великому князю пословъ съ просьбою оставить у нихъ въ намѣстникахъ князя Владиміра. При разборѣ дѣла въ Москвѣ оказалось, что князь Борисъ „пролгался", сѣлъ на Псковскомъ столѣ обманомъ, безъ всякаго уполномоченія на то со стороны великаго князя; а потому, какъ самозванецъ, былъ немедленно же удаленъ изъ Пскова и замѣненъ по прежнему княземъ Владиміромъ [1]). Однако, не смотря на свой неудачный исходъ, приключеніе князя Бориса оказалось дурнымъ предзнаменованіемъ, оправдавшимся въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ уже въ 1461 году былъ присланъ изъ Москвы во Псковъ намѣстникъ „не по Псковскому прошенію, ни по старинѣ", а единственно по инициативѣ са-

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 28, 1436: «пріѣха во Псковъ князь Борисъ, и Псковичи пріяша его, чаяхуть его пріѣхавша отъ князя великого намѣстникомъ». Тамъ же, IV, 210, 1436: «пріѣхаше отъ великаго князя князь Борисъ во Псковъ и пріяша его Псковичи, а князь Володимеръ выиде изъ княжа двора, а князь Борисъ во дворѣ нача жити; и Псковичи послаша князя Володимера къ князю великому, да и свои послы... и князь великой Василей Васильевичь даше ему княженіе въ Псковѣ... а Борисъ князь поѣхаше вонъ изъ Пскова по великого князя слову, занеже онъ пролгался». Ср. Соловьевъ, Ист. Рос., 2-е изд., IV, 107.

мого великаго князя [1]). Псковичи согласились принять и этого князя, какъ приняли князя Бориса, разсчитывая воспользоваться, въ затруднительномъ положеніи, оставшимся еще за ними правомъ изгнанія. Дѣйствительно, когда князь Владиміръ, первый изъ назначенныхъ Москвою намѣстниковъ, оказался враждебнымъ къ Псковичамъ, то они не только показали ему путь изъ Пскова, но и совершили это въ самыхъ грубыхъ формахъ, столкнувъ князя Владиміра со степени, которую занимали Псковскіе князья во время засѣданій вѣча [2]). Послѣ этого происшествія обѣ стороны поспѣшили въ Москву: Владиміръ, чтобы довести до свѣдѣнія великаго князя о нанесенномъ ему безчестьи, а Псковичи, чтобъ оправдаться въ своемъ поступкѣ. Но въ Москвѣ въ это время (въ 1463 году) былъ уже другой великій князь; мѣсто Василія занималъ Иванъ Васильевичъ, убѣжденный въ совершенной безполезности предпринятой отцомъ попытки; поэтому, хотя онъ и „подивилъ" на поступокъ Псковичей и не пускалъ, въ наказаніе за самоуправство, Псковскихъ пословъ три дня на свои княжескія очи, тѣмъ не менѣе высказалъ явное желаніе поддерживать Псковскую старину, снова предоставивъ Псковичамъ полную свободу выбирать своихъ князей, „который князь Пскову любъ" [3]).

Въ уступчивости, обнаруженной Иваномъ III въ вопросѣ о Псковскихъ намѣстникахъ, высказывается не отреченіе отъ стремленій своего предшественника, а только превосходство Ивана Васильевича надъ своимъ отцемъ. Новый великій князь ни мало не думалъ оставлять мысли о превращеніи Псковскихъ князей въ простыхъ Московскихъ намѣстниковъ, а только хотѣлъ повести дѣло иначе, начать не съ начала, какъ сдѣлалъ его отецъ, а съ конца, не съ права избранія Псковичами своихъ князей, а съ права изгнанія послѣднихъ. Право назначать во Псковъ намѣстниковъ, котораго такъ добивался Василій, не только навлекало на великихъ князей обвиненіе въ нарушеніи Псковской старины, но вдобавокъ не

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 221, 1461.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 222, 1462.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 222, 1463: «и князь великій отчину свою жаловалъ Пскова добороволныхъ людей по старинѣ: котораго князя хощете и азъ вамъ того дамъ».

ручалось нимало и за упроченіе во Псковѣ Московскаго владычества, доколѣ за Псковичами оставалось старое право изгонять своихъ князей, да еще и съ безчестьемъ. Кромѣ того, самое право выбора своихъ князей, которымъ Псковичи пользовались по старинѣ, еще не такъ рѣшительно противорѣчило Московскимъ интересамъ, чтобы нельзя было допустить его ни подъ какимъ видомъ; и при свободѣ выбора, великій князь всегда могъ навязать Пскову такого намѣстника, который готовъ былъ служить послушнымъ орудіемъ велико-княжеской воли: стоило только отказывать подъ благовидными предлогами, напримѣръ, подъ видомъ собственной надобности, въ тѣхъ лицахъ, которыя почему-либо были не надежны, доколѣ сами просители не натыкались на вполнѣ надежнаго человѣка. Такъ, когда въ 1472 году Псковичи просили въ Москвѣ въ намѣстники къ себѣ князя Ивана Стригу, то великій князь отвѣчалъ: „свою отчину жалую, какого князя хотите, того и дамъ вамъ, князь же Иванъ Стрига мнѣ нуженъ здѣсь самому“; а когда Псковичи указали затѣмъ на Ивана Бабича или же на Ярослава, брата Ивана Стриги, то отвѣтъ со стороны великаго князя былъ уже болѣе благосклонный: „Иванъ Бабичъ мнѣ нуженъ самому, а князь Ярославомъ свою отчину Псковъ жалую“. Псковичи узнали уже слишкомъ поздно, что за человѣкъ былъ князь Ярославъ. Такимъ образомъ, отказавшись отъ притязаній на право назначать Псковскихъ намѣстниковъ, великій князь въ сущности не терялъ ничего, а между тѣмъ, выигрывалъ чрезъ это очень много, такъ какъ и Псковичи, въ свою очередь должны были сдѣлать ему уступку, отказались отъ права наносить безчестье велико-княжескому намѣстнику [1]), а слѣдовательно и изгонять послѣдняго, даже въ томъ случаѣ, когда намѣстникъ началъ бы „творить сильно“, то-есть, поступать несправедливо, и предоставили разъ навсегда судъ надъ послѣднимъ исключительно самому великому князю. Требованіе не безчестить намѣстни-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 243, 1472: «великій князь многажды посломъ Псковскимъ глаголетъ: «кой будетъ вамъ намѣстникъ отъ мене вамъ князь надобѣ, а язъ вамъ не стою; а того бы есте не безчествовали, который у васъ будетъ начнетъ творити сильно, то язъ вѣдаю, а васъ свою отчину жалую».

ка, предъявленное великимъ княземъ Псковичамъ, выражало въ болѣе опредѣленной формѣ то же самое, что для Великаго Новгорода, уже со времени Василія, обозначалось словами „держать имя великаго князя честно и грозно“: и эта неопредѣленная формула, какъ показываютъ причины неудовольствій въ 1471 году великаго князя на Новгородцевъ, также налагала на Новгородъ главнымъ образомъ обязанность чтить въ своихъ намѣстникахъ представителей великаго князя [1]).

Благодаря передачѣ права суда надъ дѣйствіями намѣстниковъ исключительно въ руки одного великаго князя, Псковскіе князья не только предоставлялись въ полное распоряженіе Москвы, но и освобождались отъ всякой зависимости со стороны Псковскаго вѣча: будучи разъ избраны, они уже не нуждались затѣмъ нимало въ согласованіи своей дѣятельности съ желаніями вѣча, и даже, при случаѣ, могли занять относительно послѣдняго угрожающее положеніе, пользуясь для этой цѣли тѣмъ страшнымъ оружіемъ, которое они имѣли въ жалобѣ на безчестье, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ какъ-бы казенною. Такимъ образомъ, въ началѣ княженія Ивана III въ Псковской исторіи самъ собою совершился крутой поворотъ, сразу низведшій Псковскихъ князей на степень простыхъ Московскихъ намѣстниковъ. Но усвоивъ себѣ характеръ простыхъ Московскихъ намѣстниковъ, Псковскіе князья уже не могли довольствоваться тѣми тѣсными рамками, которыми Псковичи ограничивали ихъ дѣятельность, а необходимо должны были стремиться къ полному уравненію своихъ правъ съ правами Московскихъ намѣстниковъ въ Восточной Руси, что если еще и не вело прямо къ упраздненію вѣчеваго быта, тѣмъ не менѣе сильно подрывало значеніе Псковскаго вѣча и дѣлало существованіе послѣдняго какъ-бы уже анахронизмомъ. Въ стремленіи къ этому уравненію, получившему вскорѣ весьма широкіе размѣры, власть Псковскихъ намѣстниковъ встрѣчала единственный тормазъ развѣ только въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыхъ печаль-

---

[1]) А. А. Э., I, 42, № 57, 1456. П. С. Р. Л., VI, 3, 1471: «а на дворъ на великого князя, на Городище, съ болшего вѣча присылали многихъ людей, а намѣстникомъ его да и послу великаго князя лаяли и безчествовали».

ный исходъ сами Псковичи считали за предвѣстіе своей окончательной гибели. Подобно тому, какъ въ княженіе Василія смуты въ самой Москвѣ отклекали отъ Псковскихъ дѣлъ вниманіе великаго князя, такъ точно и теперь послѣднія столкновенія съ Великимъ Новгородомъ мѣшали Ивану III сосредоточиться на Псковскихъ дѣлахъ, заставляя его бросать безъ исполненія свои планы и даже искать дружбы Господина Пскова. Такъ, уже первый походъ великаго князя на Новгородъ не только остановилъ развитіе финансовыхъ правъ Псковскаго князя, которое, какъ показано выше, уже началось было въ 1467 году подчиненіемъ власти намѣстника всѣхъ двѣнадцати пригородовъ, но даже содѣйствовалъ установленію болѣе выгодныхъ отношеній Пскова къ своему старѣйшему брату [1]. Еще большую услугу оказало Псковичамъ окончательное паденіе Великаго Новгорода, когда великій князь, окрыленный успѣхомъ своего перваго похода на Новгородцевъ, снова возвратился во Псковѣ къ разрѣшенію вопроса объ окончательномъ уравненіи правъ Псковскаго князя съ намѣстниками Восточной Руси.

Нельзя сказать, чтобы планъ уравненія Псковскихъ намѣстниковъ съ Московскими имѣлъ въ виду расширеніе сферы дѣйствія Псковскихъ князей на все Псковское управленіе: подобное расширеніе не могло имѣть мѣста уже по тому одному, что въ этомъ отношеніи между обоими явленіями не было никакой существенной разницы. И Псковскіе князья, и Московскіе намѣстники носили въ сущности одинъ и тотъ же характеръ, были собственно не чѣмъ инымъ, какъ только органами для суда, имѣвшими въ судебныхъ пошлинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одинъ изъ важнѣй-

---

[1]) П. Р. С. Л., IV, 242, 1471: «И Псковъ свою вотчину князь великой съ Великимъ Новымъгородомъ по старинѣ смирилъ, а по Псковской воли». Тамъ же, IV, 256, 1477: «А преже своего посла Псковичи.... своего гонца Богдана послали въ Великій Новгородъ.... ино толко вамъ каково будетъ дѣло до великихъ князей, и мы за васъ ради пословъ своихъ слати челомъ бить». И Новгородцы же отвѣчали такъ.... «коли вы къ намъ сими часы на всемъ нашемъ пригожствѣ, а опроче Коростынскаго прикончанія, нынѣча крестъ поцѣлуете, тогда вамъ все явимъ по нынѣшнему цѣлованію крестному; а толко такъ къ намъ не учините, и мы отъ васъ не хотимъ никакого пригожства до великихъ князей, ни челобитья вашего, ни пословъ»...

шихъ источниковъ дохода, а потому, если и различались чѣмъ-либо между собою, то не болѣе, какъ только размѣромъ, въ которомъ та и другая власть пользовалась правомъ суда или же получала средства для своего содержанія. А въ этомъ отношеніи Псковскіе князья дѣйствительно далеко отставали отъ Московскихъ намѣстниковъ: не только кругъ дѣятельности ихъ былъ крайне ограниченъ, не только многія судебныя дѣла совсѣмъ были изъяты изъ вѣдомства Псковскихъ князей, но и самый намѣстничій кормъ, который въ XV столѣтіи обыкновенно предоставлялся въ Москвѣ намѣстникамъ въ подспорье судебнымъ пошлинамъ, составлялъ во Псковѣ совершенно неизвѣстное явленіе. Понятно поэтому, что уравненіе Псковскихъ князей съ Московскими намѣстниками должно было имѣть въ виду главнымъ образомъ поднятіе финансоваго положенія Псковскаго князя, и такимъ образомъ, преслѣдовать ту же цѣль, къ которой стремились раньше сами Псковскіе намѣстники, съ тою развѣ только разницею, что планъ, составленный Иваномъ III, по своимъ размѣрамъ, далеко оставлялъ за собою всѣ предшествовавшія попытки въ этомъ родѣ. Въ видахъ поднятія финансоваго положенія княжеской власти, этотъ планъ прежде всего обязывалъ теперь Псковичей платить *намѣстничью деньгу*, особенный налогъ, ближайшее опредѣленіе котораго для исторіи покуда еще нѣсколько затруднительно; однако, если принять во вниманіе, что намѣстники въ Московской Руси, кромѣ судебныхъ пошлинъ, пользовались въ это время еще, сверхъ того, правомъ получать съ подвѣдомственной имъ мѣстности особенный кормъ, который, будучи одинаково взимаемъ и натурой, и деньгами, носилъ въ послѣднемъ случаѣ названіе „намѣстничихъ кормовыхъ денегъ“, то сдѣлается весьма вѣроятнымъ предположеніе, что подъ намѣстничьею деньгой во Псковѣ нужно разумѣть не что иное, какъ именно намѣстничій кормъ, только выраженный въ деньгахъ [1]).

---

[1]) А. И., I, 318, № 166, 1558: «съ ихъ (монахинь Суздальскаго Покровскаго монастыря), селъ, деревень и съ починковъ, намѣстничьихъ кормовыхъ денегъ имати не велѣно....» Въ Разсказахъ изъ Русской Исторіи, III, 173, г. Бѣляевъ намѣстничью деньгу принимаетъ за особую пошлину съ су-

Независимо отъ намѣстничьихъ денегъ, по новому проекту, не оставался безъ приращенія и первоначальный источникъ княжескихъ доходовъ — судебныя пошлины, которыя, вслѣдствіе незначительности числа дѣлъ, поступавшихъ по Псковской правдѣ на разсмотрѣніе князя намѣстника, никакъ не могли достигнуть во Псковѣ достаточныхъ размѣровъ, особенно когда князю приходилось отдѣлять отъ нихъ часть въ пользу представителей Господина Пскова. Новый проектъ расширялъ поэтому значительно и самый кругъ судебной дѣятельности намѣстника, относя къ его вѣдѣнію разныя дѣла по земледѣлію или такъ-называемые нивные суды со связанными съ ними пошлинами, а именно—разборъ дѣлъ по уборкѣ полевыхъ произведеній (копная, отъ копа, acervus, первоначально хлѣбная мѣра), по огражденію полей (изгородное прясло), а также и по коневымъ валищамъ (?) [1]). Проектъ производилъ, наконецъ, нѣкоторыя измѣненія къ лучшему и въ положеніи людей, окружавшихъ намѣстника, какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и на Псковскихъ пригородахъ. Такъ, прогонныя деньги, которыя взимались въ пользу княжескихъ приставовъ за совершеніе поѣздовъ по дѣламъ подсудимыхъ, были удвоены; а такъ какъ, по послѣднему постановленію Псковской правды, прогоны на ссылку, то-есть, за поѣздку за свидѣтелемъ, простирались до деньги на десять верстъ, и эта деньга распредѣлялась поровну между княжескимъ и Псковскимъ приставами [2]), то слѣдовательно, по новому плану, княжескій приставъ долженъ былъ получать одинъ цѣлую деньгу. Если еще и нельзя сказать утвердительно, что это удвоеніе прогоновъ совершалось на счетъ городскаго пристава, который сопровождалъ обыкновенно княжескаго въ его су-

---

дебныхъ дѣлъ, взимавшуюся сверхъ княжей продажи, но не только не подкрѣпляетъ своего мнѣнія никакими историческими свидѣтельствами, но даже и разъясненіемъ характера самаго предмета: для чего съ одного и того же дѣла взимались въ пользу одного лица двѣ пошлины?

[1]) Г. Костомаровъ, въ СР. НП., I, 290, подъ «копная» разумѣетъ народныя собранія съ цѣлію суда, а подъ «изгороднымъ прясломъ» — работы по укрѣпленію горсдовъ; но оставляетъ читателя въ недоумѣніи, почему же копная и изгородное прясло относятся къ нивнымъ судамъ, наравнѣ съ коневыми валищами?...

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г. 2-е изд., стр. 11.

дебныхъ поѣздкахъ; тѣмъ не менѣе, удвоеніе платы одному приставу необходимо должно было вести къ рѣшительному устраненію отъ дѣлъ другаго [1]). Еще важнѣе было постановленіе, касавшееся княжескихъ намѣстниковъ, сидѣвшихъ съ 1467 года на всѣхъ двѣнадцати Псковскихъ пригородахъ: проектъ Ивана Васильевича уравнивалъ ихъ положеніе съ положеніемъ князя-намѣстника, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ неважныхъ отношеніяхъ, предоставляя имъ взыскивать продажи или штрафныя пошлины въ одинаковомъ размѣрѣ съ самихъ Псковскимъ намѣстникомъ [2]).

Планъ расширенія финансовыхъ правъ Псковскаго князя и его людей былъ задуманъ въ Москвѣ еще въ 1474 году, но отъ Псковичей нѣкоторое время сохранялся втайнѣ, благодаря тому обстоятельству, что великій князь еще не зналъ, какъ согласить съ принятымъ имъ на себя обязательствомъ соблюдать старину тѣ нововведенія, которыя заключались въ его планѣ и рѣшительно выходили изъ круга Псковской пошлины. Предвидя, что при предъявленіи его требованій, Псковичи во всякомъ случаѣ обвинятъ его въ нарушеніи старины, ссылаясь на свои пошлинныя грамоты, Иванъ Васильевичъ необходимо долженъ былъ приготовиться къ тому заранѣе, ознакомиться для этой цѣли съ характеромъ Псковскихъ грамотъ, открыть въ нихъ какую-либо слабую сторону, и такимъ образомъ, обезпечить за собою благопріятный исходъ и въ этомъ, повидимому, безнадежномъ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ, воспользовавшись оплошностью Псковичей, приславшихъ къ нему съ благодарностью, за помощь противъ внѣш-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 250, 1475: «Пріѣха съ Москвы.... Ярославъ Васильевичь отъ великого князя и нача у Пскова просити и судъ держати не по Псковской пошлинѣ, на ссылку вдвое ѣзды имати и по пригородомъ его намѣстникомъ княжая продажа имати обоя, такоже и денги намѣстничи»....

[2]) П. С. Р. Л , IV, 251, 1476: «также бы есте князю Ярославу денгу намѣстничю освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати княжія, и нивніи судове постаринѣ, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валища, а не учините тако, ино вѣдаетѣ государь вашь великой князь». Изъ того, что пригородскимъ намѣстникамъ предоставлялось право взимать теперь княжескія продажи, слѣдуетъ, что раньше они получали ихъ въ меньшемъ размѣрѣ.

нихъ враговъ, простыхъ, а не большихъ пословъ или торжественное посольство, великій князь въ гнѣвѣ потребовалъ къ себѣ на просмотръ старыя пошлинныя грамоты Псковскія. Просмотръ грамотъ не остался безъ результатовъ: слабая сторона Псковской пошлины была скоро открыта, и притомъ съ большимъ искусствомъ, такъ что великій князь, не нуждаясь болѣе въ укрывательствѣ своего плана отъ Псковичей, уже смѣло могъ заявить предъ Господиномъ Псковомъ, въ 1475 году, о своихъ требованіяхъ, имѣя въ запасѣ вѣское возраженіе на всѣ замѣчанія послѣдняго о нарушеніи старины[1]). И когда предположеніе великаго князя дѣйствительно оправдалось—Псковичи на отрѣзъ отказались удовлетворять новымъ требованіямъ, заявленнымъ княземъ Ярославомъ, ссылаясь на свои пошлинныя грамоты, которыя, въ лицѣ дошедшей до насъ Псковской правды, въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о совершенной новизнѣ притязаній Псковскаго намѣстника,—тогда великій князь въ отвѣтѣ посламъ замѣтилъ, что Псковскія пошлинныя грамоты писаны просто мѣстными Псковскими князьями, подобными Александру Михайловичу Тверскому и Константину Дмитріевичу, а не великими,—Иванъ Васильевичъ имѣлъ полное право не считать въ числѣ великихъ князей изгнанника Александра Михайловича,—и что поэтому потомки послѣднихъ исторически нимало не обязываются строго придерживаться подобныхъ грамотъ въ своемъ поведеніи относительно Пскова[2]). Такимъ образомъ, если, въ вопросѣ объ улучшеніи финансоваго положенія своего Псковскаго намѣстника, великій князь и позволялъ себѣ значительное отступленіе отъ старины, то это еще не значило, что и въ дальнѣйшемъ онъ отказывался рѣшительно отъ всякаго соблюденія послѣдней, а только

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 250, 1474: «И князь великой челобитье Псковское и дарови принялъ, и отвѣтъ таковъ далъ: радъ есми отчину свою устроенѣ держати, аже ми положите прежнихъ великихъ князей грамоты пошлинныя».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 250, 1475: «Псковъ отрядивъ съ грамоты дву посадниковъ къ великому князю послалъ.... и князь великой посмотря.... отвѣтъ имъ таковъ дали: «что деи то грамоты не самыхъ князей великихъ, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, чего онъ у васъ нынѣ проситъ».

то, что нарушаемая имъ старина, исходя не отъ великихъ, а отъ мѣстныхъ князей, казалась ему совсѣмъ не обязательною.

Псковичи разсчитывали было поддерживать свою старину и послѣ категорическаго отвѣта великаго князя, но испуганные грозною расправой послѣдняго въ Новгородѣ, спѣшили въ 1476 году удовлетворить немедленно же всѣмъ требованіямъ своего намѣстника. Иванъ Васильевичъ, конечно, отнесся благосклонно къ этому заявленію покорности со стороны Псковичей, но уже не удовольствовался имъ однимъ, а хотѣлъ сразу вывести и послѣднее слѣдствіе изъ своего ознакомленія съ Псковскими грамотами. Если Псковскія пошлинныя грамоты оказались совершенно не обязательными для великаго князя, то что же долженъ былъ принимать послѣдній за основаніе своихъ приговоровъ, при рѣшеніи дальнѣйшихъ столкновеній между Псковичами и Московскими намѣстниками? Очевидно, только одно собственное усмотрѣніе, доводя о результатахъ его до свѣдѣнія Псковичей при помощи особенныхъ, такъ называемыхъ *засыльныхъ* грамотъ, которыя, накопляясь все болѣе и болѣе, съ теченіемъ времени должны были замѣнить вполнѣ для Пскова его собственную старину [1]). Но пріобрѣтая такимъ образомъ все большее и большее значеніе въ жизни Пскова и распространяя всюду свое непосредственное вліяніе, великій князь, въ то же самое время, какъ бы совсѣмъ отодвигался отъ послѣдняго и становился рѣшительно недоступнымъ для Псковичей, благодаря коренному измѣненію въ самой формѣ своихъ сношеній съ Псковичами. Въ прежнее время, въ случаѣ возникновенія во Псковѣ какихъ-либо сомнѣній въ дѣйствительности требованій, шедшихъ изъ Москвы, великіе князья свободно допускали къ себѣ Псковичей и охотно удовлетворили ихъ постоянному желанію знать волю великаго князя не изъ вторыхъ рукъ, а изъ собственныхъ устъ послѣдняго; теперь же Иванъ Васильевичъ сталъ тяготиться этимъ старымъ обычаемъ и требовалъ,

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 253, 1476: «князь великой толко нялся посла своего прислати о томъ, да хочетъ съ своею отчиною съ Псковомъ судъ творити своимъ посломъ по его засылнымъ грамотамъ, а не по своимъ старинамъ, какъ его прародители держали свою отчину Псковъ».

чтобы Псковичи, не утруждая великаго князя личными сношеніями, довольствовались тѣми сообщеніями, которыя доходили до нихъ отъ велико-княжескихъ пословъ; чтобы словамъ людей великаго князя придавали точно такую же вѣру, какъ и самому великому князю или его офиціальной грамотѣ [1]). Перемѣна въ характерѣ сношеній Пскова съ великими князьями необходимо должна была сообщить вмѣстѣ съ тѣмъ и особенное значеніе Московскимъ боярамъ и дьякамъ, служившимъ посредниками между обѣими сторонами. Покуда доступъ къ великому князю былъ совершенно свободенъ для Господина Пскова, до тѣхъ поръ ни бояре, ни дьяки не имѣли никакой возможности открыто повернуться ко Пскову своею дурною стороной; но лишь только великій князь сталъ чуждаться личныхъ сношеній съ Псковичами и передалъ все это дѣло въ руки своихъ бояръ и дьяковъ, тотчасъ же со стороны Пскова поднялись громкія жалобы на несправедливыя дѣйствія послѣднихъ. Мало того, что бояре и дьяки, отправляемые изъ Москвы во Псковъ послами, какъ во время своего слѣдованія Псковскою землею, такъ и пребыванія на Псковскихъ подворьяхъ, не давали пощады ни одному частному лицу, дерзко начосили обиды однимъ и алчно грабили другихъ; но даже и съ самимъ Псковомъ они затѣвали постоянныя тяжбы по поводу тѣхъ даровъ, которыми Псковичи обыкновенно чествовали велико-княжескихъ посланцевъ. Не довольствуясь поминками, предлагаемыми вѣчемъ „по силѣ", они запрашивали чрезмѣрныя суммы, и когда получали со стороны Пскова отказъ, старались мстить Псковичамъ новыми насиліями, тѣмъ болѣе, что великій князь, полагаясь во всемъ на своихъ бояръ, не гнушавшихся подтверждать ложь крестнымъ цѣлованіемъ, не обращалъ ника-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 252, 1476: «а кого къ вамъ о своихъ дѣлѣхъ не пришлю, и вы бы есте мене слушали, а ему вѣрили, какъ и мнѣ великому князю и моей грамотѣ». Тамъ же, IV, 256, 1477: «За великого князя посломъ Псковъ своего посла уряди.... все положитъ на великихъ князей и отъ ихъ устъ все услышитъ, какъ намъ своей отчинѣ укажутъ... а князь великой отвѣтъ таковъ намъ своей отчинѣ далъ: «со всѣмъ моимъ наказомъ мой посолъ еще у васъ будетъ, и вы бы есте ему какъ и намъ вѣрили, что отъ насъ учнетъ вамъ повѣстовати нашей отчинѣ». Ср. тамъ же, IV, 257, 1478.

кого вниманія на доходившія до него временами жалобы Псковичей [1]),

Положеніе, навязанное Пскову предшествующими событіями, по справедливости должно быть названо невозможнымъ. Фактически, уже вся дѣйствительная власть къ этому времени была прибрана къ рукамъ великаго князя Московскаго, намѣстникъ котораго хозяйничалъ во Псковѣ, какъ у себя дома, не стѣсняясь ни мало Псковскою стариной, сажалъ въ оковы всякаго, кто только „князю каково слово молвилъ“, а въ пригородахъ въ томъ же духѣ дѣйствовалъ чрезъ своихъ послушныхъ подручниковъ, также очень мало щадившихъ Псковскіе интересы. А между тѣмъ собственныя власти Псковскія, руководившія прежде судьбами Пскова, отнюдь не были уничтожены, вѣче по прежнему все еще продолжало свое существованіе, и понятно, исполнялось тѣмъ большимъ негодованіемъ на Московскій порядокъ, чѣмъ больше чувствовало свое рѣшительное безсиліе къ устраненію совершавшихся вокругъ несправедливостей. Конечно, отказавшись отъ права изгонять своихъ князей или наносить имъ безчестье, Псковское вѣче получило въ замѣнъ того нѣкоторое оружіе противъ притѣсненій своихъ намѣстниковъ въ жалобѣ великому князю Московскому; но кто могъ поручиться, что жалобы его не только будутъ приняты во вниманіе, но даже и просто выслушаны великимъ княземъ, когда послѣдній самъ же старался ограничить и личныя сношенія свои съ Псковичами? Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, взаимное раздраженіе заинтересованныхъ сторонъ

[1]) П. С. Р. Л., IV, 260—261, 1478: «И Псковичи.... своего посла.... послали... на великого князя жалованіи и на его поминкѣ челомъ ему ударити самому и о томъ пожаловатися, что его послы пріѣзгя, какъ на дорогѣ ѣдя христіянъ иного истепутъ, а въ иного конь или иное что отнимаютъ, такоже и по становъ и на подворьи во градѣ, и поминковъ не по Псковской силѣ просятъ со гнѣвомъ и со враждою, а что имъ Псковъ съ челобитіемъ почнетъ на вѣчѣ поминки которыи давати, а тѣхъ не пріимаютъ и съ вѣча бѣгаютъ, и за то великую злобу держачи христіяномъ многія чинятъ съ насиліемъ убытки и истомы. И князь великой о всемъ томъ еще ае свою отчину на Псковъ и подивилъ, а имъ вѣру емля и слушая своихъ бояръ рѣчи неправыхъ, что ему они сказываютъ о томъ, отправляяся съ лжею цѣлованіемъ крестнымъ». Тамъ же, IV, 254, 1477.

дошло до того, что изъ свиты Псковскаго князя или шестниковъ и Псковичей образовалось два противоположные лагеря, готовые ежечасно вступить въ свалку при самомъ ничтожномъ поводѣ. Поводъ не заставилъ себя долго ждать, а о ничтожности его каждый можетъ составить себѣ понятіе изъ предлагаемаго разсказа. Одинъ Псковитинъ велъ возъ съ капустой по торгу мимо княжескаго двора; въ это время одному княжему человѣку пришло въ голову взять наручье капусты и дать княжескому барану: это несчастное наручье капусты и сдѣлалось предметомъ раздора, открывшагося сначала на княжемъ дворѣ, а затѣмъ, когда шестники, вооруженные ножами и луками, оттѣснили оттуда Псковичей, защищавшихся просто каменьями и палками, и на самомъ торгу [1]). За шестниками вышелъ на поле битвы самъ намѣстникъ Ярославъ Васильевичъ, облеченный въ панцырь, и во хмѣлю началъ стрѣлять. Только Псковичамъ, прибывшимъ на мѣсто дѣйствія съ оружіемъ, удалось прекратить эту небывалую въ Псковской жизни рѣзню съ княжескими людьми и побудить шестниковъ увести князя на свой дворъ. На собранномъ послѣ стычки вѣчѣ Псковичи на отрѣзъ отказали Ярославу Васильевичу въ княженьи и освободили изъ заточенья всѣхъ гражданъ, заключенныхъ какъ имъ самимъ, такъ и его пригородскими намѣстниками; однако не рѣшились показать путь князю и выпроводить его изъ Пскова, не дождавшись отъ своихъ пословъ извѣстій о томъ, что скажутъ на это въ Москвѣ. Но великій князь взглянулъ на это дѣло совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ сами Псковичи. Въ столкновеніи съ Ярославомъ Васильевичемъ онъ увидѣлъ безчестье князю-намѣстнику, отъ права нанесенія котораго Псковичи отказались раньше добровольно. Вина послѣднихъ въ его глазахъ ни мало не выкупалась даже и тѣмъ, что Псковичи вынуждены были къ свалкѣ несправедливыми дѣйствіями князя Ярослава и его людей: судъ надъ дѣйствіями намѣстниковъ принадлежалъ не Псковичамъ, а составлялъ исключительное дѣло одного великаго князя. Понятно поэтому, что Псковскіе послы привезли изъ Мо-

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 37, 1477.

сквы совсѣмъ неблагопріятный для вѣча отвѣтъ; великій князь „осаживалъ" на столѣ князя Ярослава, низложеннаго Псковичами, и требовалъ выдачи головою лицъ, которыхъ Псковичи освободили изъ заключенія [1]). А когда Псковичи и послѣ того продолжали настаивать на невозможности жить долѣе съ княземъ и выдать въ его руки свою братью-согражданъ, тогда изъ устъ Ивана Васильевича послышалось грозное слово: „Если отчина наша Псковъ дошла до того, что рѣшилась напасть на дворъ нашего намѣстника, а своего князя, то она сама изъ старины вышла, а не я, князь великій" [2]).

Чтобы вѣрнѣе опредѣлить значеніе кризиса, наступившаго въ Псковской исторіи, вслѣдствіе столкновенія съ княземъ Ярославомъ, необходимо остановиться нѣкоторое время надъ многознаменательными словами Ивана Васильевича: отчина наша сама изъ старины вышла. Слова эти обвиняли Псковичей въ нарушеніи старины, а нарушеніе старины одною стороной ни мало не обязывало, какъ уже извѣстно, ея соблюденіемъ и другую, и такимъ образомъ, какъ-бы предавало Псковъ вполнѣ на произволъ великаго князя. Но изъ Псковской старины до сихъ поръ нетронутымъ оставалось одно Псковское вѣче съ его представителями; понятно поэтому, что, не получая удовлетворенія своимъ требованіямъ со стороны Пскова, великій князь могъ грозить ему не чѣмъ инымъ, какъ именно уничтоженіемъ самаго Псковскаго вѣча. И если разсматривать ходъ событій въ его исторической связи, то нельзя не замѣтить, что судьба Пскова въ Москвѣ въ это время была уже рѣшена, что Псковское вѣче переживало свои послѣдніе дни, и что такимъ образомъ очередь платиться своею послѣднею стариной дошла до Пскова нѣсколько раньше, чѣмъ даже для самаго Великаго Новгорода. Въ сущности оно такъ и слѣдовало ожидать. Съ одной стороны, было бы совершенно есте-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 251—254, 1476—1477.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 255, 1477: «и князь великой отвѣтъ имъ таковъ починилъ: «коли толко отчина наша Псковъ тако учинила, что на дворъ нашего намѣстника, а своего князя Ярослава Васильевича находила, ино то сама изъ старины выступила, а не язъ, князь великой»:

ственно думать, что великіе князья начнутъ борьбу противъ вѣчеваго порядка не съ Великаго Новгорода, а со Пскова, какъ слабѣйшаго пункта, и если сдѣлаютъ какое-либо отклоненіе со своего пути, то не иначе, какъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ: при такомъ предложеніи, поведеніе ихъ явится гораздо болѣе раціональнымъ. Съ другой, эта догадка объяснитъ вполнѣ и ту настойчивость, которую обнаруживали великіе князья въ своихъ отношеніяхъ ко Пскову, сравнительно съ нерѣшительностью ихъ въ дѣлахъ Новгородскихъ, и которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ борьбѣ съ Псковичами великіе князья не думали стоять долго на полдорогѣ и довольствоваться простымъ фактическимъ господствомъ, а хотѣли немедленно же раздѣлаться съ Псковскою стариной и отнять у Пскова всякую возможность мѣшаться въ распоряженія, шедшія изъ Москвы. И однако же, скажутъ намъ, Псковъ не малъ; правда, но причина, которой Псковичи были обязаны тогда своимъ спасеніемъ, всего лучше подтверждаетъ предположеніе о грозившей ему въ то время гибели: отъ окончательнаго подчиненія Москвѣ въ 1477 году Псковичей спасли дѣла Новгородскія. Будучи неожиданно привлеченъ къ рѣшенію участи великаго Новгорода, Иванъ Васильевичъ не желалъ бороться сразу съ двумя врагами, и потому, отказавшись отъ мысли объ окончательномъ подчиненіи себѣ Пскова, круто измѣнилъ тонъ своихъ сношеній съ Псковичами [1]): послѣ того, какъ уже произнесены были грозныя слова: отчина наша сама изъ старины вышла, не обѣщавшія для Пскова ни-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 255, 1477: «князь великой прислалъ свою грамоту къ князю Псковскому Ярославу Васильевичю.... веля ему къ себѣ ѣхати на Москву, и съ княгинею и съ всѣмъ своимъ дворомъ, а во Псковѣ ему не оставити никого»... Тамъ же, IV, 255, 1477: ««Пріѣхаша Псковскія послы... съ Москвы отъ великихъ князей вси добры здоровы, и тѣхъ всѣхъ съ собою припровадили добрыхъ здоровыхъ, которыхъ Ярославъ на Москву съ собою свелъ, великихъ князей жалованьемъ; а самъ Ярославъ ни на очехъ въ то время при нашихъ послѣхъ не бывалъ; а князь великой какъ посольство своея отчины выслушавъ, такъ и поминки Псковскія приняли»... Тамъ же, IV, 256, 1478: «князь великой жалуетъ свою отчину Псковъ, далъ князя въ Псковъ Василья Васильевича Шуйского», котораго просили Псковичи, см. тамъ же, IV, 255, 1477.

чего хорошаго, великій князь вдругъ повернулъ назадъ, отозвалъ изъ Пскова ненавистнаго Ярослава со всею его свитой, освободилъ захваченныхъ имъ въ Псковской землѣ людей, и далъ Псковичамъ князя, котораго они указали сами, въ силу своего права выбирать князя, „который князь Пскову любъ“.

Такимъ образомъ, Новгородская катастрофа не только совсѣмъ не имѣла для Пскова того роковаго характера, какой приписываетъ ей Псковскій лѣтописецъ, утверждая, что съ паденіемъ Новгорода, кончилось все и для Пскова [1],—но даже повела къ совершенно противоположнымъ результатамъ, продлила самобытное существованіе Пскова чуть не на полвѣка и облегчила самый переходъ подъ Московское владычество, давъ Псковичамъ достаточное время для освоенія съ суровостью Московскаго порядка. Правда, самобытность, которою пользовался Псковъ по паденіи Новгорода, была не столько дѣйствительною, сколько призрачною; независимость, сохраненная имъ, носила собственно одинъ формальный характеръ; вѣче и посадники существовали болѣе по имени, не имѣя на ходъ Псковскихъ дѣлъ никакого опредѣлительнаго вліянія; однако не должно опускать изъ виду и того, что всѣ эти явленія отнюдь не были слѣдствіемъ паденія Новгорода, а получили свое начало, какъ уже извѣстно, гораздо раньше. Тѣмъ не менѣе Новгородская катастрофа не осталась безъ нѣкоторыхъ послѣдствій и для Псковскаго устройства; только перемѣны, вызванныя ею, имѣли собственное второстепенное значеніе и ни мало не свидѣтельствовали о наступательныхъ дѣйствіяхъ великаго князя противъ Пскова. Вмѣстѣ съ позолоченнымъ кубкомъ, присланнымъ Пскову отъ великаго князя въ знакъ признательности за участіе въ подчиненіи Москвѣ своего старѣйшаго брата, Псковичамъ было сообщено и милостивое слово Ивана Васильевича: великій князь изъявлялъ желаніе сохранять Псковскую старину и впредь, но только подъ условіемъ, тоже не новымъ, чтобы Псковичи честно держали слово великаго князя и знаючи

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 261, 1478: «До здѣ убо вся скончашася Пскову о Новгородской войнѣ».

помнили его жалованье [1]). Ближайшій смыслъ словъ „знаючи помнить жалованье" налагалъ на Псковичей обязанность подчиняться перемѣнѣ, введенной великимъ княземъ въ отношенія между названными братьями. До сихъ поръ сношенія между Новгородомъ и Псковомъ, какъ самостоятельными землями, производились чрезъ посольства; теперь же, когда старѣйшій братъ подпалъ окончательно подъ Московское владычество, а послѣдній для того же самаго нуждался только въ одномъ офиціальномъ актѣ, сношенія чрезъ посольства сдѣлались неумѣстными [2]); ихъ замѣнили сношенія между Московскими намѣстниками, которые, являясь одинаково главными дѣятелями въ той и другой странѣ, должны были естественно взять въ свои руки и всѣ дѣла, касавшіяся взаимныхъ интересовъ Новгородцевъ и Псковичей. Сюда относились главнымъ образомъ поземельныя и территоріальныя тяжбы между Новгородцами и Псковичами, споры о земляхъ, водахъ и дворахъ, равно какъ и о прибрежныхъ владѣніяхъ Пскова на Чудскомъ озерѣ или „берегѣ" [3]), наконецъ, дѣла по взаимнымъ обидамъ: обо всемъ этомъ должны были заботиться и пещись велико-княжескіе намѣстники, какъ Новгородскіе, такъ и Псковской, и этимъ путемъ водворять въ сосѣднихъ земляхъ „судъ и управу на обѣ стороны" [4]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 260, 1478: «А со Псковскою силою князь великой своихъ пословъ въ Псковъ прислалъ... поклонъ дая Пскову на службѣ и кубокъ позлащенъ, а ркучи тако: что я же князь великой хощу васъ свою отчину держати въ старинѣ, а вы бы есте насъ также наша отчина слово наше держали честно надъ собою, а наше жалованіе до себя, а то бы есте знаючи помнили».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 261, 1478: «а владыкѣ Новгородскому, опричь своего святительскаго суда, ни посадникомъ, ни тысяцкимъ, ни всему Новугороду не вступатися ни во что же, ни вѣчю не быти, ни пословъ слати намъ (Псковичамъ) къ нимъ, посолства правити кому ни откуду пріѣхавъ со иныя земли, то къ нимъ все правити, а не владыкѣ, ни къ Новугороду».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 184, 1323, V, 11, 1323; тамъ же, IV, 206, 1431.

[4]) П. С. Р. Л., VI, 260, 1478: «А князь же великой все то управивъ (то-есть, покоривши Новгородъ)... всю Псковскую силу... отпусти, а ркучи такъ: «что вамъ, моя отчина, какъ Пскову, такъ и Новугороду, не надобѣ ничто; то язъ вѣдаю да мой намѣстникъ». П. С. Р. Л., VI, 218, 1478: «И туто же говорили бояре Новгородцемъ у цѣлованія о Псковичехъ: «что Псковичи послужили великимъ княземъ и вы бы того имъ не мстили... а въ земли бы и въ воды, и въ дворы, и въ берегъ въ Псковской не вступалися и обиды

Но отстранивъ на время отъ Пскова окончательную развязку, Новгородская катастрофа не могла остановить естественнаго хода исторіи, а потому новый періодъ существованія, въ который Псковъ вступилъ послѣ паденія Великаго Новгорода, представлялъ не что иное, какъ постепенное уничтоженіе и самой формальной независимости, пощаженной предыдущими событіями и выражавшейся въ существованіи вѣча и его представителей. Занятые въ предшествующее время главнымъ образомъ мыслью о низведеніи Псковскимъ князей на степень простыхъ Московскихъ намѣстниковъ, великіе князья не обращали особеннаго вниманія на Псковское вѣче, разсчитывая, быть можетъ, избавиться отъ него при случаѣ однимъ рѣшительнымъ ударомъ; теперь же, когда Новгородская катастрофа показала неосновательность этого разсчета, Иванъ Васильевичъ и относительно вѣча принялъ такой же образъ дѣйствія, какимъ руководился прежде при подчиненіи себѣ Псковскихъ намѣстниковъ; сталъ мало по малу стѣснять дѣятельность вѣча, подрывалъ вліяніе его въ Псковской землѣ, и такимъ образомъ, подготовлялъ незамѣтно и самое уничтоженіе формальной независимости Пскова. Прежде всего Псковскому вѣчу пришлось поплатиться своею властью надъ смердами, господство надъ которыми всегда составляло одно изъ важнѣйшихъ предположеній существованія вѣчеваго порядка. Противоположно несвободнымъ людямъ, отвѣтственность за дѣйствія которыхъ была возложена на ихъ владѣльцевъ, подъ смердами въ древней Руси разумѣлись лица, пользовавшіяся всѣми правами свободныхъ состояній, сами отвѣчавшія предъ судомъ за свои преступленія и платившія судебные штрафы, виры и продажи [1]). Главнымъ занятіемъ ихъ было земледѣліе; но будучи свободными земледѣльцами, смерды отъ другихъ свободныхъ состояній отличались тѣмъ,

---

никоторые тѣмъ не чинили; а о всѣхъ обидныхъ дѣлехъ, и о земляхъ, и о водахъ, намѣстникомъ великихъ князей Новугородскимъ обсылатися съ великихъ же князей намѣстникомъ со Псковскимъ, а Псковскому съ ними, а былъ бы у васъ судъ и управа на обѣ стороны».

[1]) Рус. Пр. по Тр. сп., ст. 41: «то ти оуроцѣ смердомъ, оже платять князю продажю» Ст. 42: «Аже будуть холопи татие...іхъ же князь продажею не казнить, зане суть не свободни»...

что на обработываемую ими землю имѣли одно только право владѣнія, и въ этомъ смыслѣ образовали классъ людей, прямо противоположный земцамъ [1]): въ то время какъ отличительной чертою послѣднихъ служило обладаніе отчинною или полною поземельною собственностью, смерды подобной-то собственности и не имѣли [2]), а потому принуждены были жить на чужихъ земляхъ, первоначально, впрочемъ, главнымъ образомъ на земляхъ княжескихъ [3]). Но живя на княжескихъ доменахъ, смерды естественно должны были подвергнуться со стороны князя нѣкоторымъ ограниченіямъ и въ самомъ правѣ передачи пользуемыхъ участковъ по наслѣдству: такъ, отцовское достояніе оставалось за потомствомъ смерда только тогда, когда у послѣдняго были наслѣдники мужескаго пола; въ противномъ случаѣ, когда послѣ смерда оставались только однѣ дочери, то за выдачей субсидій послѣднимъ, все достояніе смерда переходило въ руки князя, какъ его естественнаго собственника [4]).

Въ Новгородской землѣ, гдѣ государемъ былъ самъ Великій Новгородъ, князь, очевидно, не могъ уже претендовать на обладаніе общественными землями, а долженъ былъ довольствоваться одною данью, которую Новгородцы представляли ему взимать со смердовъ въ подспорье другимъ источникамъ его содержанія. Но даже и данью со смердовъ князь пользовался въ Новгородѣ невсегда въ полномъ размѣрѣ: будучи угнетаемы естественными бѣдствіями и разорительными войнами, клонившимися главнымъ об-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 103, 1096: «толко Семцю (читай: семцю, земцю) яша одиного живого, ти смердъ нѣколико». Эта ошибка повторена и въ Лѣтописи по Лаврент. списку.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 289, 1511: «а со Пскова взялъ 1000 пищальниковъ и Псковскихъ земцовъ, тогда еще не сведены быша съ своихъ вотчинъ»... П. С. Р. Л., II, 179, 1240: «си бо (два безаконьника отъ племени смердья) еста недостойна ни Вотьнина держати (читай: вотьнина, принимая въ соображеніе Изв. Имп. Ак. Н., X, 691, 1398). Эта ошибка повторена и въ Лѣтописи по Ипатскому списку.

[3]) Лит. Метр., Записей книга 6, листъ 54: «ино коли онъ тое сельцо купилъ в землнъ Володимеръскихъ вечъно, а не в смердовъ, и мы призъволяемъ ему (Александръ-Владимірскому намѣстнику) тое селцо... купити и потвержаемъ то ему симъ нашимъ листомъ».

[4]) Рус. Пр. по Тр. сп., ст. 85—86.

разомъ къ опустошенію непріятельской земли, къ истребленію селеній, хлѣбовъ и скота, смерды часто были не въ силахъ уплачивать князю положенную дань. Князь, конечно, могъ не обращать на это ни малѣйшаго вниманія и неотступно требовать со смердовъ положеннаго въ его пользу оброка; но въ такомъ случаѣ, его легко могла постигнуть участь, которой подвергся Всеволодъ Мстиславичъ, изгнанный изъ Новгорода, какъ извѣстно, за неблюденье смердовъ [1]). Нѣтъ никакой надобности предполагать, что Всеволодъ Мстиславичъ былъ изгнанъ изъ Новгорода непремѣнно за то, что, преступая границы, опредѣленныя Новгородцами, отягощалъ смердовъ несправедливыми поборами; напротивъ того, гораздо естественнѣе думать, что Новгородцы показали путь своему князю просто вслѣдствіе отсутствія у послѣдняго всякой снисходительности къ положенію смердовъ: ибо, отказываясь отъ облегченія ихъ участи, князь уже тѣмъ самымъ причинялъ Новгороду страшный вредъ, заставляя неисправныхъ смердовъ бѣжать изъ Новгородской земли въ сосѣднія области. Всего лучше убѣждаетъ насъ въ этомъ образъ дѣйствія одного изъ послѣдующихъ князей Новгородскихъ, Михаила Черниговскаго, который, по принятіи въ 1229 году стола въ Новгородѣ на всей волѣ Новгородской, прежде всего сталъ хлопотать о задержаніи отлива Новгородскаго населенія въ чужія земли. Для этой цѣли Михаилъ постановилъ, что смерды, бѣжавшіе изъ Новгородской земли въ сосѣднія области, освобождаются отъ взноса дани на пять лѣтъ въ томъ случаѣ, когда они захотятъ снова вернуться на свою родину; а въ отношеніи тѣхъ лицъ, которыя не смотря на тягость своего положенія, все-таки оставались въ предѣлахъ Новгородской земли, было опредѣлено, что они обязаны платить дань только въ размѣрѣ, установленномъ прежними князьями сравнительно, вѣроятно, болѣе легкомъ [2]). Мѣры, принятыя Михаи-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 7, 1136: «а се вины его (Всеволода) творяху: 1, не блюдеть смердъ».

[2]) П. С. Р. Л., III, 44, 1229: «Приде князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ... и цѣлова крестъ на всей воли Новгородьстѣй и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ; и вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даніи не платити, кто сбѣжалъ на чужю землю; а симъ повелѣ, къто сдѣ живеть, како уста-

ломъ Черниговскимъ для смягченія положенія Новгородскихъ смердовъ, составляютъ прототипъ тѣхъ льготъ, посредствомъ которыхъ въ позднѣйшее время и частныя лица не только удерживали на своихъ земляхъ сельскихъ жителей, но и заманивали новыхъ поселенцевъ.

Подобно Великому Новгороду, и во Псковѣ сельское населеніе представляло, за вычетомъ земцевъ, два главные разряда, изъ которыхъ одинъ обнималъ собою людей, снимавшихъ земли у частныхъ собственниковъ, бояръ, монастырей и т. п., а другой — собственно смердовъ, обитавшихъ на земляхъ Господина Пскова. Между лицами перваго разряда Псковская правда различаетъ, смотря по характеру снимаемаго участка, изорниковъ, огородниковъ или исполовниковъ и котечниковъ (послѣднее названіе является въ правдѣ и въ другой, основанной на перестановкѣ, формѣ кочетника, но не происходитъ, подобно слову четникъ, тоже употребленному разъ въ правдѣ вмѣсто имени котечникъ, отъ четь, чать или часть, какъ думали прежде, а обязано своимъ началомъ слову *котцы*, обозначавшему одинъ изъ способовъ ловить рыбу, употребительный въ Псковской области) [1]); по сущности дѣла, однако всѣ они были не чѣмъ инымъ, какъ простыми половниками, такъ какъ отношенія ихъ къ землѣ опредѣлялись не соперничествомъ, а обычаемъ или закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, плата землевладѣльцу за пользованіе его угодьями была опредѣлена во Псковѣ заранѣе для всѣхъ трехъ видовъ аренды: изорники, представлявшіе собственно земледѣльцевъ, платили четвертую часть своего ежегоднаго дохода, а исполовники и котечники, снимавшіе

вили передніе князи, тако платите дань». Ник. Лѣт., II, 361, 1228, не понявши дѣла, пишетъ: «и даде всѣмъ людемъ бѣднымъ и должнымъ лготы на пять лѣтъ дани не платить; о которые изъ земли бѣжали в долзехъ тѣмъ платити дань, како уставили прежніе князи или без лихвъ полѣтня».

[1]) Псков. Губ. Вѣд. за 1860 г., № 14, 380, 1692: «а рыба де велено ловить во Псковскомъ озерѣ да въ рѣкѣ Мишоколѣ і въ Копаницѣ съ масленного заговена и до Петрова дни неводомъ, і сѣтьми, і мережами, и котцы, и переметы, и удами...» Ср. Энгельманъ, Гражд. Зак. Пск. Суд. Гр., стр. 49—50, прим. 7. Въ Опытѣ Област. Великор. Слов., Спб. 1852, указаны слѣдующія значенія слова котцы: 1) особенный осенній способъ ловли омулей, состоящій въ томъ, что рѣчку, въ которую зайдутъ омули для метанія икры, перегораживаютъ кольями. Ирк. 2) загорода изъ тычинъ. Оренб.

огороды и рыбныя ловли или исады, отдавали хозяину цѣлую половину; потому-то Псковская правда мало распространяется объ условіяхъ собственнаго найма, а говоритъ по преимуществу о покрутѣ или подмогѣ, которую получали половники отъ хозяевъ при снятіи аренды [1]). Сравнительно съ половниками, второй разрядъ Псковскихъ сельскихъ жителей, смерды, находился, кажется, въ менѣе выгодномъ положеніи; по крайней мѣрѣ, постановленія правды не имѣли относительно смердовъ никакого значенія, такъ какъ обязанности послѣднихъ къ землевладѣльцу опредѣлялись особенною, такъ-называемою смердьею грамотою, хранившеюся, наравнѣ съ другими бумагами, въ архивѣ Троицкаго собора. Грамота эта налагала на Псковскихъ смердовъ обязанность не только платить опредѣленный оброкъ въ пользу князя и такимъ образомъ, восполнять отчасти недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ давать дань и самому Господину Пскову, а также исполнять для правительствующаго города разныя натуральныя повинности [2]). Самою личною свободой смерды пользовались во Псковѣ не безусловно; по крайней мѣрѣ, въ договорахъ съ сосѣдними землями правило о взаимной выдачѣ на родину бѣглыхъ смердовъ, наравнѣ съ холопами, должниками, поручителями и преступниками, составляло не безпримѣрное явленіе и во Псковѣ [3]).

Превращеніе княжескихъ доменовъ въ Новгородскіе обязано было своимъ началомъ не чему иному, какъ паденію въ Великомъ Новгородѣ княжеской власти; понятно поэтому, что усиле-

---

[1]) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2 изд., стр. 7: «а запрется изорникъ, или огородникъ, или котечникъ отрока государева, ино ему правда дать, а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ ысады рыбной части». См. также слѣдующую статью, гдѣ огородникъ называется исполовникомъ.

[2]) П. С. Р. Л., V, 45, 1486: «прилучися нѣкоему попу у Норовскихъ смердовъ чести грамоты и найде тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову, и всякіи работы урочныи по той грамотѣ имъ знати»...

[3]) А. З. Р., I, 51, № 38, 1440: «А межы собою будучы въ любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти, ни мнѣ (Казиміру IV), ни вамъ (Псковичамъ), а выдати по исправѣ.» Ср. Чичерина, Оп. по Ист. Рус. Пр., стр. 175.

ніе княжеской власти во Псковѣ необходимо должно было вести къ совершенно противоположнымъ результатамъ, т. е., къ устраненію Псковскаго вѣча отъ всякаго господства надъ смердами или къ полному возстановленію первоначальнаго порядка вещей. Сдѣлавшись почти неограниченными хозяевами во Псковѣ, Московскіе намѣстники не могли благосклонно смотрѣть на поборы со смердовъ, которыми обогащалась городская казна въ ущербъ ихъ собственнымъ интересамъ; да и сами смерды тяготились, кажется, не мало своею двойною обязанностью поддерживать существованіе не только князя, но и старѣйшаго города. Поэтому, между Псковскими намѣстниками и смердами легко могл состояться сдѣлка, по которой первые сохраняли, а можетъ быть, даже и увеличивали свои права на дань со смердовъ, но въ вознагражденіе за это обязывались содѣйствовать послѣднимъ въ пріобрѣтеніи полной свободы отъ обязанностей въ пользу старѣйшаго города. Такъ какъ, однако, въ Москвѣ и теперь еще остерегались явнаго нарушенія старины, то для обхода этого подводнаго камня, Псковскій намѣстникъ и въ дѣлѣ со смердами долженъ былъ прибѣгнуть къ самому грубому подлогу, къ замѣнѣ грамоты, опредѣлявшей положеніе смердовъ, новою, составленною въ благопріятномъ для послѣднихъ духѣ. Подобный поступокъ, конечно, необходимо требовалъ согласія важнѣйшихъ Псковскихъ властей; но добиться этого согласія было ни сколько не трудно, такъ какъ въ это время во Псковѣ было уже не мало вліятельныхъ людей, явно державшихъ сторону великихъ князей Московскихъ. Ларникъ Есифъ, завѣдывавшій въ то время архивомъ Троицкаго собора, не былъ, человѣкомъ неподкупной честности; да и между боярами не трудно указать на нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своею дружбою съ великими князьями Московскими. По крайней мѣрѣ, оба степенные посадника 1483 года, Стефанъ Максимовичъ и Леонтій Тимоѳеевичъ, принадлежали къ боярскимъ семьямъ, успѣвшимъ уже заранѣе заслужить благосклонность Москвы: отецъ Стефана, Максимъ, получилъ въ 1464 году въ Москвѣ въ даръ верблюда, когда ѣздилъ туда хлопотать о назначеніи во Псковъ особеннаго владыки, а Леонтій Тимофее-

вичъ передавалъ въ 1478 году Псковичамъ отъ великаго князя позолоченный кубокъ [1]). При помощи этихъ и другихъ лицъ, Псковскому намѣстнику Ярославу безъ большаго труда удалось вынуть изъ ларя грамоту, опредѣлявшую положеніе смердовъ, и подмѣнить ее новою, притомъ все это въ тихомолку, такъ что Псковъ узналъ о подлогѣ только тогда, когда смерды, скрывъ, въ свою очередь, грамоты, касавшіяся отношенія ихъ къ старѣйшему городу, вдругъ отказались отъ исполненія своихъ обязанностей—дачи дани и совершенія различныхъ работъ, и когда Псковичи, для уличенія непокорныхъ смердовъ, обратились въ архивъ Троицкаго собора за справкой, но къ своему величайшему удивленію, вмѣсто смердьей грамоты нашли тамъ только бумагу, составленную княземъ Ярославомъ [2]).

Отказавшись наносить безчестье велико-княжескимъ намѣстникамъ, Псковичи уже не могли ничего предпринять противъ главнаго виновника въ подлогѣ грамоты, князя Ярослава, безъ того, чтобы не навлечь на себя гнѣва великаго князя; но вѣче все еще считало себя въ правѣ, по крайней мѣрѣ, казнить недруговъ изъ своей братьи-согражданъ, и потому на первыхъ же порахъ спѣшило излить свою ярость на лицахъ, заподозрѣнныхъ въ составленіи подложной грамоты. Дворы многихъ посадниковъ были тотчасъ же преданы на потокъ и на разграбленіе, а коно-

---

[1]) А. Ю., I, 3, 1483: «и предъ посадники степенными передъ Левонтіемъ Тимоѳеевичемъ и передъ Степаномъ Максимовичемъ». П. С. Р. Л., IV, 266, 1483, 1484. Тамъ же, IV, 266, 1485: «и грамоту тую ко мнѣ (Ивану III) пришлите о посадникахъ же, что къ мертвой грамотѣ записаны, что нынѣча у насъ на Москвѣ, Степанъ Максимовичь, Леонтій Тимоѳеевичь, Василей Коростовой»... Тамъ же, V, 35, 1464: «и даде (великій князь) Максиму посаднику въ даръ верблуда». Тамъ же, IV, 271, 1499: «а посадниковъ Псковскихъ Григорья Хрустолова да Ѳедора унялъ (великій князь) у себе да всадилъ въ костеръ, а посадника Стефана отпустилъ и съ бояры».... Тамъ же, IV, 260, 1478: «А со Псковскою силою князь великій своихъ пословъ въ Псковъ прислалъ, съ пос. Леонтьемъ Тимоѳеевичемъ.... поклонъ дая Пскову на службѣ и кубокъ позлащенъ»....

[2]) П. С. Р. Л., IV, 45, 1486: «а той грамотѣ смердьи всей земли смятенье бысть, что они (смерды) потаивше грамоты не потягнуша на своя работы, а Псковичемъ не свѣдущимъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому и о томъ все по криву сказаша».

воды смердовъ, отказавшихся отъ исполненія своихъ обязанностей, подвергнуты наказанію на вѣчѣ, а затѣмъ брошены въ тюрьму. Но это была только прелюдія, за которой не замедлила послѣдовать и самая драма: вскорѣ былъ казненъ на вѣчѣ посадникъ Гаврила, не поторопившійся почему-то бѣгствомъ, а три другіе посадника, Стефанъ Максимовичъ, Леонтій Тимоѳеевичъ и Василій Коростовой, принимавшіе главное участвіе въ дѣлѣ и уже успѣвшіе скрыться въ Москву, были, по опечатаніи ихъ имущества, животовъ и дворовъ, заочно приговорены къ смертной казни, и самый приговоръ скрѣпленъ такъ называемою мертвою грамотой. Вѣроятно, въ это же время и ларникъ Есифъ, послѣ различныхъ истязаній, былъ выведенъ на казнь, но только успѣлъ убѣжать и скрыться. Однако, не смотря на поспѣшное наказаніе своихъ недруговъ, Псковичи все таки ошиблись въ своихъ разчетахъ, предполагая, что и теперь какъ въ былое время, еще свободно можно творить у себя дома судъ и расправу. Подобно тому, какъ уже раньше Псковскій намѣстникъ изъявилъ Псковичамъ свое неудовольствіе за то, что пригородское вѣче въ Опочкѣ казнило одного конокрада, помимо княжескаго суда,—такъ точно и теперь великій князь, съ двухъ сторонъ получившій извѣстія о происшествіяхъ во Псковѣ, отъ князя Ярослава—съ казеннымъ обвиненіемъ Псковичей въ нанесеніи ему безчестья, и отъ Псковскаго посольства—съ просьбою не гнѣваться на Псковъ за наказаніе преступныхъ смердовъ, остался рѣшительно недоволенъ самоуправствомъ Псковскаго вѣча. Начавъ дѣло о смердахъ по собственной инціативѣ, великій князь естественно не могъ отдать на жертву Псковичамъ своихъ мѣстныхъ пріятелей, и потому потребовалъ немедленнаго освобожденія смердовъ, снятія съ посадниковъ мертвой грамоты и отпечатанія ихъ имущества, равно какъ и удовлетворенія князя Ярослава за безчестье.

Когда и второе Псковское посольство получило въ Москвѣ тотъ же отвѣтъ, то въ самомъ Псковѣ возникло сильное раздвоеніе: лучшіе люди, посадники, бояре и житьи, мало заинтересованные въ тяжбѣ, желали, какъ можно скорѣе, удовлетворить требованіямъ великаго князя, опасаясь въ противномъ случаѣ за

самое существованіе вѣча, которое, не смотря на свою ничтожность, все еще напоминало Пскову о его древней свободѣ; но черные люди, тяготившіеся необходимостью отказаться отъ выгодныхъ для нихъ дани и работъ со стороны смердовъ и не понимавшіе настоящаго хода вещей, продолжали стоять на старомъ: не отпускали смердовъ изъ заключенія, не уничтожали мертвой грамоты, и считая себя правыми, не хотѣли бить челомъ князю Ярославу[1]). Увѣренные въ своей справедливости, они даже отправили къ великому князю посольство, составленное изъ людей ихъ собственнаго кружка, такъ какъ боярамъ они мало довѣряли, предполагая ихъ въ стачкѣ съ Псковскими посадниками-бѣглецами; а когда это посольство было перебито въ Тверской области разбойниками, то черные люди насильно принудили посадниковъ и бояръ снова ѣхать къ великому князю. Получивъ изъ Москвы и на этотъ разъ старый отвѣтъ, молодые люди, наконецъ, образумились, отпустили смердовъ на свободу, уничтожили мертвую грамоту на трехъ посадниковъ, которые послѣ того явились во Псковъ и стали свободно проживать между своими согражданами, и положили просить извиненія у великаго князя въ своемъ самоуправствѣ, въ томъ, что вопреки повелѣнію великаго князя и въ присутствіи его посла, наказали смердовъ и убили посадника Гаврила: въ торжественномъ посольствѣ, отправленномъ съ этою цѣлью въ Москву, принималъ участіе и князь Ярославъ; слѣдовательно, Псковичи еще раньше добили челомъ и ему. Но потрясеніе, вслѣдствіе котораго вся Псковская земля „мялась" въ продолженіе двухъ лѣтъ и отправила къ великому князю пять посольствъ, стоившихъ около тысячи рублей, тѣмъ еще не кон-

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 43, 1485: «И оттолѣ начатъ быти брань и мятежь великъ межю посадникы, и бояры, и житьими людьми: понеже сіи вси въсхотѣша правити слово князя великаго, смердовъ отпустити, а посадниковъ откликати, а мертвая грамота списаннаа на нихъ выкынути, а князю Ярославу добити челомъ о печалованіи, а блюдущеся отъ князя великого казни, что безъ его повелѣнія и предъ посломъ князя великого смерда казнили и посадника Гаврила убили.... а черніи люди молодіи всего того не восхотѣша, рекуще: «мы о всемъ томъ прави, и не погубитъ насъ о томъ князь великый, а вамъ вѣры не имемъ, а князю Ярославу не за что вамъ чоломъ бити».

чилось. Вскорѣ послѣ пятаго посольства, одному священнику удалось найдти у Норовскихъ смердовъ грамоту, опредѣлявшую отношенія послѣднихъ ко Пскову; грамота эта, правда, была вырвана смердомъ изъ рукъ священника, но самъ смердъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Въ наивной радости Псковичи снова послали въ Москву извѣстіе, что задержанъ смердъ, скрывающій у себя грамоту, на которую Псковичи раньше ссылались, и старались подкрѣпить свое извѣстіе жалобами на Псковскаго намѣстника: какъ будто бы они не могли догадаться, что тутъ дѣло было не въ грамотѣ, а въ желаніи великаго князя. Псковичи почувствовали свой промахъ только тогда, когда отъ великаго князя получили гнѣвный отвѣтъ: давно ли я простилъ вамъ вашу вину, а вы теперь опять пристаете со смердами? Великій князь даже не выслушалъ самъ жалобъ на князя Ярослава, которыя были представлены отъ всей Псковской земли, какъ отъ старѣйшаго города, такъ отъ пригородовъ и волостей, а предоставилъ разобрать это дѣло своимъ боярамъ, нарочно для этой цѣли посланнымъ во Псковъ.

Такимъ образомъ благодаря своей уступчивости, Псковское вѣче вышло нетронутымъ и изъ продолжительной тяжбы о смердахъ; однако потери, понесенныя имъ въ теченіе этого спора, до того ограничили кругъ вѣчевой дѣятельности, что дальнѣйшее существованіе вѣча становилось совершенно излишнимъ и могло вести къ однимъ только смятеніямъ въ Псковской жизни. Послѣ отнятія власти надъ смердами и лишенія права казнить своихъ недруговъ по собственному усмотрѣнію, за вѣчемъ осталась одна только сфера избранія на Псковскій столъ намѣстниковъ изъ среды слугъ великаго князя; фактически, однако, оно и этимъ правомъ пользовалось очень рѣдко, такъ какъ великій князь вопреки подтвержденной имъ самимъ Псковской старинѣ, часто назначалъ намѣстниковъ во Псковъ прямо отъ себя, нимало не справляясь съ желаніями Псковичей [1]). Въ концѣ своего княже-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 285, 1510: «Князь же великій посылаше къ нимъ князей своихъ по ихъ прошенію, коего восхотятъ, того и пошлютъ, а иногда посылаше намѣстники своя во Псковъ по своей воли, коего восхощетъ,

нія Иванъ Васильевичъ даже задумалъ снова соединить Великій Новгородъ и Псковъ, выказавшіе въ теченіе исторіи столько взаимной непріязни, въ одно цѣлое, и хотя этотъ планъ и не осуществился, тѣмъ не менѣе онъ не остался безъ важнаго вліянія на вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Псковскаго вѣча. Поводомъ къ подобной комбинаціи у Ивана III служило желаніе вывести сына своего Василія изъ опалы, обрушившейся на голову послѣдняго вслѣдствіе вѣнчанія на царство Димитрія: образованіе для Василія особеннаго княженія изъ Великаго Новгорода и Пскова должно было служить переходною ступенью къ возстановленію его правъ на Московскій престолъ. Со стороны Новгородцевъ, по своему положенію мало интересовавшихся планами великаго князя, трудно было ожидать какой либо оппозиціи; но Псковичи, пользовавшіеся до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, формальнымъ правомъ на избраніе себѣ вольнаго князя, не могли удержаться отъ протеста. Ходъ событій принялъ до того любопытный характеръ, что Псковъ и Москва, повидимому, какъ бы рѣшительно помѣнялись своими ролями: Псковичи стояли за единаго Московскаго князя, требовали, чтобы Московскій князь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и княземъ Псковскимъ; а между тѣмъ великій князь какъ бы хотѣлъ возвратиться къ древнерусской удѣльной системѣ и постоянно твердилъ: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и своихъ дѣтяхъ: кому хочу, тому и дамъ княжество“. Однако, сущность дѣла была совершенно иная. Псковъ отказался отъ подчиненія Василію не потому, что имѣлъ въ виду единство Русской земли, а потому что не хотѣлъ снова подчиняться Новгороду въ лицѣ назначаемаго туда Василія, не хотѣлъ снова дѣлаться Новгородскимъ пригородомъ, тѣмъ болѣе, что Новгородъ въ это время находился въ сравнительно худшемъ положеніи, чѣмъ его младшій братъ. Да и въ планѣ ве-

не по ихъ воли; они же насиловаху, и грабяху, и продаяху ихъ поклепы и суды неправедными». Весьма вѣроятно, что такими назначенными изъ Москвы князьями были Симеонъ Романовичъ (1489 г.), Василій Ѳедоровичъ (1591) и Александръ Владиміровичъ Ростовской (1496): см. П. С. Р. Л., IV, 267—270.

ликаго князя лежало не дробленіе Руси, а только постепенное возвращеніе Василію правъ его на Московскій престолъ: потому мистификація сама собою кончилась въ томъ же 1499 году, и великій князь снова подтвердилъ свое прежнее обѣщаніе держать свою отчину Псковъ по старинѣ [1]).

Въ теченіе этого кратковременнаго спора, не имѣющаго по себѣ никакого особеннаго значенія въ исторіи, случилось одно событіе, которое придало ему большую важность и сдѣлало изъ него какъ бы введеніе къ уничтоженію и формальной самобытности Пскова, выражавшейся въ существованіи вѣча и посадниковъ. Въ самый разгаръ спора, пріѣхалъ въ 1499 году во Псковъ на свой подъѣздъ владыка Геннадій, и по обычаю долженъ былъ вначалѣ совершить торжественное богослуженіе или соборованіе. Но такъ какъ соборованіе было связано съ провозглашеніемъ молитвословія о здравіи Псковскаго князя, въ которые уже былъ назначенъ Василій, то совершеніе этого богослуженія могло бы служить въ послѣдствіи доказательствомъ признанія послѣдняго своимъ княземъ со стороны Пскова. Поэтому, Псковичи, еще тянувшіе въ Москвѣ переговоры по вопросу о назначеніи Василія, помѣнялись здѣсь ролями съ владыкой, какъ помѣнялись прежде съ великимъ княземъ: въ предшествовавшее время Псковичи обыкновенно сами просили владыку о совершеніи соборованія, и отказъ со стороны послѣдняго былъ признакомъ неудовольствія его на свою паству; теперь же наоборотъ, уже владыка настаивалъ на совершеніи соборованія, а Псковичи старались отдѣлаться отъ него всѣми возможными средствами. Такъ какъ однако владыка твердо стоялъ на своемъ, то Псковичи запретили духовенству Троицкаго собора участвовать со владыкой въ богослуженіи, а для вящшей помѣхи, не велѣли просвирницамъ печь для службы просфоръ [2]). Но и эта мѣра мало по-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 271, 1499.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 271, 1499: «пріѣхалъ владыка Генадей во Псковъ.... и хотѣлъ служить на сборѣ, и посадникъ Яковъ Ѳеонасьевичь зъ иными посадники и со Псковичи сдумавъ, да владыкѣ соборовати не дали: «ты де хочешь молити Бога за великого князя Василья; ино наши посадники о томъ поѣхали къ великому князю Ивану Васильевичу, не имя тому вѣры,

могла: послѣ долгихъ пререканій, Псковичи наконецъ должны были уступить своему владыкѣ, согласились на соборованіе, которое и было торжественно совершено въ Троицкомъ соборѣ; не извѣстно однако, молился ли владыка на соборованіи о здоровьѣ князя Василія. Какъ то бы ни было, но своимъ сопротивленіемъ владычнему соборованію Псковичи, во всякомъ случаѣ, нарушили старину; а великіе князья Московскіе, какъ уже извѣстно, со своей стороны также, какъ и Псковичи, наблюдали строго за отступленіями отъ старины и отмѣчали ихъ для себя на случай надобности. Слухи объ этомъ событіи, вѣроятно, бродили въ обществѣ и въ позднѣйшее время, и очень можетъ быть, что они то именно и послужили для Герберштейна поводомъ къ составленію басни объ измѣнѣ духовенства, благодаря которой Псковъ будто бы потерялъ свою независимость [1]).

Запрещеніе просвирницамъ печь просфоры про владыку Генадія и припомнилъ, по вступленіи на Московскій престолъ, Василій III, негодовавшій, быть можетъ, на Псковичей за ихъ невольное недоброжелательство къ нему, и спустя десять лѣтъ, оно послужило для князя благопріятнымъ предлогомъ къ уничтоженію даже формальной независимости Пскова, къ закрытію вѣча и отмѣнѣ званія посадниковъ. Самый актъ уничтоженія вѣчеваго быта во Псковѣ былъ исполненъ Василіемъ Ивановичемъ совершенно въ духѣ своего отца, съ крайнею осторожностью, по плану, заранѣе составленному и развитому во всѣхъ его подробностяхъ. Но вмѣсто разоблаченія этого плана, историки, при представленіи картины паденія Господина Пскова, останавливаются главнымъ образомъ на живописаніи возвышеннаго образа, который

что быти князю Василью великимъ княземъ Новгородскимъ и Псковскимъ; и какъ пріѣдутъ наши посадники и съ бояры, и ты служи». Тамъ же, IV, 287, 1510: «Вина ихъ (Псковичей) была: что былъ архіепископъ Генадій во Псковѣ и Псковичи своимъ попомъ Троицкимъ не велѣли со владыкою служить, а просвирницамъ просвиръ про владыку не велѣли печи». Тамъ же, IV, 137, 1510.

[1]) Herberst., Rer. Mosc. Com., edit. 1556, 76: «Hujus civitatis ditio, seu principatus, gentiliter Pscovu, seu Obskovu vocatur. Olim amplissima, suisque juris erat; sed eam tandé Ioannes Basilij anno Domini MDIX, quorumdam sacerdotum proditione occupavit, atque in servitutem redegit».

проявилъ Псковъ, какъ въ теченіе всей своей исторіи, такъ въ особенности въ послѣдніе трудные дни, и такимъ образомъ, невольно вступаютъ въ состязаніе съ лѣтописцемъ, который оставилъ намъ самое трогательное, самое задушевное описаніе послѣднихъ минутъ Пскова, описаніе, какъ бы оторвавшееся отъ сердца. Въ характеристическія черты этого возвышеннаго образа входятъ какъ спокойное, чуждое смутъ, теченіе Псковской жизни вообще, такъ и вѣрность Русскому народу и Русскому государству въ тѣ минуты, когда, по видимому, былъ большой соблазнъ къ передачѣ подъ чье либо иноземное владычество, равно какъ, наконецъ, сознаніе о необходимости подчиниться Москвѣ безъ всякой попытки къ сопротивленію, безъ поднятія щита противъ своего государя. Исторія, однако, не можетъ довольствоваться однимъ живописаніемъ картинъ, а должна стремиться къ ихъ правильному пониманію, къ разъясненію тѣхъ условій, которыя лежатъ въ основаніи каждой картины. А въ послѣднемъ отношеніи уже раньше было показано, что спокойное теченіе Псковской жизни было слѣдствіемъ внутренняго устройства Пскова, результатомъ отсутствія тамъ элементовъ, враждебныхъ господствующей боярской партіи, что вѣрность Русскому народу опредѣлялась предшествовавшею судьбой Пскова, убѣдившей его весьма крѣпко въ несостоятельности Литовскаго покровительства, — а Литва была единственною державой, въ которой можно было въ то время обратиться за помощью. Наконецъ, стоитъ только ближе вглядѣться въ ходъ окончательнаго покоренія Пскова, чтобъ убѣдиться, что и самое безропотное подчиненіе Пскова своей участи въ значительной долѣ обусловлено было мѣрами, принятыми великимъ княземъ Московскимъ.

Вознамѣрившись уничтожить остатки вѣчеваго быта во Псковѣ, Василій III долженъ былъ опасаться не за успѣхъ своего предпріятія, который, по относительному положенію силъ противниковъ, былъ несомнѣненъ, а только за то, чтобы при исполненіи его намѣренія не случилось ненужныхъ смутъ, и дѣло не дошло бы до кровопролитія. Послѣдней цѣли великій князь надѣялся достигнуть лишеніемъ Пскова его живыхъ наличныхъ

силъ, удаленіемъ оттуда всѣхъ недруговъ Московскаго владычества, короче—отнятіемъ у Псковичей всякой возможности къ дѣятельному сопротивленію. Такъ какъ, однако, трудно было разсчитывать на отвлеченіе вожаковъ изъ Пскова безъ посредства какой либо уловки, то Василій III рѣшился прибѣгнуть къ возбужденію разногласія между Псковичами и его намѣстникомъ, надѣясь, что этотъ путь заставитъ Псковичей самихъ обратиться къ великому князю, какъ третейскому судьѣ. Для этой цѣли былъ отправленъ намѣстникомъ въ Псковъ, безъ всякой предварительной просьбы со стороны послѣдняго, Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, который, вслѣдствіе необычнаго появленія своего въ Псковѣ, получилъ отъ Псковичей названіе Найдена [1]). Дѣло въ томъ, что хотя Псковскіе князья-намѣстники уже давно потеряли свой княжескій характеръ, тѣмъ не менѣе Псковичи продолжали соблюдать при ихъ въѣздѣ обычное торжество, выходили на встрѣчу со крестами и служили на пути молебны; но наконецъ, въ Москвѣ замѣтили несообразность такихъ церемоній съ дѣйствительнымъ положеніемъ Псковскихъ князей, и Рѣпня первый пренебрегъ этимъ обычаемъ, явившись, безъ всякаго предувѣдомленія Псковичей, прямо на загородный княжескій дворъ, гдѣ впервые и найденъ былъ послѣдними. Не смотря на свое прозвище, Найденъ оказался совсѣмъ не находкой: съ принятіемъ имъ намѣстничества, тотчасъ же начались сильныя притѣсненія Псковичамъ, особенно лучшимъ людямъ, дѣтямъ посадничимъ и боярскимъ, какъ отъ самаго намѣстника и его двора, такъ и отъ пригородскихъ правителей и ихъ свиты. Псковичи жаловались на Рѣпню въ Москвѣ великому князю; послѣдній, преслѣдуя свой планъ, обѣщалъ дать управу и наказать, если окажется нужнымъ, своего намѣстника, но только не иначе, какъ

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 25, 1510: «Псковстіи же мужіе не стерпѣвше надолзѣ бываемаго отъ него (Рѣпни) великаго зла, скоро избравше и послаша къ Москвѣ послы своя отъ всего Пскова къ великому князю.. жалящися на служащаго ему князя своего... Князь же великій отпусти ихъ въ землю свою, во градъ Псковъ, глаголавъ имъ сице: азъ пріиду самъ въ Великій Новгородъ и тамо пришедъ и пошлю по князя своего... и сужду васъ съ нимъ»... Ср. Костомарова, СР. НП., I, 307—308. По собственоъ Псковскимъ источникамъ жалоба эта имѣла мѣсто не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ.

въ Новгородѣ, куда предполагалъ отправиться съ войскомъ для приближенія къ театру дѣйствія: говорилъ же это, по мѣткому замѣчанію лѣтописца, великій князь Псковичамъ, „лукавствуя ими и играя, яко безумными". Покорные словамъ Василія Ивановича, Псковичи немедленно же снарядили въ Новгородъ особенное посольство съ жалобой на притѣсненія намѣстника, а слѣдомъ за нимъ отправился туда же и самъ Иванъ Михайловичъ Найденъ, съ обычнымъ обвиненіемъ на Псковичей въ безчестьѣ. Естественно, что великій князь не удовлетворился появленіемъ изъ Пскова однихъ офиціальныхъ жалобщиковъ, а обѣщалъ только тогда приступить къ разбору дѣла, когда обиженные соберутся въ Новгородъ сами лично, и притомъ въ значительномъ количествѣ. Не зная цѣли этого требованія, Псковичи стали разсылать по всей землѣ своей грамоты, призывавшія жалобщиковъ въ Великій Новгородъ; жалобщиковъ на зовъ откликнулось не мало, но между ними открылось точно такое же раздѣленіе, какъ и въ Новгородѣ: явились люди, которые отправились въ Новгородъ съ жалобою не на Рѣпню, а на собственнаго Псковскаго посадника и вообще на свою братью Псковичей, равно какъ и на Новгородскихъ помѣщиковъ [1]. Но должно быть, между явившимися просителями не оказалось многихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя были нужны для Василія; поэтому великому князю пришлось невольно выразиться яснѣе и потребовалъ присылки въ Новгородъ всѣхъ Псковскихъ посадниковъ, если только вся земля Псковская не хотѣла стать предъ нимъ виноватою. Когда и это желаніе было исполнено, требуемые посадники явились въ Новгородъ не только въ числѣ девяти, но еще и въ сопровожденіи всѣхъ купецкихъ старостъ; тогда, наконецъ, великій князь опре-

---

[1]) П. С. Р. Л., 284, 1510: «поѣхалъ Леонтей посадникъ бити челомъ на посадника на Юрья на Копыла: и поѣхалъ Юрьи въ Новгородъ противу его отвѣчивать и тамо тягатися». Лѣт. Рум. Муз., № 255: «и князь Иванъ изо Пскова к великому князю въ Новгородъ пріѣхалъ, также Псковскіе посадники и бояре и старосты купецкіе и купцы и житьи люди и черные многіе люди пріѣхали каждый (?) о своихъ обидахъ и нуждахъ бити государю челомъ, иные на намѣстника, а иные на помѣщиковъ на Новгородскихъ, а иные на свою братью на Псковичь».

дѣлилъ время, въ которое намѣревался дать управу по Псковскимъ дѣламъ, и къ которому приглашалъ торопиться всѣхъ остальныхъ Псковичей, имѣвшихъ до него какія либо жалобы: срокомъ этимъ было Крещенье. Но въ праздникъ Крещенья Псковичи, собранные послѣ водоосвященія на владычній дворъ, вмѣсто расправы услышали отъ Московскихъ бояръ только нерадостныя слова: „поимани де есте Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Россіи“, и вслѣдъ за этимъ лучшіе люди: посадники, бояре и купцы, были заключены въ палатахъ владычняго двора, а Псковичи молодые люди, послѣ переписи, были розданы по Новгородскимъ улицамъ на соблюденіе.

Новгородское поиманье вполнѣ оправдало надежды, которыя возлагалъ на него Василій Ивановичъ; оно дѣйствительно сдѣлало совершенно невозможнымъ открытое сопротивленіе со стороны Пскова, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранило и тѣ вѣчевыя волненія, которыя характеризовали послѣдніе дни Великаго Новгорода; и такимъ образомъ, оно было одною изъ главныхъ причинъ той трагической сдержанности, съ которою Псковъ подчинился своей тяжелой участи. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому событію, изъ Пскова не только была отвлечена значительная масса знатнѣйшихъ гражданъ, но даже отняты у вѣча всѣ его естественные руководители, особенно необходимые въ критическія минуты, а чрезъ это и самая способность къ дѣятельной иниціативѣ. Оттого и впечатлѣніе, которое было произведено извѣстіемъ о Новгородскомъ поиманьи, доставленнымъ во Псковъ однимъ Псковскимъ торговцемъ, было подавляющее: Псковичи сразу опустили крылья, сразу такъ упали духомъ, какъ не случалось съ ними никогда въ самыя тяжелыя времена непріятельскаго нашествія. Оттого и на вѣчѣ, собранномъ по этому поводу во Псковѣ, вопросъ о томъ, что дѣлать: поднимать ли щитъ противъ своего государя, запираться ли въ городѣ, ставился собственно только для формы; ибо, при отсутствіи лучшихъ силъ Псковскихъ и заключеніи коноводовъ въ Новгородѣ, никто не могъ серіозно обольщаться мыслью о сопротивленіи великому князю; всѣ, напротивъ того, были убѣждены въ необходимости безусловнаго подчиненія

волѣ Василія III и спѣшили довести о томъ до свѣдѣнія въ Великій Новгородъ [1]). Отправляя въ Новгородъ посла съ изъявленіемъ покорности, Псковичи должны были предугадывать и тѣ желанія, которыя могъ заявить оттуда Василій Ивановичъ, и такимъ образомъ имѣли возможность заранѣе приготовиться къ сдержанному выслушанію Новгородскихъ вѣстей; тѣмъ не менѣе, слова Василія, переданныя вѣчу дьякомъ Третьякомъ Долматовымъ и требовавшія закрытія вѣча, снятія вѣчеваго колокола и отмѣны званія посадниковъ, все-таки были слишкомъ тяжелы, чтобы можно было оставаться спокойнымъ: слушая эти слова, между Псковичами не плакали только тѣ, которые были юны и неразумны. Какъ, однако, вѣчу ни трудно было произносить приговоръ надъ самимъ собою, но отвѣтъ былъ необходимъ, и притомъ, въ одномъ утвердительномъ смыслѣ; а потому, на слѣдующій день, вѣче изъявило свое согласіе на закрытіе вѣчевыхъ собраній и отмѣну званія посадниковъ. Снятіе вѣчеваго колокола было внѣшнимъ знакомъ уничтоженія этихъ послѣднихъ остатковъ Псковской старины, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и отнесенія Пскова въ разрядъ простыхъ Московскихъ областей.

Подчинивъ Псковъ своей власти безъ особеннаго труда, Василій III не удовольствовался своими легкими успѣхами, а считалъ необходимымъ укрѣпить за Москвой обладаніе покореннымъ краемъ, предотвратить тамъ возможность волненій и въ будущемъ и прочно утвердить во Псковѣ Московскій порядокъ. Средство, употребляемое великими князьями Московскими для предотвращенія волненій въ покоренныхъ областяхъ, состояло не въ чемъ иномъ, какъ въ *выводѣ* или *разводѣ*, то-есть, насильственномъ выселеніи лучшей части жителей въ Московскіе предѣлы, и въ *рубежѣ* или насильственномъ отнятіи недвижимой собственности. При подчиненіи своемъ Москвѣ, Великій Новгородъ старался, по крайней мѣрѣ, выговорить въ условіяхъ льготу отъ вывода и рубе-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 285, 1510: «И вѣчь поставя, начаша думати, ставить ли щитъ противъ государя, запирати ли ся во градѣ? пно помянуша крестное цѣлованіе, что не мощно рука воздвигнути противъ государя, а посадники и бояре и лутчіе люди вси у него».

жа и даже успѣлъ въ этомъ на первое время; но его молодшему брату пришлось испытать и то, и другое уже въ самый моментъ соединенія съ Москвою [1]). Основаніе для вывода было положено собственно еще Новгородскимъ пойманьемъ, которое передало въ руки Василія значительное количество Псковичей; въ настоящее же время оставалось только восполнить пробѣлы въ этомъ событіи, перебрать Псковичей хорошенько на ихъ собственной родинѣ, чтобы такимъ образомъ не оставитъ тамъ никого изъ враговъ Московскаго владычества. Въ этихъ видахъ, пославъ напередъ съ войскомъ Московскихъ воеводъ Петра Великаго, Хабара и Челяднина, великій князь самъ лично предпринялъ путешествіе во Псковъ, заранѣе объявивъ мягко Псковичамъ, что онъ хочетъ побывать во Псковѣ и поклониться святой Троицѣ. Встрѣченный, по вступленіи во Псковъ, Коломенскимъ владыкой Вассіаномъ Кривымъ въ Троицкомъ храмѣ словами: „Богъ де тебя, государя, благословляетъ, Псков въемши", Василій не долго оставался тамъ въ бездѣйствіи: въ слѣдующее же воскресенье знатнѣйшіе Псковичи, посадники, бояре, купцы и житьи люди, были приглашены на княжескій дворъ для принятія жалованья; посадники и бояре частію пошли въ гридню, частію же остались съ купцами на крыльцѣ и тамъ, послѣ предварительной переклички, были всѣ арестованы вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами изъ молодыхъ людей [2]). За вычетомъ этихъ отдѣльныхъ примѣровъ, вся масса середнихъ и молодшихъ людей Псковичей осталась совершенно нетронутою и была къ тому же успокоена Московскими

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 214—215, 1478.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 286—287, 1510: «И посадники и бояре поидоша въ гридню, а иныхъ на крылцѣ стоя князь Петръ Васильевичь по переписи началъ кликати посадниковъ и бояръ и купцовъ Псковскихъ и кои вошли въ гридню, то тѣхъ всѣхъ за приставы подаваша; а Псковичемъ молодшимъ людемъ, кои на дворѣ стояли, сказалъ князь Петръ: «до васъ государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ государю дѣло есть, и онъ тѣхъ къ себѣ емлетъ... И подаваша тѣхъ за приставы, кои были въ гриднѣ, и поидоша за приставы по подворьямъ, и начаша скручатися къ Москвѣ тое же нощи, съ женами и съ дѣтми, и животы легкіе взяша съ собою, а прочее все пометаша... да и тѣхъ женъ поимаша, кои въ Новѣгородѣ засажены: взяша тогда Псковичъ 300 семей». Ср. Лѣт. Рум. Муз., № 255.

боярами, объявившими прямо, что имъ нечего опасаться развода, что великому князю до нихъ нѣтъ никакого дѣла, что ему нужно управиться только съ одними лучшими людьми, на притѣсненія которыхъ они сами жаловались ему неоднократно [1]). А лучшимъ людямъ, арестованнымъ на княжемъ дворѣ, управа великаго князя не дала даже времени для приготовленія къ отъѣзду: отведенные за приставами на подворья, они въ ту же ночь должны были собраться и ѣхать въ Москву, захвативши съ собой только то, что можно было захватить въ этотъ короткій срокъ: этимъ путемъ было выселено изъ Пскова, на первый разъ, триста семей, въ число которыхъ входили и семьи Псковичей, захваченныхъ раньше въ Великомъ Новгородѣ. То, что было начато Василіемъ, еще съ большимъ рвеніемъ продолжалъ его преемникъ: въ царствованіе Грознаго было выведено изъ Пскова сначала десять опальныхъ семей въ Казань, а затѣмъ въ 1569 году, за нѣсколько времени до погрома Великаго Новгорода, совершилось равносильное почти опустошеніе и Пскова: въ Московскіе предѣлы было сведено тогда пятьсотъ Псковскихъ семей [2]). Но между тѣмъ какъ выводъ Василія III касался по преимуществу лучшей части городскаго населенія Пскова, посадниковъ, бояръ и купцовъ, въ то время тяжелая рука Ивана Грознаго легла, кажется, главнымъ образомъ на высшій слой населенія Псковскихъ селъ и волостей, заключавшій въ себѣ земцевъ или людей, обладавшихъ въ Псковской области поземельною собственностью. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что земцы были

---

[1]) Лѣт. Рум. Муз., № 255: «А середнимъ людемъ и мелкимъ Псковичемъ всѣмъ, которые стояли на дворѣ, велѣлъ князь великій бояромъ молвити, которыя ему посадниковъ и Псковичей отобрали в избѣ: и тѣмъ посадникомъ и Псковичемъ в нашей отчинѣ во Псковѣ не быть, а посылаю ихъ к Москвѣ, жалуя васъ же, свою отчину Псковъ, того для, что напередъ того бивали челомъ на ихъ неодинова мелкіе люди Псковичи, что имъ отъ нихъ чинитца продажа и сила велика .. а разводу отсель не паситеся».

[2]) П. С. Р. Л., III, 158, 1555: «опальныхъ людей Псковичь свели въ Казань десять семей». Тамъ же, III, 201, 1569: «князь великой Москвичь къ Москвѣ пять семей (взялъ), а Новгородцевъ взялъ сто семій сорокъ пять семій, и всѣхъ полтораста семій; тое же весны взялъ Псковичь пятьсотъ семій къ Москвѣ».

сведены со Пскова уже послѣ паденія города, а единственнымъ примѣромъ подобнаго явленія, засвидѣтельствованнымъ позднѣйшею исторіею, представляется именно выселеніе, совершенное въ 1569 году Иваномъ Грознымъ [1]). Можно даже отчасти прослѣдить за судьбой этихъ ссыльныхъ Псковскихъ семей, особенно временъ Василія III, въ предѣлахъ самой Москвы: въ городѣ Москвѣ они образовали, напримѣръ, свой отдѣльный кварталъ, который по имени ихъ назывался Псковичами [2]).

Если выводъ и рубежъ служили въ рукахъ великихъ князей Московскихъ средствомъ къ предотвращенію въ будущемъ возможныхъ волненій въ завоеванныхъ областяхъ, то замѣна мѣстнаго населенія пришлыми Московскими людьми закрѣпляла за Москвой обладаніе краемъ и полагала основаніе къ прочному водворенію тамъ Московскаго порядка. Поселяясь въ завоеванномъ краѣ и наслѣдуя обыкновенно, благодаря рубежу, недвижимую собственность мѣстныхъ изгнанниковъ, Москвичи, съ одной стороны, сразу получали тамъ прочную осѣдлось и становились такимъ образомъ надежнымъ противовѣсомъ мѣстному населенію; съ другой же, являясь представителями Московскихъ воззрѣній и обычаевъ, они естественно должны были содѣйствовать ихъ утвержденію и на своей новой родинѣ. Заботясь о закрѣпленіи Пскова за Москвою, Василій Ивановичъ не могъ, конечно, оставить его безъ заселенія Московскимъ людомъ и въ этихъ видахъ сдѣлалъ объ отведеніи для пришлыхъ Москвичей мѣста во Псковѣ нужныя распоряженія, благодаря которымъ Псковъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ и даже внѣшне получилъ физіономію простаго Московскаго города. Центральная часть его, Кромъ, была очищена отъ находивширся въ ней построекъ или клѣтей, заключавшихъ въ себѣ главнымъ образомъ частные запасы, хлѣба и платье, и предназначена для вмѣщенія двора великаго князя и его хлѣб-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 289, 1511: «А на третей годъ послѣ Псковского взятья ходилъ князь великой подъ Смоленскъ съ силою и съ нарядомъ; а со Пскова взялъ 1000 пищальниковъ и Псковскихъ земцовъ, тогда еще не сведены быша съ своихъ вотчинъ». Тамъ же, IV, 289, 1512.

[2]) А. А. Э., I, 227, № 232, 1551. Въ Москвѣ упоминается: «4-й соборъ Веденской въ Псковичахъ».

ныхъ житницъ, которые дѣйствительно вскорѣ и были построены [1]). Такое же очищеніе было произведено и въ Середнемъ городѣ или Застѣньи: всѣ находившіеся тамъ Псковскіе дворы, число которыхъ въ описываемое время простиралось до 6,500 (?), были отобраны великимъ княземъ на себя, а обладавшимъ ими Псковичамъ, если только послѣдніе еще раньше не подверглись выселенію въ Москву, предоставлено было занять мѣста въ Большомъ городѣ и на посадѣ, куда вслѣдъ за ними переведенъ былъ изъ Середняго города и торгъ, чтобъ удалить съ глазъ долой всякое подобіе древняго Псковскаго вѣча [1]). Наравнѣ съ Кромомъ, получившимъ исключительное назначеніе служить мѣстопребываніемъ самаго великаго князя и хранилищемъ казенныхъ запасовъ, и Середній городъ былъ вполнѣ предоставленъ въ распоряженіе одного Московскаго люда: тамъ должны были прежде всего помѣститься Московскіе намѣстники съ окружавшими ихъ служилыми людьми, тысячью боярскихъ дѣтей и пятью стами пищальниковъ, а затѣмъ, и Московскіе гости, сведенные съ десяти Московскихъ городовъ въ равномъ числѣ, на мѣсто выселенныхъ изъ Пскова трехъ сотъ Псковскихъ семей; пришлые гости получили въ свое полное распоряженіе и дворы, которые были отобраны раньше у Псковичей [1]).

Въ такомъ торговомъ городѣ, какимъ былъ Псковъ въ древнее время, появленіе массы Московскаго купечества было уже само по себѣ выдающимся фактомъ; но этотъ фактъ получалъ еще

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 282, 1510: «а изъ Крему велѣлъ клѣти выпрятать, и Кремъ бысть пустъ». Тамъ же, IV, 136—137, 1510: «и Кремъ велѣлъ розвести да дворъ себѣ тутъ поставить». Тамъ же, IV, 313, 1562; Лѣт. Рум. Муз., № 255: «велѣлъ въ Крому быти церкви его новой да двору его, да житницамъ съ его хлѣбомъ».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 282, 1510: «съ старого Застѣнья выпроводилъ (Василій III) Псковичь, да тутъ велѣлъ жити приведеннымъ гостемъ, а въ Застѣньи было дворовъ 6.500». Тамъ же, IV, 288, 1510: «пріѣхаша во Псковъ гости сведеные Москвичи съ десяти городовъ 300 семей, и Псковичь толко же сведено, и начаша имъ дворы давати въ Середнемъ городѣ, а Псковичь всѣхъ выпроводиша изъ своихъ дворовъ въ Околней городъ и на посадъ. А дворовъ было въ Застѣньи 6.500». Ср. Костомаровъ, СР. НП., I, 322.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 288, 1510: «а оставилъ здѣ дѣтей боярскихъ 1.000, а пищалниковъ Новгородскихъ 500». Лѣт. Рум. Муз., № 255: «а дѣтей боярскихъ оставилъ князь великій во Псковѣ... а велѣлъ имъ быти с намѣстники в Середнемъ городѣ».

большую важность въ виду того обстоятельства, что съ явленіемъ гостей связывалось водвореніе во Псковѣ Московскаго торговаго порядка. До сихъ поръ во Псковѣ, подъ вліяніемъ торговой жизни германскихъ городовъ, пріобрѣтавшихъ въ числѣ первыхъ привилегій право безпошлинной торговли, нигдѣ не было заставъ или колодъ, торговля по всей странѣ была свободная и безпошлинная, путь вездѣ былъ чистъ; теперь же присланные изъ Москвы гости должны были ввести важную новизну, установить во Псковѣ Московскую тамгу. Хотя подъ тамгой въ собственномъ смыслѣ и разумѣлась въ восточной Руси только та пошлина, которая взималась съ гостей за право открытія въ извѣстномъ мѣстѣ торговли, тѣмъ не мѣнѣе, врядъ ли можно предполагать, что торговая новизна вся исчерпывалась введеніемъ во Псковѣ одной только этой пошлины; напротивъ того, гораздо естественнѣе думать, что вмѣстѣ съ тамгой были занесены во Псковъ и всѣ другія торговыя Московскія пошлины, какъ-то: мыто, костки, осмничее и т. п., которыхъ Псковичи также, какъ показываютъ статьи о колодѣ въ договорахъ съ иноземцами, совершенно не знали [1]). А тогда уже одинъ бѣглый взглядъ на каталогъ пошлинъ, которымъ подвергался торговый людъ въ восточной Руси, будетъ въ состояніи раскрыть, помимо всякихъ комментаріевъ, все значеніе переворота, прозведеннаго въ торговой жизни Пскова прибытіемъ Московскихъ гостей. Дѣло, однако, не остановилось на однихъ ограниченіяхъ свободы торговли; вмѣстѣ съ новымъ торговымъ порядкомъ, Московскіе гости принесли во Псковъ и новое орудіе мѣны, новыя деньги. Благодаря нѣмецкому вліянію, старыя русскія деньги, куны, должны были во Псковѣ въ началѣ XV столѣтія, а именно въ 1409 году, уступить свое мѣсто нѣмецкимъ пѣнязямъ, извѣстнымъ подъ болѣе частнымъ названіемъ артуговъ. Но и артуги держались недолго: въ 1420 году они были замѣнены чистыми серебрянными деньгами, которыя, въ

[1]) Pauli, Lübeckische Zustände, Lübeck, 1847, стр. 78, П. С. Р. Л., IV, 287, 1510: «И присламa во Псковъ съ Москвы добрыхъ людей, гостей, тамгу уставливати ново, занеже во Псковѣ тамга не бывала, безданно торговали».

свою очередь, послѣ паденія Пскова, были вытѣснены изъ употребленія Московскими рѣзными деньгами [1]). Однако, существованіе и этихъ послѣднихъ денегъ было не продолжительно: въ 1537 году стали уже на ихъ мѣсто ковать копѣйки деньги. Это постоянное измѣненіе въ монетной единицѣ не обходилось, вѣроятно, безъ нѣкоторыхъ затрудненій и потерь со стороны владѣльцевъ старыхъ денегъ [2]).

Еще замѣчательнѣе были перемѣны, произведенныя въ самомъ управленіи Пскова, такъ какъ здѣсь плоды мѣстной жизни, въ соединеніи съ Московскимъ порядкомъ, повели къ новымъ образованіямъ, которыя долго служили отличительною особенностью устройства древневѣчевыхъ городовъ, въ сравненіи съ остальными краями Московскаго государства. Нельзя сказать, чтобъ эти перемѣны касались прямо сущности власти Псковскаго намѣстника: послѣдній, даже въ бытность свою Псковскимъ княземъ, представлялъ мало отличій отъ простаго Московскаго намѣстника, да и эти немногія отличія съ теченіемъ исторіи стушевались почти совершенно. Псковскій намѣстникъ, какъ былъ, такъ и теперь остался кормленщикомъ, получавшимъ за свою службу судъ со связанными съ нимъ доходами; измѣненіе же, произведенное въ этомъ званіи паденіемъ Пскова, состояло въ одномъ ограниченіи округа его власти. Судъ въ Псковской землѣ, какъ уже извѣстно, составлялъ одно цѣлое, весь сосредоточивался въ рукахъ одного Псковскаго князя, который уже отъ себя назначалъ намѣстниковъ на пригороды, такъ что во второй половинѣ XV столѣтія въ Псковской землѣ не было ни одного пригорода, въ которомъ не сидѣлъ бы княжескій намѣстникъ. Такимъ образомъ, пригородскіе намѣстники во Псковѣ естественно были не что иное, какъ простые сподручники Псковскаго князя, назначавшіеся послѣд-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 200, 1409. Тамъ же, V, 24, 1424: «Псковичи отложиша пѣнязми артуги торговати и приставиша мастеровъ денги ковати въ чистомъ сребрѣ». Ср. тамъ же, IV, 203, 1420; 120, 1424.

[2]) П. С. Р. Л., III, 137, 1510: «и денги свои учинилъ». Тамъ же IV, 302, 1537: «рѣзаныя денги перековаша (слѣдовательно это и были деньги, которыя ввелъ Василій во Псковѣ), да коваша копейки денги». Ср. тамъ же, IV, 302, 1538.

нимъ изъ своей свиты, а потому не имѣвшіе никакого самостоятельнаго значенія. Но въ Московской Руси право суда было жалованьемъ, а потому должности могли различаться размѣромъ власти, но никакъ не степенью самостоятельности; поэтому раздавая Псковскіе пригороды въ жалованье своимъ служилымъ людямъ, великій князь необходимо долженъ былъ сдѣлать пригородскихъ намѣстниковъ во Псковѣ совершенно сомостоятельными лицами, отличавшимися отъ собственно Псковскихъ намѣстниковъ только развѣ размѣромъ предоставленний имъ власти [1]). А такъ какъ въ Москвѣ и самое различіе въ размѣрѣ власти не представляло особеннаго развѣтвленія и ограничивалось всего только двумя ступенями, а именно—кормленіемъ съ судомъ боярскимъ и кормленіемъ безъ суда боярскаго, то естественно, что это различіе само собой прилагалось къ двумъ родамъ Псковскихъ намѣстниковъ. Назначенные изъ боярскихъ дѣтей, пригородскіе намѣстники получили совершенно самостоятельное значеніе въ предѣлахъ кормленія безъ суда боярскаго; дѣла же, выходившія изъ этихъ предѣловъ и обнимавшія, по княжескому судебнику, уголовный судъ— штрафованіе, казнь и освобожденіе преступниковъ, равно какъ и дѣла холопьи—выдачу холопу и рабѣ отпускныхъ и правыхъ грамотъ на господина, а также и врученіе господину полныхъ и бѣглыхъ грамотъ на холоповъ и рабынь, они должны были доставлять къ докладу. Но такъ какъ, съ другой стороны, судъ въ Псковской землѣ исторически составлялъ одно цѣлое, и пригородскіе намѣстники всегда были слугами Псковскаго князя, то не мудрено, что и по присоединеніи въ Москвѣ, эта зависимость сохранила свою силу, хотя и въ другой формѣ: пригородскіе намѣстники были обязаны обращаться съ докладомъ не въ Москву, какъ это обыкновенно случалось, а къ Псковскимъ намѣстникамъ, сдѣлавшимся такимъ образомъ главными [2]). Благодаря этой мѣрѣ,

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 288, 1510: «и послалъ князь великой своихъ намѣстниковъ по пригородомъ и велѣлъ имъ пригорожанъ приводити къ крестному цѣлованію»....

[2]) Лѣт. Рум. Муз., № 255, 1510: «а на пригородѣхъ Псковскихъ на всѣхъ пожаловалъ великой князь намѣстничествомъ дѣтей боярскихъ, а Псковскимъ намѣстникомъ пригородовъ Псковскихъ в судъ не придалъ, велѣлъ

зависимость пригородовъ отъ старѣйшаго города уступила мѣсто зависимости пригородскихъ намѣстниковъ отъ городскихъ или большихъ, и мысль о старшинствѣ одного города надъ другими смѣняется мыслью о чиновной іерархіи: не даромъ же первые примѣры судебной іерархіи замѣчаются впервые именно въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ пригородныя отношенія по характеру устройства должны были получить особенное развитіе.

Въ отношеніи главныхъ намѣстниковъ, Псковъ былъ причисленъ къ разряду большихъ городовъ, а потому туда назначены были изъ бояръ два намѣстника, которые, являясь преемниками прежнихъ князей, естественно получали кормленіе съ судовъ боярскимъ, или другими словами, пользовались правомъ суда безъ всякихъ ограниченій. Однако, судъ ихъ по своему устройству отступалъ нѣсколько отъ положенія судебника Ивана III о городскомъ судѣ. Главное мѣсто, конечно, въ немъ занимали сами намѣстники, а въ случаѣ ихъ отсутствія, тіуны, которые естественно не могли вершить дѣлъ, подлежавшихъ боярскому суду; но мѣстные интересы представляли тамъ уже не просто лучшіе люди, а какъ знакъ особеннаго жалованья Пскову со стороны великаго князя, опредѣленные старосты, которые призывались „стеречь на судѣ правду“ или смотрѣть за рѣшеніемъ дѣлъ согласно съ ходомъ процесса и избирались въ одинаковомъ числѣ двѣнадцати изъ обоихъ пластовъ Псковскаго населенія, какъ туземнаго, такъ и пришлаго Московскаго: послѣднее обстоятельство наглядно показываетъ намъ ту связь, которая существовала между пертасовкой населенія и введеніемъ въ покоренныхъ земляхъ Московскаго порядка [1]). Судебною дѣятельностью власть намѣстниковъ въ самомъ Псковѣ почти что и исчерпывалась, такъ какъ даже въ военной области намѣстники только начальствовали надъ войскомъ

пригородскимъ намѣстникомъ приходити къ большимъ намѣстникомъ з доклады....»

[1]) Лѣт. Рум. Муз., № 255, 1510: «А на отчинѣ своей, на Псковѣ, пожаловалъ великой князь намѣстничествомъ боярина своего Г. Ѳ. (Морозова) да конюшаго своего И. А. Челяднаго....» П. С. Р. Л., IV, 287, 1510: «И посади.... 12 городничихъ, и старостъ Московскихъ 12, и Псковскихъ 12, и деревни имъ даша, а велѣлъ имъ въ судѣ сидѣти съ намѣстники и съ тіуны, правды стеречи».

въ походахъ, а для завѣдыванія наличными оборонительными средствами Псковскихъ городовъ были учреждены особенные *градскіе воеводы* или *городничіе*, число которыхъ простиралось до двѣнадцати, и изъ которыхъ двое, по всей вѣроятности, были въ самомъ Псковѣ, а остальные десять по пригородамъ: по крайней мѣрѣ, число послѣднихъ въ XVI столѣтіи, за вычетомъ двухъ городищъ, было именно десять [1]). Позднѣйшія извѣстія показываютъ, что на обязанности городничихъ лежали наблюденіе за городскою крѣпостью, надзоръ надъ караулами и воротами, равно какъ и завѣдываніе нарядомъ, пушками и пищалями, вмѣстѣ съ приставленными къ тому людьми, пищальниками и воротниками [2]). Все остальное управленіе, по паденіи Пскова, перешло въ руки Московскихъ дьяковъ, оставленныхъ во Псковѣ въ числѣ двухъ великимъ княземъ. Хотя, по первоначальному плану, для дѣятельности дьяковъ и назначились болѣе тѣсные предѣлы, одинъ дьякъ долженъ былъ вѣдать только собственно приказныя дѣла или доходы и казну государеву, а другой—ямскія, писать полныя и докладныя грамоты, тѣмъ не менѣе, въ ихъ рукахъ вскорѣ сосредоточилось и все остальное управленіе, главнымъ образомъ благодаря личному характеру Михаила или Мисюря Мунехина, дьяка, завѣдывавшаго приказными дѣлами [3]). Опытный въ искусствѣ задобривать Московскихъ бояръ, Мисюрь умѣлъ въ продолженіи семнадцати лѣтъ, вплоть до самой своей смерти, остаться центромъ всей Псковской жизни: онъ налагалъ свою печать не

---

[1]) Лѣт. Рум. Муз., № 255, 1510: «Такожъ и воеводъ устроилъ градскихъ». Ср. П. С. Р. Л., IV, 287, 1510. Г. Костомаровъ, въ СР. НП., I, 323, отдѣляетъ воеводъ отъ городничихъ, но кажется, неосновательно: дѣло въ томъ, что одно и то же явленіе въ разныхъ источникахъ названо иначе.

[2]) А. И., I, 323, № 169, 1563: «А городничимъ.... ходити съ фонаремъ по ночемъ, перемѣняясь, по всѣмъ сторожемъ, и замыкать городъ городничимъ перемѣняясь (ихъ упоминается въ Полотскѣ двое) самимъ; а ключи.... относить къ боярину и воеводѣ.... А нарядъ велѣти, пушки и пищали, по всему городу и по острогу, и зелья и ядра, вѣдати городничимъ; и пушкарей и воротниковъ вѣдати и управа давати городничимъ».

[3]) Лѣт. Рум. Муз., № 255, 1510: «да во Псковѣ же велѣлъ быти дьяку Мисюре Мунехину, вѣдати приказные дѣла, а въ ямскихъ дьякахъ велѣлъ быти О. М. сыну Волосатаго, писати ему полные грамоты и докладные....»

только на дѣла гражданскаго и церковнаго вѣдомства, заботился и о благочиніи города, и объ устройствѣ Псковской церкви, но и самыя сношенія съ иноземцами не обходились безъ его посредства [1]). Мисюрю поручилъ великій князь заключеніе мира съ Нѣмцами, да и сами Нѣмцы, въ случаѣ раздора между собою, обращались съ просьбой о помощи не къ кому иному, какъ къ Мисюрю, который и доводилъ уже затѣмъ о просьбѣ до свѣдѣнія великаго князя [2]). Наконецъ, Мисюрь не чуждъ былъ нѣкораго участія даже въ самыхъ военныхъ дѣлахъ: по крайней мѣрѣ, ему поручалось иногда, наравнѣ съ Псковскими намѣстниками, руководство въ Псковской рати во время походовъ на непріятеля [1]).

Такимъ образомъ, съ утвержденіемъ Московскаго владычества, въ Псковской жизни съ притязаніемъ на силу, дѣятельность и вліяніе являются три составные элемента Московскаго управленія: намѣстники, дьяки и община. Практика, однако, вскорѣ обнаружила, что послѣдній изъ этихъ элементовъ, община, не только совсѣмъ не могъ удовлетворить тому назначенію, для котораго былъ призванъ, но даже и сохранить за собою поле дѣйствія. Призванные стеречь правду на судѣ, Псковскіе старосты не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя возлагалъ на нихъ великій князь, не избавили суда отъ нареканія въ самыхъ грубыхъ несправедливостяхъ. Кромѣ того обстоятельства, что половина старостъ происходила изъ Москвичей, естественно расположенныхъ ко Пскову не особенно дружественно, причинъ этого явленія, быть можетъ,

---

¹) П. С. Р. Л., IV, 297, 1528. Д. къ А. И., I, 20, № 23, 1510—1519: «а не противился Богу (Давидъ).... якоже вы (Михаилъ Мунехинъ) нынѣ, пути заграждаете, домы печатаете, попомъ запрещаете къ болящимъ приходити, мертвыхъ тѣлеса изъ града далече измѣщете». П. С. Р. Л., IV, 297, 1528.

²) П. С. Р. Л., IV, 244, 1521: «князь великій пожаловалъ ихъ (Нѣмцевъ), велѣлъ имъ миръ имати съ Великимъ Новгородомъ и со Псковомъ въ Новѣгородѣ; и поѣхаша ото Пскова Мисюрь дьякъ и съ нимъ добрые люди Псковичи....» Тамъ же, IV, 295, 1523: «Проси арцыпискупъ Ровенскій у великого князя силы на своего князя местера Ливонскія земли, и пословъ своихъ посылаше во Псковъ къ Мисюрю дьяку Мунехину, а Мисюрь посылаше къ великому князю; а князь великій не да ему силы».

³) П. С. Р. Л., IV, 290, 1515.

слѣдуетъ искать и въ самомъ порядкѣ, которому подчинялась дѣятельность Псковскихъ старостъ. Судя по примѣру Великаго Новгорода, гдѣ Псковскимъ старостамъ соотвѣтствовало 48 цѣловальниковъ, присутствовавшихъ помѣсячно, въ числѣ четырехъ человѣкъ, на судѣ однихъ, впрочемъ, намѣстничьихъ тіуновъ, а на судѣ самихъ намѣстниковъ замѣнявшихся купеческимъ старостою, мы можетъ предположить, что и Псковскіе старосты присутствовали на судѣ княжескихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ не во всемъ своемъ полномъ составѣ, а также поочередно, и притомъ, такъ какъ число Псковскихъ старостъ было вдвое меньше числа новгородскихъ цѣловальниковъ, по всей вѣроятности, не болѣе, какъ въ количествѣ двухъ человѣкъ [1]). А тогда станетъ само собою понятно, что присутствіе старостъ на судѣ оставалось во Псковѣ безъ всякихъ результатовъ: благодаря малочисленности послѣднихъ, вліяніе ихъ было легко пересиливаемо авторитетомъ намѣстникомъ. Дальнѣйшее подтвержденіе этого предположенія можно видѣть въ томъ явленіи, что дѣятельность старостъ оставалась безплодною только до тѣхъ поръ, пока они были связаны съ намѣстниками въ одно цѣлое; но коль скоро старосты получили отдѣльное существованіе, коль скоро общинамъ, во время дѣтства Грознаго, было предоставлено право самимъ судить, пытать и казнить лихихъ людей, татей и разбойниковъ, значеніе старостъ тотчасъ же поднялось и произвело на Псковичей самое благопріятное впечатлѣніе [2]). Такъ какъ, однако, отчужденіе суда въ руки городскихъ и сельскихъ общинъ противорѣчило интересамъ кормленщиковъ, то намѣстники вступили въ открытую борьбу съ Псковскими сотскими и цѣловальниками, и не смотря на пол-

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 280—281, 1519.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 304—305, 1541: «нача (Иванъ IV) жаловати, грамоты давати по всѣмъ градомъ болшимъ и по пригородомъ и по волостемъ, лихихъ людей обыскивати самымъ крестьяномъ межъ собя по крестному цѣлованію и ихъ казнити смертною казнію, а не водя къ намѣстникомъ и ихъ тивуномъ лихихъ людей, разбойниковъ и татей; и бысть намѣстникомъ по городомъ нелюбка велика на христіянъ; а Псковичи такову грамоту взяша, и начаша Псковскіе цѣловалники и соцкіе судити лихихъ людей на княжи дворѣ, въ судницы надъ Великою рѣкою, и смертною казнью ихъ казнити»..

ное сочувствіе къ нимъ мѣстнаго населенія, успѣли окончательно вытѣснить со сцены и этотъ послѣдній остатокъ мѣстной самодѣятельности, пощаженный еще Василіемъ III и развитый дальше его преемникомъ. [1])

Подобно тому, какъ Псковичи раньше подчинились безпрекословно своей тяжелой участи, закрытію вѣча и отмѣнѣ званія посадниковъ, такъ точно и теперь покорно сносили окончательное торжество Московскаго порядка; однако, въ душѣ они никакъ не могли примириться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ явленіемъ и долго еще, въ теченіе своей дальнѣйшей исторіи, питали къ Москвѣ горькое чувство негодованія, краснорѣчивымъ выразителемъ котораго является Псковской лѣтописецъ. Находясь въ круговоротѣ событій, и Псковичи, и ихъ литературный представитель естественно не могли освободиться отъ его гнетущаго вліянія, да и не имѣли предъ собою обширнаго поля зрѣнія, которое наглядно показало бы имъ все теченіе жизни въ его необходимой связи: оттого во взглядѣ своемъ на совершавшіяся предъ ними событія они не остались чужды тѣмъ недостаткамъ, которые обыкновенно характеризуютъ взглядъ партіи. Правда, Псковичи и въ этой области дѣлали нѣкоторыя уступки въ пользу своихъ противниковъ, смотрѣли на паденіе Пскова не какъ на актъ безусловнаго насилія, а скорѣе какъ на слѣдствіе собственныхъ внутреннихъ безпорядковъ, какъ на результатъ кричанія на вѣчѣ, отсутствія всякой солидарности между согражданами и неумѣнья управляться даже съ простымъ домашнимъ хозяйствомъ, а не то что руководить строеніемъ государства [2]). Но съ одной стороны, подобное предположеніе о причинахъ паденія Пскова на имѣетъ пол-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 304, 1541: «Иванъ Васильевичъ.... далъ грамоту судити и пытать и казнити Псковичамъ разбойниковъ и лихихъ людей; и бысть Псковичамъ въ радость, а злыя люди разбѣгошася, и бысть тишина, но не на много, и паки намѣстники премогоша, а то было добро велми по всей земли».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 287, 1510: «а мы не покаяхомся, но на болшій грѣхъ превратихомся, на злыя поклепы и лихія дѣла и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, неумѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ. Сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны».

ной исторической достовѣрности и основывается на явленіяхъ не столько самостоятельной Псковской жизни, сколько позднѣйшей, Московской, когда во Псковѣ дѣйствительно начали разыгрываться несогласія и борьба партій, подавшія между прочимъ поводъ лѣтописцу сдѣлать подъ 1544 годомъ, по случаю большаго наводненія въ Новгородѣ, грустное замѣчаніе, что во Псковѣ вода была не велика, но за то была великая междоусобная брань у большихъ людей съ меньшими [1]). Но если бы даже это представленіе и было исторически совершенно вѣрнымъ, во всякомъ случаѣ, оно ни мало не разъяснило бы намъ причинъ, вызвавшихъ паденіе Пскова, такъ какъ послѣднее истекало не изъ внутренняго неустройства, а было необходимымъ слѣдствіемъ историческаго хода вещей, равно независимаго какъ отъ Пскова, такъ и отъ его побѣдоносныхъ противниковъ, великихъ князей Московскихъ; являлось естественнымъ выводомъ изъ противорѣчія между стремленіемъ къ отдѣльному мѣстному существованію, характеризующимъ почти всю Псковскую исторію, и чувствомъ національнаго единства, которое отличаетъ разсматриваемую эпоху и составляетъ важнѣйшее предположеніе новѣйшаго государства.

Но если уже въ потерѣ своей самобытности Псковичи видѣли не что иное, как наказаніе Божіе за свои внутреннія неустройства, то они еще менѣе могли примириться съ новымъ Московскимъ порядкомъ, особенно когда Московскіе правители, пользуясь незнакомствомъ Псковичей съ Московскими обычаями, не опускали случая извлекать изъ этого обстоятельства свои личныя выгоды. Въ особенно сильной степени зло обнаружилось въ судѣ, такъ какъ судъ былъ доходною статьей намѣстниковъ, и потому, въ прямомъ интересѣ ихъ, было не только зорко „смотрѣть своего прибытка", но и стараться привлекать къ суду какъ можно большее число людей; а это естественно не могли обойдтись безъ вопіющихъ несправедливостей, между которыми подметъ и поклепъ занимаютъ не послѣднее мѣсто. Для Псковичей, привыкшихъ къ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 306, 1544. Тамъ же, IV, 308, 1550: «а меншія люди начаша грабити богатыхъ людей животы, а гасить не учали, а все то за наше согрѣшеніе рагоза и нелюбовь».

собственной народной управѣ, подобныя несправедливости были крайне чувствительны; а потому жалоба на насилія, грабежъ и продажи намѣстниковъ и ихъ людей становится съ этихъ поръ постояннымъ припѣвомъ лѣтописца и получаетъ въ его рукахъ необыкновенную силу и выразительность. У намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и у дьяковъ, говоритъ лѣтописецъ, правда—крестное цѣлованіе взлетѣла на небо, стала царствовать въ нихъ кривда, такъ что Псковичамъ не довелось испытать Московской правды, приходилось переносить отъ намѣстниковъ одно зло. А намѣстники творили всякое насиліе: приставы ихъ, вопреки уставной грамотѣ, данной Псковичамъ при покореніи Пскова, для гарантіи отъ произвола намѣстниковъ и ихъ людей, брали отъ поруки по 10, 7 и 5 рублей, а когда Псковичи ссылались на уставъ, то били ихъ, приговаривая: „Вотъ тебѣ, смердъ, великаго князя грамота!" Отъ насилія и налоговъ правителей и ихъ людей народу разбѣжалось не мало: иноземцы, бывшіе во Псковѣ по торговымъ дѣламъ, спѣшили убраться во свояси, остались только одни Псковичи, которымъ некуда было дѣться: земля внизу не разступалась, а взлетѣть кверху было нельзя [1]). Не лучше рисуетъ лѣтописецъ и картину состоянія пригородовъ: пригородскіе намѣстники штрафовали пригорожанъ, прибѣгали къ подмету и поклепу, такъ что и пригороды, бывшіе всѣ до сихъ поръ жилыми, отъ налоговъ и насилій вдругъ опустѣли [2]). Лѣтописецъ не оставляетъ въ покоѣ и другихъ правителей, раздѣлявшихъ или наслѣ-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 287, 1510. Тамъ же, IV, 288, 1510: «И начаша намѣстники надъ Псковичами силу велику чинити, а приставы ихъ начаша отъ поруки имати по 10 рублевъ и по 7 рублевъ и по 5 рублевъ; а Псковитинъ кто молвитъ великого князя грамотою, почему отъ поруки имати велѣно, и они того убьютъ и отъ ихъ налоговъ и насилства многіе разбѣгошася по чюжимъ городомъ, пометавъ женъ и дѣтей». Варіантъ: «а говорили: то де тобѣ смердъ великого князя грамота, и тые намѣстники и ихъ тіуны и люди пиша изо Псковичь крови много».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 288, 1510: «и начаша пригородскіе намѣстники пригорожаны торговати и продавати великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ, и бысть людемъ великъ налогъ тогда.... А пригородовъ было въ Псковской землѣ десять и два городища».... Варіантъ: «а всѣ были жилы, а стали пусты отъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ».

довавшихъ власть Псковскихъ намѣстниковъ. Заходитъ ли дѣло о дьякахъ, завѣдывавшихъ доходами и казною государевыми, и лѣтописецъ съ горькою ироніей замѣчаетъ, что послѣ Мисюря дьяки перемѣнялись во Псковѣ часто — милосердый Богъ милостивъ къ своему созданію,—и были дьяки одинъ мудрѣе другаго, а земля пуста; казна великаго князя умножалась, но ни одинъ дьякъ не съѣхалъ по добру по здорову со Пскова на Москву, а все другъ на друга воюя [1]). Представляется ли лѣтописцу случай намекнуть на бездѣйствіе воеводъ, и онъ тотчасъ ѣдко разсказываетъ, что въ тѣ смутные года (до 1611) воеводъ во Псковѣ не было, всѣми дѣлами, и ратными, и земскими, завѣдывалъ одинъ дьякъ Луговскій съ помощію посадскихъ людей; и не смотря на то, земля была цѣла, иноземцы не овладѣли ни однимъ Псковскимъ пригородомъ, а овладѣли ими тогда, когда увеличилось во Псковѣ число царскихъ воеводъ [2]).

Сѣтованія свои на Московской порядокъ лѣтописецъ называетъ „злыми повѣстями“ и сожалѣетъ только объ одномъ, что умножать число ихъ ему мѣшаетъ „грубость разума и смысла“; но вопреки этому скромному признанію, онъ не ограничиваетъ ихъ одними домашними дѣлами Пскова, а благодаря постоянно возроставшему участію послѣдняго въ обще-русскихъ событіяхъ, выходитъ съ ними и на болѣе широкое поприще, касается теченія всей русской жизни вообще. Мѣткія стрѣлы его злыхъ повѣстей не щадятъ даже самаго представителя Московскаго единодержавія, царя Ивана Васильевича Грознаго, воспривѣтствованнаго лѣтописцемъ въ періодъ дѣтства за утвержденіе на Руси мѣстной самодѣятельности. Начало и конецъ Ливонской войны, веденной Грознымъ съ большимъ напряженіемъ силъ и ложившейся тяжелымъ бременемъ, осязательнымъ для каждаго, въ томъ числѣ и на Псковичей, не могли не привлечь на себя, благодаря своей крайней противоположности, вниманія Псковскаго лѣтописца. Взялъ Иванъ Васильевичъ, говоритъ онъ, 24 ливонскіе города, помѣ-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 297, 1528. Тамъ же, IV, 299, 1534.
[2]) П. С. Р. Л., IV, 329, 1611.

стилъ въ нихъ своихъ людей съ нарядомъ и запасами, собранными изъ отдаленныхъ краевъ, и такимъ образомъ наполнилъ чужіе города русскими людьми, а свои сдѣлалъ пустыми [1]). Въ поворотѣ военнаго счастія юмористъ видѣлъ какъ-бы подтвержденіе своихъ прежнихъ словъ: „Не на долгое время царю Ивану удалось овладѣть чужою землею, вскорѣ пришлось платиться и своею собственною, а людей погубить вдвойнѣ“ [2]). Эти нападки на Грознаго также не лишены своего остроумія; но между тѣмъ какъ жалобы на несправедливости суда и управленія имѣютъ глубокое основаніе въ разнузданности Московскихъ правителей и ихъ людей, о вредномъ вліяніи которыхъ на Псковичей свидѣтельствуетъ ясно и Герберштейнъ, говоря, что подъ Московскимъ владычествомъ прежніе общительные и столь гуманные нравы Псковичей уступили мѣсто испорченнымъ Московскимъ, что изчезли прежняя искренность, добродушіе и простота, которыми отличались въ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ Псковичи, не прибѣгавшіе къ многословію, съ цѣлію надуть покупателя, а ограничивавшіеся простымъ опредѣленіемъ сущности дѣла [3]); въ то время въ нападкахъ на Грознаго выражается не болѣе, какъ мѣстная ограниченность самимъ Псковичей. Лѣтописецъ даже какъ-бы совсѣмъ забываетъ, что въ Ливонской войнѣ дѣло шло объ уничтоженіи заклятаго врага его родины, не дававшаго послѣдней покоя во все время ея самостоятельнаго существованія; онъ какъ-бы совсѣмъ закрываетъ глаза на то, что если Ливонская война и имѣла печальный исходъ, то все же привела къ низверженію ордена, и такимъ образомъ, доказала, что послѣдній не имѣетъ права даже существовать самостоятельно тамъ, гдѣ онъ разсчитывалъ властвовать.

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 318, 1570.
[2]) П. С. Р. Л., IV, 319, 1581.
[3]) Herberst., Rer. Mosc. Com., ed. 1556, 76.

V.

ВЛІЯНІЕ МОСКВЫ НА ДѢЛА ЦЕРКВИ.

Хотя въ мірской области Псковичи и увидѣли себя, вскорѣ по соединеніи съ Москвою, въ нѣкоторомъ противорѣчіи со стремленіями великихъ князей; тѣмъ не менѣе все же могли не терять надежды, что по крайней мѣрѣ въ церковной жизни, послужившей ближайшимъ поводомъ къ знакомству съ Москвою, великіе князья сойдутся съ Псковичами въ своихъ желаніяхъ и обратятъ серіозное вниманіе не на одни только слѣдствія упадка Псковской церкви, но и на самый источникъ зла, на Псковское церковное устройство. Такое ожиданіе было тѣмъ естественнѣе, что, располагая вполнѣ образомъ дѣйствія Московскихъ митрополитовъ, великіе князья не встрѣтили бы ни малѣйшаго затрудненія даже въ томъ случаѣ, когда-бы при пресѣченіи зла, рѣчь зашла и о коренномъ видоизмѣненіи Псковской церкви. А завѣтною цѣлью Псковскихъ стремленій и было именно рѣшительное устраненіе изъ церковнаго строя вреднаго двоевластія, которое какъ прежде подавало поводъ къ возникновенію разнаго рода затрудненій, въ томъ числѣ и ереси стригольниковъ, такъ и теперь продолжало служить главнымъ источникомъ церковнаго неустройства. Ближайшіе начальники Псковской церкви, Новгородскіе владыки, и теперь не переставали смотрѣть на Псковское духовенство, какъ на доходную статью, и теперь не оставили старой привычки извлекать доходъ изъ церковныхъ дѣйствій и хотя на время и отказались отъ мзды за ставленье и подрыва духовенства чрезъ продажу церковныхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе тотчасъ

же усвоили себѣ другую форму симоніи, которая нимало не уступала первой.

Въ древности, вслѣдствіе распущенности нравовъ, священнослужители, потерявшіе своихъ женъ, позволяли себѣ, къ соблазну вѣрующихъ, недостойную жизнь, держали наложницъ или же нарочно уходили въ отдаленныя мѣста, чтобы только имѣть возможность выдать тамъ своихъ конкубинъ за законныхъ женъ и такимъ образомъ сохранить свое право на священствованіе [1]). Послѣднее явленіе обязано своимъ началомъ тому обстоятельству, что церковный обычай, сказывающійся въ узаконеніи митрополита Петра, вмѣнялъ священнослужителямъ, потерявшимъ своихъ женъ, въ обязанность или идти въ монастырь и тамъ пользоваться правами священнаго сана, или же, на случай предпочтенія мірской жизни, прекратить священнодѣйствіе [2]). Однако этотъ церковный обычай, господствовавшіи въ древней Руси, какъ общее правило, не всегда строго соблюдался: временами, вслѣдствіе распоряженія главы русской церкви, руководствовавшагося, по всей вѣроятности, достаточными основаніями, примѣненіе его къ вдовствующему духовенству было останавливаемо [3]). Но шаткость въ какомъ-либо правилѣ всегда сопряжена съ тѣмъ неудобствомъ, что даетъ возможность отмѣнять его дѣйствіе не на основаніи какихъ-либо достаточныхъ причинъ, а просто на основаніи корыстныхъ видовъ. Такъ, между тѣмъ какъ сама Псковская паства настаивала на соблюденіи этого церковнаго правила, и даже безъ вѣдома митрополита и Новгородскаго владыки удаляла отъ служенія въ Псковской землѣ всѣхъ вдовствующихъ поповъ и діаконовъ, Новгородскій архіепископъ не только показывалъ склонность къ наложенію на Псковичей интердикта („неблагословенія") за соблюденіе цер-

---

[1]) П. С. Р Л., IV, 277, 1504: «Многіе священники, попы и дьяконы, вдовцы.... опослѣ своихъ женъ держали у себе наложницъ, а вся священническая дѣйствовали.... А которой тѣхъ поповъ и дьяконовъ вдовцовъ не отдавъ своей ставленыя, да сойдетъ гдѣ въ далнее мѣсто, взявъ собѣ жонку, а назоветъ ее собѣ женою». Ср. Правосл. Собесѣдникъ за 1863 г., I, 346.

[2]) Стоглавъ, гл. 77: «Аще у попа умреть попадья, и онъ идеть въ монастырь, стрижется: имѣеть священство свое паки; аще ли же имать пребывати и любити мірскія сласти: да не служить».

[3]) Стоглавъ, гл. 78.

ковнаго правила, до чего однако не допустилъ его митрополитъ, но даже самъ нарушалъ этотъ обычай [1]). Такъ, однажды владыка призвалъ къ себѣ въ Новгородъ изъ Пскова огуломъ все вдовствующее Псковское духовенство и за мзду, простиравшуюся отъ рубля до полтора рубля съ человѣка, началъ раздавать священнослужителямъ новыя ставленныя грамоты, дозволявшія имъ совершать службу „безъ востягновенія" (безъ перехода въ иночество и принятія тамъ священнаго сана?). И этотъ владыка былъ не кто иной, какъ Іона Отенскій, незадолго предъ тѣмъ, въ бытность свою во Псковѣ, похвалявшійся предъ Псковичами, что онъ лучше ихъ сумѣетъ поддержать крѣпость (порядокъ) въ духовенствѣ. Нарушеніе Іоною церковнаго обычая не имѣетъ за себя даже того оправданія, которое нѣсколько выкупало вину Геннадія: ничего неизвѣстно, чтобъ Іона былъ руководимъ съ своихъ поступкахъ вліяніемъ какого-либо любимца. Отсюда то различіе въ образѣ, въ которомъ Іона отпечатлѣлся въ памяти Новгородцевъ и Псковичей: Новгородцамъ, видѣвшимъ въ Іонѣ поборника своей древней свободы, онъ представлялся святымъ мужемъ, тогда какъ Псковичамъ, встрѣчавшимъ въ Іонѣ постоянное противодѣйствіе ихъ планамъ, — сребролюбцемъ и мздоимцемъ [2]). Вслѣдствіе поблажки со стороны владыкъ, во Псковѣ, не смотря на спеціально-обращенное къ Псковичамъ распоряженіе митрополита Фотія, и послѣ долго существовали вдовствующіе священнослужители и подавали мірянамъ поводъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла и уда-

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 35, 1468 г.: «Псковичи отлучиша отъ службы вдовствующихъ поповъ и діаконовъ по всей Псковской волости, а не обослався ни спросившися съ митрополитомъ, ни съ архіепископомъ; и хотѣ архіепископъ Іона наложити на Псковичь неблагословеніе, и митрополитъ Ѳеодосій о томъ ему възбранилъ».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 234, 1470: «Владыка Іона во Псковь прислалъ, чтобы «ко мнѣ въ В Новгородъ священницы и діакони вдовыя на управленія ѣхали», и тѣми часы къ нему священницы и діаконы вдовіи начаша ѣздити; а онъ у нихъ нача имати мзду, у коего по рублю, у коего полтора, а ихъ всѣхъ посполу безъ востягновенія нача благословляти пѣти и своити имъ (свои тиимъ, тѣмъ) грамоты другія иста (ста) нова изъ тоя мзды за печатми давати, а не по св. отецъ и св. апостолъ правиломъ, како ся самъ ко всему Пскову обѣщалъ по Намакануну правити»... Ср. тамъ же, V, 35, 1469 г.

лять отъ службы вдовыхъ поповъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ 1494 году [1]).

Но, подобно тому, какъ первая форма симоніи, взиманіе мзды за ставленье, послужила поводомъ къ возникновенію ереси стригольниковъ, точно также и вторая форма, предоставленіе за деньги права священствовать вдовствующему духовенству, не осталась безъ параллельнаго стригольничеству явленія: она сопровождалась вмѣшательствомъ мірянъ въ собственно церковныя дѣла. Вмѣшательство мірянъ въ церковныя дѣла было вызываемо съ двухъ сторонъ, во первыхъ, со стороны свѣтскихъ властей, правительства, а во вторыхъ, со стороны самихъ церковниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ связь этого явленія съ стригольничествомъ высказывается весьма наглядно, такъ какъ одни и тѣ лица между монахами были уличаемы святителями, какъ въ отрицаніи таинствъ, отверженіи духовника, такъ и въ нарушеніи обѣта и стремленіи привлечь по выходѣ изъ монастыря, свѣтскія власти къ разбору своихъ тяжебъ сѣ послѣднимъ [2]). И это весьма понятно: для монаховъ, замѣченныхъ въ наклонности къ еретическимъ мнѣніямъ, дальнѣйшее пребываніе въ стѣнахъ монастыря дѣлалось невозможнымъ, нужно было выходить вонъ; но выходъ изъ монастыря грозилъ имъ лишеніемъ внесенныхъ въ послѣдній вкладовъ, такъ какъ монастырское начальство смотрѣло на вклады, какъ на свою неотъемлемую собственность. Потому для монаховъ, не сдержавшихъ обѣта и оставившихъ стѣны монастыря, единственнымъ путемъ къ возвращенію своихъ вкладовъ являлся свѣтскій судъ, который дѣйствительно сталъ съ тѣхъ поръ постоянно вмѣшиваться въ эти дѣла и заставлялъ игумена давать присягу вмѣстѣ съ соборомъ монастырскихъ старцевъ [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 268, 1494 г.: «Отставиша вдовыхъ поповъ отъ службы».

[2]) А. И., I, 55, № 26, 1418 г.: «Который же убо (изъ непотребныхъ иноковъ «еже... и къ святой дорѣ не приступающе») наказанія монастырьского.... не радя... иметъ мірьскими людми крамолу въздвизати на настоятеля духовнаго, якоже пишете, и на братью»...

[3]) А. И., I, 50, № 24, 1416 — 1521 г.: «И тыя чернъци да изъ вашего (Снѣтогорскаго) монастыря вышедше вонъ, да подъимаютъ мірскыя люди и

Замѣшательство увеличивалось еще и тѣмъ, что, вмѣсто обыкновеннаго свѣтскаго суда, такія или же подобныя дѣла передавались прямо на вѣче, которое пренебреженіемъ правила, воспрещавшаго вѣчу мѣшаться въ судебныя дѣла, открывало обширное поле для всякаго рода происковъ. Разборъ подобныхъ дѣлъ на вѣчѣ сопровождался страшнымъ шумомъ, интригами, подкупомъ: для поясненія достаточно указать на тѣ смуты, которыми сопровождалось въ 1471 году отнятіе вѣчемъ земли у двухъ Псковскихъ храмовъ, между прочимъ, и у Троицкаго собора [1]).

Гораздо опаснѣе однако было вмѣшательство въ церковныя дѣла, которое исходило отъ свѣтскихъ властей, Псковскаго правительства, такъ какъ оно касалось не столько мірской стороны церкви, сколько духовной, ея внутренняго суда и управленія. Вторженіе мірянъ въ церковную область содѣйствовало въ особенности то обстоятельство, что большая часть храмовъ, какъ церквей, такъ и монастырей, находилась въ хозяйственной зависимости отъ міра: какъ самые храмы созидались мірянами, такъ и причтъ ихъ получалъ содержаніе отъ послѣднихъ. Даже болѣе: міряне не только брали на себя обязанность содержать церковный причтъ, но и являлись на судъ для защиты церковныхъ земель, сначала цѣлыми союзами, сусѣдями, а потомъ, когда это право было отмѣнено,—въ лицѣ церковныхъ старостъ [2]). Вслѣдствіе тѣсной хозяйственной связи съ храмами, міряне стремились при обыкновенномъ въ то время смѣшеніи мірскихъ дѣлъ съ церковными, къ распространенію своего вліянія, своего патроната и на собственно церковныя дѣла: оттого, напримѣръ, церковные старосты принимали участіе въ судѣ, который производилъ игуменъ съ соборомъ старцевъ надъ иноками своего монастыря [3]).

мірскыя судья на игумена и на старцевъ вашего монастыря; и тыя мірьскыя судья и міряне да судятъ васъ мірьскимъ обычаемъ, яко же лѣпо естъ міряномъ, или вкупѣ присужаютъ или роту игумену и старцемъ».

¹) П. С. Р. Л., IV, 238, 1471 г.

²) Мурзакевичъ, Пск. С. Гр. 2-е изд., стр. 10: «А за церьковною землею и на судъ помочью сусѣди не ходятъ, итти на судъ старостамъ за церковную землю».

³) А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 гг.

Да и помимо своихъ представителей, старостъ, міряне отнюдь не отказывались отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла: такое вмѣшательство мірянъ, будучи сколько нибудь правильно организовано, естественно повело бы къ водворенію въ Псковскомъ церковномъ устройствѣ уже не демократической, а въ нѣкоторомъ смыслѣ *пресвитеріанской* системы. Но общій характеръ русской церкви не благопріятствовалъ такому направленію, а потому дѣло ограничилось одними только шумными вторженіями мірянъ въ церковную область. Такъ, нетолько нерѣдко случалось, что міряне, помимо владыки, судили и наказывали поповъ въ церковныхъ дѣлахъ [1]), но и самое церковное управленіе не было свободно отъ вмѣшательства мірянъ: сюда относится, напримѣръ, удаленіе отъ службы вдовствующихъ поповъ, о которомъ упомянуто выше.

Такимъ образомъ, еще не успѣло утихнуть броженіе, произведенное ересью стригольниковъ, какъ въ Псковской церкви появились новыя затрудненія, обѣщавшія принять весьма опасный для спокойствія церкви характеръ. Но это постоянное возобновленіе затрудненій имѣло по крайней мѣрѣ то хорошее дѣйствіе, что не только давало Пскову право вновь выступить съ требованіемъ измѣненій въ Псковскомъ церковномъ устройствѣ, служившемъ главнымъ источникомъ зла, но въ то же время заставляло и другія заинтересованныя стороны внимательнѣе относиться къ теченію Псковскихъ церковныхъ дѣлъ. Всѣ партіи стали теперь обнаруживать склонность въ реформѣ церковнаго быта, только каждая старалась провести эту реформу въ свою пользу, а потому не безынтересно взглянуть на тѣ противоположныя стремленія, которыя выказали различныя стороны, желая выйти изъ затруднительнаго положенія. Въ этихъ стремленіяхъ къ отстраненію церковнаго упадка во Псковѣ обнаруживаются четыре главныя направленія. Прежде всего самъ Псковъ, какъ самостоятель-

---

[1]) А. И., I, 18, 1395 г.: «Что есмь слышалъ (Кипріанъ), ажь въ Пськовѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церьковныхъ вещѣхъ, ино... не годится міряномъ попа ни судити ни казнити... но кто ихъ ставитъ святитель, но тъ ихъ и судить и казнить и учить». Тамъ же, I, 55, № 26, 1418 г.

ное политическое цѣлое, тяготился въ церковномъ устройствѣ его политическими слѣдствіями, ставившими его въ нѣкоторую зависимость отъ своего старшаго брата, а также необходимостью отводить въ пользованіе Новгородскаго епископа Псковскія земли, тѣмъ болѣе, что владыки имѣли постоянное стремленіе къ увеличенію своей владычины [1]). Поэтому Псковъ, смотрѣвшій на отводъ земли для владыки какъ на средство получать военную помощь отъ Новгорода [2]), не только не оставлялъ старой мысли объ основаніи у себя отдѣльной епархіи, но и считалъ, подъ вліяніемъ постоянныхъ церковныхъ безпорядковъ, осуществленіе ея рѣшительно неотложнымъ. Обстоятельства, казалось, вновь стали благопріятными для выполненія подобнаго плана. Союзъ съ Москвою служилъ въ глазахъ Псковичей какъ бы ручательствомъ того, что и великій князь приметъ ихъ сторону и, посадивши во Псковѣ своихъ намѣстниковъ, найдетъ возможнымъ избавить и Псковскую церковь отъ волновавшихъ ее затрудненій; да и въ Московскомъ митрополитѣ, благодаря тогдашнему положенію дѣлъ въ митрополіи, Псковичи разсчитывали найдти себѣ вѣрнаго союзника.

Послѣдній разсчетъ не былъ ошибоченъ; митрополитъ дѣйствительно долженъ былъ стать въ это время на сторону Псковичей. Замышляя важную новизну касательно всей русской церкви, митрополитъ Исидоръ нуждался въ всеобщей поддержкѣ, и подобно Суздальскому владыкѣ Діонисію, обнаруживалъ большую дѣятельность, стараясь пріобрѣсти поддержку ревностью въ церковныхъ дѣлахъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, устройство особенной епархіи во Псковѣ въ ея обыкновенномъ видѣ могло возбуждать противъ него неудовольствіе великаго князя, а съ другой—учрежденіе епископовъ-суффрагановъ не было извѣстно православной Руси, то Исидоръ прямо не могъ удовлетворить желаніямъ Псковичей, а долженъ былъ нѣсколько измѣнить внѣшнюю форму епархіи, именно, вмѣсто епископіи основать во Псковѣ *архимандритію*, изъявъ предварительно послѣднюю изъ вѣ-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 215, 1453 г.
[2]) П. С. Р. Л., IV, 229, 1465 г.

домства Новгородскаго владыки и соединивъ непосредственно съ самою митрополіей. Вмѣстѣ съ этою перемѣною необходимо измѣнялся и характеръ владычника. До сихъ поръ владычній намѣстникъ хотя и назначался изъ Псковичей, тѣмъ не менѣе все еще оставался не чѣмъ инымъ, какъ только свѣтскимъ лицомъ, простымъ довѣреннымъ отъ владыки. По плану же Исидора званіе намѣстника связывалось съ опредѣленною церковною должностью, съ саномъ архимандрита, и такимъ образомъ получало большую самостоятельность. Псковскій архимандритъ пріобрѣталъ если исключить право посвященія духовныхъ лицъ (pontificalia), всю власть Новгородскаго владыки, равно какъ и связанные съ нею доходы, и въ этомъ качествѣ представлялся какъ бы нѣкоторымъ суффраганомъ Московскаго митрополита [1]). Перемѣна въ характерѣ владычника тотчасъ же отозвалась и на его значеніи въ общемъ ходѣ Псковской жизни: владычникъ сталъ въ челѣ Псковскаго духовенства, и титулъ его занялъ мѣсто непосредственно послѣ князя и посадника: князь, посадникъ, архимандритъ и всѣ соборы [2]). Относительно происхожденія архимандритіи, какъ нѣкоторой административной единицы, нужно замѣтить что архимандриты въ древности считались иногда представителями не одного только монастыря, но и цѣлой земли: въ Великомъ Новгородѣ всего былъ одинъ только архимандритъ, который поэтому носилъ титулъ Новгородскаго, а по подвѣдомственному ему монастырю назывался Юрьевскимъ игуменомъ; поэтому въ избраніи его принималъ участіе не одинъ только клиръ, но и весь Великій Новгородъ [3]). Стоило только такому архиманд-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 210—211, 1438 г.: «Пріѣха... въ градъ Псковъ митрополитъ Исидоръ... и былъ во Псковѣ 7 недѣль; и постави во Псковѣ архимандрита Галасѣя, и отнятъ судъ и печать и воды и земли и оброкъ владычень, и вся пошлины владычня и дасть и ту пошлину владычню своему намѣстнику архимандриту Галасѣю».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 212, 1442 г.: «И князь... и посадникъ... и архимандритъ Григорій, и попы вся три соборы погадавше съ Псковичи, и поставиша церковь». Тамъ же, V, 29, 1440.

[3]) П. С. Р. Л., III, 42, 1226 г.: «Преставися игуменъ св. Георгія Саватія, архимандритъ Новгородьскый». Тамъ же, III, 47, 1230 г.: «въведоша съ Хутина... Арсенія игумена... князь Ярославъ, владыка Спуридонъ и вьсь Новгородъ и даша игуменьство у св. Георгія».

риту сообщить дѣйствительную власть церковную на всю землю, и тогда получалась Псковская архимандритія въ томъ смыслѣ, въ какомъ задумалъ ее Исидоръ. Первымъ архимандритомъ, назначеннымъ Исидоромъ во Псковъ, былъ Геласій, который, по возвращеніи митрополита съ Флорентинскаго собора, былъ отозванъ въ Москву и замѣненъ другимъ, Григоріемъ [1]). Такимъ образомъ Исидоръ надѣялся, съ одной стороны, устроить церковныя дѣла во Псковѣ тѣмъ, что управленіе церковью поручилъ лицу, долженствовавшему уже по своему сану влiять на остальное духовенство и мірянъ, съ другой же—не содѣйствовать нарушенію связи Пскова съ остальною Русью, такъ какъ архимандритъ былъ не выборный Псковской владыка, а довѣренное лицо изъ Москвы.

Но противъ потока, который увлекъ другое, важнѣйшее нововведеніе Исидора, не могла удержаться и Псковская архимандритія, павшая прежде чѣмъ пригодность ея могла быть провѣрена на практикѣ: съ низложеніемъ Исидора, Псковская церковь должна была снова перейдти въ вѣдѣніе Новгородскаго владыки. Поэтому Псковичамъ приходилось испытать послѣднее средство, обратиться съ просьбой объ основаніи отдѣльной епархіи во Псковѣ уже не къ митрополиту, а прямо къ великому князю; и такъ какъ въ это время между Москвой и Новгородомъ возникли затрудненія, то Псковичи, въ надеждѣ на благопріятный исходъ своего искательства, прекратили выдачу пошлинъ Новгородскому владыкѣ и захватили въ свои руки владычину [2]). Новгородцы сначала препятствовали успѣху дѣла тѣмъ, что не пропускали въ Москву Псковскихъ пословъ, а затѣмъ, когда должны были уступить настоянію великаго князя, отправили отъ вла-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 211, 1441 г.

[2]) П. С. Р, Л., IV, 229, 1465 г.: «Псковичи... послаша послы своя въ В. Новгородъ... а ркучи такъ своей братьи старѣйшей: «се вамъ воды и земля владычня и вси оброки по старинѣ; а что есми по два лѣта съ той земли хлѣбъ имали и въ водѣ рыбы ловили, а тѣмъ кормили князя великого силу, занеже есте на Нѣмецъ намъ не помогали на своемъ перемирьи»; и много бысть о томъ истомы».

дыки Іоны жалобу къ митрополиту [1]). Но и безъ жалобы домогательства Псковичей, начавшіяся въ 1464 году, были холодно встрѣчены въ Москвѣ: хотя послѣднія смуты въ Псковской церкви и могли убѣдить какъ великаго князя, такъ и митрополита въ необходимости отдѣльной епархіи для Пскова, тѣмъ не менѣе на епархію въ Москвѣ по прежнему смотрѣли какъ на мѣстную церковь, а потому учрежденіе ея считали опаснымъ. Не даромъ же основаніе отдѣльной епархіи во Псковѣ было великимъ дѣломъ, о которомъ великій князь считалъ нужнымъ „горазно помыслити“ съ отцомъ митрополитомъ и епископами. Совѣщаніе естественно окончилось тѣмъ, что великій князь, съ одной стороны, помѣшалъ образованію самостоятельной церкви во Псковѣ, и Псковичамъ пришлось не только возвратить Новгородскому владыкѣ всѣ захваченныя раньше пошлины и земли, но еще долго тягаться съ нимъ за двухлѣтнее пользованіе этими доходами, съ другой же—воспрепятствовалъ и преобразованію Псковскаго церковнаго управленія, которое было задумано вскорѣ послѣ того Псковскимъ духовенствомъ, помимо Новгородскаго владыки [2]).

Между тѣмъ какъ самъ Псковъ въ своей церковной организаціи тяготился главнымъ образомъ политическою зависимостью отъ Новгорода, другая заинтересованная сторона, представляемая Псковскимъ духовенствомъ, обременялась какъ владычними поборами, имѣвшими постоянное стремленіе къ возростанію, такъ еще болѣе вмѣшательствомъ мірянъ въ дѣла клира, вмѣшательствомъ, которое принимало все большіе и большіе размѣры. Потому-то Псковское духовенство и рѣшилось положить предѣлъ этому пресвитеріанскому движенію твердымъ *демократическимъ* устройствомъ церкви, опираясь при этомъ на характеръ православной восточной церкви, возбранявшей вмѣшательство мірянъ въ церковныя дѣла. Слабость Псковской церкви состояла, съ одной стороны, въ томъ, что въ званіи владычняго намѣстника, въ томъ видѣ, какъ оно было опредѣлено Болотовскимъ договоромъ, скрывалась значительная доля неопредѣленности и несамостоятельности, отнимав-

[1]) А. И., I, 508, 1462—1464 г.
[2]) П. С. Р. Л., IV, 227—228, 1464 г.

шихъ у владычника всякую возможность къ твердой дѣятельности: хотя намѣстникъ и назначался изъ Псковичей, тѣмъ не менѣе не былъ духовнымъ лицемъ и въ назначеніи, равно какъ въ удаленіи вполнѣ зависѣлъ отъ владыки. Съ другой стороны, хотя Псковское духовенство и было замкнуто въ соборы, тѣмъ не менѣе между послѣдними не было никакой опредѣленной связи, которая придавала бы силу принятымъ ими рѣшеніямъ. Такъ какъ однако, признавая власть Новгородскаго владыки, Псковичи не могли думать объ иной формѣ намѣстничества, то имъ ничего не оставалось, какъ только привести въ связь духовенство всѣхъ соборовъ посредствомъ избранія изъ среды священства особенныхъ представителей, которыя служили бы помощниками владычнику. Такихъ представителей Псковскаго духовенства, которые въ отношеніи владычника находились въ такомъ же положеніи, какъ два Псковскіе посадника относительно князя, было избрано два, и для руководства имъ составлена на вѣчѣ и положена въ ларь, архивъ, особенная миродокончальная грамота, опредѣлявшая обязанности духовенства какъ въ собственной сферѣ, такъ и относительно мірянъ [1]). Хотя Псковское священническое (демократическое) управленіе, какъ учрежденіе, и было направлено главнымъ образомъ противъ вмѣшательства мірянъ въ церковныя дѣла, а не противъ епархіальнаго архіерея, ибо оно не устраняло нимало ни власти Новгородскаго владыки, ни власти его намѣстника, а только усиливало авторитетъ послѣдняго посредствомъ двухъ выбранныхъ изъ священства представителей,—тѣмъ не менѣе оно сильно напугало Новгородскаго епископа [2]). Узнавъ о священни-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 232, 1469: «Священноиноки и священники, вся 5 соборовъ... весь Псковъ благословивъ на вѣчѣ, рекоша: нынѣ, сынове, попромежи себе хотимъ, по правиломъ св. Отецъ и св. Апостолъ, во всемъ священствѣ крѣпость поддержати, а о своемъ управленіи, какъ намъ священникомъ по Намаканону жити... а вы ся въ то иное и миромъ вступаете, а чрезъ св. Апостолъ и св. Отецъ правила; а въ томъ, сынове, и на васъ хотимъ такову же крѣпость духовную поддержати... А надъ собою на тую грамоту правители всѣмъ пятми соборы... на вѣчѣ предъ всѣмъ Псковомъ, посадили Андрея Козу... а другого съ Завеличья Харитона попа»...

[2]) П. С. Р. Л., IV, 232, 1469 г.: «Ино о томъ та гратота отъ всего священства изъ Намаканона выписавъ и въ ларь положена по вашему же (вла-

ческомъ управленіи отъ одного изъ выборныхъ представителей, Андрея Козы, бѣжавшаго въ Новгородъ вслѣдствіе несогласій въ священствѣ, владыка Іона, боясь потерять свои права на судъ и богатыя пошлины, тотчасъ-же поспѣшилъ во Псковъ и уже началъ было кричать: «подерите ту грамоту, я самъ хочу здѣсь судить»; однако по разъясненіи дѣла Псковичами, отъ скоро перемѣнилъ тонъ и кротко обѣщалъ доложить о томъ отцу митрополиту: «теперь и самъ, дѣти», говорилъ онъ, «слышу отъ васъ, что это дѣло велико сильно, что отъ него христіанству развратно, церквамъ Божіимъ мятежно, а иновѣрнымъ, видящимъ такую слабость въ жизни провославныхъ, радостно.» Но въ Москвѣ, какъ выше замѣчено, не понравилось и священническое управленіе, задуманное Псковскимъ духовенствомъ; поэтому оно было немедленно отмѣнено, крѣпостная грамота, лежавшая годъ и два съ половиною мѣсяца въ ларю, разорвана, и вся отвѣтственность за церковный порядокъ была принята на себя владыкой Іоною, который похвалялся при этомъ показать Псковичамъ, что онъ не хуже ихъ сумѣетъ поддержать церковную крѣпость: мы видѣли уже, на сколько онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Но хотя попытка устроить священническое управленіе и не удалась, тѣмъ не менѣе мысль о связи всего соборнаго духовенства не совсѣмъ была оставлена и даже, съ теченіемъ времени, достигла нѣкоторой реализаціи: въ 1481 году была устроена въ Довмонтовой стѣнѣ изба, предназначенная для собраній духовенства по своимъ дѣламъ [1]). Дѣла эти, конечно, касались прежде всего повинностей, которыми духовенство

дыки) слову, како еси самъ, господине, преже сего былъ въ дому св. Троица и прежніи твоя братія, а велите и благословляете всѣхъ пяти соборъ съ своимъ намѣстникомъ, а съ нашимъ Псковитиномъ, всякія священническія вещи по Намаканону правити».

[1]) П. С. Р. Л., IV, 265, 1481 г.: «Поставиша священники въ Домантовѣ стѣнѣ избу священникомъ и діякономъ»... Варіантъ: «гдѣ священникомъ копиться и дьякономъ». Евгеній, И. К. П., II, 89, 1525 г.: «А положена подлинная грамота въ соборной поповской избѣ въ ящикѣ съ прочими государевыми грамотами». Пск. Губ. Вѣд. 1841, № 26, приб. стр. 159. «Въ расходной же 144 (1636) года казначея старца Андрѣяна записано: «....Да онѣ же (владычніе люди) взяли владычнихъ поплѣшныхъ 7 гривенъ 4 деньги, да въ поповскую (т. е. избу) гривну, да подъѣзду 10 алтынъ».

было обязано относительно своего владыки; но они не исключали нисколько заботъ духовенства о поддержанiи крѣпости, порядка, въ церкви, такъ какъ самъ владыка временами приглашалъ священство къ наблюденiю за церковнымъ благочинiемъ [1]).

Однако если великiй князь Московскiй не захотѣлъ допустить осуществленiя составленнаго Псковскимъ духовенствомъ проекта священническаго управленiя, то онъ также мало содѣйствовалъ и третьей сторонѣ, представляемой Новгородскими владыками, такъ какъ стремленiя послѣднихъ также не соотвѣтствовали его намѣренiямъ. Новгородскiе архiепископы, въ лицѣ своихъ болѣе энергическихъ представителей, не могли со своей стороны остаться безучастными зрителями церковныхъ безпорядковъ; только реформа ихъ клонилась главнымъ образомъ къ поднятiю прежняго значенiя Новгородскаго владыки, ослабленнаго Болотовскимъ договоромъ 1347—48 года, къ возстановленiю централизацiи владычняго управленiя, къ замѣнѣ намѣстниковъ, назначаемыхъ изъ Псковичей, лицами, взятыми изъ ближайшаго къ владыкѣ софiйскаго воинства. И владыки могли считать обстоятельства времени благопрiятными для проведенiя своихъ тенденцiй. Въ то время, когда Москва стала вводить въ Псковскую жизнь Московскiе порядки и усиливать значенiе князя, владыкамъ трудно было удержаться отъ того, чтобы не послѣдовать этому соблазнительному примѣру и не постараться о возстановленiи во Псковѣ прежняго епископскаго авторитета; однако это возвращенiе къ старинѣ совсѣмъ не входило въ намѣренiя Московскихъ князей, такъ какъ они уже давно, вѣроятно рѣшили отдѣлить Псковскую епархiю отъ Новгородской: когда отдѣленiе будетъ своевременно, то-есть, когда Псковъ и Новгородъ перестанутъ быть опасными. Поэтому, хотя владыка Евѳимiй и пытался въ 1435 году водворить во Псковѣ намѣстника и печатника снова изъ своихъ рукъ, то-есть Новгородцевъ, а не Псковичей [2]),—тѣмъ не менѣе эта попытка,

---

[1]) А. И., I, 61, № 31, 1420 г.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 209, 1435 г.: «Прiѣха владыка Еуѳимей во Псковъ.. не въ свой подъѣздъ, ни въ свою череду, но наровою; и Псковичи его прiяша и биша ему челомъ о сборованiи, и онъ сборовати не ворчеся, а суду

послѣ минутнаго успѣха, рушилась, когда слишкомъ крутыя мѣры новаго Новгородскаго намѣстника, арестованіе дьяконовъ, уничтоженіе старыхъ завѣщаній и договоровъ, вызвали сильное негодованіе со стороны Псковичей, такъ что «по діаволю навоженью» дѣло дошло до схватки съ софіянами, то-есть, владычнею свитою. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства, владыка, воротившійся было во Псковъ съ дороги, снова уѣхалъ изъ города, безполезно причинивъ Псковскому духовенству столько убытковъ, сколько послѣднему не приходилось выносить ни отъ одного владыки съ того времени, «какъ Псковъ сталъ»[1]).

Псковичамъ не трудно было бороться съ владыками, пока послѣдніе избирались изъ своей же братіи, Новгородцевъ; но съ паденіемъ Великаго Новгорода обстоятельства перемѣнились: владыки стали назначаться и въ самый Новгородъ изъ Москвы, изъ рукъ великаго князя, а потому меньше принимали къ сердцу интересы своей епархіи. Уже первый изъ Московскихъ владыкъ, Сергій, оставилъ по себѣ дурную память какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ: по принятіи Новгородской каѳедры послѣ удаленнаго Ѳеофила, Сергій тотчасъ же началъ штрафовать поповъ и ввелъ многія новыя пошлины[2]). Мѣры Сергія встрѣтили въ Новгородскомъ духовенствѣ сильнѣйшее негодованіе; поэтому преемникъ его обратилъ свое вниманіе на Псковъ, какъ на болѣе удобную почву, и старался совершить тамъ реставрацію епископской власти въ обширныхъ размѣрахъ. Этотъ планъ устройства Псковской

своего у Пскова проситъ и на попѣхъ своего подъѣзда. И Псковичи ему не почаша сулити, а стали за сборованія и за свою старину, что онъ хочетъ намѣстника и печатника изъ своею руку сажати Новгородцевъ, а не Псковичь; и онъ за то разгнѣвася и былъ одну недѣлю и поѣха прочь».

[1]) П. С. Р. Л., IV, 209, 1435 г.: «И князь Володимеръ, и посадники, и бояре сугнаша его въ Невадичахъ и ту ему добиша челомъ; и онъ воротился, а о сборованіи положилъ до митрополита. И Псковичи даша ему судъ его мѣсяцъ, и подъѣздъ на попѣхъ имаше, и учалъ намѣстникъ его судъ судити не по Псковской пошлинѣ, учалъ посужати рукописанья и рядницы, а иное учали діаконовъ сажати у гридницю, а все то учалъ дѣяти новину, а старину покинувъ»...

[2]) П. С. Р. Л., V, 41, 1484 г.: «Пріѣде съ Москвы въ Великій Новгородъ... владыка Сергій... и многы игумены и попы испродаде, и многы новыя пошлины введе».

церкви совершенно опущенъ изъ виду историками, а между тѣмъ по слѣдствіямъ своимъ относительно тягловаго положенія духовенства, равно какъ и по характеру дѣйствующихъ лицъ, онъ имѣетъ первостепенную важность. Въ исторіи русской церкви не много характеровъ, столь замѣчательныхъ, какъ Геннадій Гонозовъ, занимавшій Новгородскую владычнюю каѳедру съ 1485 по 1504 годъ [1]). Геннадій былъ реставраторъ, подобный своему товарищу, Іосифу Волоцкому, но относившійся къ послѣднему такъ, какъ практикъ относится къ теоретику: они взаимно дополняли другъ друга, а потому и въ своихъ дѣйствіяхъ обнаруживали полное единодушіе. Какъ всѣ реставраторы, Геннадій легко обращался къ оружію своихъ противниковъ, и находя въ послѣднихъ начитанность, возбуждалъ вопросъ о заведеніи школъ, чтобъ имѣть возможность воспользоваться и этимъ оружіемъ въ борьбѣ съ еретиками, ревность въ искорененіи которыхъ такъ прельщала его въ особѣ Фердинанда Католика. Понятно, какъ должно было подѣйствовать на такого архипастыря, проникнутаго сознаніемъ собственнаго значенія и неуклоннаго въ проведеніи разъ принятаго взгляда, Псковское церковное устройство, въ которомъ власть владыки, частію вслѣдствіе характера Псковской церкви, частію же вслѣдствіе бездѣятельности владыкъ, сводилась въ это время почти къ нулю.

Были еще и другія, ближайшія причины, заставлявшія Геннадія обратить особенное вниманіе на состояніе Псковской церкви. Новгородскіе владыки, какъ извѣстно, подвергались сильнымъ поборамъ со стороны митрополитовъ [2]); естественно, что они старались возмѣстить свой ущербъ на счетъ подчиненнаго имъ духовенства, среди котораго Псковская церковь представляла очень выгодную статью. Тамошнее священство, какъ бѣлое, такъ и черное, обязано было вносить епископу подъѣздныя пошлины: но кто опредѣлялъ количество духовныхъ лицъ и даже церквей во Псковѣ? Съ другой стороны, владычнія пошлины, по крайней мѣрѣ, кормовая, были пошлинами натуральными, вслѣдствіе чего сборъ

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 36, 1483 г.
[2]) П. С. Р. Л., Ш, 80—81, 1341 г.

ихъ былъ не совсѣмъ удобенъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, владыка Геннадій, воспользовавшись татарскимъ обычаемъ *числа*, составилъ планъ переписи Псковскаго духовенства и церквей, равно какъ и перевода натуральныхъ повинностей духовенства на денежный счетъ. Но такъ такъ при выполненіи этого плана на Псковскаго владычника положиться было нельзя, то Геннадій рѣшился осуществить снова мысль митрополита Исидора объ основаніи архимандритіи во Псковѣ, съ тѣмъ только само собою понятнымъ различіемъ, что архимандритія должна была теперь стать въ зависимость не отъ митрополита, а отъ Новгородскаго владыки. Для успѣшнѣйшаго хода дѣла, Геннадій даже отказался слѣдовать примѣру Исидора, не назначилъ архимандрита изъ чисто-Новгодскаго духовенства, а выбралъ Псковича; однако избранный имъ Псковичъ оказался въ глазахъ соотчичей явно дурной репутаціи [1]): въ бытность свою Псковскимъ ларникомъ (хранителемъ архива) онъ помогъ въ 1483 году князю Ярославу выкрасть изъ ларя грамоту, опредѣлявшую положеніе смердовъ, и замѣнить ее другою; отъ этого во Псковѣ произошло страшное смятеніе, одинъ посадникъ былъ убитъ, дворы другихъ разрушены или опечатаны, самъ же ларникъ былъ обреченъ на казнь, но успѣлъ убѣжать въ Великій Новгородъ. Постригшись въ одномъ изъ монастырей послѣдняго, онъ снискалъ расположеніе владыки Геннадія, который и хотѣлъ сдѣлать его, подъ именемъ архимандрита Евѳимія, своимъ намѣстникомъ во Псковѣ. Подобный архимандритъ своею личностью мало внушалъ довѣрія къ предлагаемой архимандритіи, почему послѣдняя и была рѣшительно от-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 45, 1486 г.: «Владыка Генадій присла въ Псковъ боярина своего Безсона, и съ нимъ игумена Еуѳимья, иже преже былъ въ Псковѣ ларникомъ, и въ той власти много зла народу учини и смяте всѣмъ Псковомъ, и у посадниковъ, и у ябедниковъ, и у правыхъ людій того ради Есипа ларника много посѣкоша дворовъ, и самого много казнивше выведоша на посѣченіе; онъ же убѣжа и пострижеся. И мысляше того владыка Генадій вмѣстити архимадритомъ, въ себе мѣсто правителемъ Пскову, и того ради посла его съ своимъ бояриномъ, и веляше описати по всей земли Псковской церкви и монастыре, и колико престоловъ и поповъ, и всѣхъ въ число написати; и Псковичи не вдашася въ волю его»...

вергнута Псковичами вмѣстѣ со связанною съ нею переписью храмовъ и духовенства.

Потерявъ послѣ этой неудачной попытки всякую надежду на поднятіе владычняго авторитета съ помощью водворенія въ санъ Псковскаго намѣстника лицъ, вполнѣ себѣ преданныхъ, владыка естественно долженъ былъ ограничиться однимъ обезопашеніемъ своихъ доходовъ со стороны Псковской церкви, регулированіемъ тягловыхъ отношеній Псковскаго духовенства. Поэтому Геннадій продолжалъ настаивать на необходимости произвести перепись Псковскихъ церквей и монастырей, да и сами Псковичи ничего не могли сказать противъ справедливости этого требованія; ибо, если не говорить о томъ, что опредѣленіе валовой суммы владычнихъ пошлинъ безъ точнаго знанія храмовъ и духовенства было немыслимо, всеобщая перепись духовенства имѣла еще особенное, церковное значеніе, могла содѣйствовать уничтоженію разныхъ церковныхъ злоупотребленій, которыя, при стремленіи извлекать доходъ изъ церковныхъ дѣйствій, вкрадывались даже въ самыя незначительныя вещи. Такъ какъ, напримѣръ, антиминсы, разсылавшіеся въ древности по церквамъ вмѣсто освященія, шли изъ митрополіи и сопровождались извѣстною пошлиною [1]), то они легко становились предметомъ корыстной спекуляціи, тѣмъ болѣе, что сами владыки подавали къ тому примѣръ, приказывали рѣзать полученный изъ митрополіи антиминсъ на четыре части, вѣроятно, чтобъ имѣть возможность въ четыре раза окупить заплаченную въ митрополію пошлину [2]). Поэтому, какъ Псковичи долго не думали, а въ концѣ концевъ должны были уступить Геннадію и согласиться на производство ревизіи Псковской церкви. Для этой цѣли были присланы изъ Новгорода во Псковъ священникъ и

---

[1]) А. А. Э., I, 222, № 229, 1559 г.: «А что у нихъ Троецкой протопопъ и попы изо Пскова емлютъ антимисы, и они имъ даютъ пошлину по цареву нынѣшнему уложенію, за антимисъ по полуполтинѣ».

[2]) А И., I, 17 № 8, 1372—1395 гг.: «А коли есмь былъ (Кипріанъ) въ Новѣгородѣ въ Великомъ, тогды есмь антимисы свящалъ, а приказалъ былъ есмь епископу послати и къ вамъ тѣхъ антимисовъ. Нынѣча слышу, что самъ былъ тогды у васъ, а далъ вамъ отъ тѣхъ антимисовъ, а приказалъ вамъ на четверо рѣзати каждый антимисъ: ино то не право учинилъ, на свою пагубу»...

дьяконы, которые и совершили въ 1500 году ревизію церкви, переписали число церквей и монастырей, престоловъ и антиминсовъ, и количество духовенства [1]). Производство переписи дало владыкѣ Геннадію возможность опредѣлить валовую сумму слѣдуемыхъ ему съ Псковскаго духовенства пошлинъ и перевести вмѣстѣ съ тѣмъ повинности, которыя до того времени отправлялись исключительно натурою, на денежный счетъ, съ предоставленіемъ однако подчиненному духовенству права вносить ихъ тѣмъ или другимъ способомъ, деньгами или натурой. Опредѣленія эти были занесены въ особенную, составленную Геннадіемъ, *уставную* грамоту, которая была передана въ спискѣ и Псковичамъ и съ тѣхъ поръ надолго опредѣлила тягловыя отношенія Псковскаго духовенства къ Новгородскому владыкѣ. Изъ двухъ владычнихъ пошлинъ, первая, поплѣшная, по грамотѣ Геннадія простиралась до полтины и пятнадцати денегъ по Московскому счету, такъ что священникъ, получавшій, напримѣръ, ежегодно по три рубля руги, то есть, опредѣленнаго дохода, вносилъ владыкѣ около тринадцатой части своего трехлѣтняго дохода. Вторая пошлина, кормовая, обнимавшая все разнообразіе житейскихъ потребностей для владыки и его свиты и переложенная въ каждой отдѣльной статьѣ на денежной счетъ, въ цѣломъ составляла 488 Московскихъ рублей. Въ общей же сложности кормовая и поплѣшная пошлины, иначе весь подъѣздъ, составляли не малую сумму въ 1103 Московскіе рубля и двѣ деньги [2]). Опредѣленіе церковныхъ повинностей Псковскаго духовенства, представляемое грамотой Геннадія, окажется весьма высокимъ, если только сравнить уставъ Геннадія съ проектомъ церковныхъ повинностей, представ-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 272, 1500 г.: «Присла владыка Генадей дьяконовъ да попа церквей осматривати во Псковъ, и князь Псковской и посадники и весь Псковъ много думавше, и повелѣли церквей осматривати антимисовъ».

[2]) Евгеній, И. К. П., II, 91—92, 1555: «прежніе наши богомольцы... имали подъѣзду... по арх. по Геннадіевѣ грамотѣ на тѣ мѣсяцы по тысячѣ рублевъ, да по сту рублевъ и по три рубля и по двѣсти московскою». Куницынъ, Ист. изобр. древ. судопр. въ Россіи, 151, 1555: «по тысяче рублей, да по сту рублей и по три рубли и по двѣ денги Московскою». Послѣднія слова показываютъ, что митр. Евгеній читалъ слово «двѣсти», по всей вѣроятности, ошибочно.

ленномъ въ 1551 году самими Псковичами и на время утвержденномъ Иваномъ IV. Въ послѣднемъ размѣръ поплѣтной пошлины съ каждаго отдѣльнаго лица былъ пониженъ съ полтины и пятнадцати денегъ по Московскому счету на полтину Новгородскую, что въ цѣломъ составляло 75 Московскихъ рублей, а размѣръ кормовой ограниченъ только двумя стами вмѣсто прежнихъ 488 Московскихъ рублей; весь подъѣздъ, слѣдовательно, былъ уменьшенъ на 363 Московскіе рубля, т. е., почти что на цѣлую треть [1]). Такимъ образомъ владыкѣ Геннадію удалось, по крайней мѣрѣ, закрѣпить „спискомъ" тягловыя узы Псковскаго духовенства; поднятіе же владычняго авторитета во Псковѣ, входившее въ его первоначальные планы, оказалось недостижимымъ даже для одного изъ его ближайшихъ преемниковъ, вслѣдствіе того же подводнаго камня, о который разбивались и стремленія Псковичей.

Между тѣмъ какъ разныя историческіе дѣятели, Псковъ, Псковское духовенство, Новгородскій владыка, выходятъ на сцену каждый со своими собственными стремленіями, хлопочутъ и борются другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе въ недоумѣніи видятъ всѣ свои попытки рушащимися или удающимися только въ незначительной части,—четвертая сторона, представляемая великимъ княземъ Московскимъ, играетъ относительно первыхъ трехъ роль какой-то судьбы, задерживающей и мѣшающей всякому движенію. Не то чтобъ у Московскихъ великихъ князей не было сознанія о настоятельной потребности устройства церковныхъ дѣлъ во Псковѣ: сознаніе о такой потребности было, но только удов-

---

[1]) Евгеній, И. Кн. Пск., II, 90, 1555 г.: «А написано было у нихъ въ той моей царевѣ жаловалной грамотѣ (1551 года): коли пріѣдетъ богомолецъ нашъ архіепископъ на свой подъѣздъ во Псковъ въ четвертый годъ на одинъ мѣсяцъ, и ему имати было у нихъ за свой и за людской и за конской кормъ и за всякой мелкой расходъ на тотъ мѣсяцъ по 200 рублевъ Московскою, а подъѣздъ ему свой у нихъ имати было со всякого игумена и съ попа и съ дьякона въ полтинѣ по новгородской. «А преже сего (1555 года) билъ мнѣ челомъ... архіеп. Пименъ... что тѣмъ штисоборскимъ старостамъ дана та наша грамота не подѣльно, убавлено день по ней у архіепископля и у людского и у конского корму и у всякого мелкого расходу, а у подъѣзду триста рублевъ да 60 рублевъ да 3 рубли Московская».

летвореніе ея казалось преждевременнымъ, опаснымъ, вслѣдствіе чего великіе князья постоянно оставались глухими къ справедливымъ искательствамъ Псковичей и даже косвенно содѣйствовали усиленію власти Новгородскаго владыки. Теперь уже можно сказать, что опасенія великихъ князей были напрасны, безосновательны: ни отдѣленіе Пскова отъ остальной Руси и соединеніе съ Литвою не имѣло никакого вѣроятія, такъ какъ Псковъ уже раньше убѣдился, противоположно Новгороду, въ несостоятельности литовскаго господства; ни тѣсный союзъ Пскова съ Новгородомъ для защиты стараго порядка не представлялъ никакой возможности. Поэтому нельзя не считать крайне излишнею ту осторожность, которая заставила великихъ князей Московскихъ ограничить свою дѣятельность въ церковныхъ затрудненіяхъ Пскова одною положительною мѣрою, созваніемъ въ Москвѣ собора въ 1503—1504 годахъ. Постановленія этого собора, оповѣщенныя митрополичьимъ посланіемъ для всеобщаго руководства, повторяли ужъ извѣстныя намъ запрещенія, касавшіяся взиманія мзды со ставленниковъ и священствованія вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, съ нѣкоторыми однако важными измѣненіями и дополненіями. Мзда была совершенно воспрещена въ обоихъ ея видахъ, какъ формѣ поборовъ за протори и исторы при ставленьи, такъ и въ формѣ приношеній за самое ставленье; относительно же вдовыхъ поповъ и дьяконовъ были сдѣланы, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторыя смягченія. Прежде вдовствующіе священники должны были просто или идти въ монастырь, или же слагать съ себя духовное званіе; теперь же, въ случаѣ нравственной жизни, имъ предоставлено было не только почетное право стоять на клиросѣ и причащаться, священникамъ—въ эпитрахили въ алтарѣ, равно какъ и держать эпитрахиль на дому, дьяконамъ же—въ стихарѣ съ уларемъ (ораремъ); но и дозволено отправлять нѣкоторыя священническія обязанности, служить вечерни и заутрени, за исключеніемъ одной только обѣдни, въ засвидѣтельствованіи чего вдовымъ священникамъ выдавались особыя, такъ называемыя патрахильныя грамоты [1]). Однако эти послѣднія права со-

[1]) П. С. Р. Л. IV, 277, 1504 г.: «А которые попы и діяконы вдовцы жъ,

блюдались не строго и колебались въ разныя стороны: такъ въ 1552 году Новгородскій владыка Серапіонъ отставилъ священниковъ, державшихъ эпитрахили, указавъ имъ только стоять на клиросѣ [1]). Преимущества, предоставленныя соборомъ 1504 года вдовымъ попамъ и дьяконамъ, отличавшимся нравственною жизнію, сами собою создавали новыя затрудненія въ церкви. Лица, оставшіяся этимъ путемъ въ духовномъ званіи, оказывались лишенными всякихъ средствъ къ поддержанію своего существованія, такъ какъ единственный источникъ ихъ доходовъ, церковное мѣсто, былъ передаваемъ другимъ, женатымъ священникамъ. Имѣя въ виду эти хозяйственныя затрудненія вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, соборъ постановилъ, что тѣ и другія пріобрѣтаютъ съ этихъ поръ право на четвертую часть изъ дохода лицъ, поступившихъ на ихъ мѣсто, въ томъ, конечно, предположеніи, что вдовствующіе священники не предпочтутъ мірскихъ занятій стоянію на клиросѣ [2]). Было уже выше замѣчено, какъ мало обязательной силы имѣли постановленія подобныхъ соборовъ для русскихъ іерарховъ: тотчасъ послѣ собора одинъ изъ его членовъ, владыка Геннадій, былъ обвиненъ въ мздоимствѣ и отрѣшенъ отъ епархіи.

Присоединеніе Пскова къ Московскому государству совершенно измѣнило однако отношенія великихъ князей Московскихъ къ

а слова на нихъ нѣсть о паденіи блудномъ, да и сами про собя сказали, что послѣ жонъ живутъ чисто: и мы соборнѣ о тѣхъ уложили, что тѣмъ стояти въ церквахъ на клиросѣхъ и причащатися попомъ въ олтарѣхъ въ патрахили, да и въ домѣхъ имъ у собя патрахиль держати, а діякономъ причащатися въ олтарѣхъ въ стихари со уларемъ, а не служити ни попомъ, ни діякономъ вдовцемъ». П. С. Р. Л., III, 144, 1504 г.: «Весь св. соборъ отлучили вдовцовъ поповъ и діяконовъ: обѣдней имъ отъ сихъ мѣстъ не служити, а вечерняя а заутреняя пѣти имъ»... Образцы патрахильныхъ грамотъ, позднѣйшаго, конечно, времени, помѣщены въ А. Ю., I, 415 — 417, № 391, 1617—1703 г.

[1]) П. С. Р. Л., IV, 308, 1552 г.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 277—278, 1504 г.: «А которые попы и діяконы на ихъ (вдовцевъ) мѣсто учнутъ у тѣхъ церквей служити, и имъ тѣхъ поповъ и діяконовъ отъ церквей не отсылати вдовцевъ, а давати попомъ и діякономъ служебнымъ вдовцомъ четвертую часть во всѣхъ церковныхъ доходѣхъ; а который въ тѣхъ попѣхъ и дьяконѣхъ въ церкви на крылосѣ стояти не учнетъ, а учнетъ мірская дѣлати, и тѣмъ четвертые части въ церковныхъ доходѣхъ не давати».

требованіямъ Псковской церкви. Такъ какъ съ паденіемъ Пскова пало и различіе между мѣстною церковью и епархіей, то вопросъ объ учрежденіи отдѣльной епархіи во Псковѣ значительно упрощался и сводился къ одному только церковному значенію. Теперь великимъ князьямъ Московскимъ уже смѣло можно было позаботиться и объ устройствѣ церкви, содѣйствіемъ которой для своихъ политическихъ цѣлей они пользовались даже вопреки ея собственнымъ интересамъ: съ паденіемъ Великаго Новгорода и Пскова вредное вліяніе церковнаго обособленія совершенно устранялось, да и со стороны самого клира начинали раздаваться жалобы на вдовствованіе церкви, на недостатокъ епископовъ [1]). Дѣйствительно, вскорѣ по покореніи Пскова въ Москвѣ возникаетъ мысль объ отдѣленіи Псковской области отъ Новгородской епархіи и становится въ полное противорѣчіе съ преобладающимъ характеромъ владычнихъ стремленій за этотъ періодъ, которыя клонились къ усиленію власти и значенія Новгородскаго епископа во Псковѣ, и представителемъ которыхъ является дѣятельный архіепископъ Новгородскій Макарій. Вслѣдствіе полученнаго отъ Геннадія толчка, Новгородскіе владыки ревностно принялись за строеніе Псковской церкви, старались какъ придать новый блескъ владычней визитаціи, такъ и усилить свое вліяніе изъ Новгорода на церковныя дѣла Пскова. Для первой цѣли былъ устроенъ, при помощи Псковскихъ монастырей, во Псковѣ въ 1535 году особенный дворъ, долженствовавшій служить мѣстопребываніемъ для владыки и его свиты на время подъѣзда (прежде владыка останавливался по подворьямъ), и введенъ при торжественномъ богослуженіи, соборованіи, новый церемоніалъ, по которому всѣмъ городскимъ священникамъ запрещалось приходить къ владыкѣ за благословеніемъ на службу каждому въ своемъ храмѣ, а слѣдовательно, вмѣнялось въ обязанность присутствовать при епископскомъ богослуженіи [2]). Усиленіе же владычняго

---

[1]) Правосл. Собесѣдникъ за 1863 годъ, I, 345, посланіе Филоѳея къ Василію Ивановичу: «Да исполниши св. соборныя церкви епископы, да не вдовствуетъ св. Божія церкви при твоемъ царствіи».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 301, 1535 г.: «Начаша дворъ дѣлати владычень во

вліянія изъ Новгорода на Псковскія церковныя дѣла клонилось къ предупрежденію безпорядковъ, возникавшихъ частію отъ того, что бродячіе священники нерѣдко не имѣли потребныхъ для священствованія качествъ, частію же отъ того, что лица, являвшіяся на ставленье къ владыкѣ, представляли подложныя грамоты. Съ этою цѣлью владыка Макарій требовалъ, чтобы священники-пришельцы получали право священствовать не иначе, какъ съ вѣдома самого владыки, а не просто съ разрѣшенія намѣстника и по договору съ прихожанами; чтобы лица, являвшіяся къ владыкѣ на посвященіе, хорошо знали грамоту и имѣли какъ отъ владычняго намѣстника, такъ и отъ соборскихъ старостъ, особенныя грамоты, въ коихъ содержались бы свѣдѣнія какъ о самомъ ставленникѣ, такъ равно и о томъ, въ какую именно церковь предназначается ставленникъ; наконецъ, чтобы міряне не удаляли безъ вѣдома владыки, какъ то было прежде, однихъ священнослужителей и не поряжали другихъ [1]). Однако всѣ эти стремленія представляютъ странный контрастъ съ ограниченіемъ время-пребыванія владыкъ во Псковѣ десятью днями вмѣсто мѣсяца, какъ то было прежде, ограниченіемъ, задуманнымъ въ Москвѣ для смяченія перехода къ отдѣльной отъ Новгорода Псковской епархіи и объявленнымъ Новгородскому владыкѣ не прямо, а чрезъ Псковскаго дьяка Мунехина, во время владыч-

---

Псковѣ на площади за Всемилостивымъ Спасомъ; а священники ему не пособиша ни въ чемъ же во дворъ; а монастыри вси мшили горницы и повалушу склали». Тамъ же, IV, 297, 1528 г.: «И пріиде къ живоначалнѣй Троицы и повелѣ архіепископъ чести синодикъ, заповѣди... въ Никеи седмого собора, и начаша священники благословлятися у него къ обѣдни коиждо во свои храмъ, и онъ всѣхъ не пустилъ, и заложилъ по всему граду вседневные службы того дни».

[1]) Евгеній, И. Кн. Пск., II, 83—84, 1528 г.: «А хотя у котораго попа или у діакона у пріѣзжихъ и ставленныя грамоты будутъ и отпускныя и онъ имъ безъ моего вѣдома пѣти не велитъ. Да пріѣзжаютъ и изъ иныхъ мѣстъ дьяки, да ставятся въ попы и въ дьяконы, а грамоты вылыгаютъ подъ мѣстныхъ поповъ и подъ діаконовъ, и старосты штисоборскіе не вѣдаютъ. И нашъ намѣстникъ, котораго ставленика ко мнѣ пришлетъ, инобъ у того ставленика была ко мнѣ грамота нашего намѣстника, а другая штисоборскихъ старостъ за ихъ печатью, о его прихожествѣ и о лѣтахъ, и которой церкви извѣстно, а ставленикъ былъ бы грамотѣ гораздъ».

няго подъѣзда 1528 года. Но этотъ планъ основанія особенной епархіи во Псковѣ, существованіе и смыслъ котораго совершенно ясны, не только не былъ приведенъ въ исполненіе, но даже былъ совершенно забытъ, такъ что со смертію Василія пало и самое ограниченіе времени церковной визитаціи десятью днями, уступивъ мѣсто прежнему владычнему мѣсяцу: только въ 1589 году суждено было осуществиться предположенію Василія, и такимъ образомъ было положено основаніе отдѣльной епархіи во Псковѣ [1]).

Въ періодъ этого неопредѣленнаго положенія Новгородскаго владыки, когда уже начала было приводиться въ исполненіе мысль объ отдѣленіи Псковской епархіи отъ Новгородской, но случайно была совершенно забыта, произошли однако многія преобразованія, которыя касались частію церковнаго управленія, частію же положенія низшаго духовенства, и которыя нужно считать заключительнымъ камнемъ въ историческомъ развитіи Псковскаго церковнаго устройства. Съ подчиненіемъ Пскова Московскому владычеству и съ утвержденіемъ въ немъ неограниченной власти великаго князя, само собою дѣлалась ненормальною старая мысль о различіи между городомъ и землей, о старшинствѣ главнаго города надъ пригородами, мысль, служившая руководною нитью при организаціи ихъ взаимныхъ отношеній; вмѣстѣ съ тѣмъ стало ненормальнымъ и связанное съ этимъ различіемъ Псковское соборное устройство. Какъ уже замѣчено выше, въ прежнее время все Псковское духовенство, и городское, и областное, было распредѣлено по шести городскимъ соборамъ—седьмой возникъ уже послѣ паденія Пскова, — изъ которыхъ каждый избиралъ себѣ особеннаго представителя, поповскаго старосту. Такимъ образомъ выходило, что ни пригородское, ни сельское духовенство не имѣло ни отдѣльныхъ отъ города опорныхъ пунктовъ или соборовъ, ни

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 296, 1528 г.: «Пріѣха арх. Новгородскій во Псковъ.... и повелѣ ему князь великій во Псковѣ жити 10 дней, а хотѣлъ онъ жити весь мѣсяцъ, и Мисюръ дьякъ показалъ ему грамоту вел. князя, что ему велѣно жити 10 дней, а владыка Макарей того невѣдалъ». Тамъ же, IV, 337, 1589 г.: «пріѣхалъ во Псковъ съ Москвы первый епископъ Мисаилъ». Тамъ же, IV, 345, подъ 1584 г.: «А во Псковъ поставиша епископа Мисаила... и бысть первопрестольникъ».

отдѣльныхъ отъ городскаго священства представителей, старостъ: поэтому въ распредѣленіи церковныхъ повинностей, особенно кормовой, легко вкрадывались злоупотребленія, отяготительныя для областнаго духовенства. Теперь же, когда мысль о старшинствѣ города надъ землею потеряла всякое значеніе, когда городъ и пригороды уравнялись между собою чрезъ подчиненіе власти великаго князя, должно было, при малѣйшемъ столкновеніи интересовъ, разрушиться и старое соборное устройство. Такое столкновеніе, такой *расколъ* между игуменами, попами и дьяконами областными и собственно Псковскими послѣдовалъ въ 1544 году, когда городское соборное духовенство распредѣлило кормовую подъѣздную пошлину явно къ своей выгодѣ и къ ущербу областнаго духовенства [1]). Тогда пригородное и сельское духовенство выдѣлилось, вышло изъ всѣхъ семи соборовъ; но оно не распалось однако на нѣкоторое число областныхъ соборовъ съ особенными представителями во главѣ, что для сбора подъѣзда было бы не совсѣмъ удобно, а образовало одно цѣлое, одинъ соборъ, получившій въ поповскіе старосты священника при городскомъ храмѣ св. Георгія съ Болота [2]). Такимъ образомъ, по новому соборному устройству мѣстное начало въ распредѣленіи духовенства по соборамъ было проведено только на половину, въ самыхъ общихъ чертахъ: хотя городское духовенство въ своей соборной организаціи и было отдѣлено отъ областнаго, тѣмъ не менѣе еще совсѣмъ не видно стремленія къ основанію особенныхъ пригородныхъ или сельскихъ соборовъ, такъ какъ областное духовенство образовало изъ себя соборъ въ предѣлахъ самаго Пскова.

Подобную же тенденцію, то есть ограниченіе злоупотребленій

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 306, 1544 г.: «Бысть владыка Ѳеодосей во Псковѣ, и бысть росколъ межи игуменовъ и поповъ и діяконовъ селскихъ и Псковскихъ, а старостой съ брода Георгіевской попъ Иванъ; и бысть тяжа».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 306, 1544 г.: «Бысть владыка Ѳеодосій во Псковѣ первое въ свой пріѣздъ; и отколишася отъ городскихъ поповъ отъ всѣхъ седми соборовъ селскіе попы и пригородскіе, а владыка Ѳеодосей благословилъ, старосту имъ далъ Ивана попа Георгіевскаго съ Болота, что на нихъ въ корму городскіе попы взяли сверхъ собя; и бысть у нихъ смятеніе веліе.

при распредѣленіи повинностей, могло имѣть и другое преобразованіе, касавшееся перевода натуральной кормовой повинности на денежный счетъ, хотя преобразованіе это собственно было предпринято Новгородскимъ владыкою съ другою цѣлію. Мы видѣли уже, что реформаторскія попытки Грознаго не остались безъ вліянія на Псковское духовенство, которое, радуясь расширенію общинной сферы дѣйствія, торопилось воспользоваться случаемъ къ облегченію своего собственнаго положенія, спѣшило подать Ивану IV свой собственный проектъ размѣра владычнихъ подъѣздныхъ пошлинъ. И, хотя по плану Псковичей валовая сумма подъѣздныхъ пошлинъ уменьшалась чуть ли не на цѣлую треть, проектъ тѣмъ не менѣе въ 1551 году Грознымъ былъ утвержденъ. Но для Новгородскаго владыки потеря трети своихъ Псковскихъ доходовъ показалась вопіющею несправедливостью, вслѣдствіе чего Новгородскій архіепископъ Пименъ сталъ жаловаться Грозному, что грамота 1551 года дана „не подѣльно", и настаивалъ на соблюденіи явно нарушенной этою грамотой старины, на возвращеніи относительно размѣра подъѣздныхъ пошлинъ къ Геннадіеву списку. Но такъ какъ въ послѣднемъ Псковскому духовенству еще было предоставлено на выборъ доставлять каждую статью кормовой пошлины натурою или же вносить за то въ владычнюю казну опредѣленную сумму денегъ, простиравшуюся въ общей сложности до 488 Московскихъ рублей; то Пименъ стремился вмѣстѣ съ тѣмъ довести до конца дѣло, оставленное Геннадіемъ на полдорогѣ, и уничтожить въ подъѣздныхъ пошлинахъ всякое напоминаніе объ ихъ первоначальномъ значеніи. По настоянію Пимена Псковичи въ 1555 году лишились не только данной Грознымъ грамоты (1551), но вмѣстѣ и права доставлять владыкѣ кормовую пошлину натурою: денежный взносъ ея для духовенства былъ сдѣланъ обязательнымъ, только размѣръ кормовой и поплѣшной пошлинъ, сравнительно съ временемъ Геннадія, былъ опредѣленъ нѣсколько иначе. Вмѣсто прежнихъ 488 Московскихъ рублей Псковское духовенство обязано было доставлять теперь во владычнюю казну за кормовую пошлину только 400; но зато въ оплѣшной пошлинѣ, хотя номинальная величина платы и оста-

алсь неизмѣнною, все духовенство обязано было платить по старому по полтинѣ и по 15 денегъ; тѣмъ не менѣе при платѣ вмѣсто Московскаго счета былъ принятъ Новгородскій, а Новгородскій счетъ былъ выше Московскаго [1]).

Между тѣмъ какъ, вслѣдствіе полученнаго отъ Геннадія толчка, Псковское духовенство всѣ болѣе и болѣе закрѣпощалось з Новгородскимъ владыкою, пока окончательно не было изоброчено въ пользу послѣдняго изрядною денежною суммой, и общественное положеніе его подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Псковскому духовенству возможно было справляться и съ высокими владычними пошлинами, пока храмы обладали значительными вотчинами, пока духовенство пользовалось льготой отъ общественныхъ обязанностей; но съ паденіемъ Пскова обстоятельства перемѣнились къ невыгодѣ священно-служителей. Подобно тому какъ при покореніи Великаго Новгорода, Иванъ III счелъ необходимымъ тотчасъ же секуляризировать значительную часть церковныхъ земель, принадлежавшихъ Новгородскому владыкѣ и значительнымъ монастырямъ, такъ точно и Василій, подчинивъ Псковъ своей власти, не преминулъ наложить тяжелую руку на церкви и монастыри, благо всѣ они были вотчинными. Со стороны монастырей секуляризація не осталась безъ отвѣта: чернецъ Псковской Елеазаровой пустыни написалъ къ Василію посланіе, въ которомъ просилъ не обижать церквей, ссылаясь на постановленія пятаго вселенскаго со-

---

[1]) Евгеній, И. Кн. Пск., II, 91—92, 1555 г.: «И мы тотъ всякой архіепископль и людской и конской кормъ и всякой мелкой расходъ по арх. по Геннадіеву списку съ грамоты велѣли смѣстить, а въ цѣну положити за всякой запасъ деньгами, и всего по той смѣтѣ прежніе наши богомольцы у тѣхъ штисоборскихъ старостъ имали подъѣзду за свой и за людской и за конской кормъ и за всякой мелкой расходъ по арх. по Геннадіевѣ грамотѣ на тѣ мѣсяцы по тысячѣ рублевъ, да по сту рублевъ и по три рубли и по двѣсти Московскою. И мнѣ бы.... арх. Пимена пожаловати, велѣти бъ ему у тѣхъ штисоборскихъ старости имати подъѣздъ по старинѣ по арх. по Геннадіевѣ грамотѣ по полтинѣ да по 15 денегъ ноугородскую отъ плѣши, а за кормъ за его и за людской и за конской и за всякой мелкой расходъ велѣти бъ ему имати у нихъ на тотъ мѣсяцъ въ четвертой годъ по 400 рублевъ Московскою, а 80 бы 8 рублевъ у корму велѣти убавити, да и грамота бъ ему своя жаловалная о той пошлинѣ велѣти дати».

бора [1]). Если уже секуляризація, которая была явленіемъ скоропреходящимъ и распространяющимся только на богатѣйшія церкви и монастыри, не осталась безъ протеста со стороны духовенства, то еще большее неудовольствіе было вызвано привлеченіемъ духовенства къ реальнымъ общественнымъ обязанностямъ, послѣдовавшимъ за подчиненіемъ Пскова Московскому владычеству. Прежде, въ періодъ самостоятельной мѣстной жизни, духовенство стремилось освободить себя, на основаніи византійскаго каноническаго права, отъ несенія военной повинности въ обоихъ ея видахъ, какъ отъ участія въ сооруженіи крѣпостей, городовъ, такъ и отъ поставленія со своихъ земель ратниковъ на время похода. Теперь же, когда толкованіе обязательной силы каноническаго права было перенесено выше, въ Москву, духовенство потеряло послѣднюю точку опоры для отказа отъ несенія общественныхъ тягостей наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ. Сначала во Псковѣ, а затѣмъ и въ Великомъ Новгородѣ, стали мало по малу падать привилегіи, созданныя минувшею жизнью. Въ 1517 году Псковское духовенство должно было принять участіе въ поправкѣ Крома (кремля) на ряду съ остальнымъ народонаселеніемъ, должно было возить необходимый для работы камень [2]). То же явленіе повторилось въ 1534 году и на Новгородѣ, гдѣ постройка сгорѣвшаго города была разложена по всѣмъ горожанамъ, къ числу которыхъ были отнесены какъ Новгородскій владыка, такъ и все подчиненное ему духовенство. Подобное же измѣненіе совершилось и въ другой отрасли военной повинности, въ постановкѣ съ церковныхъ земель ратниковъ. Въ 1518 году къ участію въ Полоцкомъ походѣ было привлечено Псковское духовенство: оно должно было поставить коней и телѣги для провоза наряда, артиллеріи, иначе

---

[1]) А. И., V, 200, № 122, 1685 г.: «Во Псковѣ и въ пригородѣхъ съ уѣзды сто шестдесятъ церквей... а церкви всѣ вотчинные»... Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., I, 345, посланіе Филоѳея къ Василію: «Не обиди, царю, св. Божіихъ церквей и честныхъ монастырей, еже данное Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 290, 1517 г.: «Паде стѣны 40 саженъ на Крому... и того же лѣта надѣла Фрязинъ Иванъ ту сорокъ саженъ, а камень возиша священники».

принять участіе въ посохѣ [1]). Протестъ противъ привлеченія духовенства къ военнымъ повинностямъ послѣдовалъ изъ Новгорода, гдѣ въ средѣ духовенства возникли громкія жалобы на то, что въ несеніи повинностей его ставятъ на одну доску съ простымъ народомъ [2]).

Реформаціонное движеніе, характеризующее XVI столѣтіе, касалось не одного только общаго управленія церкви и общественнаго положенія духовенства, но проникало и въ частности церковнаго быта, въ устройство монастырской жизни: представителемъ движенія и здѣсь является уже извѣстный намъ Новгородскій архіепископъ Макарій. Безпорядки, замѣченные въ предшествующее время въ монастырской жизни, исходили главнымъ образомъ изъ того, что монахи владѣли частною собственностью, а потому естественно эти безпорядки наводили русскихъ іерарховъ на мысль объ устройствѣ монастырскаго быта на противоположномъ, общежительномъ, началѣ. Выше было уже замѣчено, что Суздальскій архіепископъ Діонисій пытался истребить остатки принципа частной собственности, по крайней мѣрѣ въ общежительныхъ монастыряхъ Пскова, какъ напримѣръ, Снѣтогорскомъ, введеніемъ опредѣленнаго общежительнаго устава. Но кромѣ общежительныхъ монастырей, были еще отшельническіе, въ которыхъ господство принципа частной собственности оставалось неприкосновеннымъ: до XVI столѣтія никто не думалъ оспаривать законность существованія подобнаго рода монастырей. Только въ XVI вѣкѣ отъ лица Новгородскаго владыки Макарія, успѣвшаго склонить великаго князя Василія на искорененіе „безчинія“ въ предѣлахъ своей епархіи, въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, [3]) от-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 292, 1518 г.: «Посла князь великій... изо Пскова... Ивана Шуйского съ Псковскою силою, и со всѣмъ нарядомъ Псковскимъ, и съ пищалники и съ посохою; а со священниковъ кони и телѣги».

[2]) П. С. Р. Л., VI, 293, 1534 г.; 302, 1537 г.

[3]) Д. къ А. И., I, № 25, 1526—1533 г.: «Такъ и нынѣ, государь (писалъ Макарій Василію III), потщися и покажи ревность о божественныхъ церквахъ и честныхъ монастырей своихъ богомолей, въ твоей отчинѣ въ Новѣгородѣ и Псковѣ упраздни нѣкое бесчиніе (отшельничество), своимъ царскимъ повелѣніемъ».

рывается сильное движеніе въ пользу распространенія общежительства на всѣ монастыри безъ изъятія, такъ что въ Великомъ Новгородѣ сразу въ 16 монастыряхъ была устроена *община*, то-есть, заведено общежительство: отъ этого естественно монастыри сдѣлались крупнѣе, количество монаховъ въ каждой отдѣльной общинѣ значительно увеличилось, хотя общинъ, по всей вѣроятности, стало меньше. Монастыри, заключавшіе въ себѣ прежде не больше двухъ или трехъ членовъ, насчитывали ихъ 12 или 15; имѣвшіе 6 и 7 членовъ, теперь представляли 20 или 30, а значительнѣйшіе доходили даже до цифры 40 и больше [1]).

Однако, движеніе въ пользу общежительства не осталось безъ сильной оппозиціи со стороны монаховъ - собственниковъ, предпочитавшихъ общей трапезѣ и общему помѣщенію раздѣльное иноческое существованіе, при которомъ каждый могъ вести такой образъ жизни, какой былъ сообразенъ съ его частными средствами; поэтому два игумена Новгородскіе, Илья Цвѣтной и Іона Заяцъ, привыкши жить въ старомъ „безчиніи", на отрѣзъ отказались отъ введенія общежитія въ свои монастыри, Никольскій въ Неревскомъ концѣ и Рождественскій на полѣ. Да и въ принявшихъ общежитіе монастыряхъ неудовольствіе на эту реформу не осталось въ послѣдующее время безъ выраженія: подобно тому, какъ не всѣ монастыри одинаково одобряли введеніе общежительства, точно также въ самыхъ стѣнахъ общежительныхъ монастырей не всѣ монахи сочувствовали реформаціонному движенію. Между ними образовались партіи приверженцевъ частной собственности и приверженцевъ общежитія, партіи, которыя вели между собою отчаянную борьбу по вопросу о дальнѣйшемъ существованіи общежитія [2]). При всеобщемъ введеніи общежительства должно было пасть, вмѣстѣ съ отшельничествомъ, и другое явленіе, составлявшее естественную принадлежность перваго, должно было прекратиться существованіе общихъ монастырей, заключавшихъ въ

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 284—285, 1528 г.: «А егда устроиша общежители... и братія въ монастыре начаша приходити: идѣже было два или три, и ту 13 и 15, а идѣже 6 или 7, и ту 20 и 30, а въ прочіихъ 40 и множае»...

[2]) А. А. Э., IV, № 311, 1694 г.

себѣ чернецовъ и черницъ. Съ развитіемъ общежительства общіе монастыри находились въ полной несоотвѣтственности, вслѣдствіе чего тотчасъ же и открывается усиленное преслѣдованіе подобнаго рода явленій, тотчасъ же и начинаютъ выдѣляться изъ общей массы монашествующихъ *женскіе* монастыри съ игуменьями во главѣ и съ попами-бѣльцами: при водвореніи общежитія, въ Великомъ Новгородѣ монахинямъ было отведено семь монастырей: Десятинный, Богословскій на Виткѣ, Петровскій, Ильинскій, Спасскій на Вотской дорогѣ, Сокольницкій и Скнятинскій [1]). Прежде, до 1528 года, эти монастыри составляли переходную ступень между общими, женско-мужскими, и собственно женскими монастырями, такъ какъ въ нихъ населеніе хотя и состояло изъ женщинъ, начальство же тѣмъ не менѣе принадлежало, какъ и въ общихъ монастыряхъ, игуменамъ. Въ 1528 году эта аномалія была устранена, и женскіе монастыри окончательно эмансипировались отъ мужскихъ.

Кругъ развитія, совершенный Псковскою церковью въ періодъ ея самостоятельнаго существованія, на первый взглядъ кажется какъ-бы заколдованнымъ, представляется цѣпью неудавшихся стремленій, обманутыхъ надеждъ и ожиданій. Картина Псковской церковной борьбы невольно внушаетъ мысль о томъ, что исторія какъ будто играла жизнью Пскова, безъ всякаго намѣренія коснуться глубже возбуждаемыхъ ею вопросовъ, даже нарочно приводила къ совершенно противоположнымъ желаемому результатамъ, вмѣсто завѣтныхъ цѣлей—къ полному закрѣпощенію Псковскаго духовенства за Новгородскимъ владыкою, которое можетъ служить лучшимъ нагляднымъ примѣромъ фискальнаго взгляда на церковныя учрежденія. Но разсматривая ходъ всей русской церковной исторіи въ связи, нельзя однако не замѣтить, что этотъ кругъ развитія, при всей его внѣшней безплодности, имѣлъ мно-

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 285, 1528 г.: «Тогда же архіепископъ и черницамъ вдасть монастыри, монастырь на Десятинѣ, монастырь Петровскій, Ильинской, Спаской на Вотцкой дорозѣ, на Соколницы, Богословской на Виткѣ, на Скнятинѣ; а преже бо сего въ тѣхъ монастырѣхъ жили игумены и черницы, и архіепископъ же повелѣ отвести игуменовъ въ мужскіе монастыри, а черницамъ вдастъ игуменьи, благочинія ради». Тамъ же, IV, 278, 1504 г.

гознаменательное внутреннее значеніе, былъ не просто однимъ изъ самыхъ интересныхъ примѣровъ древнерусской церковной жизни, но и основаніемъ для дальнѣйшихъ движеній въ послѣдней, обнаружившихся въ позднѣйшее время. Здѣсь мѣстная жизнь тѣсно граничитъ съ національною, Псковская церковная борьба подаетъ руку великому реформаціонному движенію XVI столѣтія. Дѣйствительно, стремленія, характеризующія реформаціонныя попытки XVI вѣка: отдѣленіе въ предѣлахъ самой церкви мірской стороны отъ духовной, устройство архіерейской администраціи, могли разсчитывать на нѣкоторое осуществленіе, лишь въ томъ случаѣ, если уже предыдущею жизнью хотя нѣсколько были подготовлены задатки для подобнаго рода реформъ. А одинъ изъ важнѣйшихъ задатковъ къ тому представляла соборная организація, выработавшаяся во Псковѣ вслѣдствіе усиленной церковной жизни, и при слабости архіерейской администраціи, являвшаяся совершенною находкою; съ помощію соборнаго устройства въ архіерейское управленіе, чуждое дотолѣ церковныхъ посредниковъ между владыкой и отдѣльными единицами религіознаго общенія, церквами и монастырями, вводился самостоятельный посредствующій членъ, оттѣснившій въ значительной долѣ мірское воинство владыки. И хотя нельзя, быть можетъ, утверждать, что остальная Русь совершенно не имѣла понятія о соборной организаціи, хотя нѣсколько подобной Псковской [1]), тѣмъ не менѣе нельзя также не согласиться, что соборное устройство получило широкое распространеніе въ XVI столѣтіи только подъ вліяніемъ Псковской жизни. Соборная организація въ Московской Руси представляетъ до того точный снимокъ съ Псковской церкви, что, если оставить въ сторонѣ одинаковое названіе представителей соборовъ въ обоихъ случаяхъ поповскими или соборскими старостами, самое количество священниковъ, которое было признано необходимымъ для составленія собора, въ Московской Руси опредѣлено точно также, какъ и въ Псковѣ, то-есть, за нормальное число была

---

[1]) А. А. Э., I, 81, № 105, 1478 г.: «Ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы тянути ...». Тамъ же, I, № 197.

принята сотня [1]). Собственно Московской исторіи принадлежитъ только нѣкоторое дальнѣйшее развитіе соборнаго устройства, строгое проведеніе въ послѣднемъ мѣстнаго начала, которое во Псковѣ было принято во вниманіе только отчасти: соборъ въ Московской Руси представлялъ уже не случайное соединеніе извѣстнаго числа храмовъ, а соединеніе, обусловленное сосѣдствомъ ихъ положенія въ извѣстной мѣстности.

---

[1]) А. А. Э., I, 227, № 232, 1551 г.: «Стомъ священникомъ, или какъ число вмѣститъ, изберетъ себѣ священника... онъ же изберетъ себѣ десяцкихъ... и быти у того одного старосты тѣхъ священниковъ храмомъ сряду, елико по чину согласно бъ имъ собратися имъ о церковныхъ чинѣхъ и о духовныхъ дѣлѣхъ и о всякомъ благочестіи сходитися».